

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
Казанский (Приволжский) федеральный университет

На правах рукописи

Лопухова Ольга Геннадьевна

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ САМОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ:
ЭКОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии
(психологические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
доктора психологических наук

Научный консультант:
доктор психологических наук,
профессор, член-корреспондент РАО
Панов Виктор Иванович

Казань
2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования самосознания личности	28
1.1. Гносеологическая, онтологическая и трансцендентальная парадигмы в понимании самосознания	28
1.2. Категории субъекта и объекта в системной детерминации самосознания	63
1.3. Единство внешней и внутренней среды в детерминации самосознания личности	82
Выводы по первой главе.....	104
Глава 2. Концепция самосознания личности как процесса субъект-средовых взаимодействий	106
2.1. Принципы анизотропного формопорождения и единства интериоризации/экстериоризации в объяснении процессуальной сущности самосознания.....	106
2.2. Преемственная интеграция процессов самосознания в становлении субъектности Я	118
2.3. Критерии проявления уровней становления субъектности Я	131
Выводы по второй главе.....	143
Глава 3. Самосознание как полилог субъект-средовых взаимодействий	145
3.1. Гендерная семантика в становлении субъекта самосознания	145
3.2. Субъект-средовые взаимодействия разноуровневых компонентов самосознания в ракурсе гносеологической парадигмы	157
3.3. Семантические репрезентации архаичных этнокультурных и современных гендерных ролевых моделей в самосознании (трансцендентальный ракурс исследования самосознания).....	188
3.4. Восприятие медиа образов как условие динамики взаимной конфигурации образов Я и Другие (онтологический ракурс исследования самосознания).....	219
3.5. Семантика образа «успешной личности» в становлении субъекта самосознания	237
3.6. Взаимодействия «Я - возможное Я» в процессе профессионального самоопределения	245
Выводы по третьей главе.....	274

Глава 4. Технологии становления субъекта самосознания.....	275
4.1. Система технологий развития и коррекции самосознания как процесса субъект-средовых взаимодействий	275
4.2. Программа становления субъекта профессионально-личностного самоопределения	281
4.3. Динамика стадий становления субъектности профессионала при вхождении в инновационную деятельность	297
4.4. Программа развития субъекта эмоциональной сферы самосознания	311
4.5. Развитие субъекта самосознания в программах ипповенции.....	331
Выводы по четвертой главе	358
Заключение	360
Литература	365
Приложение 1. Опросник «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности»	426
Приложение 2. Опросник «Жизненные приоритеты»	430
Приложение 3. Методика «Устойчивость профессиональной направленности личности»	431
Приложение 4. Опросник отношения к группам этнических признаков (эмоционального компонента этнической идентичности)	437
Приложение 5. Опросник «Субъектификация лошади в самосознании»	439
Приложение 6. Семантическая репрезентация гендерных образов в самосознании при разной этнической самоидентификации.....	442
Приложение 7. Показатели семантической близости образов, задающих категории «Мужское – Женское», «Свое (Близкое) – Чужое (Далекое)», «Традиционное – Современное» в самосознании.....	448
Приложение 8. Кластеризация образов, задающих семантические категории «Мужское – Женское», «Свое (Близкое) – Чужое (Далекое)», «Традиционное – Современное» в самосознании	454
Приложение 9. Воздействие образов рекламы на динамику семантических конфигураций образов «Я – Другие»	460

Введение

Актуальность. Феномен самосознания привлекает внимание ученых с начала XIX века (Костригин, Мазиллов, 2018) и на протяжении уже двух столетий анализируется как важнейший аспект человеческой психики, высшая форма развития сознания и основа становления личности. Самосознание определяется как «...осознание субъектом самого себя, т. е. состояний своего тела, фактов сознания, своего Я (внешнего вида, особенностей личности, системы ценностей, предпочтений и стремлений)» (Лекторский, 2023). В контексте категории Я, самосознание понимается как особое проявление психики человека, позволяющее осмысливать себя, свою субъективность по отношению к «другим» и окружающей среде. Согласно В. А. Петровскому, «...категория Я представляет собой уникальное условие возможной интеграции идей, разрабатываемых в разные времена истории творцами разных философских и психологических систем» (Петровский, 2023, с. 39).

Самосознание также взаимосвязано с концептуальными представлениями о личности, идентичности, Я-концепции, субъектности и т.п. Выступая ключевым компонентом личности, самосознание обеспечивает взаимодействие внутренних процессов, относящихся к ощущению, познанию и пониманию «самости», с внешними по отношению к индивиду природными и социальными условиями, прежде всего, с социальными нормами, значениями, ценностями. В условиях современного «транзитивного общества» (в терминологии Т. Д. Марцинковской (2015) и др.) становление самосознания усложняется, что актуализирует необходимость нового ракурса в понимании процессов становления этого психического феномена и новых подходов в его коррекции. Современные условия характеризует непредсказуемость изменений, множественность и неопределенность макро- и микросоциальных сред, высокая вариативность социальных представлений, что нарушает целостность внутреннего мира личности, вызывает дисбаланс

персональной и различных вариантов социальной идентичности, приводит к инфантилизации личности (Андреева, 2011; Белинская, 2015; 2018; 2020; Гусейнов, Шиповская, 2023; Емелин, 2017; Костромина, Гришина, 2024; Марцинковская, Полева, 2017; Микляева, 2018 и др.). Рассогласование между отдельными компонентами субъективного восприятия личностного Я и смыслом бытия, дисгармония с социальным окружением, приводят к появлению новых форм внутриличностных конфликтов и неврозов, к нарушению идентичности и межличностных отношений (Дмитриева, Короленко, 2006; Маркелова, Барсуков, 2022; Погодин, 2008), что актуализирует необходимость концептуализации самосознания с точки зрения его процессуальности в динамике субъект-средовых взаимодействий.

Потребность человека обрести внутреннюю гармонию в условиях непредсказуемости и ненадежности окружающего мира реализуется разными способами: через актуализацию в сознании определенных структур порядка (например, традиционных ценностей, «универсальных истин»), либо через поиск новых способов восприятия мира, смыслов, раскрытия творческого Я (Гусельцева, 2017; 2018; Vermeulen, van den Akker, 2010). Соответственно, в психологии представлены разнонаправленные тенденции в видении путей обретения чувства внутренней интеграции, целостности в самосознании: от ренессанса этнической и религиозной идентификаций, как устойчивых смысловых оснований, чувства социальной принадлежности (Сухарев, Сусоколов, 1990; Сухарев 2009; 2002; Stonequist, 1961), до повышения вариативности возможностей в самоидентификации, актуализации ценности социально-психологических различий как обоснования индивидуальной свободы самоопределения, вне зависимости от социокультурных и групповых предписаний (Бем, 2004; Вяткин, Хотинец, Кожевникова, 2022; Хотинец, 2001; Хухлаев и др., 2013; 2014; Хухлаева, Чибисова, 2008).

Соответственно, в практике психотерапии в ответ на возникающие социальные запросы появились новые подходы и методы, такие, как: понимающий подход Ф. Е. Василюка (1984), системный арт-терапевтический,

эко-терапевтический и эко-арт-терапевтический подходы А. И. Копытина (2002; 2003; 2019), феноменология «воплощенного Я» в гештальт-терапии (Попова, 2020; Франк, 2016 и др.), резонансный подход С. В. Петрушина (2013), синергетическая психотерапия С. В. Уманского (2007), транс-коммуникативный подход В. И. Кабрина (2005). В психодиагностике все большее признание получают идеографический, психосемантический, проективный и продуктивный методы, направленные скорее на понимание, чем на измерение личности и ее сознания; позволяющие определять их динамику, а не только свойства и типы; имплицитные, а не только эксплицитные проявления (Артемьева, 1999; Зизевская, Щукина, 2019; Келли, 2000; Копытин, 2014; Микляева и др., 2023; Петренко, 1997, 2005, 2013; Проективная психология, 2000; Серкин, 2008; Столин 1983; Франселла, Баннистер, 1987; Шмелев, 1983; 1994; Щукина, 2014a; Petrenko, Mitina, 2010 и др.). При разных методологических основаниях обозначенные психологические практики объединяет направленность на актуализацию значимости системной интеграции внутренних процессов и внешних условий, выявление и реализацию творческого потенциала в становлении самосознания.

Актуальность проблемы самосознания личности обусловлена не только изменениями общества и повышенным интересом к экзистенциальным основам человека, но также новым пониманием психологической сущности данного феномена (Гришина, Костромина, 2017; Мохова, 2011). Эта мысль согласуется с позицией А. В. Карпова о том, что: «...новая реальность требует новой (или, как минимум, – обновленной) психологии, дополненной представлениями о тех трансформациях психического, которые порождены этой новой реальностью» (Карпов, 2025, с. 17). Таким образом, обозначенные вызовы условий становления личности в современном обществе системно связаны с необходимостью в концептуализации самосознания личности обращения к неоклассическим представлениям о процессе субъект-средовых взаимодействий, как основе существования сложных эмерджентных фрактально детерминированных систем.

Степень разработанности проблемы исследования. Самосознание личности выступает предметом исследований не только психологии, но и философии, нейропсихологии, характеризуется многообразием проявлений и соотносится с категориями сознания, субъекта, субъектности, идентичности, Я-образа, Я-концепции, Я, самости, self (У. Джеймс, М. Кун, К. Левин, В. А. Лекторский, Дж. Мид, В. А. Петровский, К. Роджерс, В. В. Столин, Г. Л. Тульчинский, А. Damasio и мн. др.)

В качестве предмета психологических исследований самосознание рассматривается как особое субъектное свойство, включенное в генезис личности, связанное с когнитивными механизмами развития сознания, отличаясь при этом разнообразием авторских позиций и подходов. Так, С. Л. Рубинштейн определял самосознание, как «Я» личности, которое в качестве субъекта сознательно присваивает себе все исходящие от него дела и поступки и сознательно принимает на себя ответственность в качестве их автора и творца (Рубинштейн, 2000). Ключевыми характеристиками самосознания выступают переживание целостности и непрерывности во времени своего «Я», рефлексивность и регуляторные функции (Л. И. Божович, А. К. Болотова, Л. С. Выготский, И. С. Кон, В. И. Моросанова, В. С. Мухина, А. Б. Орлов, С. Р. Пантилеев, Н. И. Сарджвеладзе, Е. А. Сергиенко, В. В. Столин, С. Л. Рубинштейн, И. И. Чеснокова и др.). Смыслообразующие функции самосознания, как фактора самопонимания и саморегуляции, как условия формирования образа мира и образа жизни, представлены в работах В. В. Знакова, А. В. Карпова, А. Н. Леонтьева, Д. А. Леонтьева, В. Ф. Петренко, В. В. Серкина, В. В. Столина, А. Г. Шмелева и др. Проявления самосознания рассматриваются в контексте гендерного, профессионального, этнического, духовного, ценностно-смыслового развития личности (Б. С. Алишев, Е. К. Веселова, М. Я. Дворецкая, Е. Ю. Коржова, Н. Н. Лупенко, А. В. Микляева, Л. Н. Ожигова, Н. С. Пряжников, А. В. Сухарев, В. А. Толочек, В. С. Хотинец, В. Д. Шадриков и мн. др.).

Можно констатировать, что на текущий период:

- проведен анализ структурно-функциональных составляющих самосознания (Е. А. Аронова, А. К. Болотова, У. Джеймс, М. Кун, Е. В. Кучерова, В. С. Мерлин, Дж. Мид, В. С. Мухина, С. Р. Пантилеев, Н. И. Сарджавеладзе, О. В. Селезнева, Е. Т. Соколова, В. В. Столин, И. И. Чеснокова и др.);

- показана непрерывность развития во времени, диалоговый характер и внутренняя конфликтность самосознания (К. А. Абульханова, И. С. Кон, В. Н. Мясищев, А. Г. Спиркин, Е. Б. Старовойтенко, В. В. Столин и др.);

- установлена обусловленность развития самосознания многоуровневым взаимодействием психобиологических факторов, социальным взаимодействием и жизненной ситуацией, нормативно-ценностной системой социокультурной среды (У. Бронфенбреннер, Л. С. Выготский, В. Н. Панферов, А. Н. Леонтьев, М. Мид, А. Damasio и др.);

- описаны возрастные этапы и траектории развития субъекта самосознания на протяжении жизненного пути личности (Б. Г. Ананьев, А. К. Болотова, А. В. Брушлинский, Н. Н. Васягина, Л. С. Выготский, Н. В. Гришина; Е. Ю. Коржова, А. В. Микляева, А. В. Петровский, С. Л. Рубинштейн и др.).

В методологическом плане самосознание личности и его отдельные формы (идентичность, Я) получают свое осмысление с позиций субъектно-бытийного подхода (В. В. Знаков, Е. А. Сергиенко, Л. Н. Ожигова, З. И. Рябикина), в контексте культурно-исторической психологии (А. Н. Плющ, В. А. Петровский), деятельностного подхода (В. В. Столин), социального конструкционизма (Е. П. Белинская), персонологического подхода (В. А. Петровский, Е. Б. Старовойтенко, С. А. Щебетенко), процессуального подхода (Н. В. Гришина, С. Н. Костромина) и др. Авторы отмеченных концепций фокусируют внимание на множественности, мультисубъектности и потенциальности различных Я-структур. При этом особые акценты ставятся на процессуальном характере самосознания – его самоорганизации, самоконструировании, смыслообразовании,

единстве отождествления-разотождествления с собой в рефлексивном диалоге «Я – Другой», «Я – Возможное Я», «Я – Неизвестное Я» и т.п., на механизмах конфликтного «смысла Я» и принципиальной незавершенности «автопроекта» субъекта бытия. Исследование процессуальных аспектов (условий, уровней, этапов, траекторий) становления систем самосознания и личности представлено в активном обращении ученых к концептам «субъектности» и «субъектогенеза» (К. А. Абульханова-Славская, Е. Н. Волкова, О. А. Еремеева, Е. Ю. Коржова, А. С. Огнев, А. К. Осницкий, В. А. Петровский, А. В. Сацук, Е. А. Сергиенко, В. И. Слободчиков, В. А. Толочек, Г. Л. Тульчинский, М. А. Щукина и др.).

При этом, несмотря на обширный спектр теорий и подходов в понимании самосознания, недостаточно уделяется внимания представлению, что субъектогенез Я происходит на «границе» взаимодействий человека со своей внутренней и окружающей средой. В этом смысле порождение и развитие самосознания должно определяться не только психическими свойствами личности и влиянием компонентов среды (факторов, условий, отношений), но, что более важно – характером взаимодействий в системе множественных отношений «Я (субъект самосознания) – внутренняя среда (внутренний мир личности) – внешняя (экологическая) среда личности».

В то же время, понимание, что источником смыслообразования (как одного из проявлений самосознания) выступают сами субъект-субъектные взаимодействия, лежит в основе неоклассических философских и междисциплинарных концепций: аутопоэзиса, энактивизма, семиозиса, системно-синергетического подхода (И. А. Бескова, Ф. Варелла, Ф. Гваттари, Х. Де Джагер, Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов, Ю. М. Лотман, У. Матурана, Г. П. Меньчиков, В. Ф. Петренко, И. Р. Пригожин, И. А. Погодин, Э. Томпсон, Г. Л. Тульчинский и др.). Из этого следует, что в междисциплинарном дискурсе определены методологические основания для анализа эмерджентно-процессуальной, системно-синергетической, фрактально детерминированной сущности самосознания личности, для разработки теоретических конструктов, которые позволили бы концептуализировать разнообразные его проявления на единой методологической основе.

В психологии идеи процессуально-порождающей сущности психики реализованы в методологии экопсихологического подхода к развитию психики (В. И. Панов). Возникновение и бытие психических феноменов (от базовых психических актов до высших психических образований) объясняется процессом их формопорождения в системе взаимодействий «субъект психической активности – среда», что описывается через понятие «становление» (А. И. Миракян, В. И. Панов, Р. М. Нагдян и др.). В рамках данного подхода постулируется творческая природа развития психики как процесса и результата субъект-средовых взаимодействий разного характера: репродуктивного, адаптивного, ситуативного (например, объект-субъектный, субъект-объектный, субъект-обособленный типы) и продуктивного, порождающего, надситуативного (субъект-совместный и субъект-порождающий типы). Концепт «субъектности», предложенный В. А. Петровским (1985), получил свое развитие в экопсихологической модели стадий становления субъектности В. И. Панова, где каждая стадия дифференцирует уровень субъектной позиции индивида в соответствии с типом его взаимодействий со средой. В связи с вышесказанным мы считаем, что теоретические конструкты и понятия экопсихологического подхода, разработанные для описания процесса порождения психических феноменов во взаимодействиях человека с внешней и внутренней средой целесообразно использовать в качестве методологического основания для концептуализации самосознания личности как процесса субъект-средовых взаимодействий.

Вышеизложенное позволяет заключить, что отражением социального запроса на психологическую поддержку личности в ситуации неопределенности транзитивного общества, вкупе с недостаточным отражением в концепциях самосознания личности современных воззрений неоклассической философии, выступает методологическая потребность расширить понимание самосознания личности и исследовать многообразие форм его проявлений, основанных на системных взаимодействиях Я с компонентами интрасубъектной среды и интересубъектной (социокультурной, коммуникативной) среды личности.

Таким образом, проведенный анализ актуальности и современного состояния исследования проблемы самосознания личности позволяет выделить **противоречия**:

- *методологического плана*, состоящие в соответствии самосознания неоклассическим представлениям о синергетических закономерностях сложных, открытых, саморазвивающихся, самодетерминируемых систем, и при этом – отсутствии методологических оснований, позволяющих рассматривать самосознание не только как проявлениеотрефлексированных субъектом характеристик своей личности и отношений, но и как непрерывный, многоуровневый и вариативный процесс взаимодействий Я с интра- и интерсубъектной средой личности;

- *теоретического плана*, состоящие в множестве теорий, представляющих самосознание, как структурно организованный феномен субъективной реальности, как основу субъектности в бытии личности, как множественность и мультисубъектность отношений Я во внутриличностном пространстве, но при этом в отсутствии систематизации на единой концептуальной основе процессов становления Я, как субъекта самосознания, во взаимодействиях с интра- и интерсубъектной средой личности;

- *практического плана*, состоящие в актуальности развития методов практической работы психологов с ноогенными проблемами личности, разнообразие которых вызывает потребность в системном понимании процессов становления субъекта самосознания во взаимодействиях с внешней средой и самим собой;

- *социального плана*, отражающие проблемы социализации личности в условиях противоречий современного транзитивного общества, которые не могут быть решены в логике линейной детерминации самосознания внутренними или внешними факторами.

Из вышеприведённых противоречий возникает необходимость обобщения имеющихся взглядов и их интеграции на основе выделения общего и особенного, что поднимает **проблему** концептуализации самосознания как многоуровневого и многоаспектного процесса субъект-средовых

взаимодействий. Для этого предполагается использовать основные позиции экопсихологического подхода, позволяющего рассматривать самосознание не только как результат, но и как процесс становления Я (субъекта самосознания) в системных взаимодействиях с составляющими интрасубъектной и интерсубъектной среды личности.

Объект исследования: самосознание личности.

Предмет исследования: самосознание личности, содержание которого раскрывается с позиций экопсихологического подхода к развитию психики.

Цель исследования: теоретико-методологическое обоснование, эмпирическая и практическая верификация концепции самосознания, как процесса взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности».

Гипотеза: концептуализация самосознания личности с позиций экопсихологического подхода к развитию психики позволяет разработать модель соотношения процессов самосознания с уровнями субъектности Я, в соответствии с репродуктивными, конфликтными и совместно-порождающими типами взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности», а также предложить алгоритм для решения задач психокоррекции и развития самосознания личности.

Частные гипотезы:

1) самосознание представляет собой систему процессов, в результате которых происходит становление субъекта самосознания в соответствии с репродуктивными, конфликтными и совместно-порождающими типами взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности» во внутриличностном, межличностном и социокультурном контекстах;

2) процессуальность самосознания задана гетерархией полилога репродуктивных, конфликтных и продуктивных взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности», в зависимости от объектной или субъектной позиции Я в этих взаимодействиях;

3) становление субъектности Я уровнево соотносится с последовательной интеграцией процессов самосознания (от рефлексивных и

регуляторных до смыслопорождающих и преобразующих) и поступательным развитием взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности». Высшие уровни субъектности Я в самосознании, соответствующие продуктивным типам субъект-средовых взаимодействий, проявляются в признаках субъективного и психологического благополучия личности.

4) концептуализация самосознания как процесса субъект-средовых взаимодействий позволяет разработать систему психокоррекционных и развивающих технологий становления субъектности Я, направленную на повышение психологического благополучия личности.

Задачи исследования

1. Провести теоретико-методологический анализ основных парадигмальных позиций в философии и психологии самосознания и определить методологические основы для концептуализации самосознания личности как процесса и результата взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности».

2. На основании принципов системно-синергетической философии и методологических позиций экопсихологического подхода к развитию психики разработать, обосновать и представить теоретическую модель самосознания личности как процесса и результата взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности».

3. Осуществить эмпирическую верификацию положений концепции самосознания личности как процесса взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности»: разработать и апробировать методы и методики, позволяющие выявить и описать проявления субъектной и объектной позиций Я во взаимодействиях с составляющими интерсубъектной и интрасубъектной сред личности в гендерном, этническом, конфессиональном, профессиональном аспектах самосознания; в когнитивной, эмоциональной, мотивационно-ценностной сферах; на эксплицитном и имплицитном уровнях самосознания.

4. На основе концепции самосознания как процесса взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности» разработать и обосновать систему практико-ориентированных технологий и апробировать ее в реализации программ, способствующих становлению Я, как субъекта самопонимания, самоотношения, саморегуляции, самоопределения, самореализации в разных аспектах самосознания.

Методологические основания исследования

1. Неоклассические принципы системно-синергетического подхода (Г. П. Меньчиков, А. П. Назаретян, И. Р. Пригожин, В. Ф. Петренко, Г. Л. Тульчинский и др.), представляющие самосознание как самоорганизующуюся и саморегулируемую (эмерджентную), нелинейно и фрактально детерминированную систему субъект-средовых взаимодействий; развитие этих принципов в идеях о гетерархии, как основе полилового взаимодействия саморазвивающихся систем, где множественность позиций приводит не к хаосу, а создает устойчивую сложность (Д. Старк, W. S. McCulloch).

2. Экопсихологический подход к развитию психики, с позиций которого концепция самосознания личности опирается на принцип анизотропного формопорождения (А. И. Миракян, В. И. Панов), единство процессов интериоризации/экстериоризации, экопсихологическую типологию субъект-средовых взаимодействий и экопсихологическую модель стадий становления субъектности (В. И. Панов).

3. Идеи единства и диалектичности субъектной и объектной позиций Я, субъект-объектных и субъект-субъектных отношений личности с внешним миром, социумом, культурой (Б. Г. Ананьев, Н. Е. Веракса, Е. Н. Волкова, Е. Ю. Коржова, М. А. Щукина); представления о диалогической природе отношений «Я – Другой», «Я – Другое Я», мультисубъектности и множественности отношений Я во внутреннем мире личности (М. М. Бахтин, М. Бубер, Ф. Д. Горбов, В. С. Мухина, В. А. Петровский, Е. Б. Старовойтенко, А. А. Хвостов и др.).

4. Представления о «субъектности», как об основном критерии самосознания, саморазвивающемся в деятельности и взаимодействии

(А. К. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский, Е. А. Сергиенко, В. И. Слободчиков, В. И. Панов, В. А. Петровский, С. Л. Рубинштейн, В. А. Татенко, Г. Л. Тульчинский, R. Frie, A. Gillespie, S. Hickinbottom, H. De Jager, J. Martin, U. Maturana, F. Varela и др.); о механизмах и факторах субъектогенеза личности в разных сферах жизнедеятельности (Л. И. Божович, Н. Я. Большунова, Е. Ю. Коржова, А. С. Огнев, В. В. Селиванов, В. А. Толочек, Д. Б. Эльконин, H. R. Markus, S. Kitayama и др.); об эвристичности выделения этапов (стадий) становления субъектности (Е. С. Волкова, А. В. Капцов, В. И. Панов, М. А. Щукина).

5. Позиции субъективно-гедонистического (Н. Брэдбурн, Э. Динер, В. А. Ганзен и др.), эвдемонистического (К. Рифф, Э. Дисси, Р. Райан и др.), субъект-средового подходов (С. К. Нартова-Бочавер, Р. М. Шамионов и др.) в понимании проявлений психологического благополучия личности, как критерия достижения высших уровней субъектности Я в самосознании.

Методы и методики эмпирической верификации концепции самосознания личности с позиций экопсихологического подхода

Методы эмпирических исследований: субъективная, проективная и психосемантическая психодиагностика; лабораторный, естественный и формирующий эксперимент; качественные методы семантического анализа текста. Указанные методы реализовывались с помощью комплекса **методик**:

1. Показатели актуального статуса самосознания, как проявления субъектной или объектной позиции Я по отношению к определенным компонентам социокультурной среды, определялись с помощью методов субъективной психодиагностики (опросники: «Маскулинность, фемининность и гендерный тип личности» (О. Г. Лопухова); «Жизненные приоритеты» (О. Г. Лопухова); «Тип и интенсивность этнической идентичности» (Ю. В. Пайгунова); «Выраженность эмоционального отношения к группам этнических признаков» (модификация методики А. В. Сухарева); «Шкала полоролевой идеологии» Р. Калина и П. Тилби в адаптации М. О. Мдивани, «Русскоязычная версия краткой шкалы гендерно-ролевых представлений (GRBS)» (М. О. Мдивани, Э. В. Лидская); «Шкала гендерных

предубеждений» (И. С. Клецина); опросник религиозной активности (Д. О. Смирнов); кейсовая методика для определения уровня межкультурной компетентности педагога О. Е. Хухлаева и М. Ю. Чибисовой; методика «Диагностика устойчивости профессиональной направленности личности» (О. Г. Лопухова).

2. С целью диагностики взаимодействий Я с субъективным отображением репрезентированных в индивидуальном сознании семантических категорий социокультурной среды и межличностных отношений, применялись психосемантические методики построенные по методу множественных идентификаций В. Ф. Петренко в соответствии с задачей каждого отдельного исследования (в аспектах гендерного, этнического, профессионального самосознания). На эксплицитном уровне взаимодействия в системе «Я – интер-/интрасубъектная среда личности» выявлялись на основании оценивания образов по вербальным дескрипторам: сфера личностных качеств оценивалась с помощью шкал опросника «Маскулинность, фемининность и гендерный тип личности» (О. Г. Лопухова); поведение в межличностном взаимодействии – по 10 показателям блока «поведение» методики «Рельеф психического состояния» (А. О. Прохоров); установки и отношения – по «Шкала полоролевой идеологии» Р. Калина и П. Тилби в адаптации М. О. Мдивани; ценностно-смысловая сфера – шкалами опросника «Жизненные приоритеты» (О. Г. Лопухова).

3. Воздействие образов СМИ на динамику множественных идентификаций образа Я с репрезентированными в самосознании образами Других и Другого Я на эксплицитном и имплицитном уровнях определялось методом лабораторного психосемантического эксперимента. Имплицитный уровень самосознания выявлялся на основании цветовых ассоциаций при оценивании образов.

4. Содержание трансцендентных по отношению к самосознанию образов определялось на основании семантического анализа гендерных моделей в текстах народных волшебных сказок (О. Г. Лопухова).

5. Показатели психологического благополучия (как критерии уровня субъектности Я в определенных аспектах самосознания) определялись с помощью анкеты субъективного оценивания адаптивности психических состояний (по частоте проявлений равновесных и неравновесных состояний положительной и отрицательной модальности) (О. Г. Лопухова); через выраженность показателей тревожности, фрустрации, агрессии, ригидности, нейротизма на основе интерпретации проективных рисунков «Успешного мужчины» и «Успешной женщины» (О. Г. Лопухова, Э. И. Беглова) и по опроснику EPQ/PEN Г. Ю. Айзенка; на основе показателей семантической близости образов Я с образами «счастливая женщина» / «счастливый мужчина» (О. Г. Лопухова).

6. Апробация групповых программ развития разных аспектов самосознания осуществлялась методами естественного и формирующего эксперимента. Содержание и реализация развивающих программ состояли в создании условий для становления субъектности Я, что осуществлялось с помощью различных развивающих технологий, диагностических методов и методик:

- в программы развития профессиональных аспектов самосознания были включены упражнения на рефлекссию ценностно-смысловой сферы, групповая дискуссия на основе четырех блоков опросника системы ценностей личности (Б. С. Алишев); в диагностике уровней становления субъектности Я применялись методы формирующего и естественного эксперимента, качественного анализа результатов выполнения проекта жизненного пути, метод ретроспективной самооценки по опроснику становления субъектности преподавателя (ОСС-П) (В. И. Панов, А. В. Капцов и др.); «Шкала самооценки инновативных качеств личности» (Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко);

- в программе развития эмоциональной сферы самосознания использовались арт-методы (работа с метафорическими фотокартами «Образ лошади» (О. Г. Лопухова, К. К. Газизов), создание и интерпретация «Мандал» (Дж. Келлог, А. И. Копытин), изотерапия, сказкотерапия), игровые техники в

парах и подгруппах, выполнение творческих заданий. Результативность программы определялась с помощью методик: «Пиктограммы», опросник детской депрессии М. Ковакс (шкалы «Негативное настроение», «Негативная самооценка», «Ангедония», «Межличностные проблемы», «Личностная неэффективность»), проективная методика «Кактус» (М. А. Панфилова);

– в результате прохождения программы ипповенции диагностика критериев становления субъекта самосознания осуществлялось с помощью опросников «Субъектификация образа лошади в самосознании» (О. Г. Лопухова, К. К. Газизов) (аналог методики «Субъектификация природного объекта» С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин); «Шкала психологического благополучия» К. Рифф, «Шкала доверия» М. Розенберга, качественного анализа рефлексивных эссе, отчетов обратной связи.

Выборка. Эмпирические и экспериментальные исследования, представленные в материалах диссертации, проведены на выборках представителей мужского и женского пола, разной национальности, разного возраста (от 8 до 60 лет). Общее количество включенных в исследования участников составило 1688 человек.

Методы математической обработки эмпирических данных

Выбор методов математической обработки определялся задачами каждого конкретного исследования, типом полученных данных (измерительной шкалой), объемом выборок. Соответственно, использовались: непараметрические (частотный анализ, критерии хи-квадрат и углового преобразования Фишера, сопряженность четырехклеточная и многоклеточная и др.), параметрические (критерий t-Стьюдента, интеркорреляционный анализ) и многомерные методы (кластерный анализ).

Основные научные результаты, полученные соискателем, и их новизна. В процессе исследования впервые:

– с позиций экопсихологического подхода представлено концептуальное понимание самосознания личности как осознание себя в

процессе репродуктивных, конфликтных и совместно-продуктивных взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности»;

- предложено развитие методологических принципов анизотропного формопорождения и единства интериоризации/экстериоризации в обосновании процессуальной сущности самосознания;

- предложена уровневая модель становления субъектности Я, как результата разворачивания и преемственной интеграции рефлексивного, регуляторного, смыслопорождающего и преобразующего процессов самосознания на каждом этапе взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности»;

- подходы к исследованию самосознания личности впервые систематизированы с позиций трех парадигм: гносеологической (самосознание как данность), трансцендентальной (самосознание как процесс достижения самости, находящейся вне пределов личностного бытия) и онтологической (самосознание как процессуальная форма личностного бытия);

- положения концепции самосознания личности с позиций экопсихологического подхода верифицированы на эмпирическом материале проявлений в гендерном, этническом, конфессиональном, профессиональном аспектах самосознания субъектной и объектной позиций Я во взаимодействиях с составляющими интерсубъектной и интрасубъектной сред личности;

- разработана система технологий коррекции и развития субъекта самосознания с позиций экопсихологического подхода, способствующая становлению субъектности Я и повышению психологического благополучия личности;

- разработаны, апробированы и внедрены новые диагностические методики и развивающие программы, ориентированные на гендерные, этнические, профессиональные аспекты самосознания в когнитивной, эмоциональной, мотивационно-ценностной сферах, которые на практике

реализуют положения концепции самосознания личности как процесса субъект-средовых взаимодействий;

– концептуально обосновано с позиций экопсихологического подхода и внедрено в практику психотерапевтического направления «Ипповенция», как система технологий, способствующих становлению субъектности Я в межвидовых взаимодействиях «человек – лошадь».

Достоверность полученных результатов обеспечивалась: теоретико-методологической обоснованностью исходных положений концепции самосознания личности с позиций экопсихологического подхода; психометрической валидностью диагностического инструментария, соблюдением принципов достоверности при организации психодиагностических процедур и соответствием дизайна исследований методологической концепции; адекватностью методов математической обработки типу исходных данных, задачам и дизайну исследований, концептуальным методологическим основаниям; верификацией выдвинутых теоретических положений концепции самосознания личности, как процесса субъект-средовых взаимодействий, в интерпретации результатов эмпирических исследований; экспериментальным подтверждением эффективности разработанных авторских технологий развития самосознания как процесса субъект-средовых взаимодействий; представлением и обсуждением полученных результатов в профессионально-научном сообществе.

Содержание диссертации соответствует следующим пунктам **паспорта специальности 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки):** 13, 17, 18, 20, 29, 30, 31, 33, 34, 42, 43.

Теоретическая значимость результатов исследования

1. На основе теоретического анализа и эмпирической верификации самосознание личности концептуализировано как осознание себя в процессе репродуктивных, конфликтных и совместно-продуктивных взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности». Обоснованное в

результате анализа процессуальное понимание сущности самосознания позволяет исследовать механизмы устойчивости и изменчивости личности в условиях транзитивного общества.

2. Теоретически обоснована систематизация взглядов на сущность самосознания с позиций трех парадигм: гносеологической, трансцендентальной и онтологической. В русле гносеологической парадигмы компоненты самосознания рассматриваются как «данность», представленная через типологические характеристики и измеряемые признаки. С позиций трансцендентальной парадигмы анализируются сущностные основания, имплицитно заданные, как возможность, потенциал для достижения или обретения самости в становлении Я. С позиций онтологической парадигмы рассматриваются условия становления Я как субъекта самосознания во взаимодействиях с множественными образами интер- / интрасубъектной сред личности.

3. В концепции самосознания личности с позиций экопсихологического подхода конкретизированы принципы анизотропного формопорождения и единства интериоризации/экстериоризации. Принцип анизотропного формопорождения конкретизирован в представлении самосознания как процесса самопорождения субъект-средовых взаимодействий в условиях множественности, разнообразия, полифункциональности компонентов интерсубъектной среды (репрезентированных в индивидуальном сознании социокультурных семантических категорий, социокультурных норм, образов, отношений) и интрасубъектной среды личности (образов Я, Другие Я, Не-Я, возможные Я и пр., представлений о собственных личностных качествах, психических состояниях, поведенческих, мотивационно-смысловых, ценностных установках и т.п.). Принцип единства интериоризации / экстериоризации конкретизирован в концепции самосознания личности положением о динамике субъектной и объектной (квази-объектной) позиций в репродуктивных, конфликтных и совместно-продуктивных типах

многоуровневых взаимодействий «Я – среда» во внутриличностном, межличностном и социокультурном контекстах.

4. Предложена уровневая модель процесса становления субъектности Я – от уровня субъекта потребности в самокатегоризации, к уровням субъекта наблюдения (рефлексии, осознания), субъекта идентификации с образом Другого, субъекта критической самооценки, субъекта произвольного действия (самоопределения) и смыслопорождения, и высшему уровню – субъекта самореализации, создающего и предлагающего социальной среде свой вариант социокультурной нормы-образца. Уровневая модель становления субъектности Я вносит вклад в развитие положений экопсихологического подхода о стадиях становления субъектности и творческой природы психики как формы бытия применительно к пониманию процессуальной сущности самосознания личности.

5. Предложен и обоснован принцип преемственной интеграции рефлексивного, регуляторного, смыслопорождающего и преобразующего процессов в становлении субъекта самосознания. В теоретической модели показано соотношение концептуально выделенных процессов самосознания с уровнями становления субъектности Я в самосознании и типами взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности», что дополняет теоретико-методологические позиции экопсихологического подхода к развитию психики.

6. На основании реализации вышеизложенного принципа разработана система технологий развития субъекта самосознания, сутью которой является создание условий для поступательного развития взаимодействий «Я – среда» от репродуктивных до совместно-продуктивных типов во внутриличностном, межличностном и социокультурном контекстах. Система технологий развития субъекта самосознания выступает универсальным основанием для разработки программ коррекции и развития личности с целью повышения показателей ее психологического благополучия.

Практическая значимость реализации исследований в рамках концепции самосознания личности с позиций экопсихологического подхода:

1. Разработан и апробирован психодиагностический инструментарий (8 оригинальных методик, реализующих субъективный, проективный и продуктивный подходы в психодиагностике самосознания личности, 3 адаптированных и модифицированных опросника), в частности: опросник «Маскулинность, фемининность и гендерный тип личности»; диагностика ценностно-смысловой сферы «Жизненные приоритеты»; проективная диагностика субъективного образа успешной личности «Рисунок успешного мужчины и успешной женщины» (в соавторстве с Э. И. Бегловой); опросник «Внутриличностный гендерный ролевой конфликт»; методика диагностики «Устойчивости профессиональной направленности личности»; опросник «Субъектификация образа лошади в самосознании» (аналог методики «Субъектификация природного объекта» С. Д. Дерябо и В. А. Ясвина, в соавторстве с К. К. Газизовым).

2. На основе универсальной системы технологий развития и коррекции самосознания разработаны и апробированы обучающие, коррекционные и тренинговые программы.

3. Создано и внедрено новое в России направление «Ипповенция» (система эко-арт-терапевтических индивидуальных и групповых техник, способствующих становлению субъекта самосознания во внутриличностных, межличностных и социокультурных отношениях при выходе на совместно-порождающий тип межвидовых взаимодействий «человек – лошадь»). Разработаны и реализуются авторские программы дополнительного профессионального образования педагогов и психологов для работы в направлении «Ипповенция».

Апробация и внедрение результатов.

Результаты исследований по теме диссертации представлялись и обсуждались на международных (Россия, Белоруссия, Италия, Испания, Сербия, Хорватия, Ирландия) и всероссийских конференциях и форумах, в том числе: Института психологии РАН (2022, 2023, 2025); Психологического института РАО (2015, 2016, 2020; 2025); Московского государственного университета (2019);

Санкт-Петербургского государственного университета (Ананьевские чтения – 2016); съездов РПО (Казань, 2017; Москва, 2012; Ростов-на-Дону, 2007; СПб, 2003); Казанского федерального университета (2002-2024); Кубанского государственного университета («Личность и бытие» – 2012, 2013, 2016, 2024); Самарского государственного педагогического университета (2007); Смоленского государственного университета (2016, 2010); Национальной академии наук Беларуси (Институт Философии) (2013) и мн. др.

Отдельные этапы исследования реализовывались при поддержке РГНФ и Конкурсного центра фундаментального естествознания МО РФ и Санкт-Петербургского научного центра РАН.

Материалы исследования внедрены в образовательной практике: выступили основой содержания учебных дисциплин и методических разработок в образовательном процессе вуза (К(П)ФУ), а также авторских программ повышения квалификации по теме «Методология и методы ипповенции – системы психокоррекционных и психолого-педагогических техник развития личности с участием лошадей» (Иркутск, 2023; Санкт-Петербург, Казань 2024).

Авторские психодиагностические методики, опросники, коррекционные и развивающие технологии, разработанные и адаптированные в ходе диссертационного исследования, используются в практике работы психологов, а также в реализации научных исследований, в том числе квалификационных работ и диссертаций.

В рамках темы диссертационного исследования осуществлено научное руководство кандидатской диссертацией (19.00.01) Г. Ф. Шакировой «Особенности внутриличностного гендерного ролевого конфликта у мужчин и женщин в условиях современного общества» (2011).

По теме диссертационного исследования опубликовано 149 работ, в том числе: 34 – в изданиях Перечней ВАК и приравненных к ним; 1 монография, 5 глав в коллективных монографиях, 9 учебных изданий.

Положения, выносимые на защиту:

1. Самосознание понимается как осознание себя в процессе репродуктивных и конфликтных и совместно-продуктивных взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности». Данное понимание реализует методологические позиции экопсихологического подхода к развитию психики. Процессуальность самосознания подразумевает изучение комплекса взаимодействий Я с субъективным отображением репрезентированных в индивидуальном сознании составляющих интерсубъектной среды личности (семантических категорий мира природы, социокультурной среды, межличностных отношений) и интрасубъектной среды личности, включающей множественные образы Я (идеального Я; Возможного Я, Я в прошлом, Я в будущем, образы-стереотипы и пр.), а также рефлексии своих состояний, мотивов, намерений, установок, ценностей и целей.

2. При концептуальном понимании самосознания с позиций экопсихологического подхода его исследование может быть осуществлено в логике гносеологической парадигмы через выявление типологических проявлений в разных аспектах самосознания и определение их отношений; в логике трансцендентальной парадигмы через исследование влияния архаичной семантики на содержание самосознания, и в логике онтологической парадигмы при исследовании психосемантических конфигураций образов самосознания в различных условиях и контекстах их взаимодействий. Систематизация взглядов на самосознание с позиций трех парадигм (гносеологической, трансцендентальной и онтологической) осуществлена в исследованиях взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности». Описаны диагностические методы исследования самосознания с позиций каждой из парадигм.

3. Понимание самосознания как процесса субъект-средовых взаимодействий основано на принципах анизотропного формопорождения и единства интериоризации/экстериоризации. С позиций принципа анизотропного

формопорождения самосознание рассматривается как самопорождение процессуальных взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности» на эксплицитном и имплицитном уровнях в когнитивной, эмоциональной, мотивационно-ценностной сферах самосознания. Экстериоризация личностью своей сущности в пространство своего бытия функционально связана (едина) с интериоризацией системы культурных значений и норм, что определяет диалектическое единство субъектной и объектной позиций Я во взаимодействиях с компонентами интер- и интрасубъектной сред личности и выступает условием становления субъекта самосознания.

4. Система «Я – интер- / интрасубъектная среда личности» характеризуется полилогом репродуктивных (объект-субъектных, субъект-объектных), конфликтных (субъект-обособленных, субъект-конфликтных) и продуктивных (субъект-совместных, субъект-порождающих) взаимодействий, которые могут независимо осуществляться на эксплицитном и имплицитном уровнях в гендерном, этническом, конфессиональном, межличностном, профессиональном аспектах самосознания.

5. Уровни становления субъектности Я связаны с последовательным развитием и интеграцией рефлексивного, регуляторного, смыслопорождающего и преобразующего процессов самосознания личности. Уровни «Я как субъект потребности в самокатегоризации» и «Я как субъект саморефлексии, осознания» связаны с реализацией рефлексивного процесса. Уровни «Я как субъект идентификации, эмпатии, отождествления/разотождествления с образом Другого» и «Я как субъект критической оценки / самооценки» включают регуляторные процессы. Уровень «Я как субъект произвольного действия (самоопределения)» включает смыслопорождающий процесс. Высший уровень становления субъектности – «Я как творец новых норм и личной модели самореализации» включает преобразующий процесс самосознания.

6. Система технологий коррекции и развития самосознания выступает универсальным методическим основанием для разработки и практической

реализации программ, способствующих становлению субъектности Я во внутриличностных, межличностных и социокультурных отношениях с целью повышения психологического благополучия участников. Данная система основана на создании условий для последовательной актуализации и интеграции рефлексивного, регуляторного, смыслопорождающего и преобразующего процессов в определенной сфере самосознания, способствующих становлению субъектности Я. В качестве условий выступают упражнения, задания, техники, создающие коммуникативные ситуации для перехода взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности» от репродуктивных к совместным и продуктивным типам.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы (610 наименований, в том числе 147 – на иностранных языках), девяти приложений. Текст сопровождается 20 таблицами и 21 рисунком, в приложениях представлены разработанные автором диагностические методики и результаты эмпирических исследований в 20 таблицах и 18 рисунках. Общий объем диссертации составил 467 страниц, текстовая часть диссертации – 364 страницы.

Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования самосознания личности

1.1. Гносеологическая, онтологическая и трансцендентальная парадигмы в понимании самосознания

Самосознание и сознание предстают, как взаимосвязанные сложные подсистемы, определяющие в развитии человеческой психики становление специфического качества – личности, и выступают объектами исследований не только психологии, но и других научных дисциплин: философии, социологии, нейрофизиологии (Анохин, 2021; Акопов, 2023; Бахур, 1980; Михайлов, 1990; Спиркин, 1972; Тульчинский, 2023; Damasio, 1999; Damasio, 2010; Smith, 2020; Sperry, 1966; и мн. др.). Существующие концепции самосознания позволяют выделить три основные парадигмы в понимании, в способах изучения и логике построения исследований, постановке проблем (Кун, 1975). На основе методологии экопсихологического подхода, самосознание, в качестве предмета исследования, может анализироваться в четырех формах своего бытия – ставшей, отчужденной, становящейся и виртуальной (Панов, 2014), каждая из которых соответствует логике разных парадигм: гносеологической, онтологической или трансцендентальной.

Гносеологическая парадигма в понимании самосознания. В гносеологической парадигме самосознание рассматривается как некий потенциально познаваемый в своих свойствах и проявлениях объект психической реальности. Логика отношения в исследованиях «субъект познания – самосознание как объект познания» позиционирует самосознание как «данность», «ставшую реальность», что позволяет выделять структурные компоненты, уровни, типы и т.п. Механизмы развития самосознания также понимаются в дихотомической модели в линейно детерминированных «субъект-объектных» отношениях. То есть, в этой логике самосознание постулируется как

феноменологически представленная часть сознания человека, выступающая объектом и продуктом восприятия и осознания человеком самого себя (своего «Я») в отношении к внешнему миру, к другим людям и к самому себе, или, по А. Н. Леонтьеву (1975), путем «постоянного переливания объективного в субъективное».

В «ставшей» форме психической реальности самосознание в качестве объекта и предмета эксплицируется, например, в философии Р. Декарта, где Я рассматривалось как мыслящая субстанция, обладающая сознанием и самосознанием, как «все то, что совершается в нас осознанно, поскольку мы это понимаем» (Декарт, 1989, с. 316). Я в понимании Р. Декарта – это «мыслящая вещь»: «вещь, которая сомневается, понимает, утверждает, отрицает, желает, не желает, представляет и чувствует» (Декарт, 1950, с. 345).

В эмпирической психологии классическим выражением позиции, основанной на гносеологической парадигме исследования феноменов психики и сознания, стал структурализм В. Вундта, и предложенный в рамках этого направления метод интроспекции (самонаблюдения) как первого «научного метода» психологии (Ярошевский, 1996). Характерной чертой этого метода является то, что субъект-объектная логика реализуется индивидом, как субъектом сознания, по отношению к самому же себе (самосознание), но выступающему в роли объекта исследовательского осознания. В дальнейшем метод интроспекции получил широкое развитие в целом направлении методов субъективного номотетического подхода в психодиагностике личности (Бурлачук, 2011; Франселла, Баннистер, 1987).

В ролевых концепциях личности Э. Гофмана (2009), Ф. Зимбардо (2000), Р. Линтона (2011) и др., самосознание человека определяется его восприятием своей конвенциональной роли, как шаблона поведения, которое ожидается и требуется от него в определенной ситуации, в позиции, занимаемой им в совместном действии. Социальные роли находятся во взаимоотношении друг с другом и поддерживаются через взаимные экспектации, направляющие взаимодействие людей.

В теории М. Куна (1984) самосознание личности рассматривается как система социальных установок на себя, сформировавшихся на основе интериоризованных ролей, субъективно связывающих самосознание человека с референтной социальной группой. Согласно М. Куну, предсказать самооценку и поведение индивида можно, если известна его референтная группа (в отличие от общей позиций интеракционизма и когнитивного подхода, что поведение личности можно объяснить, но предсказать невозможно). С позиций этой теории зависимость самосознания личности от интериоризованных ролей в условиях усложнения и высокой динамики социокультурных систем приводит к образованию внутренних конфликтов: интер-ролевого (из-за необходимости соответствовать одновременно различным ролевым ожиданиям, содержащим несовместимые или взаимно исключаяющие требования); интра-ролевого (по причине различных и противоречивых требований к должному ролевому поведению субъекта от разных людей или разных социальных групп); и личностно-ролевого (когда качества, внутренние ценности, стандарты, представления и потребности индивида не соответствуют установленному ролевому поведению) (Шибутани, 1969).

Когнитивные процессы, обеспечивающие связь психики человека с социокультурной средой, составляют основу теории самокатегоризации Дж. Тернера, где выделены две равнозначные структуры самосознания: персональная идентичность (самоопределение человека в терминах физических, интеллектуальных и нравственных черт) и социальная идентичность (субъективная принадлежность к различным социальным категориям – полу, этносу, профессиональной группе и т.п.). Социальная идентичность вместе с персональной идентичностью образует единую когнитивную систему – «Я-концепцию», выполняющую функцию регуляции поведения в соответствующих условиях. Дж. Тернер также указывал на реципрокную (взаимоуничтожающую) зависимость между двумя этими подсистемами: любая самокатегоризация деперсонализирует восприятие в

терминах групповых прототипов и трансформирует основания для межличностных предпочтений из индивидуально-личностных в прототипические. Прототипы конструируются членами группы из доступной им релевантной информации для того, чтобы иметь образцы, достойные подражания и представляющие членов данной группы. Самокатегоризация продуцирует внутригрупповой фаворитизм, социальные стереотипы восприятия и нормативное поведение. Через самокатегоризацию индивиды могут использовать созданные групповые прототипы для соотнесения себя с ними, описания и оценивания себя, поддерживая благоприятную самооценку (Тернер, 2003). В теории самокатегоризации самосознание является объектом воздействий социокультурной среды, продуктом адаптации в системе различных ролевых эталонов и групповых норм.

Отечественные психологи также предложили различные структурные модели самосознания, близкие, по сути, к ролевым теориям. Например, в концепции «полимодального Я» Л. Я. Дорфмана, как персонифицированное «Я», так и персонализированное «Я», выступают отображением в субъективной реальности объективных отношений индивида с окружающим миром (Дорфман, 2004). В концепции В. С. Мухиной пять структурных компонентов самосознания личности связывают субъективную реальность Я с социокультурными категориями: собственное имя, образ тела, половая идентификация, психологическое время и возраст, притязание на признание, социальное пространство и духовная сущность личности (Мухина, 2012).

Рефлексия и осознание, которые являются ключевыми процессами самосознания, с позиций гносеологической парадигмы, выступают функцией человека как субъекта самопознания, позволяя произвольно и отвлеченно наблюдать собственные когнитивные, эмоциональные и мотивационные состояния. В этой логике самосознание постулируется как часть сознания человека, выступающая объектом и продуктом восприятия и осознания человеком самого себя (своего «Я») в отношении к внешнему миру, к другим людям и к самому себе.

При этом сущностной характеристикой самосознания признается не только отражение, но и активность в проявлении метапознавательных функций: «Самосознание не есть особый “внутренний взор”, разглядывающий некоторые идеальные образования, размещенные в поле сознания как в картинной галерее. Акт самосознания – это получение знания о способах деятельности во внешнем мире, об отношениях субъекта к другим людям, к принятым в данном сообществе системам ценностей. Так, например, самосознание наглядных представлений – это не что иное, как получение знания об имеющихся у данного субъекта схем сбора перцептивной информации. Самосознание эмоций – это осознание реальной ситуации и оценка ее с точки зрения нужд субъекта и имеющейся у него системы ценностей. Самосознание Я – это получение знания об особенностях данной личности, о ее возможностях, стремлениях и о соответствии реального и идеального Я., т.е. не самовосприятие, а некоторая теория, <...> называемая Я-концепцией» (Лекторский, 2018).

Таким образом, с позиций гносеологической парадигмы традиция отождествления самосознания с познавательными процессами, самокатегоризацией и самопознанием, заложенная в философии Р. Декарта, широко представлена в современных концепциях. Сведение самосознания к когнитивным феноменам (анализа, синтеза, категоризации и др.) напрямую связывает его становление с интеллектуальным развитием субъекта, как познание себя через систему социальных категорий, как метапознание.

Гносеологический ракурс в анализе самосознания не позволяет выявить его сущностных процессуальных механизмов, фиксируя лишь те проявления, которые находятся на поверхности сознания индивида, то есть осознаются и могут быть вербализованы. Самосознание в таком ракурсе понимания изучается через отдельные его дискретные проявления, «ставшие», а не «становящиеся» феномены: фиксируемые, как проявления типов, видов или структурных компонентов самосознания индивида с разной степенью выраженности. Феноменологически ориентированное познание создает

множество частных и достаточно поверхностных теоретических позиций, имеющих слабые перспективы перехода к качественно иному уровню широких обобщений и формированию представлений о механизмах исследуемого процесса (Шукова, 2019).

Кроме того, феномены самосознания, «видимые» с гносеологических позиций анализа и измерения, фиксируются, как связанные с индивидом, а не ситуацией или условиями своего проявления. Важным критерием гносеологической позиции в изучении самосознания выступает поиск факторов его формирования в соответствии с принципами линейного детерминизма: типичной проблематикой исследований является выявление отдельных социокультурных детерминант во взаимосвязи с заданными природой человека типологическими и уровневыми характеристиками самосознания. Однако, неоспоримым преимуществом гносеологической парадигмы в изучении самосознания выступает возможность операционализации теоретических моделей с целью получения эмпирических данных. Для измерения различных типов, структурных профилей самосознания создан и продолжает разрабатываться измерительный инструментарий субъективного номотетического подхода к диагностике личности. Этот инструментарий удобен для проведения исследований на больших выборках, он стандартизирован и нормирован, позволяет применять к обработке данных статистические методы, поэтому массово используется в современных психологических исследованиях самосознания личности. Можно прогнозировать, что гносеологическая парадигма в психологических исследованиях феноменов самосознания личности вряд ли отойдет на второй план в ближайшем будущем. А. В. Никольская справедливо подчеркивает те преимущества гносеологической парадигмы в психологии, которые имеют ценность для развития научных исследований: «... методология, характерная для классической гносеологической парадигмы: поиск истинного знания, изучение человека как отдельного объекта, вырванного из контекста, и описание его свойств, вычленение четко дифференцированных друг от друга

переменных и их количественное измерение, позволила получить значительное количество интересных данных, особенно в области психофизики, когнитивной и дифференциальной психологии» (Никольская, 2013, с.162). Согласно А.В. Карпову, качества сложных саморазвивающихся психических систем в гносеологическом статусе «...предстают как то, в чем нечто *проявляется* и, следовательно, открывается познанию (как обыденному, так и научному). Однако глубочайшая специфичность психики, то есть своеобразие онтологии психического, в том и заключается, что сами качества в значительной степени и составляют его содержание – являются им. (...) трансформируются из *свойств* носителя в *содержание* самого носителя. Точнее – они становятся им, а еще точнее – они его и *конституируют*» (Карпов, 2025, с. 22).

При этом Р. М. Нагдян считает, что ключевой аспект ограниченности гносеологической парадигмы в методологии психологии, состоит «...в выборе «одномерного» объекта исследования, в отрыве от многообразия внешних условий, в пассивности («зеркальности») субъекта отражения без учета многообразия его внутреннего мира и, наконец, в том, что не ставился вопрос о процессе порождения образа» (Нагдян, 2015, с. 49). В. П. Зинченко также подчеркивал методологическую ограниченность гносеологической парадигмы. Он указывал, что сознание, обладая процессуальными характеристиками (т.е. бытием), в гносеологическом ракурсе анализа не попадает в предмет исследования психологии, поскольку «процесс» подменяется «продуктом» – уже эмпирически известным, доступным наблюдению и самонаблюдению, феноменом (Зинченко, 1991).

Таким образом, гносеологический ракурс не позволяет исследовать сущностные процессуальные механизмы самосознания, фиксируя лишь эксплицитные проявления, которые осознаются и могут быть вербализованы индивидом. Переход от гносеологической парадигмы к онтологической происходит тогда, когда предметом исследования выступают не собственно психические феномены, а условия и механизмы их порождения (Панов, 2022).

Процессуальность самосознания выступает предметом исследования с позиций как онтологической, так и трансцендентальной парадигм.

Трансцендентальная парадигма в понимании самосознания.

Трансцендентальные представления о сущности и процессах становления сознания и самосознания берут свое начало в классической философии Платона (1990), который связывал сознание с миром идей, а самосознание – с процессом познания этих идей. В своей трансцендентальной философии И. Кант (1965) отделяет эмпирическое самосознание (внутренний опыт) от «самосознания трансцендентального субъекта», которое представлено единством индивидуального опыта и сознания, выступая высшим и основным источником знания. В развитии этих идей Э. Гуссерль понимает самосознание как трансцендентальную рефлексия, близкую созерцанию и самовосприятию особого рода, что дает самодостовверное интуитивное знание. Э. Гуссерль вводит важное для феноменологического направления представление об интенциональности (направленности) сознания, поскольку сознание всегда является осознанием того, что, не являясь самим сознанием, оказывается «значением» для сознания. То есть, сознание понимается как процесс познания, не имеющий собственной бытийной природы, но возникающий в связи с появлением и обозначением своего объекта (Гуссерль, 2009).

В концепции В. В. Налимова смысловое содержание индивидуального сознания и самопонимания черпается из трансцендентного вселенского смысла, из «Мира метасемантики»: «...Взаимодействуя с ним, оно управляет своей текстовой природой. Управляя, задает вопросы и прислушивается, получая ответы из ниоткуда. Создавая новые тексты, сознание порождает новые Миры — новые культуры. Сознание оказывается трансцендирующим устройством, связывающим разные Миры. Оно выступает в роли творца — микродемиурга» (Налимов, 1989, с. 61). В объяснение механизма развития сознания В.В. Налимов, помимо монокаузальной причинности, вводит также и вероятностную причинность.

А. Менегетти разработал философскую концепцию «Онтопсихологии», которая, несмотря на название, близка трансцендентальным взглядам на сущность самосознания: «Онтопсихология рассматривает человека как априорное «Я», уже заданное или призванное высшим Бытием. Это априорное «Я», или онтическое сознание, является первоначальной структурой, которая в процессе становления в существовании должна выверяться и зарабатываться путем выборов» (Менегетти, 2007, с. 17). Основой, как сознательной, так и бессознательной психической деятельности в концепции А. Менегетти выступает трансцендентальная сущность Ин-се (или «Онто Ин-се») – внутреннее позитивное ядро человека, его подлинное бытие, трансцендентное плану существования, очень близкое понятию человеческой души (Благовестный, 2018). Социальные стереотипы и шаблоны вмешиваются в «живую ткань бытия» и искажают аутентичные эманации Ин-се, вызывая психологический механизм, названный, как «монитор отклонения». Стремление к восстановлению связи с «Ин-се», собственной метафизической изначальностью, приводит психологическое сознание к зрелости (Менегетти, 2007, с. 19).

Гносеологическое декартовское «я мыслю, значит существую» А. Менегетти заменяет на логику «я существую, следовательно, мыслю», то есть, на существование, которое концептуализирует само себя. Сознательный интеллект, согласно А. Менегетти, подразумевает не только рефлексивность или образ, но и активность сущего, которое познает: «бытие подобно знанию, и знание подобно бытию, они оба становятся конституирующими, или они самоконституируют себя в идентичности» (Менегетти, 2010, с. 29). Логическим продолжением такой философской позиции может быть обоснование наличия сознания и самосознания у современных продвинутых систем искусственного интеллекта. Человек же, с точки зрения онтопсихологии, является продуктом собственного бессознательного. Единственной осознанной частью психики является сознательно-логическое «Я», склонное отождествлять себя со всей психикой человека.

Информацию об «Ин-се» содержит индивидуальное семантическое поле, которое представлено в образах. В психотерапевтической практике, с позиций онтопсихологии, стоит задача, опираясь на язык тела и образы, проявляющиеся в сновидениях и творческой деятельности, помочь человеку в осознании своей внутренней сущности, в развитии и воплощении смысла собственного предназначения, в принятии ответственности за своё бытие.

Развитием трансцендентальных философских взглядов («идей» Платона, «божественных универсалий» средневековых схоластиков, «априорных форм» И. Канта), а также обозначенных в психологической антропологии Л. Леви-Брюля «коллективных представлений», выступает концепт «архетипа» К. Г. Юнга. Архетип – это внеположенная сознанию инстанция «коллективного бессознательного», неуязвимая для критического разума, которую можно лишь игнорировать, но нельзя отбросить аргументами. Архетипы понимаются как преобразованные сознательной эволюцией человеческого вида инстинкты-стимулы, превратившиеся из чисто животной биологической программы поведения в типичный лишь для человека регулятор психической жизни, объединяющий коллективный опыт прошлого с индивидуальной судьбой каждого индивида. В индивидуальном сознании человека архетипы изначально находятся в бессознательном, и могут стать осознанными только вторично, но не столько через интеллектуальное понимание, сколько через их переживание единичной личностью (Базилян, 2011; Тараканов, Кораблина, 2009).

Переход архетипа в сознание через механизм «архетипической трансценденции», который К. Г. Юнг назвал «индивидуацией», представляет собой становление Самости через достижение целостности: «осуществление изначальной, заложенной в эмбриональном зародыше, личности во всех ее аспектах» (Юнг, 2009, с. 239). Идеи ведущей функции иррационального коллективного бессознательного образа в качестве ключевого механизма становления этнического компонента самосознания были развиты и конкретизированы в концепте «этноида» (коллективного бессознательного

(архетипического) образа этнической самоидентификации) в рамках этнофункционального подхода к психическому онтогенезу человека и этнопсихотерапии (Сухарев, 1999, 2009, 2002; Сухарев, Степанов, 1997).

Трансцендентная основа проявлений психики и сознания на индивидуальном, поведенческом, личностном, коллективном уровнях, связанных с дифференциацией по признаку пола, представлена в эволюционно-генетической концепции (эволюционной теории пола) В. А. Геодакяна. Эта концепция основана на биокибернетических, системно-синергетических закономерностях и нелинейном типе детерминизма к объяснению универсальных принципов развития живых систем. Однако в понимании самосознания концепция В. А. Геодакяна может быть отнесена к трансцендентальной парадигме, поскольку с ее позиций процессы самосознания определены вовне заданными и независимо реализующимися законами информационного взаимодействия «организм-среда».

Согласно данной концепции, базовые закономерности существования живых адаптивных систем, эволюционирующих во взаимодействии с изменчивой средой, обусловлены противоположными тенденциями «сохранения» и «изменчивости». Решение этого противоречия приводит к образованию двух сопряженных подсистем – «женской», с консервативной специализацией, и «мужской», с оперативной специализацией, для обеспечения устойчивости (устойчивого развития) системы во взаимодействии с изменяющейся (и нарушающей устойчивость системы) средой (Геодакян, 1989, 1991). Общие закономерности дифференциации на сопряженные («консервативную» и «оперативную») подсистемы применимы ко всем самовоспроизводящимся системам, от уровня организма до социума и культуры. Функциональные особенности психики и поведения объясняются общими биокибернетическими закономерностями на основании принципа полового дипсихизма: более широкой нормой реакции, и, соответственно, адаптивности и средовой обусловленности, склонности к репродуктивному типу активности, относительной стабильности, консервативности, инерционности, защищенности в поведенческих проявлениях «женской»

подсистемы и более широкий диапазон вариантов, тенденции к поиску нового, экстремальной активности, склонности к риску, новаторству в поведенческих проявлениях «мужской» подсистемы (Геодакян, 1994). Принцип сопряженных подсистем эволюционной теории пола содержательно соотносится с трактовкой архетипов анимы и анимуса (Юнг, 2009), концепцией структурно-функциональной комплиментарности половых ролей (экспрессивности женской и инструментальности мужской половой роли) (Парсонс, 2002) и др.

Таким образом, с позиций трансцендентальной парадигмы самосознание понимается в процессуальном ракурсе, как достижение самости, гармонии или постижение смысла существования. При этом содержательно источник развития самосознания вынесен за пределы его бытия, но который можно постичь или расшифровать через осмысление своих чувств, идей, ассоциаций, метафорических, символических образов, действий: как, например, метасемантика, вселенские смыслы В. В. Налимова, либо априорные феномены коллективного бессознательного («архетипы» К. Юнга, «этноид» А. В. Сухарева, «ин-се» А. Менегетти), либо эволюционно заданные законы информационного взаимодействия «организм-среда» в теории пола В. А. Геодакяна.

Концепции становления сознания и самосознания в русле трансцендентальных представлений можно отнести к неклассической философской картине мира, которые опираются на нелинейный тип детерминизма. Для диагностики процесса и результата становления Я (самости) в русле трансцендентальной парадигмы возможны (и применяются) преимущественно качественные методы с помощью семантических, проективных и продуктивных подходов психодиагностики, которые довольно привлекательно использовать в индивидуальной психотерапии, но сложно воплотить в эмпирических исследованиях на больших выборках, поскольку невозможно обобщать полученные результаты статистически. Однако, по мнению Г. П. Меньчикова, здесь также не может быть достигнуто понимание глубинной сущности процессов детерминированности и одновременно самодетерминированности самосознания, поскольку в неклассической

философии: «...мироздание видится хотя и более сложным, динамичным, нестабильным, но по-прежнему созданным, конечным, закрытым. Классические абсолютные абсолюты здесь заменяются неклассическими релятивистскими абсолютами» (Меньчиков, 2024, с. 33).

Трансцендентальная парадигма в несколько ином ракурсе представлена в экопсихологическом подходе к развитию психики, согласно которому психика рассматривается не только в форме «бытия в действительности», но и в форме «бытия в возможности» («виртуальной формы бытия»), когда предметом исследования выступает не сама психика (феноменологически, как «продукт»), а имплицитные, трансцендентальные принципы процесса ее порождения (Панов, 2004; 2011; 2014, 2020 и др.). Виртуальная форма бытия психики, по В. И. Панову, подразумевает ее «возможность и интенцию к самопроявлению, к порождению форм своего действительного существования (в виде реальности психических феноменов) посредством взаимодействия в системе «субъект психической активности (человек или иное существо) – окружающая среда»» (Панов, 2022, с.111).

Онтологическая парадигма в понимании самосознания.

Онтологический ракурс в понимании психических явлений как формы бытия, изложен в трудах С. Л. Рубинштейна и представителей субъектного подхода в психологии. Здесь фокус исследований направлен на условия, обеспечивающие возможность порождения психических образований, их перехода из «бытия в возможности» в «бытие в действительности» (В. А. Барабанщиков, В. П. Зинченко, В. В. Знаков, А. В. Капцов, Н. И. Леонов, А. И. Миракян, А. В. Никольская, Л. Н. Ожигова, В. И. Панов, З. И. Рябикина, Ш. Р. Хисамбеев и др.). Онтологическая парадигма в понимании самосознания хорошо отражена в высказывании Г. В. Лобастова: «Природу самосознания нельзя искать в составе идеальных форм, поскольку самосознание само – форма идеальная. Любые различия идеального не выявят нам объективной роли самосознания. Более того, основание самого этого различия идеальных форм лежит за пределами идеального, в формах

реального бытия. Специфика самосознания – в той особой функции идеального, которую оно выполняет в движении реальной действительности, в разрешении того особого противоречия бытия, которое оно, самосознание, как особое идеальное образование своей определенностью (особой формой, способом своей деятельности) только и способно разрешить. Природа самосознания поэтому – в бытии» (Лобастов, 2003, с. 268–269).

Позиция, что высшие психические феномены, включающие личностные проявления, индивидуальное сознание и самосознание, следует рассматривать не как атрибутируемые человеку или внутренне ему присущие, а как конструируемые и проявляющиеся в процессе взаимодействия человека с окружающим миром, представлена в теории поля К. Левина (Левин, 2001).

В отечественной психологии онтологическая парадигма в понимании становления психики, личности и сознания человека, как субъекта бытия в его взаимодействиях с окружающим миром, а не только как субъекта познания, заложена в трудах С. Л. Рубинштейна (1957, 1997) и его последователей (Абульханова, 2001, 2011; Барабанщиков, 2009; Брушлинский, 2003; и др.). Развивая философско-методологические воззрения С. Л. Рубинштейна, В. А. Барабанщиков смещает фокус исследований с закономерностей отражения (или отображения) в сознании человека внешнего мира на «взаимоотношение человека с миром, субъекта с объектом» (Барабанщиков, 2009, с. 88). Согласно В. А. Барабанщикову, восприятие не только внешнего мира, но и себя, с онтологических позиций предстаёт не как отражение или отображение субъектом психической реальности внешнего по отношению к нему объекта, а «...как порождение образа, протекающее в единстве внешних и внутренних условий его существования» (там же, с. 81). Онтологическая методология, таким образом, выстраивается в неклассическом и неоклассическом понимании сознания и самосознания личности, как сложных, открытых, системных образований, детерминированных самодвижением бытия, неравномерностью саморазвития бытия, существующих не только как результат, а скорее, как процесс взаимодействия (Гришина, Костромина, 2021; Костромина, Гришина, 2024; Меньчиков, 2024).

При этом особо надо отметить, что субъект-объектная логика, присущая гносеологической парадигме, меняется на субъект-субъектную логику, подразумевающую онтологическую субъектность, как способность к саморазвитию. Так, субъект-субъектный характер взаимодействия на границах систем разного порядка, в результате которого происходит самоконструирование, смыслопорождение и самоизменение в целях сохранения и развития, анализируется в семиотических концепциях, таких как биосемиотика У. Матураны и Ф. Варелы, Г. Бейтсона, киберсемиотика С. Бриера, Ч. Пирса, семиотика коммуникации и культуры Н. Лумана, У. Эко, Ю. М. Лотмана и др. В онтологическом ракурсе самосознание рассматривается как форма бытия, наделенная интенциональностью, эмерджентностью, субъектностью, автономией и творческой активностью (Тульчинский, 2025).

Онтологической парадигме, по своей сути, отвечают психологические концепции, в которых становление личности и ее самосознания рассматривается как процессы взаимодействия с социокультурной средой через системы знаково-символических образов и совместного смыслообразования: теории когнитивного энактивизма (У. Матурана, Ф. Варела, Х. Де Джагер, Т. Фроз и др.), концепция интеракционизма (Дж. Мид), культурно-историческая психология (Л. С. Выготский), феноменологический, экзистенциальный и бытийный подходы к становлению личности и ее идентификационных оснований (В. Франкл, С. Л. Рубинштейн, В. В. Знаков, З. И. Рябикина, Л. Н. Ожигова и др.), деятельностный подход (А. Н. Леонтьев, В. Ф. Петренко, В. В. Столин, В. В. Серкин, А. Г. Шмелев), персонологический (В. А. Петровский, Е. Б. Старовойтенко). Ключевые позиции этих концепций заключаются в понимании самосознания через такие проявления, как самодетерминация, рефлексивность, диалогичность во внешних (другие индивидуальные и групповые субъекты, социальная среда, культура) и внутренних отношениях («Я-другие», «Я - другое Я», «Я – не Я», «Я-возможное Я» и пр.). Так, согласно Е. Б. Старовойтенко: «Мир во множестве своих образующих является «проявителем» возможностей, присущих действующему телесно-психическому Я, включает множество «обещаний» для субъекта. <...> Я – упорядоченность мира для самого себя; самосознание собственных жизненных возможностей в

перспективе их реализации; неизвестность себя в прошлом, настоящем и будущем, ожидание и полагание себя «в потенциале»; единство себя во времени: присутствие по отношению к себе, вспоминание себя и ожидание себя; ощущение и чувство, понимание и интуиция своей самотождественности» (Старовойтенко, 2021, с.818).

В ракурсе онтологической парадигмы самосознание человека определяется системным взаимодействием как внутренних процессов (рефлексии и самопознания, самопонимания, самодетерминации, самоотождествления-разотождествления Я со множеством других Я и пр.), так и внешних условий социокультурной среды (значений, норм, образов, символов и пр.). Рассмотрение сознания и самосознания в качестве открытых, самоструктурируемых, сложных, эмерджентных систем, подразумевает признание за ними способности изменяться как самопроизвольно, спонтанно, так и под влиянием другого явления, то есть их самодетерминированности и детерминированности одновременно (Щукина, 2014).

Как отмечали М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский, тенденция существования сознания противоположна хаосу и неупорядоченности (Мамардашвили, Пятигорский, 1999). Те же тенденции, согласно принципам системности, присущи и самосознанию. В неоклассическом понимании сознание и самосознание относятся к сложным высокоразвитым системам, а чем более развита система, тем более она самодетерминирована. В то же время, детерминированность средой и условиями, не исчезая совсем, становится все более опосредованной. В таком контексте понимание сознания и самосознания не может исчерпываться простыми линейными или даже более усложненными вероятностными моделями, в связи с чем в понимании механизмов развития самосознания превалирует фрактальный тип детерминизма (Меньчиков, 2024), что соотносится также с методологией системно-синергетического подхода.

Синергетический подход также относится к онтологической парадигме в понимании самосознания, поскольку с его позиций самосознание

анализируется как самоорганизующаяся открытая, сложная, динамическая, нелинейная, неравновесная, нестационарная система. Соответственно, характерные для гносеологической парадигмы позиции линейного детерминизма, понимающие системные процессы развития самосознания, как неразложимой уровневой системы, стремящейся к равновесию и характеризующейся прямыми либо обратными линейными связями внутри себя и со средовыми факторами, подвергаются пересмотру и дополняются новыми идеями нелинейности и фрактальности (Степин, 1999). Согласно В. Ф. Петренко и О. В. Митиной, идеи нелинейности включают многовариантность, альтернативность выбора возможностей эволюции системы и необратимость этих процессов. Психические феномены, как индивидуального, так и социального уровней, представляют собой такие сложные, открытые, многокомпонентные системы, развитие которых могут быть охарактеризованы динамическими нелинейными соотношениями между множеством компонент; сложным, итеративным характером взаимодействия между компонентами, потенциалом к динамичному развитию в сложных формах, включая хаотические режимы, самоорганизацию и саморегуляцию (Митина, Петренко, 1997).

Самоорганизация открытых нелинейных систем представляется как эмерджентное (внезапно возникающее) универсальное свойство, а не конкретный процесс выхода из кризиса. В связи с этим нелинейные процессы невозможно надежно прогнозировать, ибо развитие совершается через случайность выбора пути в момент бифуркации; и поскольку постбифуркационное состояние системы практически непредсказуемо, имеет смысл говорить лишь о возможных сценариях или общих тенденциях дальнейшего развития (Пригожин, Стенгерс, 1986.).

В контексте таких воззрений нелинейный характер системы самосознания проявляется в том, что при одинаковых воздействиях она может давать совершенно различную реакцию, зависящую от исходного состояния, в то время как реакция линейной системы зависит только от величины приращения внешнего воздействия. Более того, с позиций синергетического подхода самосознание

представляет собой систему взаимодействующих подсистем, и одновременно элементом более широких систем, с которыми оно также взаимодействует, что приводит к возникновению принципиально новых свойств и необратимости этих процессов. Однако А. Л. Улановский обращает внимание на ограниченность возможностей прямой трансляции общих положений синергетического подхода, и в частности, представлений об эмерджентности и самоорганизации на уровне исследований индивидуального сознания, поскольку сознание не может возникнуть без определяющего и формирующего воздействия извне – социума, других людей (Улановский, 2005).

С другой стороны, можно утверждать, что самоорганизация самосознания проявляется в самосогласованности (когерентности) взаимодействия подсистем, что дает возможность говорить о возникновении упорядоченных структур (паттернов) или даже новой системы. Возникновение самосогласованности связано со стремлением системы к некоторому устойчивому состоянию – аттрактору. Каждое воздействие одной системы на другую не выступает чем-то внешним, а как бы включается в систему, видоизменяя каждый раз поле ее возможных состояний. Важным в синергетическом анализе систем является эффект куматоидности, означающий, что отдельные части системы могут вести себя не так, как система в целом (Бородкин, 2003; Пригожин, 1999; Назаретян, 2000, 2013).

Самоорганизация в становлении самосознания может рассматриваться как процесс упорядочения элементов одного уровня в системе за счёт внутренних факторов, без специфического внешнего воздействия. Синергетическое понимание механизмов существования и развития сложных многоэлементных систем, каковой является самосознание, позволяет фокусировать внимание как на характеристиках самой системы, так и на внутренних и внешних условиях, а также на особенностях самого процесса самоорганизации, саморазвития и самосохранения. Таким образом, понимание самосознания, как процесса и результата взаимодействий, в которых субъект, преобразуя мир, тем самым преобразует себя, соответствует принципам неоклассической философии.

Развитие неоклассических взглядов на природу сложных формообразований в мире, включающих все «живое» и «психическое» представлено в концепциях когнитивного энактивизма (Ф. Варела, Х. Де Джагер, У. Матурана, А. Ноэ, Э. Томпсон, Т. Фроз). Самосознание (как индивидуальное сознание), понимается в качестве активной и интерактивной, отелесненной и ситуационной системы, когнитивная активность которой совершается посредством «энактивирования среды» – «вдействия» в окружающую и познаваемую среду (Князева, 2013, с. 91-104).

Именно процесс субъект-субъектного взаимодействия, а не сущностные характеристики самих субъектов обуславливают смыслообразование и, соответственно, содержание индивидуального сознания, включающего осознание себя, то есть, самосознание. В частности, Х. Де Джагер и Т. Фроз, подчеркивают, что в социальных взаимодействиях, изменяя себя (принимая другую точку зрения, обретая смысл каким-то другим образом), субъект тем самым влияет на другого, а воздействуя на другого, меняется сам. Именно таким образом социальное взаимодействие может привести к новой форме индивидуальности, благодаря чему становятся возможными разные интерактивные роли и идентичности. На высшем уровне социальной субъектности (*social agenthood*) в результате интериоризации систем социокультурных знаков и значений (в контексте концепции культурно-исторической концепции Л.С. Выготского) интерсубъективность может иметь такое глубокое значение, что индивиды даже в одиночестве не являются несоциальными личностями (De Jaegher, Froese, 2009).

В киберсемиотической концепции Г. Бейтсона заложена идея процессуальных системных взаимодействий, в которых происходит становление, и возможно, само существование (бытие) сознания. В сетевой модели Г. Бейтсона внутренний мир личности, человеческие отношения, культура и общество представлены в виде системы контекстов разного уровня, пронизанной обратными связями. Сущностные проявления разума или сознания (*mind*) понимаются как отношения между компонентами системы, а

не сами компоненты. Сетевые отношения в системе подразумевают, что одни элементы не подчинены другим, а синергетически взаимодействуют и взаимосвязаны; кроме того, компоненты системы при ближайшем рассмотрении сами становятся сетями взаимодействий (Бейтсон, 2005). В этом контексте, компоненты самосознания можно рассматривать как интериоризованную семиотическую систему. Семиотические системы, сложно организованные и подчиняющиеся закономерностям динамики знаково-символической регуляции процесса субъект-субъектных взаимодействий, выступают предметом анализа в концепциях С. Бриера, Ч. Пирса, Ю. М. Лотмана.

В частности, Ч. С. Пирс (Пирс, 2001) подчеркивает, что знак немислим в отрыве от коммуникации и обладает динамической природой. Любой процесс познания, в том числе, самопознания, а, следовательно, и саморазвития, неразрывно связан с коммуникацией и опосредованием реальности знаками, поскольку познавательная деятельность осуществляется не отдельно взятым субъектом, а сообществом, которое вырабатывает не индивидуальное, а общее представление о мире. Концепция Ч. С. Пирса базируется на убеждениях, что познание всегда протекает в форме диалога, следовательно, знак – обязательный посредник не только в межличностной, но и в рефлексивной коммуникации: мысль получает свое семиотическое (знаковое) воплощение в коммуникативном акте. Сознание и разум не наделяют знаки жизнью, скорее само действие знаков есть знак жизненности мысли в коммуникациях (Лукьянова, 2012). Знак воплощается в функционально связанном единстве «триадической системы Пирса»: репрезентатор – объект – интерпретатор. «Триадическое действие знака» и представляет собой семиозис – процесс, в ходе которого знак оказывает когнитивное воздействие на своего интерпретатора, в то же время, без интерпретатора знак невозможен (Пирс, 2001).

Представление о строении и проявлениях самосознания, задающее ракурс его анализа с позиций системно-синергетической и онтологической точек зрения, было заложено уже в концепции У. Джеймса (Джеймс, 2008).

У. Джеймс не только выделил феномен «Self (Я)», но и обозначил его ключевые признаки, которые задали направление развития теорий самосознания более чем на сто лет вперед, и не теряют актуальности по сей день. Из наиболее значимых проявлений самосознания с точки зрения У. Джеймса, отражающих его процессуально-эмерджентную сущность, можно выделить следующие:

- непрерывная изменчивость самосознания в его взаимодействии со средовыми условиями, отношениями личности с окружением;
- активная (субъектная, в современной терминологии) сущность сознания, проявляющаяся в его «селективности» (selectivity): «Оно всегда испытывает больший интерес к какой-то одной части наблюдаемых объектов, чем к другой, что-то оно с удовольствием принимает, что-то отвергает и все время осуществляет выбор» (James, 1890, p. 284);
- многоуровневое сложное строения самосознания, «...которое, как это ни парадоксально, подобно сознанию, одновременно непрерывно и дискретно» (Knowles, Sibicky, 1990; Фрейджер, Фейдимен, 2004, с. 255);
- высокая значимость неосознаваемой части (бахромы) сознания во внешних и внутренних взаимодействиях структур сознания;
- диалектическая природа самосознания, представляющего собой постоянное взаимодействие культурного конформизма и индивидуального самовыражения, а также стремление личности к интеграции при неизбежной множественности «Я».

У. Джеймс показал, что «Self (Я)» – многомерно, и состоит из разных слоев: биологического «Я», Реального (или материального) «Я», Социального «Я», Духовного «Я». Биологическое Я включает то, что в настоящее время принято относить к заложенным от природы, генетически заданным и нейрофизиологически регулируемым индивидуальным качествам человека: наследственную конституцию, особенности физической внешности, физиологические процессы. То, насколько эти качества человек осознает и считает «своими», настолько биологическое Я составляет подмножество

Реального Я (то есть, между этими составляющими самосознания нельзя провести четкого разграничения). Реальное (материальное) Я (material self) включает в себя все составляющие материального окружения, с которыми человек идентифицирует себя как личность, все, что человек может назвать «своим». Социальное Я (social self), состоит из моделей (паттернов), формирующих основы наших отношений с окружающими, как нечто неустойчивое и поверхностное: «часто это “Я” всего лишь немного больше, чем набор “масок”, которые человек меняет, чтобы соответствовать разному окружению» (James, 1890, p. 293). В связи с избирательной (селективной) работой сознания (selective industry of the mind) человек может иметь несколько социальных Я, которые могут быть постоянными, но могут и меняться в соответствующих обстоятельствах и в соответствующем окружении (Фрейджер, Фейдимен, 2004).

Большое значение У. Джеймс придавал духовному Я (spiritual self), которое воздействует на чувства и выступает источником жизненных усилий, внимания и воли. Духовное Я, по мнению У. Джеймса, имеет другой порядок чувств, чем прочие Я, их трудно описать словами и четко определить, их можно только испытать на собственном опыте. У. Джеймс считал, что одним из выражений духовного Я могут быть религиозные переживания. В современных философских и психологических воззрениях соотношения духовного и религиозного в самосознании уточняются, конкретизируются, рассматриваются с разных, порой противоположных позиций (Веселова, 2024; Меньчиков, 2017; Пичко, 2011; Черникова, 2010; Эммонс, 2004). Однако, по сути, представления У. Джеймса о «духовном Я» не потеряли своей актуальности.

Концепт «Социального Я» У. Джеймса, получил наибольшее развитие в зарубежных и отечественных теориях с позиций конструктивистских и когнитивных подходов. В их основе ведущая роль отведена процессу самопознания, который реализуется через идентификацию и субъективную дифференциацию, наполняя самосознание смысловым содержанием,

связывающим человека с другими людьми, с культурой и обществом, в которых интра- и интерсубъектность самосознания человека не противостоят друг другу как две разные реальности (Знаков, 2007). Так, например, согласно В. Н. Мясищеву, личность проявляется в разных областях отношений, в том числе в отношении к себе, который выступает одним из компонентов самосознания, включающего самопонимания, самооценку и саморегуляцию. Отношение к себе завершает становление системы отношений личности, и обеспечивает ее целостность. В условиях, когда отношения личности приобретают особую устойчивость, они становятся типичными для личности и в этом смысле превращаются в черты характера, оставаясь отношениями (Мясищев, 2011).

В сходном, по сути, контексте конструктивистский подход к самосознанию личности внимание фокусирует на субъект-субъектный характер взаимодействия «личность – социокультурная среда». Центральным механизмом развития идентичности здесь выступает соотнесение норм группы с собственной системой ценностей. Социальная идентичность выступает как категория индивидуальная, но связанная с социальной ролью, позицией или статусом, и в определении Г. Тэджфела рассматривается как та часть индивидуальной Я-концепции, которая происходит от знаний индивида о собственном групповом членстве вместе с ценностными и эмоциональными проявлениями этого членства (Tajfel, 1981). Опираясь на идеи конструктивистского подхода Г. Тэджфела, Н. Л. Иванова определяет социальную идентичность как динамическую, прижизненно формирующуюся в ходе взаимодействия и активного построения социальной реальности, систему социальных конструктов субъекта, которая оказывает влияние на его ценностно-смысловую сферу и поведение (Иванова, 2001). Поскольку каждый индивид одновременно является членом различных социальных общностей, выделяются различные виды социальной идентичности, отражающие разные направления социальной отнесенности: гендерная, возрастная, профессиональная, гражданская, этническая, политическая, религиозная и

другие (Иванова, 2004). А. В. Микляева и П. В. Румянцева отмечают, что по мере взросления человека изменения в структуре социальной идентичности касаются не содержательных аспектов, а степени иерархизированности её компонентов (Микляева, Румянцева, 2008).

Согласно теории социальной идентичности Г. Тэджфела, содержание социального Я (идентичности) основано на процессах социальной категоризации (осмысления субъектом своего социального окружения, как состоящего из различных групп, отличающихся определенными параметрами) и социальной идентификации (выбор группы, к которой относит себя индивид, сделанный на основе множественных сравнений параметров группы и себя, социальных характеристик группы с другими релевантными группами). Важным механизмом, который, по Г. Тэджфелу, регулирует эти процессы, является стремление самосознания к поддержанию позитивного образа Я, что достигается разными стратегиями идентификации с социальными группами в зависимости от индивидуальной ситуации. Низкое или негативное оценивание социальной группы, к которой индивид может отнести себя, по сравнению с релевантными ей, создает барьер для процесса социальной идентификации с этой группой. В таком случае индивид может либо предпринять что-то для повышения репутации собственной группы, либо идентифицироваться с группой, имеющей более подходящий для высокой самооценки социальный статус, если барьеры для перехода в эту группу невелики, и индивид может предпринять что-то, чтобы быть принятым в обществе в качестве члена этой группы. Еще одной стратегией является «социальная креативность», которая реализуется как способ достижения позитивной социальной идентичности через изменение критериев сравнения с другими группами или изменение самого объекта сравнения. В этой теории вводится также концепт «индивидуальной мобильности», как возможности индивида в развитии его самосознания дистанцироваться от социальной группы, если условия идентификации с ней не соответствуют целям его саморазвития. Противоположными стратегиями в механизмах социальной идентификации,

приводящими к сужению сознания, стагнации в развитии самосознания, выступают «внутригрупповой фаворитизм» (предпочтение своей группы по сравнению с релевантными группами без детального осознания и дифференциации параметров этого сравнения) и «коллективный нарциссизм» (демонстрация преувеличенной гордости от принадлежности к той или иной социальной группе, которая основана на ощущении внутренней неуверенности в своем превосходстве, что зачастую приводит к компенсирующим агрессивным проявлениям) (Tajfel, 1981).

В концепции интеракционизма механизм становления самосознания также основан на идее взаимодействия (интеракций), с одной стороны, личности и, с другой – внешне заданных социокультурных норм, социальных отношений, и интернализованными в самосознании образами, символически и понятийно представленными концептами. Дж. Г. Мид рассматривал самосознание («Я-образ») как многогранный и динамичный процесс, который постоянно развивается и меняется в зависимости от социального контекста и опыта индивида, на основании взаимодействия индивида со средой и внутренним самоанализом. Связка между индивидом и обществом в концепции Дж. Г. Мида представлена через понятие «обобщенного другого». В то же время, это понятие фиксирует две основополагающие категории самосознания: Я и Другие. Структурная модель личности, по Дж. Г. Миду, состоит из трех компонентов: «I» (импульсивное, активное, творческое, движущее начало личности); «Me» (нормативное «Я», своего рода внутренний социальный контроль, основанный на учете ожиданий и требований значимых людей, прежде всего «обобщенного другого»); и «Self» (совокупность импульсивного и нормативного «Я», их активное взаимодействие). Если Me контролирует и направляет импульсивное I в соответствии с усвоенными социальными нормами в целях успешного осуществления социального взаимодействия, то Self – это пространство для сотрудничества, взаимодействий, построения благоприятных отношений с окружающими (Андреева, 2009). Можно сказать, что в теориях интеракционизма

самосознание рассматривается как активное, творческое образование, рождающееся в процессе интеракции, как внутренней (например, взаимодействие I и Me, интернализированными ролями), так и внешней (взаимодействие с другими людьми, знаково-символическими, нормативными системами культуры) среды. Самосознание находится в непрерывном процессе изменений, постоянном диалоге с собой, интерпретации и оценивании ситуаций и действий других людей. Позиции интеракционизма очень близки отечественным концепциям – деятельностному подходу А. Н. Леонтьева и культурно-исторической концепции развития психических функций Л. С. Выготского.

В культурно-исторической концепции Л. С. Выготского развитие сознания и самосознания рассматривается как результат трансформации психики человека от системы «низших психических функций» к системе «высших психических функций», как процесса и результата интериоризации (присвоения) культуры (Выготский, 1996). Самосознание возникает на уровне высших психических функций в результате интериоризации системы значений и символов культуры, как возможность осознавать и понимать свои собственные мысли, чувства, мотивации и действия, воспринимать их «объектно», управлять ими, что выступает ключевым компонентом возможностей саморегуляции, саморазвития и самосовершенствования. Эти позиции развиваются в структурно-диалектической психологии личности Н. Е. Вераксы, где представление о культуре конкретизируется до понимания ее, как системы нормативных ситуаций, в которых достаточно четко определены правила социального поведения (Веракса, 2000).

С позиций структурно-диалектической психологии личности социокультурная ситуация всегда включает в себя транслируемое культурой предписание, правило, норму. При этом нормы могут носить разный уровень представленности в сознании человека – от норм морали до норм, регулирующих поведение человека в бытовой ситуации. Попадая в любой культурный контекст, человек вступает во взаимодействие с правилами, проявляя соответствие или

несоответствие им, или «культурную конгруэнтность». Культурная конгруэнтность обозначает границы («момент соответствия»), в пределах которых возможна активность субъекта; личностная же позиция обеспечивается творческим началом человека, когда за атрибуцией и рефлексией идет отношение к норме, как следствие личностного выбора. Высокий уровень культурной конгруэнтности предполагает наложение ограничений на выражение личностной позиции (Баянова, 2012). В исследовании Л. Ф. Баяновой и З. Резазадех показано, что конгруэнтность культуре может оказывать влияние на психические состояния и поведение, на самосознание (Резазадех, Баянова, 2017), однако было бы упрощением предположение линейной связи этих феноменов. Человек, развиваясь как личность, опредмечивает свою природу в социальной норме. То есть, личность – это человек, создающий новую социальную (культурную) норму, это субъект не только своей деятельности в обществе и самоопределения, это субъект культуры: «Пока субъект перемещается в пределах нормативного пространства, он не является личностью ни со стороны нормы, ни со стороны природы; а если он находится вне нормативного пространства, то вопрос о личности вообще лишен всяких оснований. <...> Если личности нет места на оси «природа – культура», то искать личность можно только в ортогональной плоскости, представляющей собой границу между природным и культурным. <...> Единственная возможность оказаться между природным и культурным появляется в тот момент, когда человек создает новую социальную норму» (Веракса, 2000, с. 94–95).

Фрактальный и уровневый характер нормативной системы в структурно-диалектическом подходе Н. Е. Вераксы к пониманию взаимодействия «субъект – культура» представлен в том, что включение в систему новой нормы с одной стороны, приводит к образованию нового уровня системы, а с другой, предполагает сохранение существовавших до ее возникновения уровней, а значит, и самой системы в целом. Фрактальность развития нормативной системы заключается в том, что новая норма обязательно несет в себе главный принцип нормативной системы, но развивает

нормативную систему на новом уровне. В этом принципе фрактальности, согласно Н. Е. Вераксе (появление нового и сохранение старого) состоит основное отличие развития системы от ее изменения или разрушения, что определяет различные позиции личности по отношению к нормативной системе (Веракса, 2000, с. 97).

Понимание сущности феномена личности и ее позиции в процессе становления субъекта самосознания во взаимодействиях «субъект – культура» в структурно-диалектическом подходе Н. Е. Вераксы отличается от взглядов представителей деятельностного подхода (А. Г. Асмолов, В. А. Лекторский, А. Н. Леонтьев, и др.). С позиций деятельностного подхода личность является качеством индивида, которое формируется в процессе включения его в систему отношений (межличностных взаимодействий) в условиях совместной социально-значимой деятельности (Леонтьев, 1977). Культура же представлена человеку через поле значений, существующих в форме опредмеченных в процессе деятельности схем действия, в форме ролей, понятий, ритуалов, социальных символов и норм. Г. Л. Тульчинский в сходном контексте понимает самосознание как субъектность, которая есть «способность индивида строить связный нарратив своей жизни», когда человек рассматривает себя как актора и принимает на себя ответственность за происходящее, в то время как идентичность — это готовность субъектности к сопричастности конкретным социальным общностям, в которых проявляется жизненная активность индивида (Тульчинский, 2022).

Становление личности, согласно А. Г. Асмолову, происходит при включении человека в «поток деятельностей (а не поток сознания)» (Асмолов, 1990, с. 132) посредством взаимодействия с социальными группами и усвоения (интериоризации) экстериоризованных в человеческом мире «поля значений». Поле значений, по А. Н. Леонтьеву, – это особое социальное измерение, создаваемое совокупной деятельностью человечества, которое отдельный индивид находит как «вне-его-существующее», им воспринимаемое, усваиваемое, как то, что входит в его «образ мира»:

«Многообразные деятельности субъекта пересекаются между собой и связываются в узлы объективными, общественными по своей природе отношениями, в которые он необходимо вступает. Эти узлы, их иерархии и образуют тот таинственный “центр личности”, который мы называем “Я”; иначе говоря, центр этот лежит не в индивидуе, не за поверхностью его кожи, а в его бытии» (Леонтьев, 1977, с. 228–229).

Личность с позиций деятельностного подхода первична по отношению к субъекту деятельности, как качество, формируемое в результате интериоризации системы значений культуры. Самосознание выступает в этом контексте стержневой функцией личности: «... Я возникает как продукт рефлексии, как результат отношения к себе со стороны обобщенного другого субъекта и возможно лишь в рамках коммуникативного взаимодействия с другими людьми с помощью языка. Я, таким образом, не нечто самоочевидное, дающееся с несомненностью в акте самосознания, а нечто создаваемое в процессе отношения к себе в конкретных социально-культурных условиях и только в этих условиях существующее» (Лекторский, 2018). Личность может выступить субъектом своей деятельности и отношений, эктериоризируя социальной среде свое Я (индивидуальные качества и стиль деятельности), то есть проявляя свою индивидуальность в процессе самореализации в конкретном социально-историческом образе жизни. Согласно Е. К. Веселовой, личность интегрируется тем типом онтологии (реальности), в которой человек живёт и сам создаёт своим поведением (Веселова, 2017).

В развитии идей деятельностного подхода В. В. Серкин «образ мира» предлагает рассматривать системно во взаимосвязи с «образом жизни», подчеркивая, что поиск детерминант взаимовлияния образа жизни и образа мира являются конкретизацией принципа единства сознания и деятельности: «Образ мира и образ жизни субъекта образуют систему, в которой оба полюса взаимно детерминируют друг друга и детерминируются друг другом. Их отношения не изоморфны» (Серкин, 2009, с. 109-119). В. В. Столин, на основании деятельностного подхода А. Н. Леонтьева, развил в своей концепции идеи уровневых структур и диалогической природы самосознания,

в связи с чем в развитии самосознания ведущую роль играют внутренние противоречия, образующие «конфликтный смысл Я» (Столин, 1983).

Диалогичность сознания и самосознания человека, принципиальную несамодостаточность «одного сознания» подчеркивал и М. М. Бахтин, который указывал, что личность существует прежде всего на границе своих отношений (реальных или мыслимых) с миром (Бахтин, 1979). Представление о диалогичности трансформируется в качественно иное состояние «полилога» (Иванова, 2009). Взаимодействия субъектных систем в условиях полилога основаны не на иерархическом соподчинении, а на взаимной координации, что определяется как «гетерархия» (McCulloch, 1965). В отличие от иерархических отношений между разными уровнями систем, которые представлены в большинстве классических моделей организации психических феноменов, для отношений по типу гетерархии «характерны поперечно организованные сетевые структуры, отражающие более сильные взаимозависимости, возникающие в процессе сложно организованного сотрудничества» (Старк, 2009, с. 57), а также «в гетерархиях не существует никакой иерархии среди соперничающих принципов оценивания» (там же). Гибкость гетерархических структур определяется тем, что они адаптируются к изменениям через самоорганизацию. Тем самым гетерархия рассматривается как структурная основа для полилового взаимодействия, где множественность позиций приводит не к хаосу, а создает устойчивую сложность.

Принципы нелинейного и фрактального детерминизма в исследовании условий и процесса становления субъекта самосознания в русле обозначенной онтологической парадигмы представлены в идеографическом подходе (Франселла, Баннистер, 1987), который, в частности, реализуется в психосемантической, проективной и продуктивной психодиагностике, ориентированной на выявление эксплицитных и имплицитных компонентов индивидуального сознания и самосознания через образы, символы, символические действия, вербальные и невербальные значения. Такие приемы диагностики различных форм значений (образов, символов, вербальных и невербальных знаков) в индивидуальном сознании, в конфигурации и

содержании образов «Я-концепции», как метод множественных идентификаций, психосемантический анализ ассоциаций, метафорических образов, текста и нарратива, позволяют в определенной степени «схватывать» динамичные, сложно фиксируемые в диагностике процессы субъект-средовых взаимодействий (Артемьева, 1999; Петренко, 1997, 2005, 2013; Старовойтенко, 2021; Столин, 1983; Шадриков, 2020; Шмелев, 1983; Щукина, 2017). С логикой онтологической парадигмы соотносится то, что перечисленные методы ориентированы на диагностику не статичных типов (привязанных к индивиду), а динамических, ситуативно обусловленных, представленных в индивидуальных интрасубъектных взаимодействиях, проявлений самосознания. Такого рода диагностические подходы рассматривают отношения субъекта психической активности и развития со средой, как динамичные саморегулируемые взаимодействия, процессуальность которых определяется фрактальным типом детерминизма, который «...основан на внезапности бытия, его синергетической естественности <...> выводится из субстанциональных глубин бытия, из самодвижения бытия, а не из трансцендентной или имманентной заданности...» (Меньчиков, 2024, с. 81).

В отличие от других онтологизаций понимания психической реальности, В. И. Панов, развивая взгляды А. И. Миракяна, подчеркивает, что в онтологическом смысле каждая форма бытия, в том числе психические новообразования, должны пройти три стадии: самопорождения, самосохранения и саморазрушения (переход в иную форму бытия). Субъектная позиция Я, связанная с активностью выбора, создания новых образов и смыслов во взаимодействии с составляющими (или условиями) внешней или внутренней (интериоризованной) среды, подразумевается при понимании диалогичности (или полилогичности) самосознания. Однако, при указаниях на «диалогичность» и «взаимодействие» часто не учитывается субъектный характер той системы, которая выступает в качестве «среды». Этот недостаток концепций, реализующих онтологический взгляд на процессы развития субъективной психической реальности, преодолевается в

экопсихологическом подходе к развитию психики В. И. Панова, методологической предпосылкой которого выступает не «человек как субъект психики в отношениях со средой», а сами отношения «субъект психической активности – среда». Психика в таком понимании рассматривается как форма бытия, сущностной функцией которой является творческая природа порождения и развития посредством «субъект-средовых взаимодействий», выступающих в качестве «метасубъекта психической реальности» (Панов, 2022). При этом как «индивид», так и «среда» могут выступать друг для друга в роли активно воздействующего агента (субъекта или квази-субъекта) или же в роли объекта (квази-объекта), принимающего такое воздействие и подчиняющегося ему (Панов, 2024). Тип экопсихологических взаимодействий, определяемый объектной или субъектной позицией участников этих взаимодействий, отражает уровень развития системных процессов, определяющих этапы становления феноменов психической реальности, как форм бытия (Панов, 2013).

С позиций гносеологической парадигмы развитие компонентов самосознания личности (Я-образов, идентичности, жизненных приоритетов) рассматривается в ракурсе прямой причинной детерминации: либо социальная среда определяет самосознание через научение, нормирование, трансляцию образов, ролевых моделей, ценностей, либо развитие личности определяется способностью ее адаптации в социальной среде через самокатегоризацию и успешность освоения социально-ролевых норм. Понимание процессов развития самосознания сводится к анализу механизма рефлексии, обеспечивающего самопознание (выделение Я из среды, осознание свойств Я через категоризацию и сравнение), и регуляторного механизма, обеспечивающего адаптацию в среде. Самосознание представляется в «ставшей форме» его существования, поскольку в качестве предмета исследования определяется феномен, с уже описанными характерными структурными и содержательными свойствами. Процесс порождения и внутренней динамики компонентов самосознания в разных ситуациях взаимодействия со средой, вследствие методологических ограничений

гносеологической парадигмы, остается вне предмета исследований. В логике гносеологической парадигмы, сущность и развитие самосознания философских и психологических теориях связывается с механизмом рефлексии (самосознание рассматривается как результат (продукт) саморефлексии, самоанализа) (Декарт, 1989; Лекторский, 1980; Лысенко, 2009; Михайлов, 1990; Спиркин, 1972; Niemeck, 2023; Smith, 2020; и др.).

В ракурсе трансцендентальной парадигмы сущностная причина становления самосознания заключается в априорных высших или глубинных принципах, реализующихся и постигаемых (либо достигаемых) в процессе индивидуального саморазвития, самопонимания, обретения смысла «Я». В познавательно-рефлексивных и регуляторных процессах, актуализируется значение обретения или постижения смыслов «Я» (самости) вынесенной за пределы индивидуального самосознания личности. Линейно детерминируемые отношения субъекта и среды здесь заменяются вероятностными и ситуативными, и потому не определяемыми в гносеологически заданной логике. При исследовании самосознания в трансцендентальной логике на первый план выходят данные, полученные на основании смыслового моделирования исследователем подсознания человека, которое сам человек не может объяснить, того пространства, где «...возникают виртуальные образы, эмоции и влечения, которые потенциально могут стать регуляторами поведения...» (Дружинин, 2000, с. 272). В этом смысле в исследовании самосознания личности на первый план выходит «герменевтический метод» (метод понимания), истоки которого находятся в приемах толкования текстов: «...включения текстовой информации в более широкий контекст знаний с интерпретацией, т.е. «переводом», с добавлением дополнительных значений, зафиксированных в тексте (поиски «второго», скрытого смысла)» (Дружинин, 2000, с. 273).

Развитие взглядов на самосознание с позиций онтологической и трансцендентальной парадигм актуализировали внимание к регуляторному и смыслопорождающему процессам, подчеркивая в развитии самосознания значение процессов саморегуляции и самопонимания, а также их единства,

целостности (Бердяев, 1991, 1995; Гуссерль, 2009; Дикая, 1984; Знаков, 2007; Менегетти, 2007; Моросанова, Аронова, 2004; Налимов, 1989; Прохоров, 2009; 2016; Пряжников, 1997; Сергиенко, 2009; Юнг, 2009, и др.). В свою очередь, онтологическая позиция в понимании самосознания личности, как субъекта бытия (Анцыферова, 2000; Знаков, 2020, Ожигова, 2006; Рубинштейн 1957, 1997, Рябикина и др., 2009, 2010, 2013 и др.) и как субъекта деятельности (Леонтьев, 1977; Серкин, 2009) фокусирует внимание на взаимно преобразующем характере отношений человека и среды.

Ключевой характеристикой самосознания при таком понимании выступает «эмерджентность», которая, в противоположность редукционизму (попыткам объяснения системы через ее компоненты) подчеркивает, что свойства самосознания проявляются только на уровне системы, а не отдельных частей, возникая спонтанно и самоорганизуясь, при их нельзя вывести из свойств отдельных элементов. В этом русле понятие «развитие» требует замены на понятие «становление» в описании процесса самосознания, поскольку «развитие» характеризует рост, усложнение и совершенствование в пределах одной и той же формы действительности, в то время как «становление» означает восхождение от низших форм действительности к высшим, от меньшей степени сложности к большей степени сложности системных феноменов, каковыми являются самосознание личности и ее субъектность. В определении А. Ф. Лосева понятие «становление», которое включает «...и возникновение просто, и все дальнейшее и дальнейшее возникновение того, что уже однажды возникло» (Лосев, 1999, с. 11), выражает специфику самопорождающейся и самовоспроизводящейся (в современном неоклассическом понимании – эмерджентной) сущности в его бытии – «самое само» (куда также относил Я).

Самосознание личности, как уровень взаимодействия Я с социальными нормами, относится к «макропсихологическому» уровню психических систем, на котором осуществляется уровень регуляции деятельности психическими функциональными системами, отвечающими за целостность психики (Дружинин, 2000, с. 281). Этот, высший уровень психического, отличается

уникальностью (способностью порождать уникальное поведение и продукты, т.е. творчеством), спонтанной активностью (способностью выходить за пределы ситуации, регулировать действия, прогнозируя будущие события), целостностью (неразложимостью на элементы и соподчинением структур низших уровней законам функционирования этой целостности). Описанные признаки высшего уровня психического, согласно В. Н. Дружинину, не позволяют применять к нему измерение, как метод, «объективирующий» психическую реальность, поскольку «...“внутренняя” динамика психики может привести к возникновению нового свойства, что само по себе делает инвариантное представление невозможным и нарушает принцип воспроизводимости результатов измерения» (Дружинин, 2000, с. 282). Соответственно, предметом эмпирического описания психической регуляции на уровне жизнедеятельности, в отношении психики (Я, личности) к собственной деятельности и жизненному пути, выступают структуры целостной психики (сознание, подсознание, личностные образования, уникальная индивидуальная психика), а способами описания (измерительными шкалами) – порядковые и номинативные шкалы, выявление сходства и описание отдельных случаев (там же).

Таким образом, понимание самосознания в ракурсе экопсихологического подхода возможно не только в качестве внешне или внутренне обусловленной данности (либо заданности) структурных и содержательных компонентов, но и в качестве процесса становления Я во взаимодействиях с внешней и внутренней средой личности, что определяет разные подходы к диагностике и интерпретации эмпирических данных, заданные логикой гносеологической, трансцендентальной и онтологической парадигм. Кроме того, концептуализация самосознания на методологических основаниях экопсихологического подхода требует определения критериев субъектной и объектной позиции, как Я (субъекта самосознания), так и составляющих внешней и внутренней среды в этих взаимодействиях.

1.2. Категории субъекта и объекта в системной детерминации самосознания

Согласно А. В. Карпову: «...при раскрытии природы и своеобразия закономерностей психологического плана возникает столь же специфичная именно философскому уровню познания проблема соотношения объективного и субъективного в них, а в еще более общем плане – и проблема соотношения субъекта и объекта» (Карпов, 2025, с. 21). В этом контексте, в исследовании системной детерминации самосознания в отношениях человека с внутренней и внешней средой его личности обратимся к аналитическому выделению и обоснованию позиций «субъекта» и «объекта» этого процесса, а также их отношений.

В классическом философском понимании субъект противопоставляется объекту, с которым он связан отношениями познания и деятельности, – это «...носитель предметно-практической деятельности и познания (индивид, социальная группа), источник активности, направленный на объект» (Лекторский, 1980, с. 154). Условием, благодаря которому тот или иной элемент среды выступает как объект, является активная деятельность субъекта. Человек, овладевающий миром культуры (орудиями предметно-практической деятельности, формами языка, логическими категориями, нормами нравственных, эстетических оценок и т. д.) с присущим ему переживанием собственного «Я», в таком понимании рассматривается как субъект самосознания в отношении к объектной (внешней) среде. В то же время, синергетические системные качества субъекта, согласно Ю. М. Лотману, проявляет и культура, поскольку: «...В нее входят частные подсистемы, обладающие внутренне замкнутой, автономной структурой, для которой вся толща культуры выступает как внешняя среда. С этой точки зрения, неоднородность принципов, организующих различные подсистемы данной культуры, может рассматриваться как свойство любой достаточно сложной и жизнеспособной, могущей саморазвиваться культурной системы» (Лотман, 2000, с. 424–425).

В ответственной психологии и философии признана позиция, что в реальных отношениях с внешним и внутренним миром человек не может выступать объектом: «Быть человеком – значит быть субъектом своего самоизменения» (Михайлов, 1990, с. 195), так как продуктивное, преобразующее, субъектное начало выступает неотъемлемой частью человеческой психики. Близкая мысль одновременно высказывалась и А. В. Брушлинским: «Важнейшее из всех качеств человека – быть субъектом, т. е. творцом своей истории, вершителем своего жизненного пути» (Брушлинский, 1990, с. 30). Д. А. Волкогонов также считал, что источник развития сознания – субъектная позиция человека во взаимодействиях с внешней средой: «Внешняя среда не есть причина развития сознания. Это своеобразная природная, общественная, духовная колыбель, где осуществляется развитие человека и приложение им своих творческих сил. А причина развития – внутренние противоречия сознания, которые возникают и разрешаются в этой среде» (Волкогонов, 1972, с. 76).

С другой стороны, в зарубежных концепциях выделяется социокультурный феномен «объективации», когда человек позиционируется как объект внешнего оценивания, посредством навязанных извне параметров, свойств и характеристик без учета переживаемых им чувств, индивидуальных интересов и ценностей (Fredrickson, 1997; Landau et al., 2012; Nussbaum, 1995). Результатом объективации может стать самообъективация, как перенесенная вовнутрь самосознания позиция воспринимать себя как объект, который подвергается оценке со стороны других людей, сквозь призму ценностей и отношения на основе нормативно заданных стандартов и идеалов физических и поведенческих внешних проявлений (Каширский, Мясникова, 2020). В другой терминологии используется понятие «квази-объект», когда человек в восприятии социальной ролевой модели, как культурной нормы, делегирует ей субъектность, принимая ее директивность по отношению к себе, выступая в этом случае объектом отношений. Во внутренней рефлексивной деятельности человека составляющие его самосознания (образ себя, других, свои когнитивные, эмоциональные, мотивационные процессы и пр.) могут

выступать объектом анализа и, возможно, целенаправленных трансформаций. Таким образом, во внутренней среде самосознания позиции объекта и субъекта рефлексивной деятельности также могут рассматриваться в дивергентной оппозиции, что соответствует гносеологической парадигме (Хисамеев, 2014).

В то же время, А. И. Миракян обращал внимание, что дихотомия «субъект – объект» задана стереотипами мышления, которое приспособлено, адаптировано для представлений объектов вне себя: «Традиционное мышление в психологии привыкло работать по схеме «субъект-объект». Есть некий субъект, который нечто воспринимает, отражая некоторые объективные характеристики предмета или явления. А. Н. Леонтьев поставил в центр этой схемы деятельность, что предполагает изучение процесса взаимодействия субъекта и объекта. <...> Тут мы по-настоящему «врезаемся» в проблему единства деятельности и сознания, которое нужно искать в закономерностях субстанциональности самой материи» (Миракян, 2004, с. 6). М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский также подчёркивали отсутствие в сознании типичной для классических теорий оппозиции «субъективное – объективное»: «...у философии сознания нет своего специфического объекта, поскольку сознание не есть объект, а любой другой объект теряет свою специфичность, будучи соотнесен с сознанием» (Мамардашвили, Пятигорский, 1997, с. 9-10).

Развивая идею необходимости преодоления следования схеме «субъект – объект» в понимании сознания и самосознания (Я), В. А. Петровский, ссылаясь на Г. П. Щедровицкого и В. П. Зинченко, заявляет о возможности «бессубъектного характера» деятельности, сознания и Я. Согласно концепции мультисубъектной персонологии В. А. Петровского (Петровский, 2013) субъектом самосознания выступает Я, которому присуща «идея субъектности», как переживание самопричинности во взаимодействиях с внешним и внутренним миром. Говоря о статусе Я в культурно-деятельностном ракурсе, В. А. Петровский определяет Я как целостность, объединяющую в себе четыре причины себя: «материальную («из чего»),

формальную («по форме чего»), действующую («из-за чего») и конечную («для чего»)) (Петровский, 2023, с. 39). Эти четыре ипостаси Я интегрируются в процессе деятельности, объединяющей в себе многоплановые проявления активности. Согласно В. А. Петровскому, конфигурация Я – это не только посредник в ряду «активность – знак – мир», но и форма поведения, изоморфная конфигурации феноменального поля, которая, отразившись в объекте, и превратившись, тем самым, в новый поток импульсов Я, возвращает активность к своему истоку в знаковом психическом поле, где наводит новый порядок или подтверждает прежний. В результате Я приобретает статус знака: Я (означающее) соединяется с Я (означаемым) (там же, с. 38). То есть, «...Я – «не совсем» объект, а скорее «конструкт», формируемый нами и каждый раз оживающий при обращении к нему, как источнику, цели, средству и результату осуществляемой деятельности» (там же, с. 39).

В. М. Аллахвердов в еще большей степени подчеркивает идею эмерджентности в функционировании сознания и самосознания как механизма субъектности человека, отмечая, что мозг человека может автоматически генерировать все гипотезы, в том числе о своём «Я», о смысле жизни, человек постоянно выбирает из множества порождённых гипотез те, которые соответствуют его предпочтениям, а сознание пытается согласовать этот выбор с опытом, постоянно проверяя, действительно ли он такой, как о себе думает, правда ли, что окружающий его мир и смысл его жизни именно таковы, как ему сейчас представляются (Allakhverdov, 2000).

В субъектно-деятельностном подходе С. Л. Рубинштейна, развитием которого является концепция психологии субъекта А. В. Брушлинского и субъектно-бытийный подход (В. В. Знаков, З. И. Рябикина, Е. Н. Ожигова и др.), субъектная позиция человека (его психики и сознания) невозможна в отрыве от его бытия в мире: «...онтологические предпосылки исследования субъект-объектных отношений основываются на том, что мир, включающий других людей, анализируется как предпосылка подлинного существования субъекта. Человек должен быть взят внутри бытия, в своем специфическом отношении к нему, как субъект познания и действия, как субъект жизни»

(Знаков, 2007, с. 68). Однако познание, понимание и отношение сознания человека, субъектно направленные к внешнему миру, рефлексивно обращает его и во внутренний мир. В процессах самопонимания, самопознания и самоотношения человек-субъект делает свой внутренний мир объектом, по сути, становясь объектами познания и отношения в самосознании. С позиций системно-субъектного подхода: «...в качестве когнитивной функции по отношению к субъектности выступает понимание, коммуникативной функции – континуум субъект–субъектных и субъект–объектных взаимодействий, в качестве регулятивной функции – контроль поведения и самопроизвольность» (Сергиенко, 2017, с. 8).

В понимании А. Ш. Тхостова, диалектика субъектной и объектной позиции Я в каждой отдельной рефлекслируемой ситуации выступает базовой феноменологической характеристикой самосознания человека: «...каждое совершающееся со мной событие я могу непроблематично квалифицировать как случившееся со мной или сделанное мной. В первом случае я сталкиваюсь с независимыми от меня силами объективного мира, во втором – выступаю автором своего поступка. Граница, проходящая между этими событиями, и есть граница, отделяющая объект от субъекта» (Тхостов, 1994, с. 3).

В то же время В. В. Знаков подчеркивает значимую роль и неизбежное участие в функционировании индивидуального сознания неосознаваемых, имплицитных, и поэтому не регулируемых составляющих, противоречия между рациональным знанием, допускающим объяснение, и глубинными эмоциями, переживаниями, влияющими на поведение, выборы и решения, но не поддающиеся логическому обоснованию. Кроме того, идеи, которые субъект сознательно уже сформулировал будут блокировать возможность осознания автоматически реализуемых схем действий (Знаков, 2020).

Соглашаясь с В. Франклом, В. В. Знаков подчеркивает, что самопознание ведет к утрате субъектности, поскольку «...становясь объектом понимания, субъект оказывается недостижимым для сознания, бесконечным, неопределенным и потому теряющим свою субъектную сущность» (Знаков,

2007, с. 68). По мнению В. М. Аллахвердова (2005), семантические преобразования, социальные оценки, моральные суждения изначально создаются неосознанно и только потом осознаются. Кроме того, в этом процессе важную роль играют эмоции, которые сообщают сознанию о событиях, происходящих в неосознаваемой сфере (Аллахвердов, 2006). В. А. Лекторский объясняет этот механизм субъект-объектной трансформации рефлексивной сущностью самосознания, поскольку «...способ критического переосмысления сложившихся систем деятельности, принятых установок, имеющейся Я-концепции <...> есть также пересоздание объекта рефлексии, в том числе и самого Я» (Лекторский, 2018). Однако неразвитость рефлексии, как процесса самопознания и самопонимания, или осознания, также может быть причиной утраты субъектности человеком.

Еще один ракурс в рассмотрении проблемы соотношения позиций «субъекта» и «объекта» в самосознании возникает при соотношении модусов не только персональной, но и в коллективной идентичности, поскольку человек мыслит и создает себя не только в качестве «Я», но и в качестве «Мы». В самосознании человек может мыслить себя преимущественно или порой даже исключительно в качестве коллективной идентичности. В связи с этим поднимается вопрос о том, как определить меру субъектно-личностного и социально-объективированного в самосознании (Карамзина, 2012).

Значимость разных векторов, определяющих самосознание, отражена также в теории уровневых конструкторов (Construal Level Theory), популярной в настоящее время в западной психологии, и в частности, в феномене само-интерпретации («Self-construal») (Cross et al., 2009; Kitayama, et al., 2007; Oyserman, et al., 2002; Shukla, 2020). Само-интерпретация состоит из двух аспектов: независимость от других (осознавание себя ближе к модусу «Я») и взаимозависимость с другими (осознавание себя ближе к модусу «Мы»). Преобладание субъектной позиции в самосознании отражает тенденцию индивида определять себя посредством своей уникальной конфигурации внутренних качеств и сосредотачиваться на раскрытии и выражении своего особого потенциала. Осознавание себя ближе к модусу «Мы» может быть

представлено как реляционная взаимозависимость (определение себя с точки зрения близких отношений), либо как коллективная взаимозависимость (определение себя с точки зрения социальных групп). В результате сочетания этих компонентов самости возникают четыре типа самоинтерпретации: биконструктивный, независимый, взаимозависимый и амбивалентный, которые могут быть представлены в когнитивном, аффективном, мотивационном, и в межличностном поведении. Данные конструкты были введены для объяснения кросс-культурных различий в самоописаниях и поведении людей (Markus, Kitayama, 1991), поскольку баланс субъектной и объектной позиции Я в самосознании изменяется в зависимости от социокультурных условий, в которых развивается личность, и кроме того, он может быть очень неоднозначным, многоуровневым и вариативным, зависящим от ситуации. Кроме того, в некоторых ситуациях уровни конструирования Я и «не – Я» феноменов в самосознании могут изменяться независимо друг от друга (Медведев, 2022).

Можно выделить и более радикальные мнения в фиксации позиций субъекта и объекта развития личности и самосознания в отношениях «человек – социокультурная среда». Согласно философскому принципу персонализма Э. Мунье, субъектом является не индивид, а социум, коллективная сущность, в которую включен индивид. В качестве «частичности» по отношению к «целостности» социума индивид – объект; субъектность же представлена в деятельности коллективного субъекта. Человек в качестве объекта исполняет набор функциональных системных требований, передавая «полномочия» субъектности «системным» инстанциям (Мунье, 1999).

Принцип персонализма Э. Мунье противоположен традиционной для отечественной философии и психологии позиции, согласно которой только личность может быть подлинным субъектом (источником активности, самосознания, свободы связанной с ней ответственности за свои выборы). Надиндивидуальные субъекты не обладают самостоятельным существованием вне деятельности индивидуальных субъектов-личностей, им

не присуща «самость», самоопределение, они не обладают экзистенциальными качествами, поэтому они могут быть обозначены термином «квази-субъекты». Самоопределяются, то есть имеют позицию «субъекта» только люди, они действуют «от имени» надличностных сущностей, а квази-субъекты – это элементы объектного мира, результат экстерииоризации человеческих идей, сил и действий. Как, например, в экзистенциально-онтологической концепции нравственного функционирования личности Е. К. Веселова подчёркивает, что нравственные нормы и ценности формируются не только под влиянием социокультурных факторов, но и через индивидуальный выбор и личную ответственность (Веселова, 2003).

Этот анализ подводит к мысли о том, что проблему соотношения позиций «субъекта» и «объекта» при развитии самосознания человека в социокультурной среде невозможно решить в рамках линейного детерминизма, в дихотомической парадигме анализа. Как справедливо отмечает Е. В. Кармазина: «...Анализируя структуру социальной действительности, можно сколь угодно убедительно объяснять, что реально действуют и мыслят только люди, а все прочие элементы социального мира – лишь результаты и условия их деятельности; соответственно, только люди (индивиды, личности) – субъекты, а все “коллективные идентичности” – объектные сущности. Однако все эти доказательства рассыпаются в прах перед тем простым фактом, что если человек осознает себя элементом, частью, фрагментом и объектом, то он и есть объект; думает и действует в объектной логике, а в качестве субъекта будет действовать кто-то иной, кому утраченная субъектность “делегирована”» (Кармазина, 2012, с. 109–110).

Логика нелинейной детерминации, сложных системных отношений сознания, самосознания и среды представлена в семиотических теориях. Согласно киберсемиотической концепции Г. Бейтсона, позиции субъекта и объекта в системных взаимодействиях внутренних и внешних контекстов индивидуального сознания постоянно флуктуируют (Бейтсон, 2000). Субъективно человек во взаимодействиях с внешней средой может занимать как

осознанную, активную, управляющую позицию субъекта, так и объектную, – адаптивную позицию, управляемую извне: «Сознание наблюдает за движением к цели и осуществляет определенную коррекцию средств. Однако потеря онтологической перспективы смещает отношение «человек – мир» в сторону адаптивных моделей, и в результате целеполагание теряет качество свободного сознательного акта. Уже не надситуативный «практический разум» сообщает направляющие линии, расчерчивающие теоретическую карту жизненных «территорий». Речь следует вести, скорее, о принудительной власти навязанных извне целей, бездумно принимаемых за свободные интенции. Сумма внешних вызовов сообщает воле целеустремленность, но эта линия мотивации подобна силовым линиям магнитных полей и в основе сводится к принудительной внешней детерминации» (Козырев, 2019, с. 47–56).

В семиотических концепциях обосновывается, что внутренне субъектный, диалогичный характер присущ также и среде, в частности, социокультурной среде, в которой происходят трансформации семантических структур общественного сознания. Согласно Ю. М. Лотману, субъектность культуры проявляется в ее синергетических системных качествах, поскольку культура «...обнаруживает признаки самонастраивающейся системы и способна сама регулировать и усложнять собственное строение...» (Лотман, 2000, с. 424). Понимание культуры, как самостоятельного смыслопорождающего субъекта («культура – как субъект и сама себе объект» в концепции семиосферы Ю. М. Лотмана) опирается на ее признаки диалектического единства противоречий и дихотомии, на внутреннюю неоднородность, вариативность и диалогичность.

В структурно-диалектическом подходе Н. Е. Вераксы соотношение позиций субъекта и объекта в становлении самосознания развивает семиотические представления Ю. М. Лотмана (2000) о взаимодействии человека и социокультурной среды. Культура, выступающая как система нормативных предписаний, отделена от человека, но находится в диалектическом взаимодействии с ним, с одной стороны, обращая правила на

человека (субъекта), определяет его поведение, а с другой стороны, понятие ситуации предполагает отношение между субъектом и этими обстоятельствами, то есть, нормативная ситуация – это пространство активности субъекта (Веракса, 2000, с. 84–85). Диалектика культуры создает тем самым человеку энергетическое напряжение, готовое при снятии (группового, социального) ограничения проявить себя, вырваться. Субъект же должен постоянно заниматься рефлексией, чтобы различать (интерпретировать) обстоятельства нормативных ситуаций (там же, с. 90). Поэтому рефлексивность – главное свойство нормативного (культурного) поведения. В структуре нормативной ситуации можно выявить объективные (внешние и внутренние) свойства и субъективные (или смысловые) свойства, которые в данную нормативную ситуацию вводит человек (или группа), оформляя свою индивидуальную невысказанность в новую культурную норму. Таким образом, Н. Е. Веракса дифференцирует субъектную и личностную позиции в стратегии отношения человека к культуре как нормативной системе. Субъектная позиция может состоять в стратегии следования норме – «консерватор»; либо в стратегии отрицания, разрушения нормы в культурной ситуации – «революционер». Обе стратегии в рамках данной концепции соответствуют позиции субъекта, который предшествует позиции личности, поскольку: «...лишь рефлексия и преобразование обеспечивают личностную позицию, формирование которой и есть подлинная цель воспитания. По существу, воспитание личности в культуре есть формирование ее творческого потенциала, основанного на способности к критическому анализу и рефлексии. Воспитание личности требует иных средств, нежели воспитание субъекта» (Баянова, Мустафин, 2013, с. 75).

Личностная позиция, в силу преобразования нормативной ситуации и привнесения нового правила, состоит в стратегии «творца»: «Творец нормы оказывается социально значимым для всех членов социума, и тем самым он приобретает в глазах членов социума вторую личностную особенность – самореализацию, т.е. создание новой нормы делает человека личностью» (Веракса, 2000, с. 96). Истоки данной идеи восходят к концепции

Ю. М. Лотмана, который также выделяет три стратегии отношения к норме: человек либо отрицает норму, либо следует ей, либо, находясь в условиях ситуации с уже имеющейся культурной нормой, предлагает новую, свою – личностную (Лотман, 1992). Понятия «субъекта» и «личности» в логике описанной концепции различаются, как разные уровни развития самосознания человека в культурном контексте среды: в личностной стратегии отношения к норме наблюдается выход за пределы субъектности, когда человек, расширяя заданные культурой границы нормативной ситуации предлагает трансформацию самой культуры (Баянова, 2012).

В концепции Е. Ю. Коржовой личность – это субъект жизненного пути. Жизненная ситуация определяется как фрагмент среды, проявление внешних обстоятельств жизненного пути личности в определённый момент времени (Коржова, 2002). В контакте человека с жизненной ситуацией Е. Ю. Коржова выделяет типы субъектной и объектной ориентации по уровню активности жизненной позиции: трансситуационная изменчивость определяет стремление к изменениям, трансситуационная подвижность характеризует стремление человека взаимодействовать с новыми жизненными ситуациями, к жизненным переменам (Коржова, 2001). Помимо одномерной типологии (пассивная — активная жизненная позиция), благодаря особой группировке базовых компонентов жизненных ориентаций в два независимых основания, предложена двухмерная типология, выделяющая такие типы как «преобразователь» (высокие показатели жизненного творчества и жизненной ответственности), «гармонизатор» (высокие показатели жизненного творчества и низкие показатели жизненной ответственности), «пользователь» (низкие показатели жизненного творчества и высокие показатели жизненной ответственности), «потребитель» (низкие показатели жизненного творчества и низкие показатели жизненной ответственности) (Коржова, 2024).

Идея единства и диалектичности субъектной и объектной позиции Я в самосознании, позволяющей осуществлять развивающие Я интрасубъектные диалоговые взаимодействия лежит в основе концептуальной модели

отождествления-разотождествления Я с собой Е. Б. Старовойтенко: ««Я-в-мире» в каждый момент своей деятельной жизни становится объектом для Я-субъекта. Я выступает субъектом, имеющим предметом самого себя, обладает нераздельной *субъект-объектной* сущностью <...> лишь рефлексивное сознание Я имеет объектом себя непосредственно. Единство в-себе-для-себя определяет достижение самотождества Я» (Старовойтенко, 2021, с. 818). Динамичная связь, непрерывная смена и переход процессов отождествления – разотождествления – нового отождествления с собой как в-себе (Я-субъекта) и для-себя (Я-объекта) составляют субъект-объектное пребывание и активность Я во внешнем и внутреннем мире. В самосознании рефлексивный диалог «Я – Другой» реализуется через парадоксальное единство субъектной и объектной позиций в трансформациях внутриличностных взаимодействий: «Я в отношении к Другому является субъектом и испытывает действие субъектности другого Я, являясь объектом для этого Я и полагая его объектом для себя <...> В смене субъект-объектных позиций Я и Другого Я оказывается воздействующим на Другого, представленным в нем, преобразованным в его внутреннем мире, внутренне встречающим Другого со своим присутствием в нем и в свою очередь проектирующим его преобразования» (там же, с. 819).

Б. С. Алишевым также отмечается диалектичность позиций «субъект-объект» для любой, наделенной самосознанием, социальной системы (общество, социальные группы, отдельные личности). Сущность таких систем в том, что они одновременно являются и объектами, и субъектами: «Как объекты они обладают различными качествами и свойствами, но последние обнаруживают себя только в действиях, совершаемых ими уже в качестве субъектов. Как субъекты они обладают потребностями, целями, интересами, которые тоже проявляют себя только в действии. Действие социального «объекта» превращается в нечто тождественное ему самому, так как вне действия он никак себя не проявляет и не существует» (Алишев, 2011, с. 70). В теории ценностей Б. С. Алишева, основанной на системно-функциональном подходе, в качестве феноменов самосознания понимаются ценности, которые

возникают, как необходимый параметр взаимодействия в системе «субъект — объект». Необходимость преодоления неизбежной неопределенности, во взаимодействии субъекта и объекта во внутреннем мире человека порождает необходимость определения значимости ценностей, которая задается континуумом «Я – не Я» (Алишев, 2011а). Функция действия, ключевая для проявления субъектности социальных объектов, логически определяет необходимость анализа взаимодействия систем, как разного, так и рядоположенного порядка, в результате чего возникают и развиваются информация, энергия, смыслы, формы, образы и т.п. В понимании Г. Л. Тульчинского для возникновения субъектности важен механизм семиозиса, стоящий за мышлением и телесным опытом; при этом «...субъектность выступает как универсальный интерфейс, реализующий смену контекстов, их взаимодействие, порождение возможных новых, обеспечивая динамичную устойчивость и развитие системы» (Тульчинский, 2023, с. 81–82).

Интеграция и взаимная циклическая детерминация (вместо дихотомии и резкого разделения организма и среды его жизни и познания, как субъекта и объекта), обосновываются также и в концепциях когнитивного энактивизма (Ф. Варела, Э. Томпсон, Э. Кларк, А. Нозм и др.). В концепции энактивизма субъект и объект познания представляют собой со-возникающие и обновляющиеся друг от друга эмерджентности. Субъект познания, или когнитивный агент (будь то человек или животное), рассматривается как активный и интерактивный: он активно встраивается в среду, его когнитивная активность совершается посредством его «вдействия» в среду или ее энактивирования. Проявление субъектности, реализуемой в когнитивных процессах (познания, восприятия, мышления, воображения, смыслообразования), в обязательном порядке сопряжено с действием (Князева, 2018). В концепции энактивизма субъектность индивида проявляется в двух вариантах взаимодействий: субъект-объектных и субъект-субъектных. Субъект-объектные отношения, когда субъекты регулируют внешнюю среду, которая не

регулирует их в ответ, определяются как ассиметричные. Взаимодействия субъекта с другими субъектами, в которых они регулируют друг друга, реализуют субъект-субъектные (симметричные) отношения (Barandiaran et al., 2009). Развивая эту мысль, Г. Де Джагер и Т. Фроз уточняют, что субъект-субъектные отношения также не обязательно приводят к симметрии, поскольку межсубъектные взаимодействия подвержены множеству различных видов напряженности (De Jaegher, Froese, 2009).

В концепциях аутопоззиса и когнитивного энактивизма представление о самоданности нормативности применимо к системам самого разного уровня – начиная с метаболического уровня и вплоть до высших видов идентичностей в сознании человека. Критериями субъектной системы выступают самопорождение (self-constitution), способность к смыслообразованию, автономия и адаптивность (Di Paolo, 2005; Weber, Varela, 2002).

Важным аспектом смыслообразования субъектных систем является центральная роль в нем движения (Barandiaran et al., 2009; De Jaegher, Froese, 2009; Sheets-Johnstone, 1999). То есть, любую систему, которая осмысливает мир в движении, можно отнести к феномену «субъект»: «... автономные адаптивные системы создают мир значений и ценностей посредством своего движения в нем. Автономная адаптивная система делает это по отношению к процессам порождения идентичности, которые реализуют ее как конкретное системное целое организм-среда, которым она и является» (Barandiaran et al., 2009).

Кроме того, Н. De Jaegher и Т. Froese (2009), отмечают, что процессы индивидуальной субъектности и смыслообразования основаны на социальных взаимодействиях, которые также представляют собой новые области возможностей смыслообразования. Взаимодействия несводимы к индивидуальному уровню. Субъект с этих позиций определяется как любая автономная система, способная к смыслообразованию в своей интерактивной области.

Помимо общепринятой идеи, что взаимодействующие субъекты могут оказывать влияние друг на друга, Н. De Jaegher и Т. Froese (2009), подчеркивают идею о том, что в результате совместного смыслообразования

взаимодействия, как таковые, могут влиять на индивидуумов. В понимании энактивизма совместное смыслообразование открывает области порождения смыслов, недоступные одному субъекту. Таким образом, социальное познание не является приложением общей когнитивной способности решать проблемы в конкретной области (например, социальной), как предполагают традиционные подходы. Скорее, это включенность субъекта (*agent's engagement*) в определенный вид воплощенного и ситуативного взаимодействия с другим субъектом. Этот взаимный контакт характеризуется автономией процесса взаимодействия, установленной при совместном регулировании процесса как минимум двумя субъектами, каждый из которых сохраняет свою автономию в ходе процесса. Таким образом, взаимодействие, как таковое, играет ключевую роль в межличностном порождении и трансформации смысла.

Механизм трансформаций смысла, с точки зрения когнитивного энактивизма, основан на нескольких позициях. Первичным условием возникновения и критерием определения сложноорганизованной автономной системы в качестве субъекта, наделенного способностью к совместному смыслообразованию во взаимодействии с другими субъектными системами, является движение, переходящее в действие. Все, что требуется для согласования (координации), – это степень сходства между координируемыми элементами и их «действие» («*behave*») самого базового уровня, то есть, движение. Системы, которые не двигаются, или не ведут себя каким-либо иным образом, вряд ли могут согласоваться. Если социальные субъекты имеют достаточное сходство (например, это люди или другие животные) то может происходить координация (согласование) движений этих субъектов. Это означает, что в общем порождении смыслов необходимо участие отдельных социальных субъектов, без необходимости наличия когнитивных способностей высокого уровня для осуществления согласованности. Интерактивная автономия (самостоятельность взаимодействия), как и координация (согласование), не является строго включенной или

выключенной, а скорее флуктуирует. Именно в этих флуктуациях процесса взаимодействия могут возникать или трансформироваться значения. Когда нормативная модель взаимодействия нарушается, то любая совместная адаптация, которая приводит участников к восстановлению скоординированной ситуации, может стать источником нового значения их собственных действий, действий друг друга, и мира в целом. Несмотря на позицию, что значение могут создавать только автономные субъекты, в их взаимодействии предметом изменений могут стать индивидуальные роли. Если новый паттерн возникает и остается, он может стать частью будущего репертуара этого конкретного состава взаимодействующих субъектов. Отсюда ясно, что взаимодействия не порождают новые значения самостоятельно, а скорее влияют на понимание их участниками. Точки флуктуации, в которых происходят эти изменения роли индивида, кажутся наиболее благодатной почвой для смыслообразования и трансформации (De Jaegher, Froese, 2009).

Смыслообразование, таким образом, осуществляется в процессе диалога, который подразумевает субъект-субъектные взаимодействия. Развитие представлений энактивизма в философских и психологических теориях, ставящих, в русле феноменологии, в основу развития сознания принцип единства тела (опыта телесных и двигательных ощущений), когнитивных систем (мышления, сознания и т.п.) с окружающей средой (включающей, помимо физических объектов, символические и знаковые системы), вылилось в понятие «воплощенного познания».

С позиций неоклассической методологии в работах Б. С. Алишева обосновывается позиция, что взаимодействие в системе «субъект – объект» происходит в условиях преодоления постоянно присутствующей неопределенности (Алишев, 2009, 2009а). Само существование субъекта становится возможным в процессе преодоления неопределенности, механизмом которого являются психика и сознание. Б. С. Алишев подчеркивает, что: «Стоящая перед субъектом задача преодоления неопределенности столь же фундаментальна, как и сам барьер

неопределенности. Она существует как непреложная и инвариантная данность; не решая ее, субъект не в состоянии обеспечить свое бытие. Фундаментальность ее заключается также в том, что она не может быть решена однажды и навсегда. Она в каждый момент времени воспроизводится, и субъект вынужден решать ее непрерывно в условиях постоянного изменения номенклатуры и свойств окружающих объектов. Неопределенность, существующая в принципе и в каждый данный момент времени, а также необходимость ее преодоления обуславливают возникновение соответствующих психологических механизмов» (Алишев, 2009, с. 17–18). Обладающий сознанием человек сталкивается с неопределенностью не только внешнего, объективного мира, но и своего внутреннего, субъективного, которая преодолевается, благодаря формированию личности (Алишев, 2009).

Таким образом, спектр научных представлений о субъекте самосознания варьируется аналогично концепциям психики (от позиций «антропopsихизма» до «панпсихизма»), в зависимости от того, как позиционируется субъектность индивида (человека) и среды в процессе становления самосознания. В частности, взгляды, относящиеся к традиционным философским и психологическим концепциям, в качестве субъекта самосознания, подразумевают исключительно человека, наделенного сознанием и развивавшимся как личность в социокультурной среде, что выступает аналогом полюса «антропopsихизма» в понимании самосознания.

В то же время, в современных представлениях о самосознании приобретают все большую популярность позиции, приписывающие субъектность любой сложной автономной системе, наделенной саморегуляцией и целенаправленностью (интенциональностью), саморазвитием, смыслообразованием и другими синергетическими характеристиками. Субъектными свойствами наделяются не только живые или биологические, начиная от бактерий и растений, системы, но и «неживые»: космические объекты и атомы, алгоритмы искусственного интеллекта и семиотические системы, культура и общество (Анохин, 2021;

Гусев, 2017; Лотман, 2000; Brier 2014; Bruntrup, 2016; Di Paolo, 2005; Piccinini, Scarantino, 2011; Rosenberg, 2004; Seager, 1995; Searle, 2013; Tononi, 2008; Weber, Varela, 2002). В этом смысле самосознание может рассматриваться как процесс и результат сложных общесистемных взаимодействий, в которых Я, в результате и в процессе осознания себя индивидуальной сущностью, может занимать как субъектную, так и объектную позиции.

С позиций экопсихологического подхода в анализе становления психики вместо отношения «субъект – объект» используется отношение «субъект – среда», где как индивид, так и среда могут выступать в позиции как субъекта, так и объекта этих отношений в зависимости от условий и задач психической активности (Панов, 2020; 2024). Согласно В. А. Геодакяну, сущностное разделение субъекта, как отдельной системы, и среды в их взаимодействиях условно, поскольку под системой понимается выделенная из среды совокупность взаимодействующих элементов. Это позволяет выделить два типа взаимодействий: между элементами системы (внутренние) и между элементами системы и средой (внешние). При этом соответствующая среда автоматически появляется с выделением любой материальной системы (Геодакян, 1971). Уровень анализа взаимодействий определяет то, что конкретно будет рассматриваться в качестве системы (субъекта), а что – в качестве среды. Исходя из этого, с позиций экопсихологического подхода, анализ взаимодействия «субъект – среда» применительно к пониманию самосознания подразумевает выделение системы, выступающей в качестве «субъекта» взаимодействия (например, представление о себе или «Я»), и «среды», которая также может выполнять функции субъекта.

Методология экопсихологического подхода, таким образом, позволяет преодолеть наметившиеся противоречия в понимании субъектной и объектной позиций самосознания в системе его детерминационных отношений со средой. Так, в модели экопсихологических типов взаимодействий выделены субъект-средовые взаимодействия репродуктивного, адаптивного, ситуативного характера (объект-субъектный, субъект-объектный, субъект-обособленный

типы) и продуктивного, порождающего, надситуативного характера (субъект-совместный и субъект-порождающий типы). При этом важно подчеркнуть, что в действительности свойством любой сложной автономной системы является проявление субъектности, как тенденции к самоконструированию и смыслообразованию во взаимодействии с другими сложными системами. То есть, в реальности мы всегда имеем дело с различными проявлениями субъектности, как человека (его Я в самосознании), так и составляющих социокультурной среды.

В экопсихологическом подходе процесс становления субъектности, как переход из «бытия в возможности» в «бытие в действительности» представлен семью стадиями порождения субъектных качеств, каждая из которых по мере развития превращается в средство перехода на следующую стадию. На первой стадии индивид выступает субъектом потребности, которая опредмечена в действии-образце, что становится мотивом и целью освоения. На второй стадии (позиция «наблюдателя») индивид выступает субъектом восприятия и интериоризации действия-образца. На третьей стадии (позиция «подмастерья») модель действия-образца, интериоризованная на предшествующем этапе, субъективируется, превращается в субъективное средство подражательного выполнения (экстериоризации) действия. Четвертая стадия («ученика») соответствует субъекту произвольного (самостоятельного и осознанного) действия при внешнем контроле, необходимом для регуляции правильного исполнения осваиваемого действия. Здесь происходит экстериоризация исполнительской части действия, сформировавшейся на двух предшествующих этапах, с одновременной интериоризацией и субъективацией регуляторной составляющей образца. Пятая стадия соответствует экстериоризации регуляторной составляющей субъектности, выполняющей функции контроля за правильностью выполнения действия (позиция «критика»), и может протекать параллельно, одновременно с четвертой стадией. Шестая стадия характеризуется сформированностью субъектности выполнения и произвольной регуляции (позиция «мастера»), а седьмая (позиция «творца») – продуктивным действием и

творческим развитием, когда освоенные образцы из объекта усвоения трансформируются в субъективное средство саморазвития, творческого самовыражения (Панов, 2022).

Таким образом, самосознание, выступая процессом и продуктом осознания человеком себя, как отдельного субъекта, отличного от окружающего мира, представлено концептом Я в индивидуальном сознании. Соответственно, изучение самосознания в процессуальной его сущности, подразумевает анализ взаимодействий Я (как на эксплицитном, так и на имплицитном уровнях) с субъективным отображением внешней, по отношению к личности, среды (репрезентированные в индивидуальном сознании образы, отражающие социокультурные семантические категории) и с составляющими «внутренней среды личности», включающей вероятные варианты образа Я, а также собственных состояний, мотивов, намерений, установок и пр. В качестве системообразующего представления о механизме отношений «субъект – среда» концептуальные основания экопсихологического подхода позволяют анализировать становление субъекта самосознания, как процесса упорядочивания и субъективной систематизации сложных, мультивекторных отношений в индивидуальном сознании человека образа Я с психическими образованиями (установками, представлениями, образами самоидентификации), также взаимодействующими между собой на внутриличностном, межличностном и социокультурном уровнях.

1.3. Единство внешней и внутренней среды в детерминации самосознания личности

Проблема соотношения внешнего и внутреннего в становлении самосознания фактически связана с поиском общего принципа детерминации личности. В философии детерминизма категория «среды» понимается как совокупность обстоятельств, которые объективно сосуществуют, как внешние

по отношению к изучаемому явлению, обеспечивая возможность его существования, но «...еще не вошедшие в мир данного конечного явления» (Меньчиков, 2024, с.58). В то же время, полностью соглашаясь с мнением А. В. Карпова, что «...понятия внешнего и объективного, а также внутреннего и субъективного недопустимо отождествлять: внутреннее также может и, более того, должно быть не только субъективным, но и объективным» (Карпов, 2025а, с. 365), мы выделяем в становлении субъекта самосознания внешнюю (интерсубъектную) среду и внутреннюю (интрасубъектную) среду личности, в которых порой трудно выделить субъективное и объективное.

Внешняя среда личности и ее самосознания. Человек от рождения является социальным существом, включенным в социальные отношения с другими людьми и вне человеческих отношений полноценно развиваться не может. Внешняя среда развития личности во всеобъемлющей и структурированной форме представлена в экологической теории У. Бронфенбреннера в виде взаимосвязанных и иерархически организованных подсистем (микросистемы, мезосистемы, экзосистемы и макросистемы), между которыми осуществляется гибкое взаимодействие, как прямое, так и обратное (Bronfenbrenner, 1979). Позднее в этой модели была введена пятая подсистема – хроносистема: исторический период времени, который накладывает свой отпечаток на всю систему (Психология человека..., 2010). При этом важно подчеркнуть, что социум в теории У. Бронфенбреннера представлен не как неподвижная, ограниченная данность, а как сложная динамическая система, при этом личность понимается как субъект, активно формирующий собственное развитие. Отношения между субъектом и социальной средой имеют характер взаимодействия и взаимных трансформаций. Развитие личности представляет собой двунаправленный динамический процесс: воздействие со стороны различных элементов окружающей среды, взаимодействует с активностью самого человека по реструктуризации многоуровневой жизненной среды.

Экологическая теория развития личности перекликается с положениями культурно-исторической концепции Л. С. Выготского о порождении и

развитии высших психических функций и сознания человека посредством интериоризации знаково-понятийной системы и культурно-опосредованных способов совместно-распределенной деятельности в социальной ситуации развития (Выготский, 1991; Давыдов, 1996; Рубцов, 1996 и др.). Развитие личности происходит путем перехода из внешнего, социального плана во внутреннее, собственное достояние, посредством интериоризации: «личность не врожденна, но возникает в результате культурного развития» (Выготский, 1983, с. 315).

Социокультурная среда. В развитии личности, по мнению У. Бронфенбреннера, основополагающее значение имеет культура, поскольку она определяет содержание всех уровней в модели экологической среды, выступая ценностно-смысловым основанием развития отношений и норм взаимодействия как на межличностном, так и на социально-организационном уровнях.

Культура в психологическом контексте рассматривается как ценностно-нормативная система, которая, интериоризуясь в индивидуальном сознании, определяет мировоззренческие, оценочные и поведенческие особенности личности и самосознания. Вариативность ценностно-смысловых оснований, их разнообразия в разных сообществах получают свое осмысление в целом ряде концепций измерения культур (Мацумото, 2003; Лебедева, 1999; Cohen, Leung, 2010; Fischer, Schwartz, 2011). На определенных основаниях категоризации авторы предлагают различные классификации типов культур, позволяющие понять их внутреннюю логику.

Однако параметры ценностей, убеждений и норм, которые обычно используются для определения и конструирования измерений культур на национальном уровне, часто демонстрируют гораздо большую изменчивость внутри стран, чем между ними (Fischer, Schwartz, 2011). Это проблематизирует положение о том, что личностные структуры и самосознание человека развиваются как имплицитная или эксплицитная направленность на ценности, убеждения и нормы, которые наиболее типичны и поддерживаются в конкретном сообществе.

Отрицание детерминирующего воздействия культуры на развитие личности и сознания, выражено В. П. Зинченко: «Культура — это усилие, а не насилие по отношению ко мне... Человек может находиться в культуре и оставаться вне ее» (Зинченко, 1996, с. 10). Личность, как субъект деятельности и образа жизни взаимодействует с социокультурной средой, по сути, включаясь в сложные знаковые системы, открывающиеся личности, как семантические пространства (Лотман, 2020). В этой связи внимание исследователей фокусируется на концептах культурной конгруэнтности, либо неконгруэнтности, отражающих то, насколько личность чувствует понимание и принятие ценностно-нормативной системы, либо отчужденность, непринятие или непонимание (Баянова, 2012; Веракса, 2000).

Современное общество характеризуется множественностью культурных контекстов, в которых человек постоянно адаптируется и реализует себя в непрерывном межличностном взаимодействии. Таким образом, социокультурная среда неоднородна, как структурно, так и функционально. Даже зная тип культуры, можно лишь с определенной долей вероятности ожидать соответствующий набор поведенческих и мировоззренческих паттернов у отдельного представителя этой культуры. Такими вариантами могут быть, как адаптивное соответствие требованиям, так и противоречие нормам, негативизм; как творческое развитие, преобразование норм, так и прямое асоциальное поведение. Условия современного общества, которое отличается открытостью, высокой динамикой взаимопроникновения и смешения культурных систем, преломляются, как в возможность выбора способов поведения в рамках определенной нормативной системы, так и в ситуацию неопределенности, нестабильности и непредсказуемости, способствующую ощущению диссонанса с окружением.

Таким образом, отношения личности с культурным контекстом социальной среды – это сложные нелинейные системные процессы, в результате которых возможны различные варианты соответствия отдельной личности той культурной системе, в которой происходит ее формирование, адаптация или аккультурация. Социокультурная среда предоставляет и

условия, и спектр возможностей развития, реализация которых связана с субъектной позицией и ресурсностью личности, позволяя выстраивать определенные (адаптивные или продуктивные) типы субъект-средовых взаимодействий (Нартова-Бочавер, 2019). Тем самым, культура представляет собой среду, элементы которой могут выступать как фактор, как условие, как средство, и как со-субъект психического развития индивида.

Природная среда. С позиций экологической психологии важной составляющей внешней среды выступает природная среда, как «совокупность конкретных, эмоционально окрашенных и субъективно значимых природных объектов и природных комплексов, взятых в их единичности и неповторимости» (Ясвин, 2000, с. 24).

Однако мир природы не представляет собой отдельный от мира культуры экологический уровень, а скорее его часть, производное. Субъективное отношение к природе в значительной степени культурно опосредовано, развивается и формируется в процессе образования, воспитания и включения человека в художественно-эстетическую деятельность.

Взаимосвязанное единство культурной, социальной и природной сред в развитии индивидуального сознания и самосознания подчеркивал Л. С. Выготский. По его мнению, природная среда всегда воспринимается человеком через призму символов, значений и семантически наполненных образов: «Среда для человека в конечном счете есть социальная среда, потому что там, где она выступает даже как природная, все-же в ее отношении к человеку всегда имеются налицо определяющие социальные моменты.... Если, глядя на лес, реку, деревья мы сознаем, что это – лес, река и дерево, мы называем их, мы понимаем, что они собой обозначают – следовательно, мы подходим к ним с такими сложными операциями социального опыта, которые можно не замечать только в силу того же закона, по которому мы не замечаем того, что мы дышим, растем, вертимся вместе с Землей, то есть всех тех изменений, которые происходят непрерывно и постоянно. Поэтому противопоставлять социальную среду среде природной можно только в очень узком, ограниченном и условном смысле...» (Выготский, 1991, с. 57).

Экологическая психология акцентирует внимание на субъективных связях человека с природой, которые выступают ресурсным основанием в развитии самосознания: субъективное отношение к природе в целом, и ее отдельным составляющим. Так, В. А. Ясвин выделяет четыре компонента субъективного отношения к природе: перцептивно-аффективный, когнитивный, практический и поступочный. Развитие перцептивно-аффективного компонента отношения к природе обеспечивается через: определение эстетической ценности всего многообразия объектов и явлений в мире природы, их эстетической неповторимости и выразительности; актуализации в процессе восприятия личностью природных объектов комплекса психологических релизеров (естественных, эстетических и этических); развитие способности эмоционально и деятельно откликаться на встречу с природными объектами (чувством, оценкой, ассоциацией, творческим сопоставлением); трансформацией воспринимаемого образа в воображении, творческим действием с ними или их образами (изобразительным, литературным, музыкальным, пластическим и т.д.) (Ясвин, 2000).

В эстетическом, индивидуально-творческом восприятии отдельные элементы природы становятся источником психологических ресурсов как для сохранения устойчивости, так и для развития личности. Способность эстетического и духовного восприятия природы выражается в философской категории «Поэзис». Однако, эстетическое отношение к природе не является естественно развивающейся функцией человеческого сознания. Заложенный в основе человеческого сознания потенциал эстетического и одухотворяющего взгляда на природу требует поддерживающих и развивающих воздействий культурной среды: присвоение соответствующих символических и знаковых форм опосредованного взгляда на природу, ее объекты и явления природной среды. В противном случае у человека может развиваться «антропоцентрический тип сознания» – потребительское отношение к природе, использование природных ресурсов во «благо» человека. Объекты и явления природы при таком типе сознания рассматриваются с точки зрения их «пользы/бесполезности/вреда» для удовлетворения человеческих

потребностей. «Естественным» для человека отношением к природе (архаический тип экологического сознания) выступает, скорее, базовый страх и недоверие. Как архаический, так и антропоцентрический типы отношения человека к природе безмерно сужают возможности развития и гармонизации его самосознания во взаимодействии с природной средой.

На то, что ресурсный потенциал взаимодействий в системе «Я – природная среда» заключается в ее эстетическом восприятии, еще в начале XIX века указывал Р. У. Эмерсон: «...немногие взрослые люди способны видеть природу... Большинство из них не замечает и солнца. Во всяком случае, взгляд их очень поверхностен... Природу любит тот, чьи обращенные вовне и внутрь чувства по-прежнему подлинно соответствуют друг другу <...> В присутствии природы человеком овладевает первозданное наслаждение, какие бы горести ни выпадали ему в каждодневной жизни.... А ведь несомненно, что способность даровать такое наслаждение заключена не в природе, а в человеке или в гармонии природы и человека» (Эмерсон, 1997, с. 181-182).

Эта логика понимания природы, как субъективно воспринимаемого ресурсного жизненного пространства и систем отношений через эстетическое и этическое их восприятие (экопоэзис), а также наделение их свойствами субъектности (феномен субъектификации природных объектов (Дерябо, Ясвин, 1996) лежит как в основе педагогических практик развития экологического сознания, так и коррекционных практик эко-арт-терапии (Копытин, 2019; Ясвин, 1998). Концепция эко-арт-терапии основана на позициях, что природная среда в процессе терапевтического взаимодействия с человеком понимается «...не только как мир объектов, поддерживающих интенсивное воздействие психологических релизеров и обладающих дополнительным саногенетическим потенциалом, но и как активный участник терапевтического процесса, на которого распространяются этические нормы субъект-субъектных отношений. Природные факторы не только формируют особое физическое и символическое пространство и тем самым влияют на динамику терапевтических отношений, но и через механизм субъектификации становятся участниками терапевтических отношений» (Копытин, 2019, с. 21).

Основные позиции данной концепции заключаются в том, что саногенный потенциал взаимодействия человека с природой состоит в средовой творческой активности через использование методов искусства; механизм развития самосознания и необходимой психокоррекции состоит в изменении отношения человека к природе. Практики средовой творческой активности в экотерапии опираются на развитие осознанности и чувства присутствия в среде, формирование позитивных связей человека с природой и его желания и способности заботиться о ее благополучии, осуществление непрагматического контроля над средой посредством персонализации объектов природы, а также экоцентрического мировоззрения в целом (Копытин, 2019). А. И. Копытин подчеркивает, что «...Искусство выступает не только средством общения между людьми, но и средством установления и развития связи со средой обитания, разными формами жизни. Творческий акт может способствовать настройке на экологическую систему, средовые процессы и проявления жизни. <...> Это вносит вклад в оздоровление и эмоциональное благополучие людей, поддерживает их восприятие себя как «экологических субъектов», их экоидентичность» (Копытин, 2019, с. 4). Таким образом, мир природы в аспекте средовых пространств становления самосознания личности неразрывно взаимосвязан с миром искусства и развитием эстетического восприятия.

Искусство и творчество. Рассматривая искусство, как средовое условие развития сознания и самосознания человека, Л. С. Выготский вместо понятия «воздействие» или «влияния» вводит термин «последействие», подчеркивая тем самым нелинейность процессов личностной динамики при погружении в эстетическое восприятие. «Моральное последействие искусства», которое, по словам Л. С. Выготского, «...обнаруживается ни в чем другом, как в некоторой внутренней проясненности душевного мира, в некотором изживании интимных конфликтов, и, следовательно, в освобождении некоторых скованных и оттесненных сил, в частности, сил морального поведения» (Выготский, 1991, с. 237), состоит в том, что приобщение к миру искусства выступает не

инструментом, напрямую формирующим личность и ее сознание, а лишь условием творческого порождения и преобразования индивидуальных смыслов в каждом акте взаимодействия человека с любым произведением искусства и творчества (изобразительным, нарративным, музыкальным и пр.).

Механизмы передачи индивидуальному сознанию смыслов и значений, заложенных в текстах художественных произведений, и включение их в самосознание, реализуются нелинейно и фрактально, представляя сложные субъект-субъектные взаимодействия на уровне отношений «внутренний мир автора – текст – внутренний мир читателя». При этом структура текста, выступая аналогом авторского замысла, также сложна, абстрактна и нелинейно организована: «...замысел и структура текста представляют собой абстрактные пространства. Замысел – это психологическое и интеллектуальное пространство авторского «Я», которое обуславливает порождение текста. Структура – <...> воображаема, но уже в том смысле, что создается, конструируется получателем, не будучи дана в тексте непосредственно...» (Лукин, 1999, с. 89). С психологической точки зрения важно, что в процессе декодирования художественного текста происходит личностное и духовное развитие субъекта самосознания, либо посредством приобщения к субъективному образу мира автора текста (духовное обогащение), либо путем образования внутриличностных субъект-субъектных отношений (личностное развитие и становление самосознания). Последний вариант лучше всего демонстрирует приведенный Ю. М. Лотманом пример: «Если читательнице N сообщают, что некая женщина по имени Анна Каренина в результате несчастной любви бросилась под поезд, и она вместо того, чтобы приобщить в своей памяти это сообщение к имеющимся, заключает: «Анна Каренина – это я» и пересматривает свое понимание себя, свои отношения с некоторыми людьми, а иногда и свое поведение, то очевидно, что текст романа она использует не как сообщение, однотипное всем другим, а в качестве некоторого кода в процессе общения с самим собой» (цит. по Лукин, 1999, с. 109). Таким образом, в процессе, как создания, так и восприятия человеком

любого произведения искусства (литературного, изобразительного, музыкального, кинематографического, танцевального и пр.), не столько передаются смыслы и ценности от актора к реципиенту, сколько запускаются внутренние процессы смыслообразования, реализующие порождающий тип субъект-средовых взаимодействий, как в ситуациях творческого самовыражения, так и в ситуациях восприятия какого-либо вида творческого произведения.

В практической психологии и психотерапии (арт-терапии) доказано, что глубинные психологические процессы, требующие определенной внутренней свободы, могут быть актуализированы через эстетические формы, продукты творчества. Причем, эти психологические трансформационные процессы всегда имеют характер фрактальной детерминации, и предугадать в каждом конкретном случае, какие семантические пространства самосознания будут актуализированы при взаимодействии с миром через искусство и творчество, невозможно. То есть, при применении психокоррекционных арт-методов могут быть организованы средовые условия, но нельзя ожидать прямого воздействия искусства на личность.

Система межличностных отношений. Культурные нормы, ценности, значения и смыслы транслируются ребенку через непосредственное взаимодействие с его близким окружением. Как отмечает В. В. Столин: «Культура первоначально не выступает для ребенка абстрактно, она проявляется для него в конкретном общении, в живой совместной деятельности, в виде образцов поведения других людей, их стремлений и ценностей, их отношений между собой и к ребенку, их действий <...> Приобщаясь к конкретным людям в конкретных отношениях и уподобляясь им, ребенок в то же время приобщается к культуре вообще. Однако разные люди несут в себе разные взгляды, ценности, способы жизни, поэтому, приобщаясь к одним, он одновременно и дифференцируется от других людей» (Столин, 1983, с. 15). Прежде чем стать субъектом взаимодействия, ребенок становится объектом отношения к нему родителей и других взрослых, что

играет важную роль в формировании его самосознания. В. В. Столин выделяет следующие, наиболее значимые механизмы развития самосознания в системе межличностных взаимодействий: принятие точки зрения другого на себя, идентификация, вовлечение в реальные взаимоотношения, детско-родительские отношения и др.

В концепции символического транзакционизма Дж. Мида, преобразованная точка зрения других понимается как «генерализованный другой», воплощение усвоенных человеком социальных норм. Переход социальных норм во внутренний мир личности, согласно Дж. Миду, происходит в процессе непосредственного общения и в рамках совместной деятельности с другими людьми. В процессе этого общения ребенок усваивает значимые для него точки зрения других людей (родителей, учителей, братьев, сестер) и их интериоризация формирует самосознание. То есть, самосознание – это продукт интериоризации, присвоения человеком понимания его другими: интроекция (перенесение вовнутрь) родительского отношения и способов управления поведением ребенка во внутренние структуры (интроекты) самосознания в более взрослом возрасте. Этот механизм является основой многих концепций, определяющих влияние (особенно «негативного», невротизирующего) типов родительских позиций, установок и родительского поведения на становление самосознания и личности ребенка, сформированных в первой половине XX века (А. Адлер, Д. Леви, О. Конер, А. С. Макаренко, В. В. Столин и др.).

В. В. Столин выделяет две группы феноменов, которые формируются в самосознании ребенка в его взаимоотношениях с родителями и другими значимыми взрослыми в его непосредственном окружении. По тому, что усваивается в самосознании и конституирует его, выделены: ценности, параметры оценок и самооценок, нормы, по которым человек оценивает себя, в том числе стандарты выполнения тех или иных действий и моральные нормы; образ самого себя, как обладающего теми или иными способностями и качествами, чертами; самооценка, как эмоциональная, так и

интеллектуальная, которая определяется отношением и конкретной оценкой ребенка родителями (другими взрослыми); интериоризованная на основе идентификации чужая самооценка (прежде всего, самооценка родителей); способ саморегуляции, как интроецированная регуляция поведения ребенка родителями и другими взрослыми. По тому, как происходит «интериоризация» в самосознании, В. В. Столиным выделены: прямое или косвенное (через поведение) внушение родителями образа или самоотношения; опосредованная детерминация самоотношения ребенка путем формирования у него стандартов выполнения тех или иных действий, формирования уровня притязаний; контроль за поведением ребенка, в котором ребенок усваивает параметры и способы самоконтроля; косвенное управление формированием самосознания путем вовлечения ребенка в такое поведение, которое может повысить или понизить его самооценку, изменить его образ самого себя; вовлечение ребенка в такое взаимодействие со взрослыми и в такие более широкие социальные отношения, в которых происходит усвоение реально действующих правил поведения, моральных норм; идентификация ребенка со значимыми для него другими (Столин, 1983).

Свой образ ребенка и отношение к нему родители транслируют либо в прямой словесной форме, либо в косвенно – в форме такого поведения с ним, которое предполагает определенные черты и качества ребенка. Этот процесс субъект-объектного воздействия может происходить либо сознательно, с воспитательными целями, либо неосознанно. Параметры того, что именно в образе ребенка является объектом внушения, зависят от принятых в обществе социокультурных эталонов, образцов, норм (уровень макросреды), а также от «имплицитной теории личности» ребенка, имеющейся у родителей, от их намерений и планов в его адрес, от их собственных мотивов и потребностей (уровень микросреды).

Кроме того, неосознанные воздействия могут осуществляться в непосредственных межличностных отношениях (прежде всего, родительских, но не только в них) по механизму, который Г. Бейтсон в «Экологии разума»

назвал «двойным посланием» (*double bind*). Концепция двойного послания описывает коммуникативную ситуацию, когда субъект на разных уровнях коммуникации получает взаимно противоречащую информацию. Например, на словах выражается любовь, а невербальное поведение при этом выражает неприязнь; индивиду предлагают говорить свободно, но критикуют или заставляют замолчать всякий раз, когда он так делает. В ситуации двойного послания индивид занимает объектную позицию: он «...не имеет возможности высказываться по поводу получаемых им сообщений, чтобы уточнить, на какое из них реагировать, то есть он не может делать метакоммуникативные утверждения» (Бейтсон, 2000, с. 234). Важным компонентом для ситуации двойного послания является то, что источник директив является значимым для индивида (у него нет возможности избежать этой коммуникативной ситуации или прекратить эти отношения), а неспособность выполнить противоречивые директивы грозит наказанием (например, прекращением выражения любви к ребёнку) (Бейтсон, 2005). Согласно Г. Бейтсону, ситуации двойного послания являются факторами развития невротизма и шизофренических расстройств (в связи с чем даже появилось понятие «шизофреногенная мать»). Однако позже развилось понимание, что нет жесткой прямой детерминации неблагоприятного психического развития в ситуациях двойных посланий. В творческом отношении к ситуации двойного послания субъект может обрести ресурсность путем нахождения иного, оригинального, «третьего» варианта разрешения возникшей проблемы. Это может произойти только когда у индивида уже развит довольно высокий уровень субъектности, рефлексии и уверенности в себе, позволяющий реализовывать процесс преобразования.

В становлении субъекта самосознания психологические роли, в отличие от социальных, выступают специфическим субъективным выражением сложившихся взаимоотношений. Так, например, на одно и то же поведение родителей ребенок может реагировать разными способами: «дополнительно» (инициативой на предоставление самостоятельности, бегством на

преследование) или «защитно» (в ответ на отвержение ребенок может пытаться вести себя с родителями так, как будто те любят его и внимательны к нему, и тем самым как бы приглашать родителей изменить их поведение по отношению к нему) (Benjamin, 1974).

Механизм реализации психологической роли в самосознании описан Э. Берном в модели «семейных сценариев» его теории транзактного анализа (Берн, 1997). Семейные сценарии могут быть связаны как с опытом, приобретенным в истории поколений конкретной семьи, так и с более общими моделями культуры, которые Э. Берн анализирует на основе сценариев западноевропейских сказок. Согласно Э. Берну, семейные сценарии транслируются неосознанно, и будучи так же неосознанно усвоенными, определяют поступки и выборы человека, не позволяя ему выйти на субъектную позицию по отношению к собственной жизни. Обрести свободу и стать «творцом своей жизни» человек может лишь осознав в процессе анализа заложенный в его самосознание сценарий и тем самым преодолеть его влияние: через анализ и осознание человек может отказаться от сценария, с тем, чтобы свободно и эффективно строить свою жизнь. Это оставляет за человеком возможность быть не только детерминированным средой (родителями, семьей, культурой), но и самодетерминируемым субъектом.

В «объект – субъектном» ракурсе самосознание личности на уровне микросреды определяется внешними воздействиями (мнениями, отношением, пониманием, ожиданиями значимого окружения). Представление о процессе развития самосознания в системе непосредственных социальных контактов исходит из логики линейного детерминизма: позиция или отношение родителей, других значимых взрослых, а также сиблингов, сверстников, непосредственно влияют на содержание самосознания личности. С позиций нелинейного и фрактального детерминизма понимание межличностных взаимодействий сложнее: подразумевается принципиальная неопределенность различных средовых условий, учитываются взаимовлияние и механизм саморегуляции субъектов в процессе развития (динамики)

системы их отношений. Такой взгляд не может сводиться к логике линейных моделей развития самосознания в качестве объекта определенных воздействий, и подразумевает системный анализ с учетом разных типов взаимодействий самосознания и разных компонентов внешней, по отношению к личности, среды, включая субъект – субъектные варианты (Панферов, 2025).

Неоклассический фрактальный тип детерминизма подчёркивает, что системы (в том числе личность) являются открытыми и самопроизвольными, где внутренние и внешние факторы взаимодействуют рекурсивно. Динамическая граница, где происходит взаимодействие между самоподобными структурами личности и неоднородными условиями среды, – «бахрома» отражает нелинейные и рекурсивные процессы, в которых малые изменения в среде или внутренних состояниях личности могут приводить к значительным трансформациям в её самосознании. В этом контексте бахромой можно считать те области, где клинамен (случайные отклонения) и аутопоэзис (самопроизводство) играют ключевую роль в формировании новых паттернов самосознания. Интерфейс между личностью и средой становится местом генерации новых свойств, не сводимых к сумме частей, а трансгрессия фрактальных подсистем приводит к неожиданным переходам и качественным изменениям в самосознании. В целом, внешняя среда в становлении субъекта самосознания «...выступает причиной изменений тогда, когда осуществляется (или не осуществляется) взаимодействие самого человека с обстоятельствами этой среды, когда среда переплавляется усилиями самого человека в условия и затем в причину. Кроме того, обстоятельства среды многообразны, разнонаправленны, противоречивы, а, следовательно, они избираемы и отчасти создаваемы человеком <...> В собственном значении внешняя среда – это источник, предлагающий и определяющий варианты возможностей выбора и пределы изменений» (Меньчиков, 2024, с. 74–75).

Феноменально внешняя среда представлена в самосознании как процесс и продукт интериоризации значимых образов внешнего мира (семантических репрезентаций категорий культуры, социальных образцов, моделей, других людей), их отношений друг к другу и к образу Я.

Согласно «теории поля» К. Левина, взаимодействие «человек – внешняя среда» опосредовано «перцептуально-моторным слоем» – неструктурированной сферой, в которой происходит восприятие человеком средовых факторов и действием, направленном на внешнюю среду. Внутриличностная сфера наполняется потребностями, которые определяют значимость средовых факторов (валентность, положительный или отрицательный заряд), в соответствии с которыми они мигрируют из внешней среды в жизненное пространство и наоборот. Поведение человека может быть «волевым», если оно вызвано внутренними потребностями и мотивами, либо «полевым», если оно вызвано внешним влиянием. Понятие «встать над полем» соотносится с субъектной позицией индивида во взаимодействии с внешней средой и означает сознательное выстраивание своего жизненного пространства. При этом в теории поля любое изменение рассматривается не как событие, а как нарушение баланса действующих сил: личность меняется, если происходят изменения в мотивации (появляются новые потребности или меняются прежние), либо в восприятии прошлого, настоящего и будущего (Левин, 2000; 2001). В связи с этим динамический процесс восприятия множественных разноуровневых конфигураций социально-заданных образов по отношению к себе (своему Я) в самосознании мы предлагаем определять как взаимодействия в системе «Я – интерсубъектная среда личности».

Внутренняя среда личности во взаимодействиях с субъектом самосознания. Взаимодействия компонентов внутренней среды (субъективной реальности человека), относящихся к самосознанию, могут быть проанализированы в разном ракурсе: структурно (как всевозможные проявления и ипостаси Я по отношению друг к другу), уровнево (на эксплицитном и имплицитном, осознаваемом и неосознаваемом и т.п.), системно (во взаимосвязи проявлений целостных образов, отображающих сферы психического и личностного проявлений: когнитивно- и эмоционально-оценочный, поведенческий, ценностно-смысловой) и процессуально (в виде

стадий и типов взаимодействий обозначенных компонентов во внутренней среде личности).

Онтогенетически развитие сознания и самосознания, как индивидуального субъективного ощущения «бытия в мире» и «чувства субъектности» возникает первично на основе телесного опыта движения при взаимодействии со средой (Ребеко, 2015). В неклассической философии для понимания самосознания исходным является «не осознание сознания, а восприятие собственного тела и его места в системе других тел и событий физического мира» (Лекторский, 2018). В философии М. М. Бахтина человеческое существование понимается как постоянное и непрерывное смыслопорождение, как «...бытие смысловых структур, возникающих в результате взаимооплотнения и сопричастности смыслов» (Тульчинский, 2025, с. 14). Еще У. Джеймс отмечал, что не существует бестелесного сознания, независимого от индивидуального опыта, реализующегося во времени и пространстве («это не бестелесное абстрактное событие») (James, 1904). Современные философские представления о самосознании выделяют его «неконцептуальные» или «нелингвистические» формы. Метафизика этих форм самосознания в настоящее время обсуждается с использованием таких терминов, как «субъективный характер», «дорефлексивное самосознание», «самость», «для-меня» или «*mineness*» (Niemeck, 2023). Нейрофизиологические данные также подтверждают существование нескольких уровней самосознания: *protoself* – поток ощущений на телесном уровне (соответствующий, видимо, «чувственной ткани сознания» по А.Н. Леонтьеву (1975)), *core self* – выделение себя от окружения и реагирование с обратной связью и *autobiographical self* – собственно самосознание, наделенное памятью, обеспечивающей идентичность (Damasio, 2010).

Близкое понимание механизмов развития сознания и самосознания представлено в направлении гештальтпсихологии и в философских основаниях современной гештальт-терапии: «Движение формирует опыт бытия в своем теле, а бытие в теле практически одновременно дает опыт бытия в мире. Так с самого начала движение критически организует ощущение себя (*sense-of-self*) – того, кем мы являемся и кем становимся» (Франк, 2016, с. 433).

С начала 1950-х годов по настоящее время в философско-методологических основаниях гештальт-терапии развивается собственная концепция «self», фокусирующаяся процессах восприятия тела и движения, как основы развития сознания и самосознания, формирования дискретных образов (в том числе образов «Я», «Другого», нормативных социальных образов) в информационно гомогенной среде: «Через движение младенец осознает, как его тело ин-формирует мир и как мир ин-формирует его в ответ» (Франк, 2016, с. 434). В понимании теоретиков гештальт-терапии *self* представляет собой активный, подвижный и изменяющийся процесс, возникающий в ходе творческого приспособления, в субъективном опыте движения в окружающем мире, опыте, в котором «...*self* открывает и изобретает для себя тот самый мир, по которому оно путешествует» (Франк, 2016, с. 429.). Важнейшей функцией *self* является процесс гибкого творческого приспособления (Perls, Hefferline, Goodman, 1972), условием организации которого является настройка на восприятие собственных движений, что связывается с понятием «кинестезии» – ощущения или чувства собственных движений (*self-movements*) (Франк, 2016).

Движение в философии гештальт-терапии понимается в качестве первичного источника ощущения себя, как субъекта деятельности, которое возникает еще на дорефлексивном уровне (Stern 1985; Beebe, Lachmann 2005). Соответственно, ключевую роль в формировании чувства субъектности играет кинестетико-кинетино-аффективная динамика человеческого опыта: «Достоверные кинестетические ожидания воспроизводят кинестетические закономерности, на которых они основаны; эти ожидания лежат в основе нашего чувства субъектности (*sense of agency*), наращивания нашего репертуара возможностей («*I cans*»), нашей способности двигаться вообще и уже потом – двигаться осмысленно» (Sheets-Johnstone, 1999, с.145).

Раскрывающаяся динамическая функция *self*, как процесс поиска и выстраивания своей идентичности в окружающем мире, стоит на опыте переживания себя через двигательные взаимодействия с другим,

систематизированные по шести типам фундаментальных движений: уступая другому, отталкиваясь от или опираясь на другого, дотягиваясь до другого, ухватывая другого, притягивая другого, отпуская другого. Базовый, глубинный уровень в развитии самосознания определяют кинестетический контакт и резонанс межличностного взаимодействия: «...Такого рода интерактивный процесс представляет собой интерсубъектное измерение субъективности. Он основан на кинестетическом резонансе – многократном отражении и воспроизведении чувственных оттенков, распространяющихся от одного человека к другому. <...> Так мы «слушаем» себя через других и чувствуем (а потом и осознаем) свое присутствие» (Франк, 2016, с. 431).

В концепциях энактивизма также понимается, что основанное на кинестезии осознание своей телесности, центрально для дорефлексивного переживания человеком того, что имеет смысл. В энактивизме подчеркивается непрерывность процесса самосоздания смысла в самосознании на основе двигательных взаимодействий: «На деле, смысл возникает, устанавливается, изменяется и так далее, через межличностную координацию движений. И напротив, движения координируются через наши попытки понять друг друга, являющиеся также попыткой создать смысл и дать ему установиться» (Fuchs, De Jaegher, 2009, с. 471).

«Фундаментальные движения» закладывают множество дорефлексивных смыслов (которые можно отнести к бахроне сознания), составляющих целостное, базовое, чувственно-эмоциональное восприятие ситуации взаимодействия в самосознании. Рефлексирующее сознание включается на основе этого уровня, и после него. На стадии рефлексирующего сознания и становления самости воплощенный двигательный опыт контактирования с миром переходит в иную форму бытия – идеально представленную в самосознании систему взаимодействия знаковых, семантических, категориальных образных представлений.

Взаимодействия образа Я с потенциально бесконечным множеством интериоризованных образов в процессе становления самости можно

рассматривать как отображение выделенных в гештальт-подходе шести типов фундаментальных движений на новом, рефлексивном уровне самосознания. Так, базовое движение «уступая другому» на рефлексивном уровне самосознания проявляется в принятии образа «Другого» за эталон для «Я», «объектного» подчинения интериоризованному нормативному образцу, что важно в процессах адаптации и научения. Фундаментальные движения «отталкиваясь от» или «опираясь на» соотносятся с процессами идентификации с образом «Другого» в самосознании, включающими сравнение, осмысление, оценивание образа «Другого», принятие или отвержение его отдельных характеристик в становлении образа Я.

Субъектные позиции Я в самосознании, связанные с целеполаганием, самодетерминацией, но также и компенсаторными тенденциями, базируются на воплощенном опыте фундаментальных движений «дотягиваясь до другого», «ухватывая другого», когда «Другой» в самосознании представлен образами Возможного Я, Идеала, желаемого будущего и т.п. Проявления автономной субъектной позиции Я, как основы субъект-порождающих взаимодействий в интрасубъектной среде можно соотнести с фундаментальными движениями «притягивая другого» и «отпуская другого», в которых воплощены состояния собственной независимой, самодостаточной позиции при выделении значимых составляющих образа Другого в самосознании.

В то же время, отношения «Я – Другой» (равно как «Я – Другое Я», «Я – Возможное Я» и т.п.) в самосознании входят в структуру человеческого бытия, составляя объективное свойство Я: «Для Я «относиться» – это вовлечь другое в свое бытие, привести к собственным возможностям, актуализировать свои потенциалы, проектировать себя-в-будущем, воплотиться в другом. «Другое» вызывает и испытывает отношение к себе, становясь значимостью для Я» (Старовойтенко, 2021, с. 819). Во внутреннем диалоге, в рефлексивных измерениях отношений «Я – Другой», Е.Б. Старовойтенко выделяет различные акты отождествления и разотождествления Я: «Между-Я-и-Другим-для-Я; Я-

в-Другом-для-Я; Другой-в-Я-для-Я; Я-в-себе-для-Я; Я-в-мире-с-Другим-для-Я и мн. др.» (Старовойтенко, 2021, с. 828).

Составляющими семантических структур самосознания могут выступать не только образы, в разной степени близкие, тождественные Я, но и те образы, которые выступают «чужими», «иными», или даже «чуждыми», непонятными: «не-Я». В этом процессе возникают сложные явления, отражающие такие противоречия в развитии самосознания, как «негативная идентификация», то есть бессознательное уподобление себя человеку, к которому субъект имеет отрицательное отношение. Согласно В. Г. Лысенко, даже субъективно чужое, «не-Я» «...все равно останется конструкцией нашего Я, поскольку мы будем выделять в нем именно то, что так или иначе перекликается с нашим «Я». То есть наш «Я-образ» уже заложен в саму модель чужого» как точка отсчета и мера сравнения (Лысенко, 2009, с. 62–63). В частности, концепции ксенологии В. Г. Лысенко, на образ чужого, иного, «не Я» в самосознании распространяется и образ животных других видов, в желании понять содержание их сознания, их психической реальности (Лысенко, 2023). Техники развития экоцентрического сознания личности и экотерапевтические, анималотерапевтические методы коррекции самосознания (Дерябо, 1999, 2002; Дерябо, Ясвин, 2006; Копытин, 2019; Лошадь в психотерапии, иппотерапии и лечебной педагогике, 2003; Никольская, Костригин, 2019; Никольская, Панов, 2013; Панов, 2006; Рабаданова и др. 2022; Лопухова, Газизов, 2016, 2016а; 2020, 2020а; Лопухова, Газизов, Аболиц, 2020; Лопухова, Панов, 2023, 2024; Bachi et al, 2012; Bareiss, 1996; Birke, 2008; Blake, 2005; Chardonens, 2009; García, 2010, 2013; Kemp et al, 2014; Kern-Godal, Arnevik, 2016; Kirby, 2010; Lac, 2016, 2017; Lopukhova, Gazizov, 2019; Lopukhova, 2017; Signal et al, 2013; Trotter et al, 2008) демонстрируют, что возникновение в самосознании отношений образа Я и субъектифицированного Я животного другого вида может быть условием самоутверждения, самопонимания, самооценки, самокритики и самосовершенствования для человека. Интрасубъектные взаимодействия в

становлении самосознания подразумевают процессы «чувства субъектности», идентификации, осознание смысла Я, регуляторные процессы целеполагания, самоопределения и т.п. (Dunn et al, 2011), что в целом составляет становление субъектности Я в самосознании.

Представления о полилоговом характере взаимодействий в системе «Я – интер- /интрасубъектная среда» («Я – Другой»; «Я – Другие»; «Я – Другое / Возможное Я» т.п.) является развитием, продолжением и расширением понимания диалога, как сущностного механизма становления самосознания (Баянова, 2009, 2011; Веракса, Иванова, 2009; Оводова, 2018, и др.). Так, анализируя философию теорий диалога культур М. М. Бахтина и В. С. Библера, С. Н. Оводова отмечает онтологическую суть диалога, которая распространяется и на полилоговые субъект-субъектные отношения в становлении самосознания: «Участники диалога обращены вовне, их бытие представляет собой «бытие на грани», вне этой направленности на Другого, бытия в принципе не может быть. Диалог есть возможность самоопределения, именно в диалоге, на грани с Другим происходит формирование участников диалога. Самоопределение возможно только через ощущение своей границы, предела, поэтому диалог выступает в качестве механизма непрерывающегося самообразования и самосознания» (Оводова, 2018, с. 87).

Развитие понимания субъект-средовых взаимодействий в отношении полилога подразумевает существование и равноправие разных позиций, плюрализма (но не релятивизма) при взаимодействии субъекта самосознания с внешне заданными образами и стереотипами поведения, репрезентированными в самосознании в виде семантических структур. Связи на «границе» взаимодействия между участниками полилога строятся не на подчинении, а на координации, что выливается в свойство «гетерархии», отсутствия доминирующих или детерминирующих отношений. Фрактальность в контексте самосознания личности подразумевает, что его структура состоит из самоподобных элементов, которые повторяются на разных уровнях, где каждый уровень влияет на другие, создавая сложную сеть взаимосвязей. Самосознание в такой модели развивается через

взаимодействие с окружающей средой, которая также обладает фрактальными свойствами. Личностные черты и поведенческие модели могут повторяться в микро- и макросоциальных контекстах (например, семейные сценарии часто воспроизводятся в межличностных отношениях вне семьи).

Проведенный анализ раскрывает процессуальную природу самосознания личности, представляя его, как смысловые структуры, порождаемые во взаимодействиях с компонентами интрасубъектной среды (образов Я и других составляющих индивидуального сознания) и интерсубъектной среды (системой ценностно-нормативных и семантических категорий общественного сознания). Таким образом, самосознание в контексте методологии экопсихологического подхода понимается нами как процесс и результат трансформаций семантических репрезентаций социально-ролевых моделей, и Я-образов в гетерархических полилоговых взаимодействиях в системе «субъект самосознания (Я) – интер-/интрасубъектная среда личности».

Выводы по первой главе

Понимание самосознания в развитии философских и психологических теорий эпистемологически представлено с позиций трех парадигм:

- гносеологической (самосознание рассматривается как феномен с характерными структурными и содержательными свойствами, внешне или внутренне линейно детерминированный);
- трансцендентальной (становление самости и обретение смысла Я происходит в результате постижения априорно высших форм или разворачивания, реализации в становлении самосознания глубинных источников и причин, вынесенных за его пределы);
- онтологической (анализ самосознания как формы бытия, становление которого предстает, как процесс и продукт взаимодействий Я с внешней и внутренней средой личности).

Понимание самосознания с учетом позиций трех обозначенных

парадигм возможно при его концептуализации с позиций экопсихологического подхода, в котором эмерджентность и процессуальность психических явлений бытия описывается через понятие «становление», обозначающее единство порождения, развития и перехода психического явления в иную форму бытия. Методология экопсихологического подхода к развитию психики позволяет рассматривать самосознание не только в качестве внешне или внутренне обусловленной данности (заданности) структурных и содержательных компонентов, но и в качестве процесса и продукта становления субъектности Я во взаимодействиях с интер- и интрасубъектной средой личности.

Процессуальная сущность самосознания подразумевает отношения диалога и полилога между различными образами Я (интрасубъектная среда личности) и нормативными образами социальной среды (интерсубъектная среда личности), которые могут ситуативно и динамично выступать в позициях как активно воздействующего агента (субъекта), так и объекта, принимающего воздействие, что отвечает принципам гетерархии и фрактальной детерминации в системе взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности».

Глава 2. Концепция самосознания личности как процесса субъект-средовых взаимодействий

2.1. Принципы анизотропного формопорождения и единства интериоризации / экстериоризации в объяснении процессуальной сущности самосознания

В концептуализации самосознания личности мы обращаемся к экопсихологическому подходу (Панов, 2004, 2014), базовыми методологическими позициями которого выступают понимание творческой природы психики, как формы бытия и представления об эмерджентности и процессуальности психических явлений бытия. На основании этих позиций ключевыми теоретическими конструктами экопсихологического подхода являются модели экопсихологических типов субъект-средовых взаимодействий и стадий становления субъектности. Методологические основания и теоретические конструкты экопсихологического подхода к развитию психики имеют инвариантное значение, теоретически и эмпирически апробированы в концепциях психологии субъектности и одаренности (Панов, 1998, 2001, и др.), психологии образовательной среды (Панов, 2001a, 2007; Панов, Капцов, 2021), психологии экологического сознания (Мдивани, Миронова, 2023), психологии коммуникативных взаимодействий (Лидская, 2023; Панов, Лидская, 2023), психологии взаимодействий в межиндивидной группе (Никольская, Панов, 2013), в экологически неблагоприятной среде (Панов, Сараева, Суханов, 2007), в среде СМИ (Лидская, Мдивани, 2017), в цифровой среде (Панов, Патраков, 2020), однако еще не применялись в анализе самосознания личности, как процесса субъект-средовых взаимодействий.

На основании экопсихологического подхода самосознание личности понимается как процесс включения в диалоговые и полилоговые субъект-

средовые отношения при многостороннем понимании «среды»: как «внутренней» (субъективной, личностной), так и «внешней» (над-индивидуальной, культурной, межличностной, социальной). Принципы анизотропного формопорождения и единства интериоризации/экстериоризации позволяют анализировать динамические процессы субъект-средовых взаимодействий в самосознании личности. Реализация этих принципов воплощается в преемственности и системной интеграции рефлексивного, регуляторного, смыслопорождающего и преобразующего процессов в становлении субъекта самосознания.

Принцип анизотропного формопорождения. Принцип анизотропного формопорождения был введен в психологию в обосновании порождающей природы перцептивных процессов (А. И. Миракян, В. И. Панов). В общем смысле понятие «анизотропность» обозначает свойство среды иметь различающиеся характеристики в зависимости от направления внутри этой среды. В понимании процессуально-порождающей природы самосознания принцип анизотропного формопорождения состоит в признании единства внутренней и внешней среды личности при их структурно-функциональных различиях, которые системно взаимосвязаны и обуславливают друг друга. Анизотропность (сочетание единства и разнообразия) среды является субстанциональной основой для порождающего процесса (Миракян, 1999). Необходимым условием порождения психического продукта от непосредственно чувственного ощущения до знаковых семантических структур является процессуально-психологическое расщепление (квантование, мультиплицирование) принимаемых воздействий извне (или изнутри) и образование между ними как структурных, так и процессуальных отношений (Психология восприятия, 2020).

Распространение понятия «анизотропность» на описание условий становления субъекта самосознания личности подчёркивает нелинейный характер этого процесса в неоднородной среде, когда содержание различных компонентов варьируется в зависимости от направления и контекста, создавая

сложную и динамичную систему. Анизотропность социокультурной среды (интрасубъектной среды личности) состоит в ее неравномерности по разным «направлениям»: сферам жизни, типам отношений, ценностным ориентирам и т.п. Взаимодействуя с неоднородными и изменяющимися условиями (анизотропностью) социокультурной среды, субъект балансирует между различными аспектами самосознания, постоянно корректируя представление о себе, непрерывно переосмысливая себя, интегрируя новые элементы опыта в самосознании личности, при этом не теряя целостности и сохраняя самоидентификацию и саморегуляцию.

Анизотропность внутриличностной среды в становлении Я проявляется в неравномерности развития, осмысления и интеграции разных аспектов Я, когда одни компоненты самосознания формируются интенсивно и получают прочную опору, другие остаются фрагментарными, противоречивыми или вытесненными. Дифференциация темпов развития подструктур Я, когда когнитивный компонент (знания о себе) может опережать эмоционально-оценочный (самоотношение) или поведенческий (саморегуляцию), а также неравномерность осознанности разных сфер жизни, внутриличностные ролевые конфликты, являются проявлением анизотропности внутриличностной (интрасубъектной) среды в становлении Я.

Неоднородность различных социальных и культурных факторов определяет высоко вероятностную модель траектории развития самосознания личности, в которой и проявляется творческое начало психики. В этом контексте В. Н. Дружинин пишет: «...психика человека обладает «самодвижением», одно из проявлений которого – творчество – порождает в ходе жизни человека множество «субъективных миров», лишь немногие из которых будут реализованы, т. е. определены» (Дружинин, 2000, с. 270). Таким образом, самосознание личности в этом понимании выступает как самоорганизующаяся система, способная к трансформации, но при этом сохраняющая свою функциональность и идентичность.

Множественность разных Я-образов, субъективных миров и отношений между ними в самосознании (Ф. Д. Горбов, В. Н. Дружинин, В. С. Мухина,

А. А. Хвостов, В. А. Петровский, Е. Б. Старовойтенко, В. В. Столин) выступает условием и механизмом самопорождения и саморазвития концепта Я в индивидуальном сознании. Разнообразие и непрерывная изменчивость возможных вариантов образов потенциального отождествления / разотождествления с Я в субъект-средовых взаимодействиях выступают проявлением анизотропности среды. Множественность идеалов и повышенную вариативность ролевого репертуара личности можно рассматривать, как «напряженную систему», актуализирующую динамические процессы самоорганизации в самосознании человека с целью обретения баланса внутри- и внешне средовых взаимодействий.

Согласно У. Джеймсу интенциональность самосознания проявляется в его стремлении к единству, целостности и непрерывности: регуляторные процессы самосознания направлены на интеграцию всех его структурных компонентов в соответствии с индивидуальными смыслами реализации себя и своего бытия. Однако в реальности гораздо более часто встречаются разнообразные и порой очень индивидуальные случаи разобщенности, внутренних противоречий в структурных компонентах и слоях самосознания. Источник внутренних противоречий и конфликтов в самосознании У. Джеймс связывал с неосознаваемыми и поэтому не контролируемыми составляющими или уровнями индивидуального сознания, которые он относил к «бахроме» (периферии) сознания (Джеймс, 2008). Понятие «бахромы» индивидуального сознания У. Джеймса отличается от предложенной З. Фрейдом модели разделения самосознания на рациональное Эго, интериоризованное Суперэго и иррациональное подсознательное Ид (Фрейд, 1989). Отношение между ядром и бахромой сознания в концепции У. Джеймса не так конфликтно противопоставлены, как структуры самосознания у З. Фрейда. Бахрома сознания относится к процессам, которые происходят на границе между сознательными представлениями и бессознательными мыслями, чувствами и желаниями, и определяют непрерывное динамическое взаимодействие осознанной и не осознаваемой сфер индивидуального сознания в различных

ситуациях, выборах, решениях. Причем значительная часть решений и действий человека может осуществляться на основе содержания той части сознания и самосознания, которые актуально относятся к «бахроме»: интуитивные догадки, предчувствия, мимолетные мысли и эмоции, которые быстро исчезают или не полностью осознаются. То есть, в «бахроме» содержится информация для понимания и интеграции опыта, которая без направленной рефлексии и осознания может остаться незамеченной и недоступной для саморегуляции.

Во взаимодействиях с внешней средой бахромы сознания также включает в себя интуитивное понимание тонких невербальных сигналов, определяющих эмоциональную составляющую восприятия и отношений, либо привычные схемы действий, стереотипные образы и установки. Информация, содержащаяся в ядре и бахроме сознания, относится к различным уровням функционирования психики, что создает условия внутренне конфликтным состояниям, вызванным расхождением в психике человека того, что он знает, принимает и определяет в качестве цели своих действий и того, что он чувствует, и как реально поступает.

Множественность, разнообразие и возможное взаимное противоречие элементов внешней и/или внутренней среды выступают условиями напряжения, конфликтности в «работе» самосознания, и в то же время: «Тысячи полярных противоположностей, вероятных для самосознания конкретного человека <...> не только способны взорвать предполагаемую целостность человека как личности, но и удивительным образом способны создать уникальное единство всех множественных полярных противоположностей. По существу, мы обсуждаем феноменологические особенности сознания и самосознания человека, который открывает для себя некую свою сущность: «Я», «Другое Я» и бесконечную множественность своего уникального «Я»» (Мухина, Хвостов, 2013, с. 60).

В культурно-деятельностном ракурсе В. А. Петровский трактует Я как психофизическое целое, единство четырех атрибутов (ипостасей):

экзистенциальное Я («Я в ощущении», «Я-чувствование»); феноменальное Я («Я в представлении», «Я-фантазийное», «Мнимое Я»); полагающее Я («Я в действии», «Я-стремящееся», «Я-воля», «Интенциональное Я»); самоценное Я («Аутентичное Я», «Я в переживании», «Я для себя»). Деятельность, понимаемая как многоплановые проявления активности, объединяет эти четыре ипостаси Я. «Экзистенциальное Я» представлено множеством ощущений («соощущением ощущений»), такими, как чувствования, «чувственная ткань», «амодальные ощущения» и т.п., представляя «ткань субъективности» или «материю Я». «Феноменальное Я» включает «образ индивида как телесного существа в сочетании с образами других элементов среды, что образует в целом структурированное феноменальное поле («территория Я») <...> Феноменальное Я – результат уподобительной (отражательной) активности, «впитывающей» в себя социокультурные реалии жизни: поведение людей, движение вещей, акты коммуникации, знаки и обращение с ними, образ собственного подвижного физического тела индивида — всё то, что формирует «территорию Я». В контексте уподобительной активности складывается целостный «образ мира» (Петровский, 2023, с. 37). «Феноменальное Я» опосредует взаимодействие индивида с его окружением в виде «узора соощущений». «Полагающее Я» проявляется в действии, как «бессубъектной активности» (нецеленаправленной «частью» деятельности), означающей «динамический материал становящейся деятельности» (там же). Постоянная тенденция множественности сущностных психических феноменов активности в помыслах, мотивах, поступках, целях, выступает, в то же время, необходимым условием создания уникального их единства, что составляет феноменологически процессуальную природу самосознания.

Механизм формопорождения самосознания по своей сути сочетает принципы, разработанные представителями гештальтпсихологии, когнитивизма, конструкционизма, деятельностного подхода в понимании сознания, как динамической системы: организации восприятия (отношения

фигуры и фона, активности, структурности, апперцептивности), спонтанной когнитивной категоризации в построении субъективной картины мира и выделения образа в качестве фигуры на основе личностного смысла. Пример анизотропного формопорождения представлен в исследовании восприятия гендерно-нейтральных изображений животных в зависимости от подверженности гендерной поляризации и андроцентризму Е. С. Зизевской и М. А. Щукиной. Было показано, что в 97 % случаев в процессе восприятия происходит наделение изображения животного половой принадлежностью (Zizevskaja, Shchukina, 2018; Зизевская, Щукина, 2019). В отличие от идеи линейного, гомогенного становления личности, анизотропность интер- и интрасубъектной сред в становлении Я, как процессе формопорождения самосознания, предполагает избирательность (в разных измерениях одни аспекты Я развиваются активно и обретают чёткую форму, другие остаются размытыми, фрагментарными или тормозятся), направленность (развитие идёт по «каналам» наибольшей смысловой и эмоциональной значимости для субъекта), неравномерную плотность (одни зоны самосознания уплотняются (становятся устойчивыми, рефлекслируемыми, другие – остаются неосознанными, в «бахrome» сознания).

На основании принципа анизотропного формопорождения самосознание рассматривается как процесс самопорождения и саморазвития концепта Я в индивидуальном сознании при восприятии внешней и внутренней психической реальности разных Я-образов и отношений между ними. Такое понимание достаточно емко отражено в цитате Ф. Д. Горбова: «Сам факт возможности внутренней модели и особенно способы управления ею позволяют увидеть, что единая система «человек» состоит из двух подсистем – «Я» и «Второе я»... » (Горбов, 2000). Развивая эту идею В. С. Мухина и А. А. Хвостов, пишут: «...В одном человеке может быть две (или более) сущности. Одна сущность человека может жить в полную силу. Другая сущность в это же время может судить первую его сущность, взвешивая и разбирая всевозможные ее проявления. Третья и последующие

сущности человека, пребывающие в одном теле, могут возникать в сознании через особенные способы видения себя в мире, через особенные по значениям и смыслам помыслы, мотивы, ценностные ориентации, цели и поступки» (Мухина, Хвостов, 2013, с. 55-56). То есть, процессуально-порождающая природа психических актов, которая заключается в их «полифункциональности» (по А. И. Миракяну), в контексте становления Я, как субъекта самосознания, обеспечивает порождение разных семантических структур в индивидуальном сознании в зависимости от функциональной необходимости, от ситуации и т.п.

В концепции самосознания личности принцип анизотропного формопорождения реализуется через:

- рассмотрение самосознания как процесса непрерывного анизотропного взаимодействия внешней и внутренней среды личности;
- анализ взаимодействий различных уровней, компонентов и процессов самосознания (когнитивного, эмоционального, поведенческого, ценностно-смыслового аспектов образа Я; эксплицитного и имплицитного уровней; рефлексивного, регуляторного, смыслопорождающего и преобразующего процессов);
- изучение роли знаково-символических категорий и семантических систем в структурировании самосознания и его содержания, в построении социальных коммуникаций, саморегуляции, смыслообразовании;
- исследование роли социальных взаимодействий и культурных контекстов (социальных норм, ценностей и ожиданий общества) в формировании образов самосознания и своего «Я».

Сложный процесс, когда личность, сохраняя внутреннюю целостность, адаптируется к неоднородным внешним воздействиям и генерирует новые качества благодаря нелинейным взаимодействиям, описывается механизмами фрактальной детерминации становления Я, как субъекта самосознания, в анизотропной социокультурной среде. Это позволяет увидеть в становлении самосознания – процесс, где каждый этап отражает и трансформирует предыдущие, создавая уникальную траекторию развития личности. В

анизотропной социокультурной среде неравномерность воздействия различных институтов (семья, школа, медиа), культурные противоречия, например, между традиционными и современными ценностями, создают «бахрому» – динамические границы, где нелинейные взаимодействия между личностью и средой порождают новые формы самосознания. Бахрома в данном контексте представляет зону трансформации, – пограничные области, где происходит столкновение и синтез различных фрактальных структур. Это могут быть: конфликты между внутренними установками и внешними требованиями среды (например, противоречие между семейными ценностями и нормами подростковой субкультуры); моменты выбора, когда личность определяет, какие аспекты среды интегрировать в своё самосознание, а какие отвергнуть; периоды кризисов идентичности, когда происходит пересмотр прежних убеждений и формирование новых. Этот процесс отражает сложность и открытость системы, где даже малые изменения могут привести к значительным трансформациям.

Таким образом, анизотропное формопорождение мы предлагаем рассматривать как естественный процесс становления Я, который состоит в избирательности личностного развития; зависимости от контекста и опыта, динамичности самосознания как процесса, а не статичной структуры. Разнообразие возможных вариантов образов идентификации Я в субъект-средовых взаимодействиях является проявлением анизотропности среды, а порождение, развитие и трансформация в индивидуальном сознании личности системы образов и их семантических репрезентаций, взаимодействия внешних и внутренних символических (семиотических) и семантических категорий, когнитивных, регуляторных, смыслообразующих и творчески-преобразующих процессов, функционально определяющих становление Я, позволяет рассматривать его как динамический и эмерджентный процесс формопорождения.

Принцип единства интериоризации / экстериоризации.

Формирование внутренних структур человеческой психики происходит в процессе интериоризации, как преобразования предметной деятельности в

структуру внутреннего плана действия. В свою очередь, интериоризация неразрывно связана с обратным процессом экстериоризации, представляющим переход действий из свернутой внутренней формы в форму развернутого действия, во внешнюю орудийную деятельность либо во внешне выраженную знаково-символическую, деятельностьную форму своего существования (Леонтьев, 1975). Согласно Г. Л. Тульчинскому, системой, реализующей прямую и обратную связь «личность – социум», вступает поступок (Тульчинский, 2020).

В самосознании интериоризация представлена процессами заимствования основных категорий индивидуального сознания из сферы общественного опыта и общественных представлений, присвоения жизненного опыта, превращением межличностных отношений во внутриличностные. Обратный процесс экстериоризации отражает индивидуальный внутренний мир субъекта самосознания, характер его усвоения, понимания мира, особенности свертывания информации, результат рефлексии. В экстериоризации внутренняя психическая жизнь человека проявляет и получает внешне выраженную знаковую и /или социальную форму своего существования в соответствии с интересами, целями и образцами (идеальными моделями) деятельности субъекта. Этот «двунаправленный» процесс описывается моделью «странной петли» или «ленты Мебиуса» метафорически описывающих суть принцип единства интериоризации и экстериоризации в становлении субъектности Я, как источнике самосознания (Тульчинский, 2025). В связи с этим выявление взаимодействий семантических репрезентаций ролевых моделей на уровнях социокультурной среды, коллективного и индивидуального сознания выступает методологически продуктивным конструктом в понимании процессуальной природы самосознания личности с позиций экопсихологического подхода.

Анализируя механизмы метакогнитивных процессов, к которым самосознание относится в качестве высшей формы их проявления,

А. В. Карпов представляет единство интериоризации и экстериоризации как неразрывную оперантную взаимосвязь внешне и внутренне обращенного познания. С одной стороны, во взаимосвязи с интересубъектной средой «...Субъект не столько раскрывает истинное содержание внешнего мира, сколько конструирует его» (Карпов, 2025, с. 677-678), с другой стороны, во внутреннем мире – в самопознании: «...познающий субъект может опираться только на те средства, которые сформировались у него в процессе онтогенеза на основе познания внешнего мира. Эти средства, будучи адекватными для познания внешнего, отнюдь не всегда или даже редко конгруэнтны природе внутреннего мира» (там же), что служит барьером адекватного самопознания.

Единство процессов интериоризации и экстериоризации позволяет расширить представления о самосознании от понимания его как процессов внутрисубъектных взаимодействий (например, отождествления – разотождествления с собой (Старовойтенко, 2021), конфликтного смысла Я (Столин, 1983) и др.) до понимания самосознания как многоуровневой системы взаимодействия Я, как субъекта самосознания, в процессе множественных взаимодействий с интер- и интрасубъектной средой личности. Субъектные позиции не только Я, но и компонентов внешней и внутренней среды, проявляются в способности реагировать, гибко изменяясь, поддерживая взаимодействия и создавая в этом процессе новые смыслы, что составляет сущность полилога.

Сложность такой системы взаимодействий состоит в множественности (многокомпонентности и многоуровневой включенности) субъектов этого процесса: «Основным источником развития человека как субъекта является многомерный полиобъектный мир, находящийся вне его, и свой внутренний мир. Основным развивающим эффектом для него как субъекта становятся акты постоянного взаимодействия с миром и с самим собой. Взаимодействия отдельного человека имеют двойственный характер. Они направлены вовне и внутрь, проходят во внешнем и внутреннем планах и интерпретируются по процессуальным характеристикам, с одной стороны, как экстериоризация, а с другой – как интериоризация» (Попов, 2008, с. 21).

Таким образом, в концептуальном понимании самосознания с позиций экопсихологического подхода процессы интериоризации / экстериоризации рассматриваются как единство именно в системном субъект-средовом взаимодействии, что и объединяет суть механизмов диалога и полилога в становлении самосознания. Включенность субъекта в разные системы деятельности обуславливает мультиплицирование самих процессов взаимодействия образов «Я – Другой», «Я – Другое Я» и т.п. в самосознании, которые протекают как параллельно, так и взаимосвязано, реализуясь на разных стадиях становления субъектности Я в зависимости от видов деятельности и включенности в определенные сферы внешней среды: «... для поиска закономерностей отображения образа мира и образа жизни друг в друга необходимо развивать учение об интериоризации до уровня описания процесса интериоризации не одной деятельности, а всей системы деятельности субъекта. Образ мира выступает по отношению к образу жизни в своих регулятивной и ориентировочной функциях (целеполагание, управление, активация, контроль и др.). В свою очередь, индивидуальные образы жизни по отношению к индивидуальным образам мира выполняют корректирующую и структурирующую функции» (Серкин, 2009, с. 109–119).

Анализ субъект-средовых взаимодействий как нелинейных отношений «Я – внутриличностные образования – социокультурная среда», учет разнообразия взглядов и контекстов в становлении самосознания как полилога, подчеркивает культурную, семантическую и когнитивную гетерогенность, что объединяет принципы анизотропного формопорождения и единства интериоризации / экстериоризации. Соответственно, сущность самосознания определяют процессуальность, рекурсивность, гетерархия и полилог взаимодействий субъекта самосознания с составляющими интер- и интрасубъектной среды личности, что выступает необходимым условием существования, проявления и становления процессов самопонимания, саморефлексии, субъектности Я.

2.2. Преемственная интеграция процессов самосознания в становлении субъектности Я

Функциональная сущность взаимодействий в системе «Я – интрасубъектная среда личности» состоит в том, что, опираясь на концепт Я в своем сознании, человек может рефлексировать и дифференцировать отдельные составляющие своей психики и личности, сравнивать и оценивать их в соответствии с интериоризованными ценностями, нормами и образцами, совершать свои выборы, самоопределяясь в системе социальных значений, осознавать свои смысловые позиции. Формирование субъектности, по мнению С. Д. Дерябо, происходит путём саморазвития, в то время, как характер взаимодействия с окружающими играет роль условий развития субъектности. Подлинная субъектность характеризуется гармоничностью проявления в трёх реальностях: познание (мира, себя, других), отношение (к миру, к себе, к другим), преобразование (мира, себя, других) (Дерябо, 2002а).

Для целостного понимания самосознания, как процесса взаимодействий в системе «Я – интра- /интерсубъектная среда личности» необходимо исследовать, как писал А. Н. Леонтьев, «... процесс «самодвижения», т.е. исследовать его внутренние движущие отношения, противоречия и взаимопереходы, так, что его предпосылки выступают как в нем же, трансформирующиеся его собственные моменты» (Леонтьев, 1977, с. 175). Г. Л. Тульчинский, связывая сущность самосознания с проявлением субъектности, подчеркивает, что субъектность «...проявляется и выражается не только и не столько в простых реакциях и рутинном поведении, сколько в поступках – деятельности не по предзаданному алгоритму» (Тульчинский, 2025, с. 26). Процессуальность самосознания личности, таким образом, связана со становлением субъектности Я, определяя движение смыслов, обретение новых смыслов жизни и деятельности (Васягина, 2013). Положение о творческой природе психики в методологии экопсихологического подхода выступает основанием выделения в самосознании механизма преобразования

(трансформации), функционально проявляющегося в динамичных изменениях как себя (интрасубъектной среды), так и интерсубъектной среды (культуры, социума, другого субъекта) в условиях субъект-субъектных взаимодействий (Веракса, 2000; Лопухова, Панов, 2024; Лопухова, 2024; Панов, 2004). Опора на инвариантную модель стадий становления субъектности экопсихологического подхода к развитию психики позволяет представить процессуальную сущность самосознания личности через уровневые новообразования в становлении субъектности Я.

Таким образом, становление субъекта самосознания системно взаимосвязано с трансформацией экопсихологических типов взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности» и преемственной интеграцией рефлексивного, регуляторного, смыслопорождающего и преобразующего процессов самосознания в которых мультиплицированные образы Я могут одновременно занимать или динамично менять как субъектную, так и объектную позиции в разных типах взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности» (рис. 1).

Первая стадия становления субъектности содержательно представляет «потребность, переходящую в мотив». В контексте становления Я, как субъекта самосознания, этой стадии соответствует состояние, когда в процессе социального восприятия запускается интериоризация и формирование образов, с которыми ощущение своего Я может быть соотнесено.

Онтогенетически шесть типов фундаментальных движений дорефлексивного уровня самосознания (уступая другому, отталкиваясь от или опираясь на другого, дотягиваясь до другого, ухватывая другого, притягивая другого, отпуская другого) можно рассматривать, как основу воплощенного «чувства Я» в отношениях с внешней средой. Субъектная позиция Я на этом уровне представлена как потребность в самокатегоризации. Переход на следующий уровень субъектности Я подразумевает реализацию рефлексивных процессов, задействующих когнитивные, абстрактно-аналитические функции сознания.

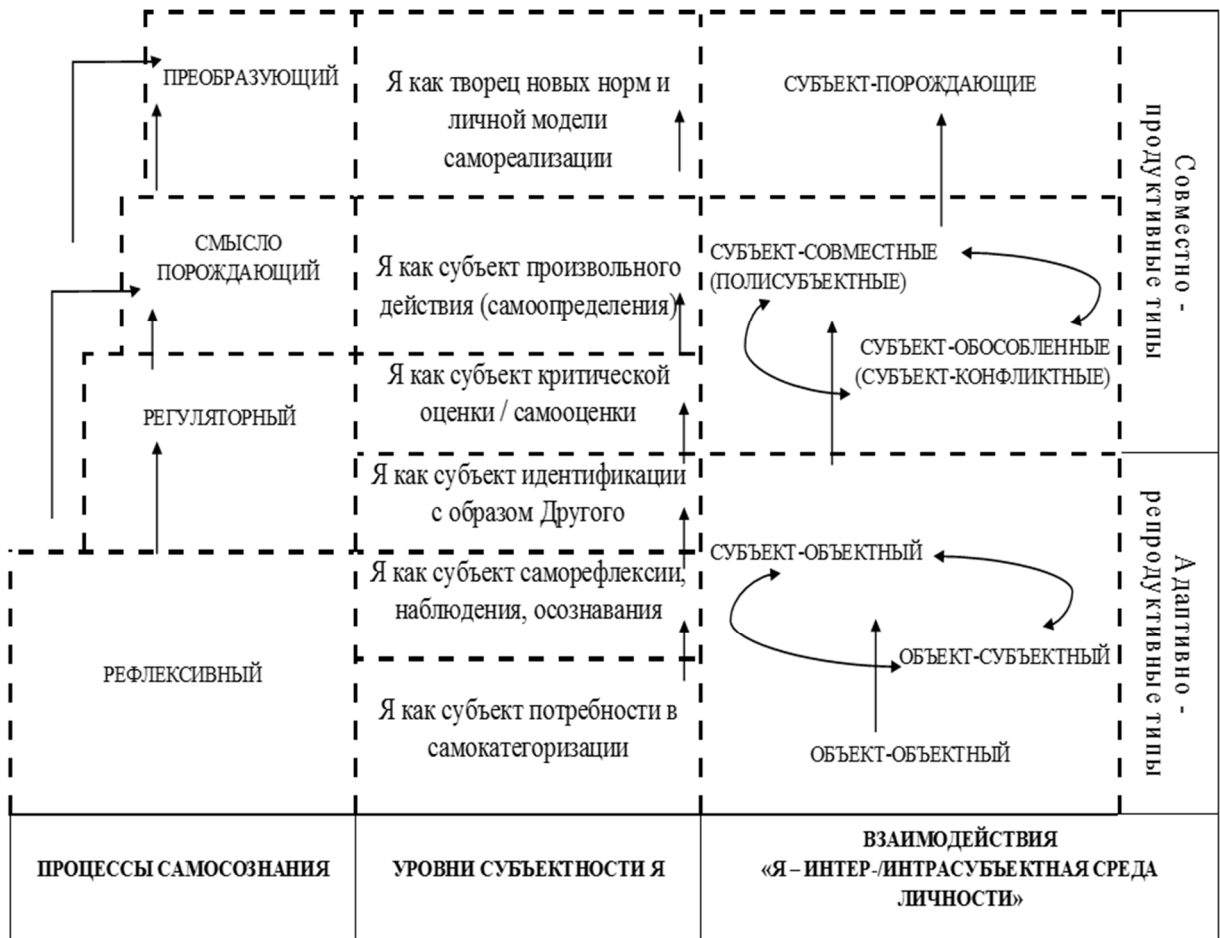

Рис. 1. Модель становления субъекта самосознания в преемственной интеграции рефлексивного, регуляторного, смыслопорождающего и преобразующего процессов

Далее в становлении субъектности Я дорефлексивный опыт двигательного контакта с другим субъектом воплощается в рефлексивном восприятии отношений «Я – Другие (не-Я)»; «Я – Другие (возможные) Я» посредством наблюдения и самонаблюдения, осознания, анализа, сравнения. В связи с таким содержанием второй уровень становления субъекта самосознания можно назвать «Я как субъект саморефлексии, наблюдения, осознания».

Подражание внешне заданным образцам, отождествление с обобщенным образом «идеала», репрезентирующим определенную социальную группу, но без сформированного еще опыта саморегуляции и самопонимания, соответствует переходу на следующий уровень в становлении субъектности Я. На этом уровне формируется чувство «Мы-идентичности», интегрирующее субъекта в его

самосознании с определённой социальной группой или общностью. Соответственно, на этом уровне становление субъектности Я в самосознании можно назвать «Я как субъект идентификации, эмпатии, отождествления/разотождествления с образом Другого».

На этом уровне актуализируется риск дисгармоничных отношений, внутренних конфликтов, вследствие сложности обретения баланса в отношениях «Я – Другие» и «Я – Другие Я». С одной стороны, процесс становления Я на основе подражания внешне заданным образцам не предполагает полного осознания (в частности, механизм эмпатии реализует аффективно-обусловленное безоценочное и некритичное отождествления «Я – Другой»). С другой стороны, развитие саморефлексии и осознания стимулируют саморегуляцию, как возможность управления и контроля за процессами идентификации Я. Так, В. С. Мухина подчеркивает, что чрезвычайно глубокое отождествление с другими отнюдь не благо для человека: отождествляясь с другими, человек обретает родовое чувство «Мы-идентичности», но при этом теряет чувство «Я-идентичности». Потеря родового (группового) чувства «Мы-идентичности» приводит к отчужденному «Я»: самоутверждение в мире своей личности, нередко приводит к страданию от потери идентичности с другими людьми. То есть, идентификация-обособление – чрезвычайно сложный, многоёмкий механизм, который приводит к многозначным последствиям для переживаний человека и осуществления его самости (Мухина, 2019).

Соответственно, на первых трех уровнях становления субъектности Я слабая рефлексия, возможное превалирование Мы-идентификации в самосознании зачастую обуславливает квази-объектную позицию Я во взаимодействиях «Я – интер-/интрасубъектная среда личности». Такая позиция может быть представлена в тенденциях самообъективации, невротических образованиях, неустойчивости личности.

Четвертый уровень в становлении субъектности Я выступает как субъект критической оценки / самооценки. Субъектная позиция «критика» представлена рефлексивными процессами идентификации (осознанной

постановки себя на место другого с анализом возможных положительных и отрицательных составляющих образца), и одновременно, выделение вариантов иной, более эффективной или подходящей модели для самоидентификации. В реализации саморегуляции субъект самосознания освобождается от давления внешних норм и образцов, получая возможность делать собственные выборы, основываться в понимании себя и своих действий индивидуальных смыслах, выработанных во взаимодействиях с компонентами интер-/интрасубъектной среды личности. Рефлексивный и регуляторный процессы во взаимодействии множественных образов Я неразрывно определяют друг друга: «Взгляд на самого себя – это оценка внутренним контролером – одним из «Я» – того действия, которое производится другим «Я»» (Горбов, 2000, с. 22).

На пятом уровне в становлении субъектности Я интеграция рефлексивного и регуляторного процессов способствует реализации смыслопорождения, связанного с пониманием и выработкой индивидуальных ценностно-смысловых основ самореализации, то есть Я выступает как субъект произвольного действия (самоопределения) и смыслопорождения. Этот уровень проявляется в сознательном и целенаправленном построении жизненного пути, а также в изменении Я, что описано в субъектной концепции саморазвития личности М. А. Щукиной (2015).

На шестом уровне в становлении субъекта самосознания, индивидуализированная структура осознанно регулируемого и творчески преобразованного содержания самосознания, превращается в субъективное средство внешних и внутренних действий. Это определяет переход индивидуальных семантических структур самосознания в «иную форму бытия» – новые социокультурные нормативные модели личности и поведения, образа жизни, составляющие сущность процесса экстериоризации. Во взаимодействиях субъект-порождающего типа, на высшем уровне субъектности Я, осуществляется процесс творческого преобразования, трансформации самосознания как процесса взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности». Этот уровень может быть

соотнесен с описанным У. Джеймсом состоянием «полного единения» при котором «кажется, что все грани личности находятся в гармонии друг с другом и человек воспринимает внутренний и внешний мир как одно целое. При этом состоянии личность перестраивается таким образом, что содержит в себе больше, чем воля, больше, чем индивидуальность. Она осознает себя частью более обширной системы, а не единственного, ограниченного временем сознания» (Фрейджер, Фейдимен, 2004, с. 249).

Условием реализации рефлексивного процесса становления субъекта самосознания выступают взаимодействия в системе «Я – интер-/интрасубъектная среда» субъект-объектного и объект-субъектного типов. Эти типы взаимодействий обуславливают интериоризацию образов, нормативных моделей, ценностных представлений социокультурной среды в самосознании личности. Сформированная способность «увидеть» образ объекта-стереотипа определяется рефлексивностью человека, что и дает ему возможность осознать, представить образ «Другого» как «Возможного Я» и воспроизвести «увиденное» в подражательном акте. В данный процесс включены механизмы эмпатии и идентификации, формирующие категориальные структуры самосознания, что представляет собой субъект-объектный тип взаимодействия в системе «Я – социокультурная среда». Потребности самоидентификации, «ищущие» вовне объект (стереотип поведения) и самоопределение в системе ценностно-нормативных моделей, находят свое объяснение в логике анизотропного формопорождения, в соответствии с которым множественные образы самоидентификации во взаимодействии с образом «Я», выступают условием процессов самосознания.

Объект-субъектный тип взаимодействия в системе «Я – социокультурная среда» представлен в ориентированном на личность воздействии многоуровневой социокультурной среды: нормирующих ограничений на уровне микросреды; системы стереотипных социальных ожиданий и возможностей на уровне эндосреды; стереотипных образов и идеалов на уровне мезосреды; ценностных приоритетов на уровне макросреды.

Субъект-объектный тип отношения к «Другому / Другим» может быть представлен не только ко внешним (ролевым, нормативным) но и ко внутренним (интроецированным) образам идентификации. Отношение к «Другому» в самосознании выступает условием переноса данного отношения на самого себя (отождествления с «образом Я»), что приводит к рефлексивному акту, способствуя превращению субъект-объектного типа в субъект-субъектные типы взаимодействий в становлении субъекта самосознания.

Согласно концепции отождествления – разотождествления Я с собой посредством Другого (Е. Б. Старовойтенко), становление субъектности Я характеризуется динамичностью конфигураций, которые образуют «...определенную *форму самотождества Я*, разрешающую или не разрешающую *парадокс* взаимной необходимости процессов отождествления и разотождествления с собой на пути достижения Я единства с собой как в целом, так и в своих отдельных образующих» (Старовойтенко, 2021, с. 829). В зависимости от конфигурации различных параметров рефлексивного диалога Е.Б. Старовойтенко эмпирически выделены различные формы самотождества Я: развивающееся, становящееся, противоречивое, ригидное, регрессирующее, невыраженное (Старовойтенко, 2021).

Соответственно, высокий уровень развития рефлексии, и (как ее результата) осознания межуровневых и внутриуровневых отношений различных компонентов самосознания (образов Я, имплицитных социокультурных моделей самореализации на поведенческом и ценностно-смысловом уровнях) выступают необходимым, но недостаточным условием, требуя включения регуляторного процесса самосознания.

Регуляторный процесс в становлении субъекта самосознания связан со взаимными переходами от одного типа субъект-средовых взаимодействий к другому в зависимости от контекста социальных ситуаций и способности осознания индивидуальных смыслов, а также оснований принятия/отвержения тех или иных вариантов социокультурных моделей самоидентификации.

Преемственность и интеграция рефлексивного, регуляторного и смыслопорождающего процессов определяется тем, что отношения на границе субъект-средовых взаимодействий, в которых Я может принимать объектную или субъектную позицию во взаимодействии с социокультурной средой, выступают точкой бифуркации, где одним из вариантов может быть выход Я в самосознании личности на квази-объектную позицию по отношению к системе социокультурных норм и идентификационных моделей. Это предполагает «жесткую привязку» самосознания к заданным социальным стереотипам и сопрягается со слабой рефлексией и осознанием своего отношения к ним, отсутствием осмысления их значимости в регуляции своих поступков и выборов. Диалоговое субъект-средовое взаимодействие в этом случае не осуществляется, поскольку в самосознании образ Я «слеплен» с интериоризованной социально-ролевой моделью. В этом случае субъективное благополучие личности будет определяться соответствием образа Я, своих межличностных отношений, образа своей жизни и мотивации, интериоризованным стереотипным вариантам реализации себя в социальных отношениях. В том случае, когда достичь соответствия Я интериоризованным идеалам невозможно, возникает внутреннее напряжение, внутренне конфликтное состояние. Квази-объектный характер такой позиции индивида состоит в том, что здесь формально присутствуют признаки субъекта (целенаправленность, активность, саморегуляция и др.), но внешняя детерминированность самосознания определяет его, по сути, объектную позицию во взаимодействии с социокультурной средой: самооценка и самоопределение заданы внешними нормативными моделями.

Личность в квази-объектной позиции Я в обоих вариантах (как при соответствии, так и при несоответствии социокультурным ролевым образам), не вырабатывает свой вариант индивидуальной, контекстно обусловленной модели самореализации, который она готова осознанно, как акт экстериоризации, представить в средовых отношениях. Квази-объектная позиция Я, даже в «благоприятном» случае соответствия личности в ее

самосознании социально-ролевым нормам, обуславливает ее неустойчивость в условиях неопределенности и изменчивости условий социокультурной среды, поскольку любое изменение контекста социальных взаимодействий будет вызовом по отношению к такой жесткой, и поэтому «хрупкой», неадаптивной позиции.

Взаимодействия в системе «Я – интер-/интрасубъектная среда личности» субъект-обособленного (или субъект-конфликтного) типа формируются при рефлексивном отношении к ситуации трудно преодолимого расхождения образа Я с интериоризованными нормативными социокультурными образами. Становление субъектности Я включено в процессы трансформаций разноуровневых социокультурных семантических категорий, которые репрезентированы в самосознании обобщенными представлениями, нормативными (идеальными) образами, ролевыми моделями. Множество возможных выборов в процессе личностного самоопределения выглядит как условие для свободы самореализации, однако еще Э. Эриксон обратил внимание, что такая ситуация скорее обуславливает кризис в становлении эго-идентичности (Эриксон, 1996).

В уровне строении самосознания В. В. Столин выделяет как эксплицитные (доступные рефлексивному самопониманию), так и имплицитные составляющие. Уровневая структура самосознания, согласно концепции В. В. Столина, предполагает, что нижний уровень «Образа Я» состоит из бессознательных, но эмоционально-наполненных представлений о себе. Самосознание высшего уровня характеризуется как осознание и оценка индивидуальных свойств и качеств. Различные уровни «Образа Я» как функционально взаимосвязаны, так и относительно автономны, в результате между ними возникают противоречия или конфликты. Соответственно, единицей самосознания, по В. В. Столину, является «конфликтный смысл Самости», отражающий столкновение отношений, мотивов и деятельности различных уровней Я. По мере взросления формы и механизмы самосознания трансформируются и усложняются; они расходятся с факторами, которые

первоначально их вызвали, и могут стать сознательными и контролируемыми (Столин, 1983). Таким образом, осознание содержания отношений и противоречий «самости», понимание источников и причин их возникновения, связи с внешними по отношению к личности образованиями (социокультурными нормами, ценностями и значениями) дает возможность их регулирования и трансформации субъектом самосознания.

В случае, когда человек осознает несоответствие образа Я нормативными моделям, и сохраняя свою «самость», стремится во внешних проявлениях не противоречить нормативным образцам (стратегия «внешнего конформизма»), мы можем говорить о субъект-обособленном типе взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности». Вариант субъект-конфликтного типа взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности» связан с недостаточной отрефлексированностью расхождений, противоречий в системе отношений «Я – другое (другие) Я» / «Я – идеальные образы» в самосознании, что и представляет внутриличностные конфликты (ролевые, мотивационные, экзистенциальные). Однако анализ и осознание причин и содержания внутренних противоречий (реализация процесса рефлексии) дает возможность человеку определиться с путями изменения внутренне конфликтной ситуации и принять определенные решения, выбрать варианты действий, что соотносится с интеграцией процессов саморегуляции и смыслопорождения в самосознании.

Субъект-совместный и субъект-порождающий типы взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности» могут осуществляться при интегрированности рефлексивного, регуляторного и смыслопорождающего процессов самосознания. Развитая способность личности к саморефлексии позволяет осознавать и свободно регулировать (выбирать и реализовывать собственные варианты образа Я, стратегий жизни и моделей поведения) на основе творческих процессов смыслопорождения. В данном случае семантические категории нормативных моделей интериоризованы в самосознании, но оно характеризуется категориальной сложностью, в связи с чем стратегии и мотивация поведения определяются

скорее не стереотипами социокультурной среды, а логикой реальной жизненной ситуации и индивидуальными смыслами.

Вариант, когда становление субъекта самосознания выступает адаптивным средством реализации себя в системе общественных отношений, формируя сложную и гибкую систему взаимосвязи различных идентификационных оснований личности (гендерной, возрастной, этнической, профессиональной, гражданской, семейной и др.) можно отнести к субъект-совместному типу взаимодействия в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности». В этом состоянии в самосознании индивидуальное семантическое пространство смысложизненных ориентаций превращается в субъективное средство для осуществления внешних действий, реализуя антиципирующую функцию и обеспечивает саморазвитие. Если такое состояние самосознания выражается в потребности личности передать (предложить) социокультурной среде собственную творчески переработанную модель самореализации, то это можно определить, как проявление субъект-порождающего типа взаимодействия в системе «Я – социокультурная среда» и реализацию преобразующего процесса самосознания.

Субъект-порождающее взаимодействие «Я – интер- / интрасубъектная среда личности» выступает единым условием развития индивидуального самосознания и трансформации общественного сознания. Возможность порождения новых смыслов, определяющих изменение всех участников взаимодействия реализуется, когда субъект-средовое взаимодействие приобретает развивающий характер, то есть, в ситуации творческого опосредования, или житнетворчества (Гришина, 2017). В ситуации неопределенности и множественности идеалов, реализация субъект-порождающего взаимодействия, состоящая в субъектной позиции Я по отношению к интериоризованным образцам, их творческой переработки и наполнения индивидуальным смыслом, с последующей экстерииоризацией в своей деятельности и поведении, выступает необходимым условием становления Я на уровне субъекта продуктивного действия и саморазвития.

В исследовании Т. А. Барышевой, Т. Н. Носковой, В. В. Истоминой выявлены особенности противоречивого процесса становления самосознания и мотивации саморазвития и показана значимость познавательных интересов, самоотношения (самооценки), рефлексии и креативности субъекта саморазвития (Барышева и др., 2023).

Дезинтеграция выделенных процессов самосознания проявляется в стагнации становления субъектности Я на базовых уровнях. Неразвитый, по какой-либо причине, рефлексивный процесс самосознания проявляется, как отсутствие внутренних ресурсов, дающих возможность обрести точку опоры в себе, в своем Я, и в этом случае человек имеет тенденцию искать опору вовне (в поддержке, принятии, оценке, нормировании со стороны другого индивида, группы, культурной нормы), принимая позицию «квази-объекта» субъект-средовых взаимодействий.

Примером таких вариантов отношений «Я – социокультурная среда» может быть обращение к религиозным, этническим, субкультурным и подобным им ценностно-нормативным системам по механизму гиперидентификации. В этом случае человеку важно создать ситуацию субъективно стабильных внешних условий, что выступает аналогом «рабочей ситуации», задействующей репродуктивную форму экопсихологических ресурсов (Панов, 2024) в становлении субъекта самосознания. Такая самообъективация и тенденция к упрощению воспринимаемой информации из внешней среды через создание «фильтров» (упрощенной, непротиворечивой и стабильной системы ценностно-нормативных оснований) приводит к снижению дезадаптивности психических состояний, ощущению повышения субъективного благополучия при низких уровнях субъектности Я.

Доминирование рефлексивной функции при слабой саморегуляции также сопрягается с невозможностью смыслопорождения и может проявляться в нестабильности самоотношения, в психической и социальной неадаптивности. То есть, слабость проявления или нарушение любого процесса отражается в целом на системе самосознания, проявляясь в уходе от

проявлений субъектной позиции Я во внешне и внутри средовых взаимодействиях. Таким образом, даже во внешне благоприятной, типичной, предсказуемой или стабильной ситуации неразвитость рефлексивных (самопознающих, осознающих) способностей может блокировать реализацию процессов саморегуляции и смыслопорождения, обеспечивающих самопонимание, целеполагание, самоопределение, процессы выбора и принятия решения. В то же время, в ситуациях неопределенности, дезадаптации, внутренней конфликтности компонентов самосознания, реализация процессов смыслопорождения и творческой трансформации в интер- и интрасредовых взаимодействиях проявляет высший уровень субъектности Я.

Анализ процессов самосознания можно провести не только в онтологическом, но и в гносеологическом ракурсе, как «данность» их проявления, представленности в субъективной реальности, доступной фиксации и измерению их выраженности в исследованиях. В частности, компоненты самосознания личности, операционализированные в концепции В. В. Столина (Столин, 1983), содержат в своем определении функциональную направленность на их интерпретацию в обозначенном нами процессуальном контексте. Так, компоненты «самоотражение» (процесс наблюдения за своим поведением, мыслями и чувствами с целью понимания себя и своих реакций на внешние стимулы) и «социальная перцепция» (восприятие и интерпретация поведения других людей, понимание их действий, и формирование отношения к ним) соотносятся с рефлексивным процессом самосознания. Компоненты «саморегуляция» (способность управлять своими эмоциями, мыслями, поведением для достижения определенных целей, удовлетворения своих потребностей) и «самооценка» (оценка своих способностей, умений, знаний и достижений, которая влияет на уверенность в себе и мотивацию к действию) соотносятся с регуляторным процессом самосознания. «Самопринятие» (признание и принятие себя таким, какой есть, со всеми своими достоинствами и недостатками, что способствует развитию гармоничных отношений с окружающими и собой) соотносится со

смыслопорождающим процессом самосознания. Компонент «саморазвитие», как стремление к постоянному совершенствованию своих знаний, умений и навыков, формирование новых целей и стратегий их достижения соотносится с преобразующим процессом самосознания.

Таким образом, на основании методологических концептов экопсихологического подхода к развитию психики В. И. Панова, в частности, типологии субъект-средовых взаимодействий и модели становления субъектности (Панов, 2014), самосознание личности представляется нами как динамические процессы семантических образований, которые порождаются во взаимодействиях полилога «Я – интра- / интерсубъектная среда личности» субъект-объект-субъектного характера. Процессы этих взаимодействий выполняют рефлексивную, регуляторную, смыслопорождающую и преобразующую функции, а результат представлен в уровнях становления субъектности Я в разных аспектах самосознания. Последовательная интеграция обозначенных процессов самосознания представляет его интенциональную направленность на обретение внутренней целостности и гармонии с окружающей средой, что позволяет выдвинуть задачу обоснования признаков субъективного и психологического благополучия в качестве критериев проявления уровней становления субъектности Я.

2.3. Критерии проявления уровней становления субъектности Я

Категория субъектности рассматривается в психологии как специфическая характеристика личности (Т. В. Белых, Е. Н. Волкова, С. Д. Дерябо, Д. А. Леонтьев, В. А. Петровский, Е. А. Сергиенко и др.). Е. Н. Волкова определяет субъектность как одно из центральных психических образований личности, основу которого составляет отношение человека к себе как к деятелю, а также как условие осуществления специфически человеческого способа бытия, и состоит из компонентов: активности,

сознательности, целеполагания, рефлексии, свободы выбора и ответственности за него, принятии собственной уникальности (Волкова, 2005). Согласно А. В. Карпову, самосознание, как наиболее фундаментальное метакогнитивное состояние сознания, и «...составляет субъектность как таковую; образует ощущение личностью своей самости – своего «Я»; саморепрезентацию внутреннего мира (...) во многом просто и конституирует этот мир, а соответственно – и личность» (Карпов, 2025, с. 641).

В зарубежной психологии субъектность (agency) рассматривается, и как процесс самоопределения личности, как экзистенциальное условие индивидуальности (Sugarman, et al., 2011). Субъектность Я формируется на протяжении жизненного цикла из дорефлективной формы (Damasio, 2010) и связывается одновременно с самодетерминацией индивида и влиянием социальных взаимодействий: через осознание своих социальных позиций и взаимодействие с другими формируются сложные социально-психологические процессы, такие как подражание, дифференциация себя, интериоризация. Субъектность Я проявляется в экстериоризации ментальных представлений, сформированных в социальных отношениях (Martin, et al, 2003; 2010). Р. Фри также рассматривает субъектность как динамический процесс в постоянно меняющихся контекстах, связывая с субъектностью активность, телесность, эмоциональную саморегуляцию, рефлексия, интеллект и творческое воображение (Psychological agency, 2008).

Согласно Т. В. Белых, субъектность, как интегральное системное качество целостной структуры индивидуальности, проявляется на уровне индивида в специфике образа жизни и способности к осуществлению эффективной саморегуляции; на уровне личности – в способности инициировать и эффективно реализовывать познавательную активность, направленную на взаимодействие; на уровне индивидуальности – в осознании ценностей познания «Я» и возможностей расширения его границ; на уровне субъекта самореализации – в стремлении реализовать творческий потенциал, продуктивной деятельности, достижении тождественности «образа Я» самому себе в значимой для собственного «Я»

деятельности; на уровне субъекта саморазвития – в способности выстраивать и реализовывать адекватные стратегии поведения относительно собственного «Я» (Белых, 2004). Г. Л. Тульчинский также отмечает, что субъектность представляет собой источник, средство и результат развития самосознания, а развитая субъектность, прокреативность и преадаптивность выступают надежной профилактикой профессионального, личностного и человеческого выгорания (Тульчинский, 2023).

Уровневое понимание критериев субъектности обосновывается в системно-субъектном подходе Е. А. Сергиенко, согласно которому личность понимается как ядерное, содержательное образование (порождение смыслов, ценностей, направленности), в то время как субъект (Я, в нашем контексте понимания самосознания – *О.Г.*) определяет индивидуальную возможность выборов, целей, реализации задач с учетом как ситуаций и событий, так и индивидуальной направленности взаимодействий (Сергиенко, 2021). Н. С. Павлова, в развитии данного подхода, в качестве критериев субъектности исследует проявления удовлетворенности жизнью, психологического и субъективного благополучия (Павлова, 2023).

Представление об уровне становления субъектности Я в результате интеграции рефлексивного, регуляторного, смыслопорождающего и преобразующего процессов самосознания, соотносится нами с пониманием достижения личностью «самотождества Я на основе процессов отождествления и разотождествления с собой» посредством рефлексивного диалога со значимым Другим (Старовойтенко, 2021). Е. Б. Старовойтенко описывает результат этого процесса через признаки субъектной позиции Я во взаимодействиях с интер- и интрасубъектной средой личности: «Ставшее Я-в-себе имеет относительно автономное существование, рефлексивно обогатившись осознанием своей продуктивности и диалогичности в мире, своей возвращенной себе данностью и субъектностью в мире Другого, а также данностью и субъектностью Другого в собственном мире, осознанием своих открытий Я-неизвестного. Такое «исполненное Я» обладает зрелостью, силой

и свободой в обращении с собой в плане освоения и приведения к своим возможностям раскрывшейся реальности и потенциальности мира, других, значимого другого, самого себя» (там же, с. 822). Переживание полноты собственной субъектности А. В. Петровский связывает с феноменом «самоценного (аутентичного) Я». «Аутентичное Я» возникает как ощущение консонанса при «совпадении потребного и произведенного эффектов активности» (Петровский, 2023, с. 38). В то же время, аутентичность личности понимается в психологии как основа доверия, творчества и самореализации, осознанный выбор жить в гармонии со своими ценностями, сохраняя внутреннюю целостность, что требует развитой рефлексии и саморегуляции (Нартова-Бочавер, Ирхин, Резниченко, 2020; Гусейнов, Шиповская, 2023).

Становление субъектности Я также можно рассмотреть в контексте системных процессов реализации экопсихологических ресурсов человека: «по вертикали» – как реализацию отношений «возможность (личностный потенциал) – действительность (актуальные субъектные качества)»; а «по горизонтали» – как реализацию взаимодействий «внутренняя среда (совокупность внутренних, интра-субъектных возможностей) – внешняя среда (совокупность внешних, внесубъектных условий)». Соответственно, реализация экопсихологического ресурса в виде трансформации (проявления и развития) субъектности в системе субъект-средовых взаимодействий задействует одновременно внутриличностные, внешне средовые и коммуникативные ресурсы. Экопсихологические ресурсы могут быть реализованы в зависимости от ситуации (рабочей, проблемной, потенциально проблемной) в репродуктивной, развивающейся и превентивной (порождаемой) формах (Панов, 2024). Репродуктивная форма экопсихологических ресурсов в рабочей ситуации в наименьшей степени актуализирует субъектную позицию личности во взаимодействии со средой, в то время, как в проблемных (и особенно потенциально проблемных) ситуациях позиция субъекта во взаимодействиях со средой позволяет реализовывать развивающуюся и порождаемую формы экопсихологических ресурсов.

Процесс протраивания пространств внутреннего («Я», субъективные переживания) и внешнего (Я в окружающем мире) Е. Б. Весна и О. С. Ширяева описывают через пять компонентов единой системы личностных ресурсов:

- аффективного (эмоциональная насыщенность жизни, преобладание позитивных эмоций, отсутствие выраженной тревожности, депрессивных симптомов);
- метапотребностного (возможность реализации базовых потребностей в автономии, компетентности во времени, связи с другими; личностный рост);
- мировоззренческого (наличие целей, занятий, убеждений, придающих жизни смысл, чувство осмысленности своего прошлого и настоящего);
- интрарефлексивного (осознание и принятие не только своих положительных качеств, но и недостатков; способность непосредственно выражать чувства; внутренний контроль; позитивная самооценка, оценка своей жизни в целом; самопознание),
- интеррефлексивного (компетентность в отношениях с окружающими, средой; гармоничные отношения с миром; осознание человеком самого себя в контексте отношений с собой, другими людьми, обществом, природой) (Весна, Ширяева, 2009).

Проявление субъектности Я, составляющей основу самосознания личности, в отечественной психологии традиционно рассматривается в контексте многоплановой системы отношений (Пантилеев, 2003). Так, В. Н. Мясищев определяет личность, как «ансамбль отношений»: совокупность всех ее существующих отношений к объектам и фактам окружающего мира, которая вытекает из всей истории развития человека, выражает его личный опыт и внутренне определяет его действия и переживания (Мясищев, 2011). А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский отмечают: «Отношение как особая характеристика психической связи индивида представлено повсеместно – идет ли речь об образе этой действительности, о мотиве, побуждающем личность совершать или не совершать какое-либо действие, и т.п. Во всех этих самых разнообразных обстоятельствах реально, независимо от уровня осознанности, изначально

представлена одна из инвариант психической организации жизни человека, на которую и указывает термин «отношение»» (Петровский, Ярошевский, 1998, С. 207). Согласно Б. Г. Ананьеву, центральным звеном внутреннего психического мира человека, выступает самоотношение, которое лежит в основе единства и целостности его личности, влияет на формирование содержания, структуры и проявления целой системы психологических особенностей личности (Ананьев, 1980).

Самоотношение, как базовую установку самосознания, определяет ценностная направленность в континууме «Я – не Я» (Алишев, 2011a), что обуславливает разные формы поведения и операционализировано в понятии «самоценности». Эмпирически установлено, что приоритетная ценность собственного Я соотносится не с проявлением эгоистической направленности, а скорее с характеристиками гармоничной личности. Близость к Я в ценностной направленности личности связана с тем, что человек склонен опираться в жизни на свои внутренние силы, руководствоваться преимущественно собственными целями, убеждениями, установками и принципами, иметь в ценностном приоритете саморазвитие и самовыражение при глубоких и значимых взаимоотношениях с окружающими людьми и выраженной творческой направленностью. Обобщенный вывод заключается в том, что «...Позитивное самоотношение и самоуважение, осознание собственной самоценности как субъекта, становясь центральным звеном внутреннего психического мира человека, позволяют согласовать и упорядочить всю систему его ценностных приоритетов и жизненных принципов» (Сагеева, Алишев, 2008. с. 76).

Исследователи также отмечают, что любой компонент внутреннего отношения в самосознании имеет социокультурную специфику, которая формируется в процессе усвоения человеком существующих в социуме и культуре представлений, то есть, соотносится с понятиями «социальная норма», «социально-культурный идеал функционирования человека» (Шевеленкова, Фесенко, 2005; Попов, 2008). Сравнение с нормой, эталоном, идеалом в самосознании человека определяет самоотношение и переживание

человеком своего отношения к жизни (с учетом, как характера самого переживания, так и параметров субъективного эталона, идеала). Из этой оценки рождается внутренний, субъективный эталон – идеальное представление, которое и выступает глобальным инструментом оценки своего бытия (Фесенко, 2005; Шевеленкова, Фесенко, 2005). В этом контексте можно привести пример эмпирического исследования В. Ю. Хотинец, в котором выявлены соотношения уровней становления этнической идентичности с показателями отношения к себе, адаптированности, представления о мире и рефлексии. В частности, установлено, что «досрочная» и «кризисная» идентичность характеризуются равнодушным или негативным отношением к себе и представлением о мире, низкой или средней рефлексией и адаптированностью, в то время как зрелая этническая идентичность соотносится с позитивным отношением к себе и представлением о мире, высокой рефлексией и адаптированностью (Хотинец, 2001, с. 68-69).

Е. Е. Бочарова также обращает внимание на то, что содержание ценностно-нормативной системы того или иного общества и характера отношений личности к этой системе (принятия-отвержения, конгруэнтности, творческого преобразования) определяет внутренние детерминанты субъективного благополучия: социально-психологические установки, ценности и стратегии поведения личности (Бочарова, 2008). Я. И. Павлоцкая уточняет, что степень реализованности компонентов психологического благополучия находится в двойственной взаимосвязи с установками и межличностными отношениями: позволяет человеку чувствовать себя более свободно в отношениях с окружающими, доверять, как другим людям, так и самому себе, и в то же время придавать меньшее значение проявлениям власти и силы по отношению к другому, доли личной ответственности за ситуацию и потребности постоянного управления средой (Павлоцкая, 2014).

Сбалансированное внутреннее состояние и возможность выстраивать оптимальные взаимоотношения с окружающим миром выступают основой представления о «гармоничной личности» (Мотков, 2020; Саратовцева, Гуляева, 2016). В качестве проявлений гармоничной личности, на основании

концепций К. Роджерса, Б. Ньюгартена, Д. Биррена, Ш. Бюлер, А. Маслоу, М. Яходы, Г. Олпорта, Э. Эриксона, К. Г. Юнга, и других авторов, исследователи выделяют множество показателей, таких как: сбалансированность, уравновешенность проявления особенностей и аспектов личности; полнота и достаточное разнообразие потребностей и ценностей (наличие и дефицитарных, и развитых бытийных потребностей и ценностей), их достаточная значимость и реализация; оптимальное соотношение значимости ценностей и их доступности; оптимальные соотношения самооценки и уровня притязаний; социальная и природная адаптация; психологическое здоровье; наличие творчества, самоактуализации, интереса к жизни; самопринятие, ясное самоопределение; психологическое (субъективное) благополучие; повышенная жизнестойкость; хорошая саморегуляция; удовлетворённость жизнью; сохранение уверенности в себе в сложных ситуациях; самостоятельность и автономность; реалистичный оптимизм; ритмичное чередование главных видов деятельности и чувство меры в их развитии, духовные ценности поиска истины, доброго отношения к другим живым существам и бескорыстной помощи, созерцания красоты природы и вещей, саморазвития и мн. др. При этом для реализации нравственных, эстетических и познавательных задач гармоничная личность может временно «работать» на пределе своих возможностей: переживать сильные внутренние напряжения, выходить из режима умеренного поведения, из состояния «золотой середины» (Мотков, 2020).

Концептуализация таких феноменов самосознания, как «самоактуализация», «самооценка», «сила Эго», «автономность», «реализация личностного потенциала», «конгруэнтность», «аутентичность» и т.п., объединена в экзистенциальном понимании психологического благополучия личности (Ryff, 1995). В концепции К. Рифф психологическое благополучие включает шесть компонентов: «компетентность», как способность выполнять требования повседневной жизни; «позитивные отношения с другими», как проявление взаимной заботы и доверия; наличие «целей в жизни» и занятий,

придающих жизни смысл; «самопринятие», как позитивное отношение к себе и своей прошлой жизни; «автономность», как способность следовать собственным убеждениям; «личностный рост», как чувство непрекращающегося развития и самореализации (Ryff, Keyes, 1995).

Проявление автономности, компетентности, связи с другими во внешних (социальных) взаимодействиях и процессах самосознания в теории самодетерминации Э. Диси и Р. Райан (Ryan, Deci, 2000) соотносится с понятием «личностное благополучие» (personal well-being), которое также ассоциируется с гармоничным самосознанием (Батурин и др., 2013). Под автономией понимается восприятие своего поведения, как конгруэнтного внутренним ценностям и желаниям личности, ощущение поддержки и отсутствия контроля со стороны других людей. Компетентность («управление средой») — это чувство своей способности к эффективной деятельности в социуме, ресурсности в решении возникающих проблемных ситуаций. Потребность в компетентности поддерживается такой средой, которая выдвигает перед человеком задачи оптимального уровня сложности и дает положительную обратную связь. Под потребностью связи с другими понимается стремление к близости с другими людьми; она развивается, если человек получает тепло и заботу от окружающих (Линч, 2004). В тоже время, потребности близости с другими людьми напрямую связаны с тем, насколько их удовлетворению способствует актуальный социальный контекст (Линч, 2004; Hui, Tsang, 2012; La Guardia et al., 2000; Reis, Franks; 1994 Reis, 2000).

Гедонистический и эвдемонический подходы интегрированы в современных подходах к диагностике психологического благополучия (Фомина, Бондаренко, 2024), а также в системном субъект-средовом понимании субъективного благополучия (Р. М. Шамионов), — как эмоционально-оценочного отношения человека к своей жизни, своей личности, к взаимоотношениям с другими, и к процессам, имеющим важное значение с точки зрения усвоенных нормативно ценностных и смысловых представлений о «благополучной» внешней и внутренней среде,

выражающейся в удовлетворенности ею, ощущении счастья (Шамионов, 2010; 2014; 2014а).

В структурно-функциональной модели субъективного благополучия Р. М. Шамионов выделяет четыре основные функции: регулятивную (или функцию адаптации), функцию управления когнитивными процессами, функцию развития и «поведенческую» функцию. Функция адаптации заключается в «регуляции внутреннего самоотношения, самочувствия, а также взаимоотношения с внешним миром, усиливающих адаптационные возможности человека в социуме, а также в восприятии себя и своей жизни» (Шамионов, 2008, С. 100). Функция управления когнитивными процессами реализуется в консолидации и интеграции опыта, в соотнесении актуальных и имеющихся в «арсенале» знаний, и чувственного опыта. Функция развития описывается как «обеспечивающая творческое движение, как в сторону саморазвития, так и в сторону обеспечения внешних условий для удовлетворения высших потребностей и приведения всей системы в равновесие» (там же). «Поведенческая» функция заключается в «выборе стратегий поведения в зависимости от локуса благополучия и направленности личности» (там же). Кроме того, оптимизация разных типов субъективного благополучия зависит от актуальной жизненной ситуации, а «...невозможность усиления индекса благополучия в одной сфере часто замещается активностью и достижениями в другой. Личность вместе с тем стремится к “глобальному” благополучию, которое для нее принимает совершенно очевидные очертания в процессе своего становления» (Шамионов, 2008, с. 105).

Форма самопринятия, которая проявляется в когнитивной оценке эмоционального комфорта, удовлетворенности жизнью, межличностными отношениями и отношением к себе (Куликов, 2000; Тарасова, 2013) представлена в концепциях «субъективного благополучия» Н. Брэдбурна (Bradburn, 1969) и Э. Динера (Diener, 1984, 1995).

Непринятие себя, невозможность выстроить непротиворечивый, целостный образ Я, «потеря идентичности» в условиях слишком большого

количества перемен, затрагивающих одновременно многие стороны жизни, связывается с проявлениями соматического напряжения, социальной паники и «эго-тревоги» (Эриксон, 1996). Так, в качестве индикатора потери Я-идентичности в психологии этнического самосознания традиционно рассматриваются негативные неравновесные психические состояния. Развивая идею Э. Эриксона, Е. Stonequist предложил концепцию о «маргинальном человеке», который, «... интериоризировав многие ценности двух или более конфликтующих социокультурных систем, типически испытывает дискомфортные чувства (...) В маргинальной психике стандарты, стереотипы поведения, духовные ценности различных групп приходят в противоречие, отражаясь в ней в форме внутренних конфликтов, состояниях тревоги, напряженности...» (цит. по Сухарев, 2002. С. 44).

Маргинальное состояние самосознания можно отнести к варианту, когда Я занимает позицию «двойного объекта (квази-объекта)» по отношению к различным социокультурным системам в интер- и интрасубъектных взаимодействиях. В результате отсутствия или недостатка субъектной творческой трансформации взаимно противоречащих образов Я-репрезентации, саморегуляция возникающих внутренних конфликтов становится невозможной. Неразвитость субъектной позиции по отношению к образам, репрезентированным в самосознании, связана с недостаточной отрефлексированностью противоречий в их содержании. Соответственно, это не дает возможности реализоваться субъектным регуляторным и смыслообразующим процессам, внутренних и внешних взаимодействий в самосознании личности, способствующим становлению субъектности Я, что связывается с дезадаптивностью, представленной в актуализации неравновесных состояний (Прохоров, 1998). В свою очередь, равновесные состояния выступают фундаментом адекватного, предсказуемого и взвешенного поведения, согласно гомеостатической концепции адаптивности (Ганзен, Юрченко, 1991). «Аутентичное Я», выступающее конечной причиной над-адаптивной активности в виде самовозобновляющейся «деятельности

переживания» (Петровский, 2023), в обретении и воспроизводстве высшего состояния «самотождества Я», «ясности Я» (Старовойтенко, 2019) может переживаться как чувство наслаждения, то есть, проявляться в виде гедонистического аспекта психологического благополучия.

На основе соотношения аффективных, защитных регулятивных, интерперсональных компонентов и компонентов социальной направленности, О.О. Фомина эмпирически выделяет шесть типов благополучия личности: пассивно благополучный, компенсаторно благополучный, адаптированно благополучный, гармонично благополучный; аффективно неблагополучный и социально отчужденный неблагополучный. Последние два типа рассматриваются в качестве проявлений депрессивных или преддепрессивных состояний личности. Однако, отнесенные к «благополучию личности», типы также не могут быть отнесены к проявлениям высших уровней в становлении субъектности Я. Так, компенсаторные процессы (компенсаторное поведение, защитные механизмы) выступают проявлениями, через которые происходят неосознанные попытки преодолеть дисгармонию, вызванную внутриличностными конфликтами и невротическими образованиями. Таким образом, четыре «благополучных» типа, эмпирически выделенных автором, демонстрируют в своем содержании динамический характер стремления субъекта самосознания к реализации своего личностного потенциала в межличностных и социальных взаимодействиях, поиску ресурсности. При этом данные показывают глубоко индивидуальную стилистику обретения баланса между внутренними и внешними отношениями, выступающими одновременно ресурсами и развития, и адаптивности (Фомина, 2016). Н. В. Гришина, рассматривая в пространстве повседневной жизни человека разные стратегии (адаптивные, совладающие и житнетворчества), подчеркивает позитивное влияние повседневной креативности, представляющей форму житнетворчества, на психологическое благополучие и здоровье личности (Гришина, 2017).

Высокий уровень осознанной и субъектной позиции Я в самосознании может быть рассмотрен и как условие, и как проявление духовности в чувствах целостности внутреннего мира и гармонии с окружающей средой, в равновесии между отдельными компонентами субъективной реальности личностного Я, в осмысленности своего бытия (Ожиганова, 2010, 2024; Попов, 2008; Шадриков, 2020). А. Ш. Гусейнов, П. Ю. Удачина, К. А. Мисюнас также показывают, что гармоничность ценностно-смысловой сферы является ресурсом предупреждения деструктивных проявлений личности (Гусейнов и др., 2023).

Таким образом, в качестве критериев достижения более высоких уровней в становлении субъекта самосознания (субъектности Я) можно выделить операционализированные показатели субъективного и психологического благополучия личности.

Выводы по второй главе

Процессуальная сущность самосознания понимается на основе следующих положений:

1. Становление Я в самосознании личности определяется принципами анизотропного формопорождения, единства интериоризации / экстериоризации, и преемственной интеграции рефлексивного, регуляторного, смыслопорождающего и преобразующего процессов в полилоговых и гетерархических взаимодействиях с интер- и интрасубъектной средой личности.

2. Самопорождение структурных и процессуальных отношений, определяющих становление самосознания во взаимодействиях «Я – интер-/интрасубъектная среда личности», реализуется в условиях множественности, разнообразия, полифункциональности компонентов, как внешней среды (социокультурных норм, образов, отношений), так и внутренней среды (индивидуальной репрезентации социокультурных семантических категорий).

3. Единство интериоризации/экстериоризации в становлении самосознания личности представлено динамикой позиций субъекта и объекта в различных типах многоуровневых взаимодействий в системе «Я – интер-/интрасубъектная среда».

4. Становление субъекта самосознания определяется преемственной интеграцией рефлексивного, регуляторного, смыслопорождающего и преобразующего процессов в субъект-средовых взаимодействиях соотносится с уровнями становления субъектности Я.

Обозначенные предположения эмпирически проверялись автором в цикле исследований структуры и содержания гендерных, этнических, профессиональных компонентов самосознания в их внутренних взаимодействиях – на разных уровнях личности, и внешних – с семантическими образами социокультурной среды.

Глава 3. Самосознание как полилог субъект-средовых взаимодействий

3.1. Гендерная семантика в становлении субъекта самосознания

Теоретически разработанная в русле экопсихологического подхода концепция самосознания личности инвариантна по отношению к разным аспектам его проявлений. В то же время, соотнесение своего Я со значениями «мужского» и «женского» является «...одной из базовых структур самосознания, играет определяющую роль и процессах адаптации и саморегуляции» (Ениколопов, Дворянчиков, 2001, с. 100). Дифференциация семантических категорий «мужского» или «женского» в восприятии себя и мира выступает системообразующим основанием, определяющим самосознание в возрастном, этническом, конфессиональном, межличностном, детско-родительском, семейном, профессиональном контекстах (Мухина, 2012).

Разноуровневые био-психо-социальные процессы становления гендерных структур самосознания с позиций деятельностного подхода представлены системным многоуровневым конструктом психологического пола личности (Асмолов, 1990; Белкин, 1975, 1982; Лопухова, 2000, 2011). Психологический пол представляет собой сложно организованную систему взаимосвязанных составляющих биологического пола (генетического, гонадного, гормонального, морфологического (соматического), социального пола (гражданского пола, пола воспитания) (Пол // Психологический словарь, 1996, с. 266.), личности (Асмолов, 1990), и семантических категорий пола в социокультурной среде (Кон, 1999; Лунин, 1986). Как продукт взаимодействий этих составляющих, психологический пол определяет образ мира личности, структурируя «...частные формы регуляции индивидуальной деятельности — образ ситуации, Я-концепцию, образ партнеров по действию, систему индивидуальных ценностей, представление о возможностях

действия...» (Патяева, 1990; с. 89-90). В связи с системным многоуровневым пониманием, психологический пол выступает для нас моделью теоретической верификации методологических оснований концепции самосознания личности как процесса субъект-средовых взаимодействий. Анализ нелинейных отношений «Я – индивидная (биологическая) среда – интра- и интерсубъектная среда личности – социокультурная среда», с опорой на экопсихологическую типологию субъект-средовых взаимодействий и стадий становления субъектности, позволяет применить принципы анизотропного формопорождения, единства интериоризации/экстериоризации и преемственной интеграции рефлексивного, регуляторного, смыслопорождающего и преобразующего процессов к пониманию становления субъекта самосознания.

В рамках концепции самосознания как процесса субъект-средовых взаимодействий, компоненты, относящиеся к психологическому полу личности, могут быть рассмотрены: (а) как «данность» (биологически и/или социокультурно заданная дихотомия психологических проявлений «мужского» и «женского», которая является основой восприятия мира и себя в сознании человека); (б) как «виртуальная форма бытия», представленная сущностными основаниями «мужского» и «женского» начал, имплицитно заданными человеку, как возможность, потенциал достижения или обретения самости, целостности Я, по мере их постижения, но недоступными для регулирующих, корректирующих воздействий, то есть, вынесенных за пределы реального бытия; и (в) как условия и механизмы процесса становления гендерного самосознания во взаимодействиях Я с базовыми семантическими компонентами разных уровней культуры, общественного сознания, с другими образами Я-концепции и индивидуальными мировоззренческими позициями (образом мира).

Исследование гендерных компонентов самосознания, как «данности», обращается к эмпирически выявляемым многочисленным проявлениям гендерных (и часто психологических межполовых) различий, установлению факторов, детерминирующих эти различия на разных уровнях личности и

самосознания. Гендер представляется, как проекция биологически заданного в природе полового дипсихизма на уровне культурной семантики и социальных отношений. В психоаналитическом, неопсихоаналитическом и бихевиоральном направлениях гендерные структуры самосознания рассматриваются в качестве результата (продукта) влияния различных факторов социокультурной и природной (биологической) среды. Половая идентичность рассматривается как «...осознанные представления и неосознанные фантазии индивидуальной комбинации мужественности и женственности, как они осуществляются заложенными биологическими, психологическими, социальными и культурными факторами» (Mertens, 1994, с. 23).

Понимание причин становления гендерных компонентов самосознания, в контексте виртуальной формы бытия, представлены архетипами Анимы и Анимуса, которые персонифицируют женское и мужское начало в теории К. Юнга (2009). Интеграция этих бессознательных структур самосознания ведет к индивидуации, то есть целостности, гармоничности личности и раскрытию творческого потенциала. Архетипы коллективного бессознательного трансцендентны по отношению к психической реальности человека, то есть занимают объектную позицию. В то же время — это имплицитные структуры индивидуального самосознания, определяющие его развитие, то есть самосознание также объектно по отношению к архетипам.

Семантически сходное с содержанием архетипов Анимы и Анимуса, однако имеющее принципиально другое объяснение происхождения мужского и женского начала, представлено в эволюционной теории пола В. А. Геодакяна (1994). Женское начало, проявляющее себя на всех уровнях био-психо-социо-культурных систем, выражено в тенденциях сохранения и воспроизводства (отношений, традиций), адаптивности; мужское начало — в тенденциях активности, риска, освоения нового, исследовательского поиска. На уровне самосознания психологические особенности мужчин и женщин также рассматриваются объектно — как проявления эволюционно-генетически заложенных системных проявлений межполовых различий.

Онтологический ракурс исследования условий становления Я во взаимодействии с категориями и нормами социокультурной среды, как перехода из «бытия возможности» в «бытие в действительности», представлен в исследованиях с позиций деятельностного подхода. Можно сказать, что самопорождение множественных структур самосознания структурировано на основе множественного фрактального усложнения гендерной самокатегоризации, заданной базовым, «дорефлексивным» психическим феноменом, относящимся к «чувственной ткани сознания» (по А. Н. Леонтьеву) – чувством своего пола или «аутоидентификацией». Этот, основанный на ощущениях, компонент психологического пола в ходе развития личности развивается, как «аффективная часть образа себя» (Авдеева, 1996, с. 5), составляя имплицитный уровень самосознания личности, органично, не требуя осознания, организует становление половой идентичности через интериоризацию половой роли (Исаев, Каган, 1986).

С позиций концепции самосознания личности, как процесса субъект-средовых взаимодействий, позиция Я на уровне «чувства пола» объектна по отношению к системе биологических (нейробиологических, гормональных, генетических) факторов, поскольку задается ими. «Объектность» значений и норм социокультурной системы на этом уровне субъектности Я связана с тем, что она выступает как «внешняя объективная данность»: среда, в которой представлены определенные знаково-семантические гендерные категории. В условиях стабильной традиционной системы гендерных норм, такой, «объект-объектный» тип взаимодействия в системе «Я – социокультурная среда», будет проявляться в отсутствии осознания человеком своей идентификации с гендерными образами, ролевыми моделями поведения, установками, жизненными выборами, образом жизни и пр., и представлением их, как объективно заданных и неизменных. В этом контексте гендерная семантика также может быть объектом сохранения обществом и воспроизведения традиционных норм в отношениях и ментальности. В то же время, «чувство пола», как базовое глубинное ощущение себя либо мужчиной, либо

женщиной, направляет разворачивание остальных системных процессов становления Я во взаимодействии с внешней и внутренней средой личности, структурирующих и определяющих содержание самосознания в разных его аспектах.

При объект-субъектных взаимодействиях «Я – социокультурная среда», когда активная, формирующая (квази-субъектная) позиция отводится интрасубъектным воздействиям на Я, занимающего позицию объекта (квази-объекта), человек интериоризует гендерную знаково-нормативную систему в отношениях со своим окружением, которое активно влияет на его самосознание через ожидания, поощрение или осуждение, нормирование, принятие или отвержение и пр. Даже при определенной степени активности личности по освоению и реализации половых ролей, норм, ожиданий, эталонов, представленных в социокультурной среде, позиция Я «квази-объектна», а позиция социокультурной модели, репрезентированной в самосознании – «субъектна» (или квази-субъектна), поскольку она задает активность, мотивацию и образ цели в самосознании, формируя его.

Случаи нарушений (инверсий) аутоидентификации (осознавании, вследствие органического нарушения дифференцировки структур мозга, своей принадлежности к противоположному полу, вопреки воспитательным и корректирующим воздействиям микросреды (Девиации психосексуального развития, 1990)) позволяют изучить условия выхода на позицию субъекта во взаимодействии «Я – социокультурная среда» на дорефлексивном и неосознанном, имплицитном, в норме, уровнях самосознания, в то же время, доказывая положение об эмерджентной процессуальности самосознания в интра- и интерсредовых взаимодействиях. В этом случае «дефект» (в соответствии с высказыванием Л.С. Выготского) позволяет разделить в анализе и изучить те механизмы психического развития, которые невозможно отдельно изучить при нормальном развитии (Выготский, 1996). Несоответствие «для-себя-бытия» и «бытия-для-других», по А. В. Петровскому, в этих случаях проявляется уже в три года, активизируясь затем

в период пубертатного созревания, и драматическим образом нарушает гармоничное формирование личности, требуя смены морфологического и психологического пола (Исаев, Каган, 1986). На основании исследований формирования личности при смене пола А. И. Белкин выделил две формы самосознания пола – константное и концептуальное (Белкин, 1975, 1982).

Константное самосознание пола в норме является результатом интериоризации гендерной семантики и гендерных норм. Во взрослом возрасте константное самосознание пола на имплицитном уровне обеспечивает саморегуляцию и самооценку (т.е. интрасубъектную регуляцию), которые в детские годы осуществлялись другими лицами (родителями, учителями и т.д.), т.е. интерсубъектную регуляцию. Феномен константного самосознания пола может быть рассмотрен в качестве объекта воздействия, как со стороны биологических факторов (гормонально-нейрофизиологической основы ощущения себя представителем определенного пола), так и принятой в обществе знаково-символической и семантической систем гендерных отношений, транслируемых ребенку в межличностных контактах на уровне микросреды. При развитии личности конгруэнтно социокультурным гендерным нормам, константное самосознание пола можно отнести к объект-субъектным взаимодействиям «Я – социокультурная среда».

В варианте «концептуального самосознания пола» представлена субъектная позиция Я в отношении к гендерным нормам культуры и при это – объектная позиция в отношении «чувства пола», обусловленного гормональными и нейрофизиологическими факторами. Субъектная позиция Я во взаимодействиях с интерсубъектной средой личности (социокультурной и межличностной) актуализируется уже у трехлетнего ребенка с «ядерной» формой транссексуализма (стойком ощущении принадлежности к другому полу и затруднении в отождествлении себя с поведенческими, эмоциональными и личностными гендерными стереотипами своего пола (Белкин, 1975). Эти случаи проявляются в отвержении ребенком своего имени,

одежды и других символических обозначений половой принадлежности (Общая сексопатология, 1977), что демонстрирует субъект-конфликтный тип взаимодействий в системе «Я – интерсубъектная среда личности».

В норме у взрослого человека концептуальное самосознание пола реализует процессы рефлексии и саморегуляции, которые обеспечивают способность сознательно сопоставлять идеальный образ с реальной действительностью, и выступают основой для смыслопорождающих и преобразующих процессов самосознания, обеспечивая «индивидуальную реализацию идеального образа» (Ильенков, 1984, с.184).

В то же время, даже во взрослом возрасте позиция Я во взаимодействиях с социокультурной средой не всегда субъектна. На опыте коррекционного формирования психологического пола личности А. И. Белкин выделил три механизма становления самосознания личности во взаимодействиях с социокультурной средой: идентификацию (отождествление (уподобление) своего Я чужому, принятому за «образец» или «эталон», приводящие, в первую очередь, к заимствованию манеры поведения и личностных черт); эмпатию (привязанность к объекту, с которым индивид себя идентифицирует, готовность к эмоциональному сопереживанию, использование готовых поведенческих и эмоциональных стереотипов, исключающих критическую оценку «образа»); и включение в значимую совместную деятельность в новой половой (гендерной) роли, обеспечивающую признание принадлежности индивида к данному полу другими людьми (Белкин, 1975, с. 777-778). Несмотря на представленные в данных механизмах активное и осознанное освоение половой роли, их можно отнести к проявлениям объект-субъектного типа взаимодействий в системе «Я – социокультурная среда» вследствие квази-объектной зависимости личности от заданных обществом ролевых моделей, ожиданий и оценок, прямой подверженности их влиянию.

Структурные компоненты самосознания, выделенные С.Бем, как проявления «гендерной личности», можно отнести к одной из уровневых характеристик психологического пола личности, соответствующей рефлексивно-идентификационным процессам самосознания. Согласно теории

«гендерных линз» С. Бем, образование гендерной личности «...происходит благодаря неосознаваемому переносу линз культуры в психику личности, в ее сознание» (Бем, 2004, с. 196), то есть, интериоризации в индивидуальном сознании гендерной поляризации в культуре, и одновременно, экстериоризации ее в становлении самосознания: «... как только эти линзы усвоены, они предрасполагают ребенка, а позднее, взрослого, формировать свою идентичность в соответствии с линзами» (там же, с. 195). В то же время, становление гендерной личности рассматривается с процессуальной точки зрения: «...гендерная личность – это нечто большее, чем индивидуальная совокупность фемининных или маскулинных черт; это одновременно и способ воспринимать реальность, которая снова и снова воспроизводит эти черты на протяжении всего цикла существования Я конструкции» (там же, с. 214). Процессуальность становления гендерных структур самосознания соотносится с принципом анизотропного формопорождения в том, что восприятие конструкторов социокультурной среды практически всегда в той или иной степени поляризовано в соответствии с категориями «мужское» и «женское». Условием разворачивания этого процесса выступает взаимодействие внутриличностных образований (образов Возможного Я, Другого Я и пр.) сопоставление, отождествление, разотождествление, идентификация и противопоставление с ними образа Я. В процессе интериоризации гендерная поляризация определяет структурирование (гендерную категоризацию), когнитивных процессов, самосознания и образа мира, что в процессе экстериоризации определяет критерии самооценки, поведение, интересы, приоритеты смысложизненных ориентаций. Результатом множественного и характера взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности» при становлении гендерных компонентов самосознания выступает вариативность его проявлений как «бытия в действительности».

Варианты содержания самосознания по типам «гендерно-типизированной личности» (маскулинный и феминный типы личности)

являются проявлениями квази-объектной позиции, а варианты проявления «гендерно-не-типизированной личности» – субъектной позиции Я во взаимодействии с социокультурной средой. Кроме того, в процессе становления самосознания гендерная поляризация воспроизводит себя в каждом аспекте и на каждом уровне взаимодействий в системе «Я – социальная среда»: при становлении возрастных, этнических, профессиональных семейных, и других социально-групповых составляющих, как эксплицитно, так и имплицитно. Этот процесс, по нашему мнению, и выступает яркой демонстрацией проявления принципа фрактальной детерминации при становлении самосознания личности во взаимодействиях «Я-интер-интрасубъектная среда».

В условиях социальной среды, предполагающих разнообразные, множественные варианты «возможного Я», самосознание, как не только «заданный», но и «создаваемый» феномен, требует работы осознания и становления субъектности Я, являясь специфичной «точкой встречи» идеальной и реальной форм поведения. При этом идеальная форма, проявляющаяся в конце развития, уже существует и непосредственно взаимодействует с реальной формой (Эльконин, 1994). Эти механизмы обуславливают возможность субъект-объектных и субъект-субъектных взаимодействий с социокультурной средой, в том числе становления «конфликтного смысла Я» в гендерном контексте. Становление субъектности при интериоризации гендерных категорий в самосознании предполагает не только осознание, но и уточнение, переосмысление, включение их в систему индивидуальных смыслов (Говорун, 1990; Весна, 2001).

Субъект-субъектные типы взаимодействия самосознания с системой гендерных норм представлены в относительно свободном выборе личностью способов поведения, реагирования, восприятия в соответствии с возникающими ситуациями, а не с нормативными представлениями, что соответствует андрогинному типу (гендерно не-типизированной) личности (Bem, 1974, 1975). В терминологии экопсихологического подхода свобода

самосознания от гендерной категоризации в самооценке, образе мира, поведении, и образе жизни (как характеристика андрогинной личности), соответствует субъект-совместному типу взаимодействия самосознания с социокультурной средой. В этом случае человек осознает и бесконфликтно для себя принимает существование гендерных категорий в социальной среде, однако в реализации своих ситуативных выборов, критериев самооценки, построения образа мира и образа жизни не зависит от этих гендерных категорий.

Описанные в психоаналитических и клинических исследованиях нарушения половой (гендерной) идентичности, как невротические внутриличностные конфликты (комплекс маскулинности у женщин и комплекс фемининности у мужчин) (Хорни, 1993), а также рассматриваемый в клинической психологии «конфликт половой идентичности» (Исаев, Каган, 1986), можно отнести к субъект-обособленному (субъект-конфликтному) типу взаимодействия с внешней, социокультурной средой.

Более сложный механизм взаимодействий самосознания личности с внешней и внутренней средой представлен в проявлении внутриличностных гендерных конфликтов, возникающих при недостаточной степени осознанности, отрефлексированности противоречий в ориентациях на противоположные по своей сути гендерные ролевые модели, при спутанности целевых и оценочных оснований на ценностно-смысловом уровне психологического пола личности (Лопухова, 2010; Лопухова, 2024).

Проявления внутриличностного гендерно-ролевого конфликта, с одной стороны, можно отнести к субъект-обособленному или субъект-конфликтному типу системных взаимодействий идеальных гендерных образов как во внешней, так и во внутренней среде личности. В то же время, при внутриличностном гендерно ролевом конфликте образ Я в самосознании занимает «квази-объектную» позицию во взаимодействии с разнообразными, порой логически несовместимыми в единой системе, ролевыми моделями (являющимися результатом субъект-обособленных взаимодействий ролевых

норм в социокультурной среде). Объектная позиция Я в данном случае состоит в том, что интериоризованные гендерные образы обособленно представленных в среде ролевых моделей, не рефлексированы, не подвергаются осмыслению и творческой субъектной переработке в целях совмещения их с индивидуальными бытийными потребностями, возможностями, задачами и целями. Соответственно, регуляторные процессы не могут быть реализованы в качестве механизма, обеспечивающего баланс внутреннего и внешнего в становлении самосознания. Интериоризация взаимно не согласованных ролевых образов приводит не к экстериоризации новой, субъективно трансформированной модели реализации себя и своего образа жизни, как наиболее адекватному и гармоничному варианту индивидуально сбалансированной системы взаимодействия с социальной средой, а к попыткам минимизировать внутреннее напряжение и дискомфорт через реализацию компенсаторного поведения. В наших исследованиях выделены пять сфер образования внутриличностного гендерно-ролевого конфликта, проявления субъективной конфликтности в которых можно определить на основании реализации компенсаторного поведения в каждой из сфер (Лопухова, 2010, 2024; Шакирова, 2010, 2011).

В исследовании личностных механизмов образования внутриличностного гендерно-ролевого конфликта были выявлены характерные для женщин взаимосвязи его проявления с выраженностью невротических тенденций перфекционизма, отражающие объект-субъектный тип взаимодействия самосознания с внешней средой в основе развития этого конфликта. Однако взаимосвязь внутриличностного гендерно-ролевого конфликта с более высоким уровнем самореализации на мужской выборке (Шакирова, 2011) выявила возможность другого варианта его образования. Преодоление в самосознании ограничений традиционных «мужских» ролей, включение семейной и родительской самореализации в спектр значимых смысложизненных ориентаций у мужчин соответствует субъект-порождающему типу взаимодействий в системе «Я – социокультурная среда».

Однако субъектность в выборе смысложизненных ориентиров одновременно может сопровождаться «объектной» позицией в самосознании по отношению к интериоризованным идеальным образам («хорошего отца», «хорошего мужа», «настоящего мужчины» и т.п.), выступая условием образования внутриличностных конфликтов. Эти данные отражают сложные системные процессы становления гендерных компонентов самосознания как движения из «бытия в возможности» в «бытие в действительности».

Вариант, когда человек, осознанно следуя своему предназначению, своим интересам, часто через преодоление кризисных или конфликтных состояний, выступает субъектом гендерных трансформаций социокультурной среды, предлагает новый для социокультурной среды вариант профессионально-личностной самореализации, может быть отнесен к субъект-порождающим взаимодействиям «Я – интер-/интрасубъектная среда личности». По мнению Л. Н. Ожиговой достижение личностью внутренней согласованности, ее самоактуализация и внешнее подтверждение гендерной идентичности выступают в качестве смысловых механизмов, обеспечивающих преобразование внешних гендерных норм, образцов и ролей в индивидуализированный опыт личности как результат «...сложного взаимодействия организмических, социальных и психологических (собственно личностных) факторов, при котором по мере становления и реализации гендерной идентичности усиливается регулирующая и смыслообразующая роль самой личности» (Ожигова, 2006, с. 38). Высший уровень субъектности Я в самосознании личности проявляется как стремление к неадаптивной активности, к самореализации в отношениях с внешней средой. В частности, проявлением субъектности Я на высшем, ценностно-смысловом уровне самосознания выступает расширение заданных обществом границ гендерных норм, то есть, реализация преобразующего процесса в становлении гендерных компонентов самосознания. В то же время, такое расширение границ и повышение вариативности гендерных потенциальных моделей самореализации повышает анизотропность интер- и интрасубъектной

среды личности в результате единства интериоризации и экстериоризации в процессуальной динамике становления субъекта самосознания.

Анизотропность интересубъектной среды личности в аспекте гендерной семантики, таким образом, представлена множеством различающихся вариантов гендерных моделей, выступающих потенциальной основой построения образа Я в процессе их интериоризации. Практически на всех уровнях и во всех сферах взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности» содержание норм, образцов, идеалов поляризовано в соответствии с семантическими категориями «мужского» и «женского». В процессе становления субъектности Я (от уровня потребности в самокатегоризации до творца собственных моделей самореализации) гендерная семантика непрерывно содержательно и структурно меняется и усложняется, создавая условия для полилога субъект-средовых взаимодействий.

3.2. Субъект-средовые взаимодействия разноуровневых компонентов самосознания в ракурсе гносеологической парадигмы

Ракурс анализа самосознания как процесса и результата взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности» с позиций гносеологической парадигмы предполагает измерение проявления (результата, данности) разноуровневых компонентов самосознания и определение между ними характера взаимосвязей.

Исследование 1. Соотношения типов взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности» на разных уровнях гендерного самосознания. Структурирование образа мира и социальных отношений на основании гендерной семантики выступает неотъемлемой частью любой культуры. В простых закрытых культурах (моноэтнических культурных системах) любые четко заданные социальные нормы, в основе которых во всех

обществах заложены гендерные категории, выполняют стабилизирующую, структурирующую, и, в результате, адаптивную функцию, противопоставляя изначальному «хаосу природы» (индивидуальной вариативности) «порядок социальности» – определенную структуру правил, ролей, символов, значений. Однако содержание категорий «мужского» и «женского» динамически изменяется в соответствии с развитием обществ. Эти изменения происходят неравномерно на разных уровнях общественного сознания и социокультурных норм, имея характер фрактальной модели развития и усложнения гендерной семантической системы, где дихотомические и континуальные отношения приобретают несимметричный, андрогинный, сложный ландшафтный характер (Богатова, 2009; Богатова, 2012). Результатом этих фрактальных усложнений является множественность и неоднозначность содержания гендерной семантики. Исторически заложенная в традиционных культурах специфика гендерных норм и образов вследствие непрерывных процессов субъект-средовых взаимодействий приводит к появлению новых норм, образцов, моделей поведения. Множественность вариантов соотнесения своего Я с социокультурными нормами и образцами создает условия для отношений полилога, когда составляющие самосознания на разных уровнях реализуют разные типы взаимодействий «субъект самосознания – интерсубъектная среда личности». В то же время, можно предположить, что различные позиции Я (субъекта самосознания) в взаимодействиях с интерсубъектной средой могут также приводить к рассогласованию взаимодействий с интрасубъектной средой личности. Согласованность взаимодействий в системе «Я – интрасубъектная среда личности» может определяться интеграцией смыслопорождающего и преобразующего процессов самосознания, что в большей степени проявляется на ценностно-смысловом уровне. Эти предположения проверялись в цикле эмпирических исследований.

Организация и методы исследования. Показатели разных уровней гендерного самосознания измерялись с применением российского аналога методики Bem Sex Role Inventory «Маскулинность, феминность и гендерный

тип личности» (Лопухова, 2013) представленной в Приложении 1, краткой шкалы гендерно-ролевых представлений (Мдивани, Лидская, 2000) и опросника «Жизненных приоритетов» (Приложение 2) на выборке 124 человека (50 мужчин и 74 женщины от 18 до 60 лет, разных сфер деятельности).

Гендерный тип личности и уровень показателей маскулинности и феминности личности, согласно концепции С.Бем, свидетельствует о том, насколько самооценка человека подвержена гендерной категоризации в условиях конкретного общества. В рамках концепции самосознания, как процесса субъект-средовых взаимодействий, гендерно-типизированная самооценка свидетельствует о проявлении объектной позиции Я во взаимодействии с социокультурной средой. В результате картина мира человека оказывается структурирована на основе гендерных стереотипов, определяя его выборы, поведение, самооценку. Такой вариант развития самосознания соответствует объект-субъектному типу взаимодействия самосознания и социокультурной среды и гендерно-типизированному самосознанию в теории С. Бем.

Андрогинный тип личности (оценка своих личностных качеств независимо от гендерных стереотипов) выступает проявлением субъектной позиции при самокатегоризации во взаимодействии с социокультурной средой. В то же время, в становлении самосознания человек может противопоставлять свое Я существующей гендерной дифференциации в социокультурной среде. Это проявляется в осознании несоответствия своих желаний, интересов, стремлений стереотипам гендерно-ролевого поведения, деятельности и направленности. Такой вариант развития самосознания будет соответствовать субъект-обособленному или субъект-конфликтному типам взаимодействия «индивид-социокультурная среда». В теории С. Бем этот вариант также может быть определен, как «гендерно-типизированная личность», но гендерный тип которой не соответствует половой принадлежности («маскулинный тип личности» у женщины, «феминный тип

личности» у мужчины). Конфликтность субъект-средовых взаимодействий разных уровней самосознания (осознавание и принятия своей половой принадлежности противоречит гендерно-нормативной модели, транслируемой социумом) при высоком уровне субъектности Я в самосознании может стать условием перехода на субъект-порождающий тип взаимодействий в системе «Я – социокультурная среда».

На уровне установок в гендерно-ролевом поведении подверженность традиционным (патриархальным) стереотипам может рассматриваться как «объектная» позиция в самосознании, поскольку это ограничение себя рамками, не адекватными современным социальным возможностям самореализации. Соответственно, более эгалитарные представления могут отражать субъектную позицию и готовность к реализации субъект-субъектных взаимодействий «личность – социокультурная среда». Жизненные приоритеты выявлялись на основе ранжирования жизненных целей и ценностей, предположительно реализующих нормативные варианты традиционно «женской» и «мужской» стратегий жизненного пути.

Результаты и обсуждение. Полученные данные показали, что выраженность всех измеренных показателей и их соотношение не зависят от возраста. Диагностика гендерных качеств выявила преобладание в выборке андрогинного типа личности (совмещение выраженности как стереотипно «мужских», так и «женских» качеств), что соответствует нормативному распределению (Приложение 1) и сходным образом выявляется на разных выборках. На уровне установок по отношению к нормам поведения в межполовом взаимодействии выявлена общая тенденция на совмещение традиционно-патриархальных и современных (эгалитарных) представлений о мужских и женских ролях, при небольшой тенденции установок на традиционность у мужчин, и на эгалитарность – у женщин. Совмещение в самосознании традиционных и эгалитарных гендерных установок признается типичным явлением в настоящее время (Ижванова, 2007; Клецина, 2000; Степанова, 2009; и др.).

В проявлении и осознании качеств, относящихся к гендерным стереотипам выявлены прямые взаимосвязи, однако гендерные качества личности и характер гендерных установок не связаны (таблица 1). Взаимосвязь между выраженностью уровня маскулинности и феминности личности отражает преобладание тенденций андрогинного типа самосознания, что также подтверждается частотным распределением в выборке.

Таблица 1 - Интеркорреляции показателей гендерных характеристик личности и гендерных установок (Прим: * $p \leq 0,05$ ** $p \leq 0,001$)

Показатели на выборке мужчин ($N = 74$)	Уровень маскулинности	Уровень феминности	Самооценка мужественности	Самооценка женственности
Уровень феминности по опроснику	0,36*			
Самооценка мужественности	0,79**	0,08		
Самооценка женственности	0,02	0,38*	-0,05	
Современность гендерных установок	-0,07	0,03	-0,17	0,01
Показатели на выборке женщин ($N = 50$)				
Уровень феминности по опроснику	-0,01			
Самооценка мужественности	0,34*	0,09		
Самооценка женственности	0,12	0,63**	0,13	
Современность гендерных установок	-0,04	-0,03	0,01	-0,05

Взаимосвязь выраженности уровня маскулинности по опроснику и самооценки мужественности (соответственно, уровня феминности и самооценки женственности) отражает тенденции осознанного принятия гендерных характеристик своей личности у респондентов. Однако отсутствие взаимосвязи между особенностями гендерных характеристик личности и гендерными установками свидетельствует о возможных внутренних конфликтах в самосознании большинства респондентов. Например, согласно полученным данным, женщина с преобладанием маскулинных качеств личности, внутренне непротиворечиво принимая свою мужественность, может при этом иметь традиционные (патриархальные) гендерные установки, согласно которым инициативу в отношениях должен проявлять мужчина,

женщина не должна зарабатывать больше, чем муж, и т.п. В таком случае женщина может испытывать проблемы в установлении близких отношений с мужчинами, недостаточно «мужественными» по сравнению с ней, может быть не удовлетворена своей семейной ролью, отношениями с мужем.

Аналогично, мужчина с преобладанием традиционных установок в самосознании и выраженными фемининными качествами будет часто ощущать свое несоответствие нормам и ожиданиям социума. Такое рассогласование на разных уровнях самосознания должно создавать напряженность в межличностных отношениях мужчин и женщин, нарушающую их гармоничное взаимодействие.

На уровне жизненных приоритетов выявлены отдельные слабые взаимосвязи, показывающие определенную согласованность разных уровней самосознания. Как видно из таблицы 2, выявлены слабые корреляции, отражающие с вероятностью статистической ошибки 5%, что мужчинам с более высоким уровнем маскулинности, как правило, менее важно быть полезным близким людям, но важнее сохранить семью; а при более высокой феминности – важнее встретить любимого человека, нежели обеспечивать материальное благополучие семьи. При выраженности современных (эгалитарных) гендерных установках в гендерно-ролевом взаимодействии более важно быть полезным близким людям и быть независимым, но менее важно иметь детей.

На выборке женщин выявлено, что при большей выраженности маскулинных качеств личности (на уровне слабой тенденции), более важно в жизни приобрести хорошую профессию, стать профессионалом своего дела, зарабатывать много денег, и менее важно – иметь много свободного времени, быть полезной людям. Выраженность феминности личности у женщин взаимосвязана с отвержением цели «быть независимой», что логично соотносится с сутью феминности и традиционным представлением о «женской позиции» в обществе. При выраженности эгалитарности в гендерных установках женщинам часто важнее иметь высокий социальный

статус, нежели быть полезной людям, что логично соотносится с современными тенденциями женской эмансипации.

Таблица 2 - Интеркорреляции гендерных характеристик личности и приоритета жизненных целей и ценностей на выборках мужчин ($N = 74$) и женщин ($N = 50$) (Прим: * $p \leq 0,05$)

Цели и ценности жизни	Мужчины			Женщины		
	Маскулинность	Фемининность	Эгалитарность гендерных представлений	Маскулинность	Фемининность	Эгалитарность гендерных представлений
Приобрести хорошую профессию	- 0,02	0,03	0,10	0,26*	- 0,04	- 0,07
Быть полезным близким	- 0,39*	0,02	0,33*	- 0,20	0,04	0,01
Встретить любимого человека	- 0,03	0,26*	0,12	0,13	0,08	- 0,16
Стать профессионалом	- 0,12	0,11	0,15	0,28*	- 0,01	0,19
Жениться / выйти замуж	- 0,12	0,08	- 0,14	0,05	0,17	- 0,12
Нравиться окружающим	0,21	0,03	- 0,14	- 0,18	0,03	0,09
Зарабатывать много денег	0,06	- 0,23	0,05	0,28*	- 0,09	0,07
Сохранять крепкую семью	0,29*	0,16	- 0,07	0,16	0,04	- 0,02
Дать детям образование	0,20	- 0,01	- 0,04	- 0,16	0,08	0,05
Иметь детей	- 0,09	- 0,20	- 0,35*	0,11	0,03	- 0,07
Иметь высокий социальный статус	0,15	- 0,14	- 0,03	0,16	- 0,18	0,25*
Весело проводить время с друзьями	0,22	- 0,04	0,02	- 0,17	- 0,09	0,05
Обеспечивать материальное благополучие семьи	0,09	- 0,25*	- 0,03	- 0,19	- 0,13	0,14
Заботиться о родителях	0,05	0,08	- 0,14	0,13	0,09	0,10
Чувствовать по отношению к себе любовь и заботу	- 0,08	0,10	- 0,04	0,05	0,00	0,10
Иметь много свободного времени	- 0,04	- 0,19	- 0,07	- 0,26*	0,13	0,02
Психологически участвовать в жизни своих детей	- 0,02	- 0,02	0,11	- 0,02	0,06	- 0,20
Быть полезным людям	- 0,09	0,04	- 0,08	- 0,36*	0,23	- 0,27*
Быть независимым	- 0,09	0,03	0,43*	- 0,06	- 0,37*	0,04
Приобрести известность	- 0,18	0,01	0,06	- 0,12	- 0,03	0,04

В целом, полученные данные отражают внутренне противоречивые соотношения гендерных проявлений личности, которые в каждом конкретном

случае индивидуально вариативны и трудно предсказуемы на основании знания какого-либо одного параметра. У женщин маскулинность и высокая самооценка мужественности связаны с приоритетностью целей маскулинной жизненной стратегии и более низкой значимостью «фемининных» целей в жизни. У мужчин маскулинность и высокая самооценка мужественности связаны с приоритетом индивидуальных ценностей, а эгалитарность установок в гендерно-ролевом взаимодействии – с ориентацией в жизненных целях на отношения с близкими людьми (ценности феминного типа). Однако большая часть предложенных в диагностике жизненных целей и ценностей не имеет прямых взаимосвязей с показателями гендерных характеристик личности других уровней.

Таким образом, можно констатировать, что превалирование андрогинного типа на уровне когнитивных компонентов самосознания отражает тенденции субъект-субъектных взаимодействий образа Я с гендерно-нормативной системой социокультурной среды. При этом подверженность установкам «андроцентризма», отражает позицию объект-субъектного взаимодействия Я с гендерно-нормативной системой социокультурной среды. Тенденция совмещения патриархальных и эгалитарных установок при несоответствии гендерному типу личности, может выступать условием внутренних конфликтов, и проблем в построении близких отношений, что соответствует субъект-обособленным и субъект-конфликтным типам интер- и интрасубъектных взаимодействий. Однако структура жизненных приоритетов более согласована с гендерными характеристиками личности разных уровней, что соотносится с концептом «смысловой основы реализации гендерной идентичности личности» с позиций субъектно-бытийного подхода (Ожигова, 2006).

Исследование 2. Экопсихологические типы установок коммуникативного взаимодействия в соотношении с религиозной самоидентификацией. Этническая и религиозная идентификации сходным образом выполняют защитные и буферные функции, в связи с чем часто интегрированы в самосознании. Рост религиозности, а также роли

религиозных институтов как в социальной, так и в образовательной сферах общества в постперестроечные десятилетия в России (Гусева, 2014), можно связать с потребностями адаптации и обретения чувства защищенности в условиях нестабильности и непредсказуемости в современном обществе и поиском устойчивых ценностно-мировоззренческих основ. Защитный тип религиозной идентификации и становления религиозного сознания можно отнести к квази-субъектной (или объектной) позиции Я по отношению ценностно-нормативной религиозной системе. С другой стороны, религия и вера, которые соотносятся с системой высших морально-нравственных ценностей, могут выступать основой духовного развития, обретения смысла.

Религиозная приверженность, как правило, соотносится с ориентацией на традиционность в коммуникативных установках, часто определяющих содержание и цель воспитания, в то же время, в современной коммуникативной среде актуализированы ценности индивидуальной свободы, автономии в самоопределении и мировоззрении, в полоролевом взаимодействии, уважения к инокультурным особенностям субъектов межличностного взаимодействия. Нравственным приоритетом в современной социальной среде выступает независимость от догм, стереотипов, предрассудков, открытость новому опыту в коммуникативных взаимодействиях, в частности, в межкультурных, соблюдение принципов уважения к разным национальностям, культурам, верованиям и традициям (Хухлаев, Чибисова, Кузнецов, 2014; Нуждин, 2015), а также превалирование эгалитарных взглядов в отношении реализации «мужских» и «женских» ролей (Клецина, 2009; Lopukhova, 2013).

В частности, проявления межкультурной компетентности педагога анализируются на четырех уровнях (Хухлаев, Кузнецов, Чибисова, 2013; Хухлаева, Чибисова, 2008), которые можно соотнести с моделью экопсихологических типов субъект-средовых взаимодействий. Уровень межкультурной компетентности, названный «адаптация», отражает установку педагога на необходимость контекстного рассмотрения педагогического процесса в мультикультурной среде, признание относительности собственной

культурной позиции во взаимодействии с носителями иных культурных позиций. Такая установка соотносится с субъект-субъектным типом взаимодействия, способствующим, в результате, порождению психологических и смысловых новообразований в процессе и посредством такого взаимодействия. Уровень «принятие» соответствует установке на признание культурных различий и необходимости их учета в педагогическом процессе, однако инокультурные учащиеся рассматриваются с точки зрения культуры педагога. Этот уровень можно соотнести с субъект-объектным типом установки педагога на взаимодействие в мультикультурной образовательной среде. К относительно более низким уровням межкультурной компетентности относятся «абсолютизация» (представление о том, что культурные различия оказывают кардинальное и практически неконтролируемое влияние на педагогический процесс) и «преуменьшение» (признание существования культурных различий в принципе, но преуменьшение их значимости вплоть до практически полного нивелирования их влияния на педагогический процесс). Соответственно, уровень «абсолютизации» можно отнести к объект-объектной позиции, а уровень «преуменьшение» – к субъект-обособленной позиции в установках учителя на взаимодействие в мультикультурной образовательной среде.

Таким образом, взаимное противоречие разных тенденций в самосознании может проявляться в том, что религиозная приверженность связана с установками на ценности терпимости, равенства, взаимной поддержки, но, в то же время, может ограничивать сознание, делать человека более догматичным во взаимодействии с другими людьми и нетерпимым к нарушению традиционных социокультурных норм межличностных взаимодействий. В связи с этим возникает вопрос: как проявляется связь между религиозностью и установками на коммуникативное взаимодействие в самосознании?

Наиболее актуально эта проблема представлена в системе образования, в отношениях «учитель – ученик», в связи с чем взаимосвязи между типом и

уровнем религиозности педагогов и особенностями их коммуникативных установок на межкультурное и полоролевое взаимодействие выявлялись на выборке 204 учителей различных школ г. Казани, и других городов Республики Татарстан. Если приверженность религии в самосознании отображает объект-субъектную позицию во взаимодействии «личность – социокультурная (религиозно-нормативная) среда», то можно ожидать, что большая религиозная приверженность определенной конфессии должна соотноситься с более выраженными предубеждениями в межполовых и межкультурных отношениях.

Блок диагностического инструментария включал анкету для выявления демографических данных, религиозной принадлежности и опыта межкультурного общения учителей в профессиональных и межличностных отношениях, опросник исследования религиозной активности (Смирнов, 1999), кейсовую методику на выявление уровня межкультурной компетентности педагога О. Е. Хухлаевой и М. Ю. Чибисовой (2008), опросники «Шкала полоролевой идеологии Калина» (Kalin, Tilby, 1978) в адаптации М. Мдивани (1999) и «Шкала гендерных предубеждений» (Клецина, 2009) для выявления гендерных предубеждений и ориентации на традиционные или эгалитарные взгляды в отношении норм полоролевого взаимодействия.

Методика на выявление уровня межкультурной компетентности содержит пять ситуаций межкультурного взаимодействия педагога с учащимися, включающих по четыре варианта реакции на ситуацию. Каждая реакция отражает один из уровней межкультурной компетентности в коммуникативных установках на взаимодействие «педагог – инокультурный учащийся»: «адаптация», «принятие», «абсолютизация» или «преуменьшение». Модификация методики состояла в том, что выбор варианта «адаптация» оценивался в 3 балла, принятие – в 2 балла, а «преуменьшение» и «абсолютизация» – в 1 балл. Этот прием позволил количественно оценить выраженность межкультурной компетентности

учителей и применить в обработке данных по выборке параметрические методы статистической обработки.

По религиозной принадлежности опрошенные учителя распределились следующим образом: 48% выборки составили православные; 38 % - мусульмане; 10 % не относят себя ни к какой религии; 5 % считают себя верующими без отнесенности к религиозной конфессии. Частотное распределение гендерных установок в самосознании на нормы полоролевых отношений и поведения представлены на рисунке 2. Учителя характеризуются тенденцией к наличию гендерных предубеждений, высокого и среднего уровня выраженности. Однако по опроснику полоролевой идеологии выявлена эквивалентная представленность эгалитарных и традиционных установок на нормы полоролевого поведения и отношений.

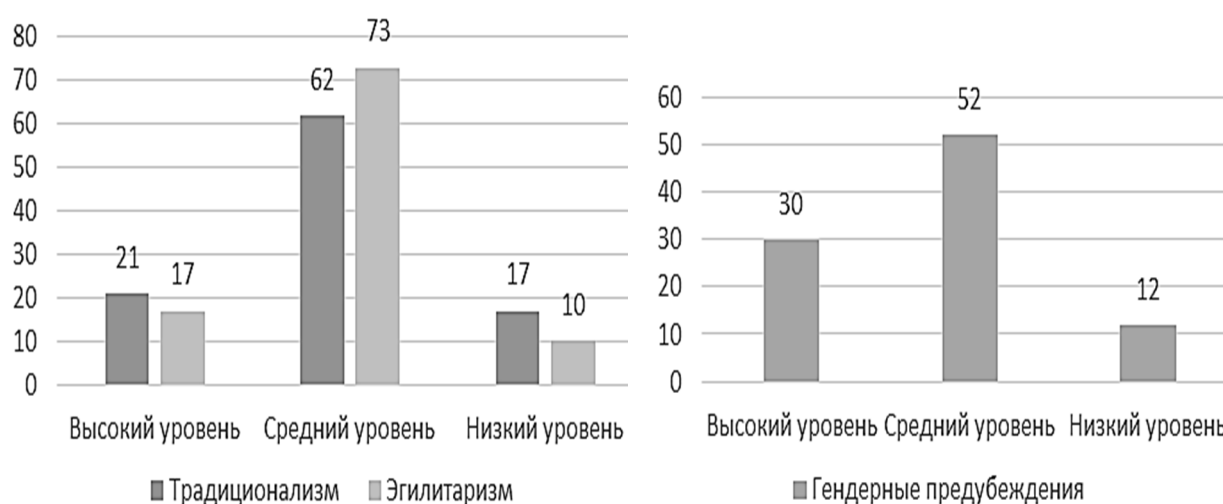

Рис 2. Частотное распределение (%) учителей с разными уровнями ориентации на традиционные или эгалитарные взгляды в гендерных отношениях и гендерных предубеждений

Межкультурная компетентность на уровне «Адаптация», соответствующая установке на признание относительности собственной культурной позиции во взаимодействиях «педагог – ученик» и готовности к реализации субъект-порождающего типа взаимодействий в мультикультурной образовательной среде представлена только у 20 % учителей в выборке. Превалирует относительно невысокая межкультурная компетентность на уровнях «принятие», «преуменьшение» и «абсолютизация» (рис. 3).

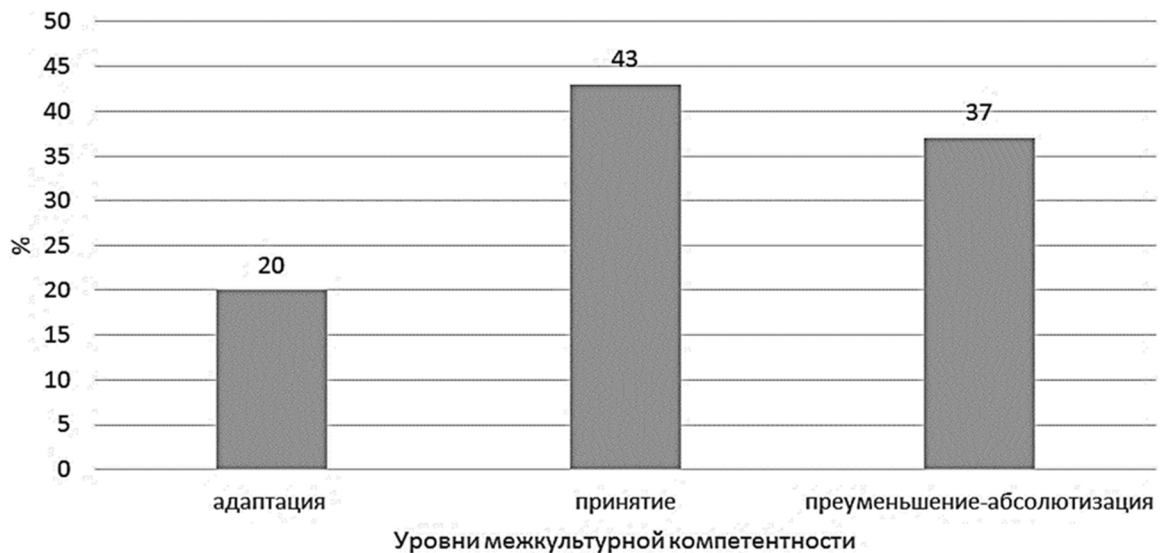

Рис. 3. Частотное распределение (%) учителей с разными уровнями межкультурной компетентности

Уровень религиозности и уровень межкультурной компетентности учителей достоверно связаны между собой (таблица 3), но разная степень религиозной приверженности педагога по-разному соотносится с его межкультурной компетентностью. Учителя с низкой религиозностью (или ее отсутствием) характеризуются большим разбросом в проявлении уровней межкультурной компетентности с тенденцией к высокому уровню.

Таблица 3 - Связь между степенью религиозности и межкультурной компетентностью (многоклеточная сопряженность; $\chi^2 = 13,26$; $p \leq 0,01$)

Уровни межкультурной компетентности	Уровни религиозной активности личности			Σ
	высокий	средний	низкий	
Высокий (адаптация)	8	26	6	40
Средний (принятие)	26	60	2	88
Низкий (преуменьшение-абсолютизация)	42	32	2	76
Σ	76	118	10	204

Учителя с высоким уровнем религиозности в большинстве случаев имеют низкий уровень межкультурной компетентности, позиционируя для себя инокультурных учащихся в качестве объекта воспитательных и

обучающих воздействий или даже отстраняясь от возможности взаимодействий с ними. Учителя со средним уровнем религиозности имеют более равномерное распределение уровней межкультурной компетентности во взаимодействиях «педагог-учащийся».

При общем сходстве содержания ценностных представлений, составляющих религиозное мировоззрение, их акценты в регулировании действий и отношений в разных конфессиях различаются. Это позволяет предположить, что религиозная приверженность конкретной конфессии определенным образом может соотноситься с характером коммуникативных установок в субъект-средовых взаимодействиях. Поскольку выборку в основном составляли учителя, исповедующие православие и ислам (две основные конфессии Республики Татарстан), взаимосвязь коммуникативных взаимодействий с уровнем религиозности определялась на анализе данных этих подвыборок.

Выявленные в результате корреляционные взаимосвязи (таблица 4) отражают разные тенденции соотношения религиозности и коммуникативных установок в субъект-средовых взаимодействиях.

Таблица 4 - Корреляции показателей коммуникативных взаимодействий с уровнем религиозности учителей, исповедующих православие и ислам
(Прим: * $p \leq 0,05$)

Показатели коммуникативных взаимодействий	Степень религиозной приверженности	
	Православные христиане	Мусульмане
Уровень межкультурной компетентности	- 0,3 *	0,1
Уровень предубеждений в полоролевом взаимодействии	- 0,1	0,4 *

У исповедующих православие при большей религиозной активности ниже уровень межкультурной компетентности во взаимодействиях в поликультурной образовательной среде, но нет связи с установками в полоролевых отношениях, а у более религиозных мусульман, как правило,

более высокий уровень предубеждений в полоролевом взаимодействии (более патриархально-догматичные представления о «мужских» и «женских» ролевых нормах), но нет прямых связей с уровнем межкультурной компетентности.

Различия в связи религиозного самосознания с особенностями коммуникативных установок в субъект-средовых взаимодействиях можно связать с тем, что доминантной религиозно-культурной системой в российском обществе выступает православие. Это дает исповедующим ислам и соблюдающим его традиции и обряды повседневный опыт жизни в двух отличающихся культурах, и создает условия для развития установок принятия различных позиций и поведения других людей. Кроме того, мусульманская религия в своей основе всегда отличалась терпимостью к другим верованиям и культурным традициям. Это позволяет объяснить данные, показавшие, что приверженность мусульманской религии и идентификация в самосознании с семантическими категориями идеологии мусульманства не задает определенных тенденций в установках по отношению к отличающимся культуральным представлениям и поведению. При этом религиозные традиции и обряды мусульманства поддерживают более сильную дифференциацию мужского и женского ролевого поведения, по сравнению с православием, в то время как установки в области соблюдения традиционных правил полоролевых отношений у приверженных мусульманской религии более четко заданы. У приверженных православной религии наблюдается иные тенденции во взаимосвязях установок к разным аспектам коммуникативных взаимодействий: отношение к полоролевому поведению в коммуникативных взаимодействиях вариативно, и не зависит от приверженности религиозным убеждениям, в то время как установки в отношении к межкультурной коммуникации отличаются более выраженным культуроцентризмом.

Полученные в этом исследовании данные показывают, что этноконфессиональные компоненты самосознания, относящиеся к ценностно-

смысловому, мировоззренческому уровню, могут занимать как объектную, так и субъектную позицию в интересубъектных взаимодействиях, что определяет установки коммуникативного взаимодействия. При объектной позиции по отношению к системе этнической конфессии (сильной религиозной приверженности), установки межкультурного взаимодействия также будут реализовываться по объект-субъектному типу, но только в аспекте значимой для данной конфессии сферы отношений. В остальных аспектах коммуникативные установки могут реализовывать другие типы субъект-средовых взаимодействий. Таким образом, результаты статистической обработки наших данных свидетельствуют о довольно высокой вариативности установок к разным аспектам коммуникативных взаимодействий в самосознании разных людей, что подтверждает представления о фрактальной детерминации самосознания: установки коммуникативного взаимодействия в самосознании нельзя вывести из отдельных свойств (поведения, убеждений, мотивов) или с определённой долей вероятности предсказывать их содержание на основании влияния внешних или внутренних факторов.

Исследование 3. Взаимосвязь согласованности разноуровневых гендерных и этнических компонентов самосознания с адаптивностью психических состояний. Высокая степень вариативности взаимодействий Я с гендерно-нормативной системой социокультурной среды, отраженная в слабом проявлении линейных взаимосвязей, может быть обусловлена также различиями в степени этнокультурной идентификации. В современной этнопсихологии признанным можно считать мнение, что в ситуации неопределенности, несущей угрозу разрушения целостности, значимость этнических компонентов самосознания парадоксальным образом актуализируется, сохраняя, по принципу самоорганизующейся системы, адаптивное психическое состояние, а несрабатывание этих механизмов проявляется в дезадаптивных состояниях страха, неуверенности, тревоги, ощущения бессмысленности существования (Лебедева, 1999; Стефаненко, 1999; Сусоколов, 1990). В условиях поликультурной социализации,

нивелирования не только гендерных, но и этнических различий, национальная принадлежность не определяет однозначно направление этнической идентификации, которая может иметь разные варианты (Хотинец, 2000; 2012). В норме – это адекватная идентификация со своей этнической группой, с уравновешенным положительным отношением к другим этногруппам. Другими вариантами могут быть индифферентность этнической идентификации (безразличное отношение к этническим социальным категориям), либо, напротив, значимость своей национальной группы в самосознании и построении Я-концепции может быть гипертрофирована.

Возможен также вариант отвержения своей национальной группы – «этнонигилизм», который, по сути, можно рассматривать показателем маргинальности личности, и проявлением субъект-конфликтного типа взаимодействия Я с этнокультурной средой. Этническая маргинальность, не дающая человеку оснований для определенной самоидентификации и чувства принятия себя другими в системе этнокультурных отношений, связана с нарушением психической адаптивности, которая может проявляться в широком спектре дисгармоничных состояний, вплоть до клинических нарушений психики.

З. Фрейд, говоря об объектных идентификациях Я, подчеркивал, что «...если таковые <...> становятся слишком многочисленными, несовместимыми друг с другом, то они могут привести к патологическому результату. Дело может дойти до расщепления Я, поскольку отдельные идентификации попеременно овладевают сознанием <...> Даже если дело не заходит так далеко, создается все же почва для конфликтов между различными идентификациями, на которые раскладывается Я...» (Фрейд, 1997, с. 471–472). В частности, дисбаланс полоролевой структуры личности признается predispositional фактором формирования неврозов, психосоматических расстройств (Кочарян, 1996; Фрейд, 1989; Хорни, 1993). Э. Эриксон также подчеркивал важность поддержания цельности личности, что сохраняет устойчивость при рисках невроза. Основное внимание Э. Эриксона уделял внешней стабильности системы, в которой живет человек, так как нарушение

стабильности, изменение ориентиров, социальных норм и ценностей нарушают идентичность и обесценивают жизнь человека (Эриксон, 1996).

Ситуация, обозначенная классиками психологии, как нежелательная для развития личности, в настоящее время признана объективно неизбежной. Возникающий в результате кризис социальной идентичности связан с утратой смысловой насыщенности прежних форм социальной идентификации, радикальным изменением социальных категорий в обществе и необходимостью сопоставлять, выбирать новые общности, ориентируясь на совпадение личных ценностей с предлагаемыми тем или иным сообществом (Лебедева, 1999).

Однако в настоящее время нет однозначного взгляда на то, какой путь развития личности в данной ситуации предпочтительней, поскольку с одной стороны, определенность и устойчивость идентификации Я с конкретными социальными категориями, с классических в психологии позиций, дает чувство защищенности и уверенности, но, с другой стороны, в вариативном и быстро меняющемся социуме устойчивая идентичность может выступать фактором ригидности личности, нарушая процессы социальной и психической адаптации, мешая свободе проявления индивидуальности. Так, с позиций теории андрогинии, показано, что в противоречивом и меняющемся мире наиболее адаптивным вариантом развития личности является отход от традиционных полоролевых норм и представлений (Bem, 1975; Constantinople, 1973). То есть, психологически более благополучное состояние связывается с освобождением личности от традиционных гендерных схем (заложенных культурой конкретного общества полоролевых норм в поведении, самоопределении и проявлении личностных качеств) в самоидентификации.

В то же время, в этнопсихологических исследованиях преобладает точка зрения, что установление связей, интегрирующих личность с целостной культурной системой «своего» этноса, создает своего рода «защитный фильтр» от целого ряда деформирующих и стрессогенных социально-психологических воздействий, способствуя психической адаптивности. В этнопсихиатрии также показано, что актуализация и интеграция в

самосознании «этноида» – архетипического образа природной и социокультурной среды своего этноса в качестве основания самидентификации выступает средством терапии при дезадаптивных психических проявлениях (Сухарев 2002; Сухарев, Степанов, 1997).

Таким образом, выявляется противоречие: с одной стороны, представление о целесообразности усиления индивидуальной вариативности и свободы развивающейся личности путем отказа от традиционных гендерных норм в поведении и личностных характеристиках, а с другой, представление о необходимости максимально полной идентификации с ценностно-смысловой системой этнической группы путем установления этноинтегрирующих связей. Данное противоречие вызвано тем, что при углублении в механизмы формирования, структуру отдельных идентификационных оснований и значения их для личности в целом, не уделялось внимания проблеме их взаимодействия, взаимовлияния в ракурсе процессуальной сущности самосознания личности. В логике линейного детерминизма, соответствующего гносеологической парадигме, взаимосвязь компонентов самосознания на когнитивном, эмоциональном, поведенческом уровнях и их соответствие социокультурным стереотипными образам, должна соотноситься с эмоционально-равновесными состояниями, отражающими психическую адаптивность и внутренне гармоничные, равновесные состояния. С позиций трансцендентальной парадигмы, более равновесные и позитивные (благополучные) состояния должны соотноситься со степенью согласованности эмоционального отношения к признакам «своего» этноса, что выступает проявлением связи Я с «этноидом», – виртуальным представлением целостного образа своего этноса на эмоциональном (возможно, имплицитном уровне). В гендерном контексте – более благополучные состояния должны быть связаны с проявлением в психике мужчин и женщин, соответственно, «мужского» и «женского» начала, раскрытых в содержании архетипов «анимы» и «анимуса» К. Юнгом, или несколько в другом ключе, но в сходном смысле – в информационно-

генетическом предназначении полов в теории В. А. Геодакяна. В то же время, с позиций онтологической парадигмы, возможен более сложный и нелинейный характер отношений этнических и гендерных аспектов в становлении Я, направленных на повышение психологического благополучия личности.

Организация и методы исследования. Выявление связи между степенью согласованности разноуровневых компонентов самосознания в контекстах гендерной и этнической семантики и проявлениями адаптивности на уровне психических состояний, проводилось на выборке 286 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет (169 женского пола, 117 – мужского пола; татарской и русской национальности). В комплексной диагностике самосознания выявлялись: гендерные характеристики личности разного уровня (гендерная самокатегоризация, гендерные представления, гендерная самооценка, удовлетворенность своей гендерной принадлежностью); этнические характеристики в контексте согласованности с национальной принадлежностью респондента (проявления когнитивной, эмоциональной и поведенческой составляющей его этнического самосознания); проявление субъективного переживания психических состояний разного энергетического уровня и модальности.

Гендерные представления и гендерная самооценка выступали показателями когнитивной составляющей гендерной идентичности. Гендерная самооценка определялась исходя из того, насколько сам опрашиваемый оценивает у себя качества «мужественность» и «женственность» (независимо от половой принадлежности). Содержание гендерных представлений определялось, как проявление маскулинности и фемининности личности по шкалам опросника «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности» (Лопухова, 2013) при оценке образов «очень мужественного человека» и «очень женственного человека». При этом высокий уровень маскулинности и низкий уровень фемининности в образе «очень мужественного человека», и, соответственно, низкий уровень

маскулинности и высокий уровень фемининности в образе «очень женственного человека» выступают проявлением интериоризованных гендерных стереотипов, что соответствует позиции объекта во взаимодействиях с социокультурной средой. Противоположные варианты выступали показателями свободы индивидуального сознания от давления гендерных стереотипов, то есть, позиции субъекта во взаимодействиях с социокультурной средой.

Удовлетворенность своей гендерной принадлежностью выступала показателем эмоциональной составляющей гендерной идентичности и определялась по десятибалльной шкале, в зависимости от того, насколько опрошиваемому нравится быть мужчиной / женщиной (соответственно его полу) в социальном контексте.

Проявление уровня маскулинности и уровня фемининности личности выступало показателями поведенческой составляющей гендерной идентичности, поскольку личностные качества, по которым испытуемые оценивали себя, в основном проявляется в поведении (готовность идти на риск, лидерство, способность руководить, любовь к детям, застенчивость, нежность и т.п.). Когнитивный компонент этнической идентичности определялся при помощи вопроса полуоткрытого типа «Не всегда «официальная» национальность совпадает с той, к которой человек относит себя психологически. Есть ли у вас такое несовпадение?» и вариантов ответа «Нет», или «Да, я считаю себя ...». Тип этнической идентичности выступал параметром поведенческой составляющей этнического самосознания и определялся с помощью модифицированного варианта методики определения типа и интенсивности этнической идентичности (Пайгунова, 2000) в континууме гипоидентичность (этническая принадлежность не важна, как при самовосприятии, так и при общении с другими) – норма (позитивная идентификация со своей этногруппой и положительным отношением к другим) – гиперидентичность (высокая значимость своей национальной принадлежности в восприятии себя и в отношениях с другими).

Проявления эмоциональной составляющей этнической идентичности диагностировались при помощи модифицированной методики А. В. Сухарева «Выраженность эмоционального отношения к группам этнических признаков» (Сухарев, 1999). На основе проективного (аддитивного) опросника, был сконструирован формализованный бланковый опросник, позволяющий проводить групповые формы опроса (Приложение 4). С позиций этнофункционального подхода наличие в психике человека этнофункциональных рассогласований обуславливает его психическую дезадаптацию к внутренней и внешней среде и может быть связано с психическими нарушениями (Сухарев, Степанов, 1997).

Для диагностики психической адаптивности была разработана методика субъективного оценивания адаптивности психических состояний. Исходная концепция методики базируется на положениях гомеостатической концепции адаптивности (Ганзен, Юрченко 1991), где состояния разделяются по энергетическим уровням и модальностям (Прохоров, 1998). Состояния средней или оптимальной психической активности (покоя/спокойствия, сосредоточенности, заинтересованности и другие) понимаются как относительно равновесные состояния. Состояния, связанные с повышенной психической активностью (радость, восторг, тревога и др.), а также состояния пониженной психической активности (грезы, подавленность, печаль, утомление и др.) относят к неравновесным состояниям. Равновесные состояния выступают, согласно литературным данным, фундаментом адекватного, предсказуемого и взвешенного поведения, актуализация же неравновесных состояний часто связывают с дезадаптивностью.

В разработанной методике предлагались шесть групп состояний, сгруппированных по соотношению критериев энергетического уровня психической активности и модальности, для оценивания того, насколько часто они присущи респонденту (по 6-ти балльной шкале):

- положительные состояния повышенной психической активности (радость, восторг, возбуждение);

- отрицательные состояния повышенной психической активности (агрессивность, гнев, ненависть, бешенство, возмущение);
- равновесные положительные состояния (покой, блаженство);
- равновесные отрицательные состояния (раздвоенность, сомнение, сожаление, озабоченность);
- отрицательные состояния пониженной психической активности (депрессия, тоска);
- отрицательные неравновесные состояния, выступающие признаками явной психической дезадаптивности (отчаяние, страх, стресс, ужас, шок).

При обработке данных две группы равновесных состояний выступали признаками психически благополучного состояния: положительные состояния (спокойствие, блаженство, умиротворение, раздумье) и отрицательные состояния (сомнение, сожаление). Относительно повышенная частотность положительных состояний повышенной психической активности (радость, восторг, возбуждение) выступала признаком психически негармоничного состояния, без выраженной психической дезадаптивности (промежуточный уровень психического благополучия). Признаком психической дезадаптивности выступала более высокая частота отрицательных неравновесных состояний повышенной психической активности, (агрессивность, гнев, ненависть, отчаяние, страх, ужас), а также отрицательных состояний пониженной психической активности (подавленность, тоска).

Поскольку все данные были получены в шкале интервалов, соотношения между выраженностью оцененных параметров выявлялись с помощью линейной интеркорреляции.

Результаты и их обсуждение. Согласно полученным данным, большинство опрошенных имело андрогинный гендерный тип (около 82 %), что соотносится с концептуальной основой и нормами применяемой диагностической методики. Феминный гендерный тип имело 14 % женщин и 2,5 % мужчин, маскулинный гендерный тип – 14 % мужчин и 2,5 % женщин, недифференцированный гендерный тип имели 1 % женщин и 2,5 % мужчин.

Удовлетворенность гендерной принадлежностью, значимо выше у мужчин ($p \leq 0,001$). По самооценке мужественности (по пятибалльной шкале) средний балл у женщин 2,8; средний балл у мужчин – 4,3. По самооценке женственности средний балл у женщин равен 4,3; у мужчин – 2. Гендерные образы, как мужчины, так и женщины, «очень мужественного человека» и «очень женственного человека» оценили в среднем, как андрогинные, но со значимым перевесом фемининности в женском идеальном образе и маскулинности – в мужском. Вариативность гендерных представлений связана с отходом от принятия стереотипно патриархальных гендерных норм многими респондентами. Можно утверждать, что предложенные для оценки «мужские» и «женские» образы субъективно выступали в качестве идеальных моделей, поскольку оценка их гендерных характеристик была значимо выше оценки собственных гендерных характеристик в соответствии с половой принадлежностью. В целом, полученные на новой выборке результаты проявления гендерных характеристик личности непротиворечиво соотносятся с описанными в предыдущем исследовании.

Показатели согласованности/рассогласованности эмоционального отношения к группам этнических признаков имели нормальное распределение, но было выявлено статистически значимое различие по t-критерию Стьюдента ($p \leq 0,001$): мужчины в среднем имели более высокие показатели согласованности эмоционального отношения к группам этнических признаков, по сравнению с женщинами. При этом полную и среднюю согласованность отношения к группам этнических признаков можно отметить у 75 % опрошенных, рассогласованность – у 25 %.

Когнитивная согласованность со своей национальной принадлежностью выявлена у 93 % опрошенных, в связи с чем в дальнейший анализ были включены данные только этих респондентов. При оценке типа этнической идентичности было выявлено 3 случая проявления «этнонигилизма», которые также были исключены из дальнейшего анализа. Это позволило при интеркорреляции показателей использовать континуальную шкалу силы

этнической идентификации при направленности на собственную этническую идентичность: большие значения соответствовали проявлениям индифферентности этнической идентичности, средние значения – норме, меньшие значения – гиперидентичности (усилению значимости своей национальной принадлежности в восприятии себя и в отношениях с другими).

Результаты корреляционного анализа гендерных и этнических компонентов самосознания между собой и с частотой проявления равновесных и неравновесных состояний положительной и отрицательной модальности на выборках мужчин и женщин представлены в таблицах 5, 6, 7.

Таблица 5 - Интеркорреляции показателей гендерных и этнических компонентов самосознания на выборках мужчин и женщин (Прим: * $p \leq 0,05$)

Показатели гендерных компонентов самосознания	Показатели этнических компонентов самосознания в выборке женщин (N = 118)		Показатели этнических компонентов самосознания в выборке мужчин (N = 82)	
	Согласованность эмоционального отношения к группам этнических признаков	Этническая гипоидентичность	Согласованность эмоционального отношения к группам этнических признаков	Этническая гипоидентичность
Самооценка мужественности	0,1	0,0	0,2*	-0,1
Самооценка женственности	0,2*	-0,1	0,0	-0,1
Маскулинность личности	0,2*	0,0	0,3*	0,1
Фемининность личности	0,2*	-0,1	0,2*	0,0
Маскулинность образа «мужественный человек»	0,1	0,2*	-0,2*	0,2*
Фемининность образа «мужественный человек»	0,2*	0,0	0,0	0,1
Маскулинность образа «женственный человек»	0,2*	0,1	0,1	0,0
Фемининность образа «женственный человек»	0,0	0,1	-0,2*	0,2*
Удовлетворенность своей гендерной принадлежностью	0,2*	0,0	0,1	0,0

Во взаимосвязях этнических и гендерных составляющих идентичности также можно отметить как определенное сходство, так и межполовые различия. Как у мужчин, так и у женщин проявление индифферентности этнической идентичности связано с более жесткой типизацией гендерных представлений (во взаимосвязи с небольшим нарушением психической адаптивности, как было отмечено выше).

Таблица 6 - Интеркорреляции показателей гендерных и этнических компонентов самосознания с частотой психических состояний на выборке женщин ($N=118$) (Прим: * $p \leq 0,05$)

Показатели гендерных и этнических компонентов самосознания	Психические состояния					
	радость, восторг, возбуждение	покой, блаженство	раздвоенность, сомнение, сожаление, озабоченность	агрессивность, гнев, ненависть, бешенство, возмущение	депрессия, тоска	отчаяние, страх, стресс, ужас, шок
Согласованность эмоционального отношения к группам этнических признаков	0,0	0,1	-0,2*	-0,1	0,1	0,0
Этническая гиподентичность	0,1	-0,2*	0,0	0,0	-0,2*	0,0
Самооценка мужественности	0,0	-0,1	-0,2*	-0,1	0,1	0,0
Самооценка женственности	0,1	0,2*	0,0	-0,1	0,0	0,0
Маскулинность личности	0,0	0,0	-0,2*	-0,1	-0,1	0,0
Фемининность личности	0,0	0,2*	0,0	-0,1	0,1	0,1
Маскулинность образа «мужественный человек»	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	-0,1
Фемининность образа «мужественный человек»	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1
Маскулинность образа «женственный человек»	0,0	0,0	-0,2*	0,1	0,1	0,0
Фемининность образа «женственный человек»	-0,1	0,1	0,1	0,0	0,1	0,1
Удовлетворенность своей гендерной принадлежностью	0,0	0,2*	-0,2*	-0,1	-0,1	-0,1

Межполовые различия проявляются в том, что у мужчин снижение значимости этнической идентичности связано с усилением значимости стереотипных и жестко разделенных представлений о мужском и женском образах, и, кроме того, с более высокой оценкой собственной маскулинности в поведении и взаимоотношениях, а у женщин более слабая этническая идентификация в самосознании связана с более жесткими стереотипными представлениями относительно мужского поведения и личности.

Во взаимосвязях когнитивной составляющей гендерной идентичности также выявлены межполовые различия: что женщины оценивали у себя мужественность и женственность, как несвязанные между собой параметры, мужчины же, при высокой самооценке мужественности, как правило, отрицают у себя проявления женственности.

Удовлетворенность гендерной принадлежностью, как у мужчин, так и у женщин, связана с высокой гендерной самооценкой, соответствующей половой принадлежности. Мужчине нравится «быть мужчиной» при соблюдении одновременно двух условий: если он считает, что он «мужественен» и что он «не женственен». Высокая самооценка мужественности связана с высоким уровнем выраженности маскулинности, но также высоко оцениваются маскулинные качества в образе «очень женственного человека» (умение самоутвердиться, напористость, склонность к риску и т.п.).

Удовлетворенность гендерной принадлежностью также имеет связь с проявлениями психической адаптивности: у женщин – с большей частотой равновесных положительных психических состояний, у мужчин – с отсутствием отрицательных состояний пониженной психической активности (подавленности, тоски, печали). У женщин психическая адаптивность, меньшая выраженность отрицательных неравновесных состояний повышенной психической активности (агрессивность, гнев, бешенство, возмущение), и преобладание положительных равновесных состояний (спокойствие, умиротворение, раздумье), оказалась связана как с высокой

самооценкой женственности, так и с высокой самооценкой мужественности. У мужчин высокая самооценка мужественности связана с меньшей частотой, как состояний, свидетельствующих о дезадаптивности, так и с отсутствием равновесных положительных состояний (признаков психической адаптивности). Высокая самооценка женственности у мужчин связана с проявлениями дезадаптивности: большей частотой отрицательных неравновесных психических состояний повышенной и пониженной психической активности.

Таблица 7 - Интеркорреляции показателей гендерных и этнических компонентов самосознания с частотой психических состояний на выборке мужчин ($N = 82$) (Прим: $* p \leq 0,05$)

Показатели гендерных и этнических компонентов самосознания	Психические состояния					
	радость, восторг, возбуждение	покой, блаженство	раздвоенность, сомнение, сожаление, озабоченность	агрессивность, гнев, ненависть, бешенство, возмущение	депрессия, тоска	отчаяние, страх, стресс, ужас, шок
Согласованность эмоционального отношения к группам этнических признаков	0,2*	0,1	-0,2*	0,0	0,0	-0,2*
Этническая гипoidентичность	0,3*	0,0	-0,2*	0,1	0,0	-0,1
Самооценка мужественности	-0,1	-0,2*	-0,2*	-0,1	-0,2*	-0,1
Самооценка женственности	0,1	0,2*	0,2*	0,1	0,2*	0,2*
Маскулинность личности	0,0	-0,2*	-0,1	0,1	-0,1	-0,1
Фемининность личности	0,0	0,1	0,2	0,0	0,2*	0,2*
Маскулинность образа «мужественный человек»	-0,1	0,0	0,2	0,0	0,2*	-0,1
Фемининность образа «мужественный человек»	0,1	0,1	0,2	-0,1	0,0	0,0
Маскулинность образа «женственный человек»	0,1	0,1	0,1	-0,1	0,2*	0,0
Фемининность образа «женственный человек»	0,0	0,0	0,2*	0,0	0,2*	-0,1
Удовлетворенность своей гендерной принадлежностью	-0,1	0,0	-0,2*	0,2*	-0,1	-0,2*

Более высокая оценка себя, как женственного человека, у мужчин связана с более частыми состояниями подавленности, тоски, страха, ужаса, как проявлением психической дезадаптивности. При этом мужчины ниже оценивают у себя «мужественность» как качество личности, и удовлетворенность своей гендерной принадлежностью, что связано с негативными состояниями раздвоенности, сомнения, озабоченности, агрессивности, гнева, бешенства, возмущения, страха, и отчаяния. Проявления негативного отношения к своей гендерной принадлежности у мужчин также связано с представлением о высокой выраженности фемининных качеств в образе «очень мужественного человека», и при этом сопровождается более частыми состояниями психической дезадаптивности (подавленности, тоски, печали). Эти проявления можно отнести к субъект-конфликтному типу интрасубъектных взаимодействий в самосознании на разных уровнях гендерной идентификации.

В отличие от мужчин, маскулинные особенности гендерной идентичности женщин, подкрепляясь в представлении соответствующим идеальным образом, сохраняют их психическую адаптивность, поскольку высокая самооценка мужественности и высокая маскулинность личности связаны с представлением о высокой выраженности маскулинных качеств в образе «очень женственного человека». Такая картина соотносится с реализацией преобразующего процесса в становлении самосознания и субъект-порождающим типом взаимодействий в системе «Я – интрасубъектная среда личности». В то же время, выявлена тенденция, что женщинам чаще присущи спокойствие, уравновешенность, как показатели адаптивности, когда им нравится «быть женщиной», при высокой самооценке своей женственности и феминных качеств личности.

Особенности гендерных представлений связаны с проявлениями психических состояний только через взаимосвязи с показателями этнической идентичности. При этом проявление направленности и силы этнической идентичности (гипоидентичность – индифферентность – гиперидентичность)

не связано с показателем согласованности эмоционального отношения к группам этнических признаков. То есть, данные параметры являются отдельными независимыми показателями этнической идентичности.

Индифферентность этнической идентичности, а также согласованность эмоционального отношения к группам этнических признаков у женщин коррелируют с отсутствием равновесных положительных психических состояний, а у мужчин – с преобладанием положительных состояний повышенной психической активности (радость, восторг, возбуждение), то есть, не имеют прямой связи с адаптивным психическим состоянием субъекта. При этом согласованность отношения к группам этнических признаков имеет взаимосвязи с различными составляющими гендерной идентичности и через них связано с проявлениями психической адаптивности.

Согласованность эмоционального отношения к группам этнических признаков взаимосвязана с ослаблением гендерной дифференциации в самосознании. У мужчин это также сопровождается часто проявляющимися неравновесными состояниями положительной модальности (радости, счастья, восторга, возбуждения). Соответственно, рассогласование эмоционального отношения к группам этнических признаков связано с усилением стереотипности гендерных представлений (при противопоставлении мужского и женского образов). У женщин согласованность эмоционального отношения к группам этнических признаков как правило, соотносится с более высокой гендерной самооценкой, большей удовлетворенностью своей гендерной принадлежностью, и через это – с проявлениями психически адаптивных состояний (усилением частоты равновесных положительных состояний и отсутствием отрицательных неравновесных состояний гнева, ярости, агрессивности).

Эти данные соотносятся с представлениями об адаптирующей функции этнокультурной идентификации в самосознании. Ослабление этноинтегрирующих связей на когнитивном уровне может приводить к усилению гендерных стереотипов, и часто соотносится с психически

дезадаптивными состояниями. Показатели слабой корреляционной связи можно объяснить тем, что в выборки входили представители разных национальностей, и, соответственно, с возможно различающимся содержанием гендерных представлений и их дифференциации в традиционной семантике этнокультур.

Обобщая результаты проведенных исследований, можно отметить, что с психической адаптивностью (равновесными психическими состояниями положительной модальности) связана удовлетворенность гендерной принадлежностью в соотношении с высокой, соответственно полу, гендерной самооценкой, то есть, образы психических состояний соотнесены с гендерной семантикой в самосознании. У мужчин и у женщин психическая адаптивность имеет различные взаимосвязи с компонентами гендерной и этнической идентичности: у женщин адаптивность в большей степени связана с эмоциональным компонентом этнической идентичности, и в меньшей степени – с поведенческим и когнитивным компонентами гендерной идентичности; у мужчин психическая адаптивность в большей степени связана с компонентами гендерной идентичности, чем этнической. Процессы гендерной и этнической идентификаций в самосознании функционируют по принципу взаимной компенсации: более слабая этническая идентификация на когнитивном уровне связана с усилением патриархальных стереотипов в гендерных представлениях, а более выраженная идентификация со своей этнокультурой на эмоциональном уровне самосознания связана с отходом от гендерных патриархальных стереотипов, как в представлениях, так и в самокатегоризации.

Таким образом, представленное исследование показало, что разноуровневые субъект-средовые взаимодействия этнических и гендерных компонентов самосознания связаны с проявлениями как адаптивных, так и дезадаптивных психических состояний. В самосознании личности Я может одновременно занимать как объектную, так и субъектную позиции по отношению к социокультурным нормативным категориям, реализуя

различные типы субъект-средовых взаимодействий на разных уровнях и в разных аспектах самосознания. Интрасубъектные взаимодействия в самосознании носят не направленный, а скорее балансирующий (регуляторный) характер: например, актуализация этнических компонентов самосознания снижает значимость гендерных категорий в самоидентификации, а индифферентное отношение к этническим компонентам, напротив, приводит к актуализации в сознании значимости гендерных объектов идентификации. Кроме того, содержание самосознания может определяться этнокультурной спецификой архаичных гендерных представлений и их индивидуальной репрезентацией в виде различных семантических конфигураций в самосознании, что требует выхода за рамки гносеологической парадигмы в исследованиях.

3.3. Семантические репрезентации архаичных этнокультурных и современных гендерных ролевых моделей в самосознании (трансцендентальный ракурс исследования самосознания)

Система значений и смыслов образа мира, как правило, не находится «на поверхности сознания» отдельного субъекта, в логически структурированной и вербализованной форме, и требует для исследования применения специальных – психосемантических методов, выявляющих сложную систему ассоциативных связей, проникая вглубь механизмов психологического взаимодействия субъекта с социальным миром как условия становления самосознания личности. В отличие от выявления стереотипов, семантический анализ индивидуального и общественного сознания позволяет вскрыть глубинные смыслы, зачастую неосознаваемые, но определяющие процессы и содержание самосознания личности, как «виртуальная форма бытия».

Как отмечает М. В. Осорина: «Любая человеческая культура несет в себе модель мира, созданную данной этнокультурной общностью людей <...>

которая служит опорой для построения индивидуальной картины мира каждого отдельного человека и объединяет этих людей как культурную общность» (Осори́на, 1999, с.12). Выстроенная по принципам дихотомии и комплиментарности (Парсонс, 2002) традиционная этнокультурная семантика гендерных моделей в результате открытости и взаимовлияния культур подвергается довольно сильным трансформациям, что порождает их новые варианты. Сознание современного человека включено в межкультурно-открытую информационную среду, в которой модели образа мира и образа жизни других культур, ранее недоступных для непосредственного восприятия, транслируют иные, порой не соотносящиеся с традиционными для этнических культур, образы, ценности, значения и модели поведения. При этом дихотомия гендерной категоризации не исчезает, а порой парадоксальным образом актуализируется в проявлениях как общественного, так и индивидуального сознания, что соотносится с эволюционной теорией пола В. А. Геодакяна. Аналогично, в условиях глобализации, направленной на уничтожение значения национальной культуры в образе жизни и образе мира, этнический парадокс современности представлен в актуализации этнокультурных аспектов индивидуального и группового самосознания. При этом в исследованиях гендерных представлений игнорируются возможные, специфичные для традиций каждой отдельно рассматриваемой этнокультуры, особенности.

Организация исследования. С тем, чтобы выявить семантическую конфигурацию гендерных образов разного социокультурного контекста в отношении к образу Я в самосознании, было реализовано комплексное исследование. Дизайн исследования строился на сопоставлении традиционной и современной гендерной семантики трех этнокультур: русской, татарской и марийской, различающихся по языковым, религиозным, обрядовым и др. основаниям, но имеющим многовековой исторический опыт этноконтактного проживания в одной социальной среде с точки зрения общности социально-экономической, информационной, правовой и других социальных характеристик.

Выявление семантических репрезентаций традиционных и современных гендерных ролевых моделей в самосознании проводилось в два этапа, где последовательно решались следующие задачи:

- 1) определить и сопоставить содержание традиционных этнокультурных образов гендерной модели разных народов (качественный метод исследования на материале текстов волшебных сказок разных народов);
- 2) выявить и сопоставить содержание гендерных представлений в самосознании современных молодых людей (качественных характеристик, степени межкультурной общности / специфичности, связи / разрыва с традиционными моделями маскулинности / феминности), наличия в этих представлениях содержания, связанного с традиционной этнокультурной семантикой и характера отождествления с ними образа Я.

Поскольку содержание образов гендерной модели многомерно и может включать разные сферы личностных проявлений (бытийную, действенную, аналитическую, субстанциональную или эмоциональную), как независимо организованных подсистем гендерного семантического пространства, в каждой из них соответствующая составляющая Я-образа может быть по-разному позиционирована. В частности, можно ожидать, что:

- гендерные модели должны быть соподчинены в зависимости от степени близости – отдаленности в отношении к Я и по отношению друг к другу, выступая тем самым объектами интеграции либо дифференциации в становлении Я;
- образы, составляющие гендерную модель, могут иметь разную степень семантической близости в зависимости от того, с каким социокультурным контекстом связана та или иная гендерная модель;
- семантическая близость гендерных образов (их непротиворечивость) в современных и традиционных моделях должна соотноситься со степенью индивидуальной идентификации в самосознании с представителями своей этногруппы (с типом этнической идентичности).

Методы и методики исследования. В целях данного исследования реконструкция традиционной гендерной семантики этнических культур

строилась на основе анализа народных сказок, поскольку в сказках отражены глубинные смыслы и мировоззренческие основы этнокультуры (Микляева, 2008а). Исследование современных гендерных представлений проводилось на основе психосемантического метода множественных идентификаций по трем сферам личностных проявлений (личностные качества, особенности поведения в межличностном общении и жизненные цели и ценности).

Метод реконструкции традиционной гендерной семантики этнических культур. Семантику традиционных этнокультурных образов и представлений можно выявить на основе анализа мифа, ритуала, обряда, фольклорного материала, поскольку в данных элементах человеческой культуры зафиксированы основные надындивидуальные формы связи с миром: «... фольклорный и мифологический материал сохраняет базовые мировоззренческие приоритеты той или иной культуры» (Асов, 2002, С.5). При этом для выявления содержания традиционных образов и поведения «мужской» и «женской» ролевых моделей подходят народные волшебные сказки. Сказка является мифом, потерявшим священность, и, тем самым, приближенным к более широкой аудитории, к символически отражая мировоззренческие установки, образ жизни народа. Эти особенности бытия текстов волшебных сказок в культуре и сознании народа позволяют рассматривать их в качестве продукта субъект-средовых взаимодействий с позиций экопсихологического подхода (Мдивани, 2023). В связи с тем, что из-за большого объема тексты волшебных сказок не могут передаваться точно, как короткие фольклорные произведения, их содержание, с одной стороны, опирается на основы миропонимания определённого народа, а с другой, отвечает актуальному мировоззрению слушателей и рассказчика. Поэтому семантический анализ сказки, как и мифа, всегда опирается на символику древних обрядов и ритуалов, но в то же время, текст сказки подвержен трансформации в зависимости от социальных и мировоззренческих изменений общества, что связывает содержание сказки с современностью. При этом письменно зафиксированный текст каждой сказки отражает семантические

коды определенного этапа в динамике общественных представлений того или иного народа. Сравнительный анализ текстов народных «волшебных сказок» позволяет отследить изменения представлений народа в разные исторические периоды. Учитывая это обстоятельство, при проведении кросс-культурного анализа сказок неправомерно сравнивать семантику образов в «поздних» текстах одного народа с более ранними текстами другого.

С целью семантического анализа традиционных этнокультурных образов «мужской» и «женской» ролевых моделей в текстах волшебных сказок был разработан авторский метод, основанный на общих принципах семантического анализа волшебных сказок (Пропп, 1946), а также учитывающий принципы семантического декодирования запечатленных в структуре текста символов и значений анализа художественного текста в лингвистике, разработанные: М. М. Бахтиным (1979) (понимание произведения как отражения хронотопов – реальных, порождаемых в тексте отношений времени и пространства); Ю. М. Лотманом (2000) (понимание пространства текста как индивидуальной, авторской модели мира, обусловленной присущим данной культуре семиотическим пространством); Б. А. Успенским (2012) (понимание пространства текста как результата взаимодействия множества точек зрения – автора, персонажа, получателя, которые могут, конкретизируясь в плане идеологии, фразеологии или психологии, как различаться, так и совпадать друг с другом); В. Н. Топоровым (1983) (понимание пространства как текста и текста как пространства, организованных посредством смыслообразующих значений (мифологем), в соответствии с архаической моделью мира).

В методах семантического анализа мифов, фольклора, обрядов и ритуалов применяются сходные с анализом художественного текста подходы, но при этом речь идет о текстах иного рода по сравнению с авторским художественным текстом, – о текстах, призванных фиксировать общую для всего человеческого сообщества систему значений и смысловых категорий. Разработанный метод анализа и сопоставления разных текстов волшебных

сказок одного народа учитывал разную степень «древности» текста, что позволило выявить характер трансформации полоролевых моделей от ранних к более поздним текстам (Лопухова, 2007; 2009).

Семантический метод разделения текстов волшебных сказок по типам «древности», опирался на наличие в тексте сказки религиозно-ритуальной символики «древнего» мировоззрения либо символики более «позднего» монотеистического мировоззрения. Так, критериями «древности» сказки выступали насыщенность ее текста семантическими образами древних религий (тотемизмом, инициацией, шаманизмом), помощи представителей потусторонних сил в качестве дарителя, целителя, информатора, представленность символики умирания и воскрешения героя в новом статусе (либо путешествие в потусторонний мир), помощь зооморфных персонажей. В «поздних» сюжетах потусторонние силы выступают в качестве злобных существ, герой вступает с ними в борьбу и убивает их, присутствуют элементы змеборства и монотеистической религии. Символы древних форм мировоззрения (табу, магия и анимизм) в «поздних» текстах волшебных сказок опускаются или трансформируют свое значение под влиянием монотеистического мировоззрения. В частности, при реализации разработанного метода семантического анализа текста по «типам древности» установлено, что в каждом сборнике содержатся как сказки, тексты которых можно отнести к древним, так и сказки с текстами «промежуточного» типа, а также «поздние» тексты сказок. Причем, иногда разные тексты сказок со сходной фабулой и названием могут относиться разным типам. Например, текст сказки «Финист-ясный сокол» (из сборника «Сказки А. Н. Корольковой»), насыщен «древней» символикой, являясь характерным примером древнего текста, а текст сказки «Перышко Финиста ясна сокола» (по изданиям А. Н. Афанасьева) почти не содержит древней символики, но насыщен элементами христианского образа жизни (как ключевые элементы, фигурируют работа у просвирницы, поездки в церковь), представляя пример «позднего» текста.

Семантический анализ традиционных этнокультурных образов «мужской» и «женской» ролевых моделей в текстах сказок проводился по следующим критериям:

1. Соотношение социальной позиции мужского и женского персонажей сказки (главных героев), и выявление того, героизация какого образа (мужского или женского) происходит по ходу развития сюжета.

2. Активность мужского и женского персонажей и соотношение позиций по критерию активности, значимости образа данного героя для разворачивания сюжета. Мотивация активности (внешняя/внутренняя).

3. Основные личностные качества, присущие мужскому и женскому персонажу, и в особенности, ключевые качества, которые связаны с его успешностью.

4. Проявления дихотомии (инструментальности – экспрессивности) и иерархии (доминирования – зависимости) полоролевых позиций на социальном и личностном уровне.

Специфика содержания полоролевых моделей рассматривалась в бытийной (переживания, существования), деятельностной (поведение, поступки, выборы и решения), когнитивной (представления, мысли), субстанциональной (символы, идеалы) и эмоциональной сферах.

Семантика гендерных моделей в татарских сказках изучалась на материале волшебных сказок, переведенных на русский язык (Татарское народное творчество, 1999, 2001). Примерами древних текстов, в которых присутствует символика инициации, магии, табу, тотемизма, являются сказки «Три голубя», «Кожаный венок», «На вершине мраморной горы». К текстам промежуточного типа могут быть отнесены, например, «Белый волк», «Таинственная сумка», «Сын падишаха и его бедный сосед», «Падишах и солдат», «Глупый сын», «Бедный джигит и дочь падишаха», «Три волшебных перышка», «Рубашка из цветов», «Волшебное кольцо», «Охотник и служанка», «Зипун-невидимка». К текстам «позднего типа» были отнесены сказки «Охотник», «Джигит-охотник и звери», «Сын падишаха, его старшая

сестра, тигр и другие», «Тан-батыр», «Турай-батыр», «Айгали-батыр», «Золотое яблоко».

Из русских сказок (Русские народные сказки, 1976, 1993) к текстам «древнего типа» были отнесены сказки «Сказка о молодильных яблоках и живой воде» (из сборника А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки»), «Царевна-лягушка» (в пересказе М. А. Булатова), «Финист-ясный сокол» (из сборника «Сказки А.Н. Корольковой») и «Иван-царевич и серый волк» (в обработке А. Н. Толстого). К текстам «промежуточного типа» были отнесены сказки «Марья Моревна», «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю, что», «Иван Бесталанный и Елена Премудрая», «Волшебное кольцо», «Чудесная рубашка». К текстам «позднего типа» были отнесены сказки где сюжет определяется символикой христианского мировоззрения (змееборство либо истребление бабы-яги как олицетворения вражеской силы) и иногда присутствует шаманизм (спасение девушек от змея). Примеры таких сказок – «Хрустальная гора», «Никита-кожемяка», «Иван - крестьянский сын и чудо-юдо», «Иван-царевич и Белый Полянин», «Вещий сон», «Булат-молодец».

Из марийских сказок (Марийские народные сказки, 2003) к текстам «древнего типа» были отнесены сказки «Конь с золотой гривой», «Белая лебедушка», «Сереброзубая Пампалче», «Сорок один жеребенок», «Ивук», «Бабий сын», «Дочь богини Солнца», «Алман и его невеста». К текстам «промежуточного типа» были отнесены сказки «Два брата», «Ненчык-патыр», «Сиротка Юкчи», «Кожла Юмава». К текстам «позднего типа» были отнесены сказки «Волшебный меч», «Кокша-богатырь», «Гусли-самогуды», «Маршан и золотой дьявол», «Тоймет и поп», «Ученый медведь».

Результаты реконструкции традиционной гендерной семантики этнических культур. Анализ «традиционных» гендерных моделей на материале народных волшебных сказок разного типа «древности», позволил выделить и описать не одну, характерную для данной отдельно взятой этнокультуры модель, а целый спектр разнообразных вариантов, обнаруживающих в кросскультурном контексте как сходство, так и различия.

В «древних» текстах татарских и русских сказок содержание гендерных моделей отличается довольно сильно. В русских сказках женский образ гендерной модели представлен активным, инициативным, влиятельным, занимающим более высокую социальную позицию персонажем. Женскому образу могут быть свойственны, помимо красоты, богатырская сила, воинская мощь, волшебное могущество, смелость и решительность, власть, внутренняя, самостоятельная мотивация. Активная позиция проявляется, чаще всего, в том, что героиня сама подбирает себе героя в мужья и направляет его поступки, чтобы их союз был возможен («Морской царь и Василиса Премудрая»), либо добивается его, преодолевая разные препятствия («Финист-ясный сокол»). Интересно, что только в русских сказках прекрасная героиня может изображаться в виде богатырши и воительницы, как Синеглазка в «Сказке о молодильных яблоках и живой воде», или Марья-Моревна. Интересно, что только в русских сказках прекрасная героиня может изображаться в виде богатырши и воительницы. Однако, в большинстве случаев сюжет строится на том, что главный герой должен доказать, что он достоин своей жены – прекрасной царевны-оборотня, воительницы или волшебницы. Характерной чертой мужского образа можно назвать доброту, поскольку помимо проявления силы, храбрости, характерной для мужских персонажей в сказках всех народов, именно за то, что Иван-царевич пожалел кого-либо, он получает волшебную помощь. Мужской образ занимает социально более низкую позицию, ситуативно действует, не информирован, не имеет собственной мотивации, его действия определяются внешними факторами, зависит от покровительственного отношения, внешней помощи, руководства, но при этом неисполнителен. Эмоциональная сфера (чувства, переживания) мужского образа прописаны довольно ярко и порой детально, часто это негативные пессимистичные состояния отчаяния, печали, растерянности, раскаяния (горько заплакал, опечалился, загрустил). Для главного героя характерен антагонизм с братьями, для героини – антагонизм с родителями (чаще – с отцом (Кощеем), от которого она сбегает).

В текстах татарских сказок «древнего» типа, и мужской, и женский образ героев имеют активные позиции. Женский образ представлен, как занимающий более высокую социальную позицию, самостоятельный в принятии решения, прогнозирующий и направляющий жизненную ситуацию. Важным качеством является красота, эмоциональные проявления не описываются, однако в отличие от русских сказок, героине совершенно нехарактерно проявление силы, власти, доминирования, покровительственного отношения к герою. При этом герою нужно очень постараться, чтобы ее заслужить: пройти испытания, выполняя невыполнимые поручения, а затем украсть ее у дива («Три голубя»), отработать, выполняя трудные поручения лучше других («Кожаный венок»), не побояться пойти за ней в страшный потусторонний мир. Это желанная цель и окончательная награда, но она и сама достаточно самостоятельна и свободна в принятии решений, инициативна. Для татарских сказок характерно подчеркивание более тесной связи героини с родительской семьей, чем с мужем (женихом). Мужской образ представлен как «человек, который делает себя сам», то есть вначале сюжета он имеет низкий социальный статус и зависим, но посредством своей активности, способностей, упорства, смелости, трудолюбия, кардинально изменяет свое социальное положение. Во всех сюжетах личностные особенности, желания и состояния мужского персонажа прописаны достаточно подробно, он испытывает широкую гамму разнообразных чувств (сомнения, решимость, испуг, радость, печаль, обиду, жалость и т.п.), но в результате действует достаточно уверенно и решительно. Показана также информированность героя, который действует, много зная наперед. При взаимодействии с другими, герой не сразу проявляет «сильные» качества личности. Сначала подчеркиваются его исполнительность, покладистость, уважительность, скромность. Подчеркивается сила родственных и дружеских связей. В отличие от русских сказок, герой практически никогда не заслуживает своей жены различными подвигами.

В марийских сказках и мужской и женский персонажи представлены в одинаковой степени активными, аналитичными, ситуативно действующими, исполнительными и неэмоциональными личностями. В марийских сказках встречаются как сюжеты, где мужской персонаж проявляет активность, и своими решениями и действиями направляет развитие сюжета (например, сказка «Ивук»), так и сюжеты, где умная, активная, решительная и смелая девушка сама находит себе мужа («Сорок один жеребенок»), а против воли захваченная девушка-лебедь не покоряется своему мужу, и, в конце концов, улетает от него («Дочь лебеди Йукталче»). То есть, можно считать, что как мужской, так и женский образы в равной степени имеют активную позицию, однако ситуативно действуют, в отличие от русских сказок, где героиня наперед знает, что должно случиться и как надо поступать.

В «промежуточных» текстах волшебных сказок можно наблюдать несколько большее сходство гендерных моделей. Мужской образ в русских сказках занимает более активную позицию по сравнению с текстами «древнего типа», активная позиция женского образа сохраняется. Причем, в этих текстах характерна трансформация содержания гендерной модели в рамках одного сюжета: мужской образ, начиная с пассивной, подчиненной и зависимой позиции постепенно начинает играть более активную роль, а женский образ, напротив, меняет свою изначально доминирующую и независимую, активную позицию на подчиненную, зависимую, с большим проявлением эмоциональности.

В «промежуточных» текстах татарских сказок и мужской и женский образы представлены как одинаково активные, сотрудничающие. Социальные позиции представлены как равные. В гендерной модели женский образ достаточно инициативен, информирован и влиятелен, но зависит от деятельности и поступков, помощи, покровительственного отношения мужского персонажа.

В «поздних» текстах полоролевые модели в сопоставляемых народных сказках сходны: активный, принимающий решения, инициативный и

информированный, самостоятельный, не склонный к демонстрации эмоциональных проявлений мужской образ и пассивный, не описанный с точки зрения личностных особенностей, женский образ. Мужской образ – образ народного героя, женский образ – образ заслуженной награды герою. Основной характеристикой женского образа является красота. В целом поведение женского персонажа характеризуют пассивность, в самом активном варианте невеста дает три задания, которые герою всегда довольно легко удастся выполнить, или же подсказывает герою, как спасти ее. В некоторых сказках мужской образ как бы раздваивается: в сюжете фигурирует два мужских образа, и оба играют довольно активную роль, но один из них более активен, информирован, и инициативен и выступает в роли помощника, добывая другому невесту-красавицу. Их отношения представляют пример мужской дружбы и взаимопомощи.

Обобщая, можно заключить, что при определенном сходстве структурных характеристик традиционных полоролевых моделей (наличия дихотомии, иерархии мужской и женской позиций), их содержание в текстах сказок разных этнокультур довольно сильно различается. В волшебных сказках гендерные модели трансформируются от «древних» к более «поздним» текстам: меняется содержание мужского и женского образов, их взаимная позиция. Общей тенденцией этой трансформации является то, что в «древних» текстах женские образы занимают более активные и значимые позиции, а в более «поздних» текстах их позиции и значение сводятся до минимума, активность полностью переходит к мужским образам. Данная тенденция соотносится с результатами исследования А. Е. Наговицыным трансформации половых ролей в древних мифах разных народов (Наговицин, 2005). Вероятнее всего, и причины трансформации полоролевых моделей в текстах волшебных сказок те же самые, – смена экономических и идеологических систем в обществе меняла и половые роли, что постепенно приводило к созданию новых сюжетов сказок, в большей степени отражающих актуальные для нового времени представления и проблемы. Выявленные

различия семантики гендерных ролевых моделей в «древних» текстах народных сказок, и их совпадение в поздних текстах, можно связать с длительным историческим периодом этноконтактного взаимодействия народов. При сопоставлении выявленных в результате анализа качественных характеристик мужских и женских образов в традиционных культурах с современными стереотипными характеристиками маскулинности и фемининности, видны довольно сильные расхождения семантики разных традиционных этнокультурных трактовок гендерных норм и современных гендерных стереотипов «массовой культуры» выступающих часто как результат «вестернизации» и преимущественно через телевизионные образы (аналитичный, активный, информированный, целенаправленный, неэмоциональный мужской образ и неинформированный, часто ведомый, ситуативно-действующий, неисполнительный, склонной к эмоциональным проявлениям женский образ).

Метод и методика определения репрезентации в самосознании семантики образов этнокультурного и гендерного контекста по отношению к образу Я. Для выявления системы семантических пространств, отражающих в самосознании респондентов гендерные модели разного социокультурного контекста по отношению к образу Я использовался метод множественных идентификаций (Петренко, 1997). Данный метод позволяет в измерении самосознания личности выстраивать многомерную динамичную систему семантических маркеров (образов, символов и т.п.) по-разному взаимосвязанных с образом Я, в зависимости от контекста их оценивания респондентом. Одни и те же образы в разных сочетаниях могут задавать разные семантические пространства, в результате чего получается многомерная структура, которая меняется в зависимости от того, в каком контексте эти образы будут оценены.

С целью выявления у респондентов разного пола и национальности сопоставимых семантических пространств, заданных образами гендерного и этнокультурного контекста, наряду с ролевой позицией «Я сам (а)», в

методику было включено 12 образов, выступающих маркерами семантических пространств «современное – традиционное», «свое / близкое – чужое / далекое», «реальное – вымышленное» «мужское – женское». Таким образом, в психосемантическую методику множественных идентификаций для данного исследования было включено шесть гендерных моделей:

- *«современная полоролевая модель»*, представленная образами «типичный современный мужчина» и «типичная современная женщина». За основу этих образов предлагалось взять обобщенные, наиболее представленные в нашем обществе, с точки зрения испытуемых, типы мужчины и женщины;

- *«родительская гендерная модель»*, представленная образами «мой отец» и «моя мать», отражающая образы отца и матери, либо лиц, их заменяющих;

- *«традиционная полоролевая модель татарской культуры»*, представленная образами «традиционный образ татарского мужчины» и «традиционный образ татарской женщины». За основу этих образов предлагалось взять героев татарских сказок или других художественных произведений, с точки зрения испытуемых, максимально верно отражающих личностные особенности мужчины и женщины в традиционной татарской культуре;

- *«традиционная полоролевая модель русской культуры»*, представленная образами «традиционный образ русского мужчины» и «традиционный образ русской женщины». За основу этих образов предлагалось взять героев русских сказок или других художественных произведений, с точки зрения испытуемых, максимально верно отражающих личностные особенности мужчины и женщины в традиционной русской культуре;

- *«телевизионная (западно-американская) полоролевая модель»*, представленная образами «типичный американец» и «типичная американка». За основу этих образов предлагалось взять героев зарубежных (американских,

либо западноевропейских) теле- и кинофильмов, либо рекламных роликов;

- «*абстрактная гендерная модель*», представленная образами «очень мужественный человек» и «очень женственный человек». За основу этих образов предлагалось взять идеальный образ или образ реального человека, воплощающего в себе максимально выраженные, с точки зрения испытуемых, проявления мужественности/женственности, при этом привязка к биологическому полу персонажа была необязательна.

Взаимодействия Я с образами, репрезентирующими разные аспекты социокультурной среды, определялись на основании оценивания 12 образов-маркеров семантических пространств «современное – традиционное», «свое / близкое – чужое / далекое», «реальное – вымышленное» «мужское – женское» по параметрам трех сфер личностных проявлений:

1) по личностным качествам, перечень которых состоял из качеств, составляющих шкалы опросника психологического пола личности (Лопухова, 2001), и включал 42 качества (14 «маскулинных» качеств, стереотипно соответствующих мужчинам, 14 «феминных», стереотипно соответствующих женщинам, 14 «буферных», в равной степени соответствующих мужчинам и женщинам);

2) по характеристикам поведения в межличностном взаимодействии, представленных 10 показателями блока «поведение» методики «Рельеф психического состояния» (Прохоров, 1991);

3) по степени важности перечень жизненных целей и ценностей опросника «Жизненные приоритеты», который представлен в Приложении 2.

Оценка параметров по всем сферам производилась по пятибалльной шкале – от 1 (качество не выражено; поведение соответствующего типа не характерно; цель не важна) до 5 (высокая выраженность оцениваемых показателей).

Данные отдельных подвыборок, разделенных по половой и национальной принадлежности, объединялись с помощью метода консолидации индивидуальных таблиц в программе *MS Excel 2013* по

принципу суммирования данных каждой ячейки (каждая таблица имела размерность 13 образов на 72 дескриптора). При обработке данных конфигурация образов самосознания, задающих тот или иной контекст семантического пространства определялась на основе показателей их близости. В качестве показателя семантической близости выступал коэффициент линейной корреляции Спирмена, рассчитанный на основе оценок образов, отдельно по каждой группе предложенных параметров (личностные качества, поведение в межличностном взаимодействии, жизненные приоритеты). Степень близости (семантического сходства) образов определялась в соответствии со значением показателя: положительное значение означает сходство, тем большее, чем значение ближе к единице; значение, близкое к нулю означает, что образы воспринимаются, как не совпадающие по своему семантическому содержанию; отрицательные значения означают противопоставление в восприятии образов, тем большее, чем ближе значение показателя к «-1».

Образы, близкие позиции «очень мужественный человек», и не связанные с позицией «очень женственный человек», относятся к семантическому пространству маскулинности, образы, связанные с ролевой позицией «очень женственный человек» и не связанные с позицией «очень мужественный человек», относятся к семантическому пространству фемининности. Образы в одинаковой степени включенные в семантические пространства маскулинности и фемининности, отражают андрогинность представлений. Образы, исключенные как из маскулинного, так и из фемининного семантических пространств, отражают недифференцированность в самосознании гендерной семантики. Сравнение позиций всех образов с образами «современной полоролевой модели», определяет семантическое пространство «современности», а с образами «традиционных полоролевых моделей» русской и татарской культур, определяет семантическое пространство «традиционности» вообще, либо в рамках конкретной этнокультуры.

Данные были получены на выборке 480 человек, принадлежащих к татарской, русской, марийской национальностям и разным типам этнической идентичности, которые определялись с помощью модифицированного варианта методики определения типа и интенсивности этнической идентичности (Пайгунова, 2000) в континууме гипоидентичность (этническая принадлежность не важна, как при самовосприятии, так и при общении с другими) – норма (позитивная идентификация со своей этногруппой и положительным отношением к другим) – гиперидентичность (высокая значимость своей этнической принадлежности в восприятии себя и в отношениях с другими).

Результаты. Показатели семантической близости образов (ролевых позиций в гендерных моделях) в зависимости от пола и принадлежности к татарской, русской, марийской этнокультурным группам представлены в таблицах 1-6 Приложения 7.

Общим для всех сравниваемых групп явилось то, что максимальная дифференцированность мужских и женских образов проявилась при оценке их по личностным качествам (умение самоутвердиться, уступчивость, застенчивость, напористость, склонность к проявлению чувств, аналитичность, нежность, способность руководить, сострадательность, смелость, выносливость, доверчивость, терпимость, и т.п.). В сфере личностных качеств образ себя юношей близок мужским образам всех типов ролевых моделей и далек (либо противопоставлен) женским образам; у девушек образ себя близок женским образам оцениваемых ролевых моделей, и, соответственно, далек от образов противоположного пола. При оценке личностных качеств мужской и женский образы «абстрактной гендерной модели» в представлениях четырех сравниваемых групп противопоставлены, либо далеки. Показатели семантической близости образов «очень мужественный человек» и «очень женственный человек» составляют 0,2 в группе девушек марийской национальности; - 0,1 в группах русских юношей и девушек татарской и русской национальности; - 0,3 в группе юношей

марийской национальности; - 0,5 в группе юношей татарской национальности. К мужскому и женскому образам «абстрактной гендерной модели», выступающей основным показателем маскулинно/феминной дифференциации семантического пространства, близки соответствующие по полу образы «традиционных этнических» и «родительской» гендерных моделей. Образы «современной гендерной модели» и «телевизионной гендерной модели» как правило, близки друг другу в рассматриваемых семантических пространствах.

Поведенческая сфера личностных проявлений, которая выявлялась через оценку проявления в поведении уверенности / неуверенности, пассивности / активности, последовательности / непоследовательности, замкнутости / открытости и др., согласно полученным данным, семантически гендерно не дифференцирована. В поведенческой сфере гендерные семантические пространства у всех групп структурированы по-разному.

У юношей русской национальности в поведенческой сфере с только маскулинностью ассоциируется образ «Я», остальные образы воспринимаются как андрогинные. У девушек русской национальности все предложенные образы не имеют гендерной специфики при оценке поведенческих характеристик. Все образы близки образу Яи являются андрогинными, за исключением образов традиционной татарской культуры, которые вынесены также и за рамки маскулинно-феминного семантического пространства. Это говорит о том, что гендерная модель традиционной татарской культуры воспринимается русскими девушками как непонятная и далекая.

В отличие от русских, татарские девушки гендерную модель традиционной русской культуры включают в свое семантическое пространство (также андрогинное). В представлении юношей татарской национальности при оценке поведения андрогинными являются образы «Я», отца и «американских теле героев», феминным является образ традиционного татарского мужчины, маскулинными – образы современного мужчины и

традиционного русского мужчины. Остальные женские образы не включены в гендерные семантические пространства.

У девушек мари́йской национальности все образы, при оценке их с точки зрения поведенческих характеристик, включены одновременно в маскулинное и в феминное семантические пространства, за исключением мужского образа традиционной мари́йской культуры, который включен только в маскулинное семантическое пространство. У юношей мари́йской национальности все оцениваемые образы включены только в пространство маскулинности. Феминность в сфере поведения соотносится только с образом традиционной мари́йской женщины.

В ценностно-ориентационной сфере семантика «мужского» и «женского» в сознании юношей и девушек татарской, русской и мари́йской национальности оказалось в разной степени дифференцированным. При оценке предложенных образов в сфере жизненных целей и ценностей в представлениях девушек выявляется определенная гендерная дифференциация, а у юношей она практически отсутствует. У мужской половины выборки представления в сфере жизненных целей и ценностей имеют слабую степень гендерной дифференциации. Кроме того, среди мужчин сильны межэтнические различия в содержании гендерных представлений.

В представлении опрошенных девушек всех трех этногрупп ценностно-ориентационная сфера личностных проявлений наполняет гендерное семантическое пространство значимым содержанием. То есть, девушки, независимо от национальности, продемонстрировали более выраженную «патриархальность» представлений о стратегиях построения жизненного пути, в то время, как представления юношей, в среднем, более «эгалитарны». Гендерные представления девушек не имеют межэтнических различий: восемь показателей вошло в пространство феминности и пять показателей – в пространство маскулинности, полностью подтвердив патриархальные стереотипы «женского» и «мужского» предназначения.

В наибольшей степени нетипично выглядят представления мужчин татарской национальности, для которых, в отличие от других подгрупп, в качестве маскулинных выступают такие жизненные приоритеты, как «встретить любимого человека», «нравиться окружающим / привлекать их внимание своей внешностью», «иметь детей» и «хорошо проводить время с друзьями», а в качестве фемининных – такие нетипичные для других подгрупп качества, как «иметь высокий социальный статус» и «стать профессионалом». Взгляды мужчин татарской национальности выглядят «современными», но также согласуются и с традиционными для татарской культуры гендерными установками.

Отсутствие дифференциации традиционных гендерных образов марийской культуры, выявленное на первом этапе исследования, проявляется и в содержании гендерных представлений испытуемых марийской национальности, в наименьшей степени дифференцированными на «мужское» и «женское» по сравнению с другими подгруппами испытуемых.

Выявлено, что мужской и женский образы «телевизионной (западно-американской) гендерной модели» как правило, тождественны друг другу в представлениях всех испытуемых. Это говорит о том, что данная модель выступает в сознании всех групп испытуемых как недифференцированная в гендерном отношении, причем это характерно для нее во всех оцениваемых сферах личностных проявлений. «Телевизионную западно-американскую гендерную модель» в целом испытуемые воспринимали как далекую образу «Я», и в то же время, далекую от абстрактного образа женственности и близкую абстрактному образу мужественности.

При сопоставлении позиции «телевизионной (западно-американской) гендерной модели» с позициями традиционных и современных гендерных образов, видно, что образы «типичный американец» и «типичная американка», идентичные друг другу, в то же время близки позициям современных и мужских образов, и далеки от женских и традиционных образов. Это позволяет предположить, что в сфере жизненных целей и ценностей

гендерные семантическое пространство наряду со значениями «мужского» и «женского», несет смысловую нагрузку в значениях «современного» и «традиционного». При этом позиции «женского» близки к значениям «традиционного», а позиции «мужского» - к значениям «современного». Наиболее общим выражением «мужского» и «современного» выступает «телевизионная (западно-американская) гендерная модель». Современные гендерные роли в представлениях опрошенных молодых людей связаны с включением женщиной в сферу своих жизненных ориентиров целей как традиционно «мужской», так и «женской» стратегий, в то время как мужчина ориентирован только на традиционно «мужские» цели.

У юношей русской национальности образ Я в сфере жизненных целей включен в одновременно и в маскулинное, и в феминное семантические пространства, то есть в стратегии своего жизненного пути нет четкой дифференциации на реализацию стереотипов «мужского» или «женского» предназначения. Такое отсутствие четкого гендерного разграничения в смысловых ценностях соответствует феминному типу культуры по Г. Хофстеде. В то же время, в сфере жизненных целей и ценностей, близость образов «современный мужчина», «отец» и «типичный американец» показывает, что семантика маскулинности (реализации мужского предназначения) ассоциирована с «современностью». Остальные образы одновременно включены в маскулинное и феминное семантические пространства и близки к образу «Я».

У юношей татарской национальности образ Я включен в маскулинное семантическое пространство наряду со всеми предложенными к оценке мужскими образами и с телевизионным западно-американским образом женщины. Представления об остальных женских образах (матери, традиционной татарской женщины, традиционной русской женщины, типичной современной женщины) не имеют гендерной дифференциации в сфере жизненных целей и ценностей. Соответственно, феминное семантическое пространство в этой сфере жизненных проявлений не

определяется, поскольку оно не связано ни с одним из предложенных образов. У юношей марийской национальности все предложенные к оценке образы включены в маскулинное и феминное семантические пространства, кроме того, они тесно связаны между собой, то есть их представления в этой сфере личностных проявлений не разделяются на «мужское» и «женское».

У девушек русской национальности образ Я и образ матери в сфере жизненных целей и ценностей представлены как андрогинные. В маскулинное семантическое пространство входят все мужские образы, а также образ «типичной современной женщины» и телевизионный образ «типичной американки». Феминное семантическое пространство связано с женскими образами традиционных этнокультур. Сходную структуру имеет гендерное семантическое пространство в сфере жизненных целей и у девушек марийской национальности.

У девушек татарской национальности в сфере жизненных целей и ценностей образ «Я», образы матери, современной женщины, а также «традиционные» мужские и женские образы одновременно включены и в феминное и в маскулинное семантические пространства. Только в маскулинное семантическое пространство включены образы отца, современного мужчины, телевизионные образы мужчины и женщины.

Обобщая результаты по всей выборке, можно сказать, что значения «маскулинности» и «феминности» в семантическом пространстве ассоциированы со значениями «современности» и «традиционности». Наиболее выраженными проявлениями маскулинности и современности обладает «телевизионная полоролевая модель». Близость образа Я к современности связана с маскулинностью, а к традиционности – с феминностью. Образ Я в гендерном семантическом пространстве опрошенных молодых людей в большей степени ассоциируется с соответствующими образами своей или смежной этногруппы, чем с образами западно-американских теле- и киногероев. В то же время, содержание традиционных этнокультурных «мужских» и «женских» образов и их взаимодействия в

рамках одной поведенческой модели в наибольшей степени отвечает современным представлениям гендерной эмансипации в самосознании. Как было установлено на первом этапе исследования, традиционная семантика гендерных (полоролевых) моделей в текстах сказок «древнего» типа соответствует в большей степени современным эгалитарным представлениям, нежели «патриархальным» гендерным стереотипам.

С помощью кластерного анализа отдельно по всем подгруппам респондентов определялась конфигурация предложенных к оцениванию образов, задающих семантические пространства, по отношению к образу Я: «традиционного – современного», «своего – чужого», «реального (повседневного) – идеального (телевизионные образы)», «мужского – женского».

Кластерный анализ позволил наглядно представить конфигурацию предложенных для оценки образов и заданных ими семантических пространств в самосознании респондентов трех национальных групп. Результаты кластеризации предложенных образов, задающих семантические категории «мужское – женское», «свое (близкое) – чужое (далекое)», «традиционное – современное», оцененных по всей совокупности дескрипторов, в группах респондентов, разделенных по полу и национальной принадлежности представлены на рисунках 1 – 6. Дополнительно в рисунках (дендрограммах) Приложения 8 (8.1 – 8.6) представлены результаты кластеризации предложенных образов, отдельно оцененных по трем группам параметров (качества личности, стиль поведения, жизненные приоритеты), в группах респондентов, разделенных по полу и национальной принадлежности. Анализ кластерных структур, отражающих обобщенное для групп испытуемых разного пола и национальной принадлежности расположение по степени близости образов, задающих семантические категории «мужское – женское», «свое (близкое) – чужое (далекое)», «традиционное – современное» в самосознании показывает не только разнообразие вариантов этих конфигураций, но и их различие при разных ракурсах оценивания предложенных образов.

Общей тенденцией для всех групп респондентов является то, что в условиях уменьшения степени поляризации гендерных представлений и их межкультурной унификации, гендерная дифференциация сознания большую устойчивость обнаруживает в сфере личностных качеств, в то время как ценностно-смысловая сфера и поведение более легко подвергаются современным тенденциям трансформации гендерной семантики.

Как видно на рис. 4 и 5, у представителей татарской национальности образы «мужественного человека» у женщин и «женственного человека» у мужчин оказались не включенными в группы мужских и женских образов.

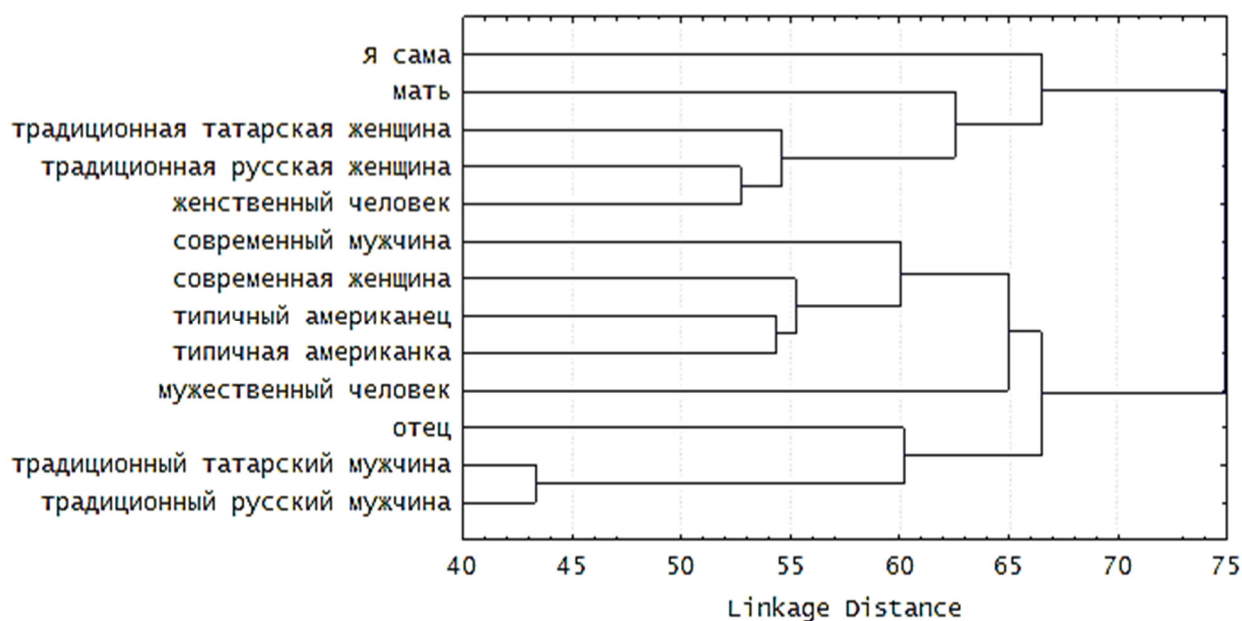

Рис. 4. Кластеризация образов, задающих семантические категории «мужское - женское», «свое (близкое) – чужое (далекое)», «традиционное - современное» в самосознании мужчин татарской национальности (обобщенные данные по выборке)

«Образ Я» у женщин включен в одну группу (по возрастанию близости связи) с образами матери, традиционной татарской женщины, традиционной русской женщины и женственного человека. Данную группу можно назвать «традиционная женственность». Вторую группу – «современную», – составляют образы современного мужчины и современной женщины, а также «телевизионной (западно-американской) гендерной модели». Третью группу составляют «традиционные мужские образы» и образ отца. У мужчин «образ Я» включен в одну группу (по убыванию близости) с образами отца, традиционного татарского мужчины, современного мужчины, традиционного русского мужчины и мужественного человека. Женские образы (за исключением «очень женственного человека») также составляют одну группу.

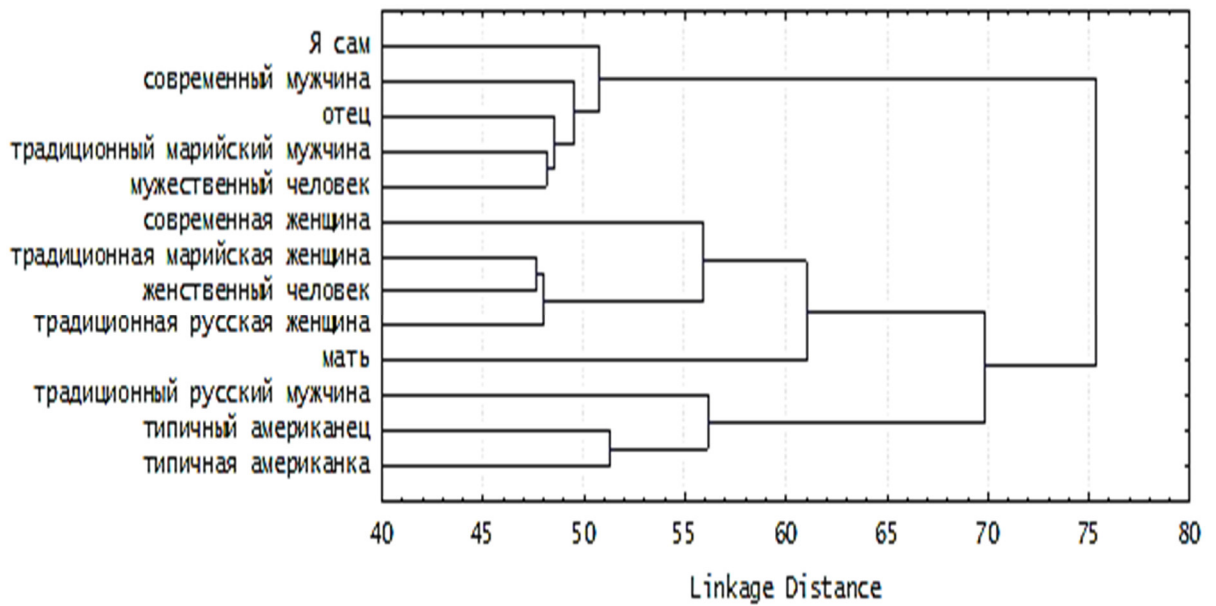

Рис. 5. Кластеризация образов, задающих семантические категории «мужское - женское», «свое (близкое) – чужое (далекое)», «традиционное - современное» в самосознании женщин татарской национальности (обобщенные данные по выборке)

У представителей мари́йской национальности (рис. 6, 7) образы мужественного и женственного человека включены в соответствующие группы всех мужских и всех женских образов, и наиболее близкие к ним – это образы «традиционного мари́йского мужчины» и «традиционной мари́йской женщины».

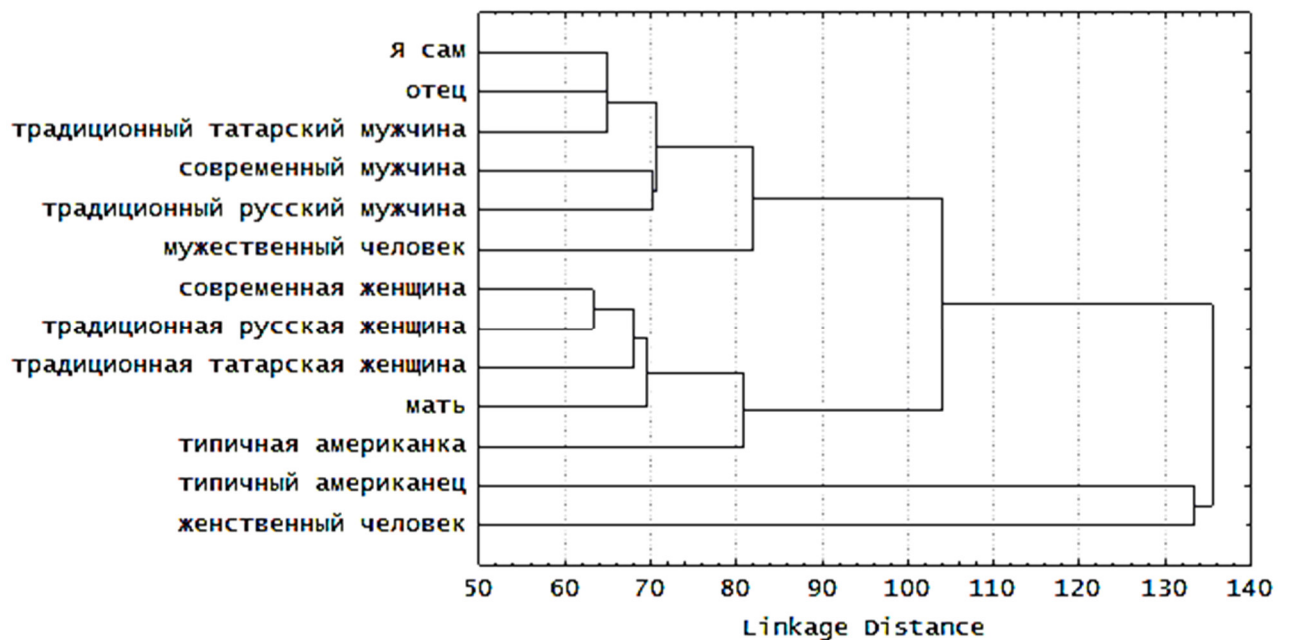

Рис. 6. Кластеризация образов, задающих семантические категории «мужское – женское», «свое (близкое) – чужое (далекое)», «традиционное – современное» в самосознании мужчин мари́йской национальности (обобщенные данные по выборке)

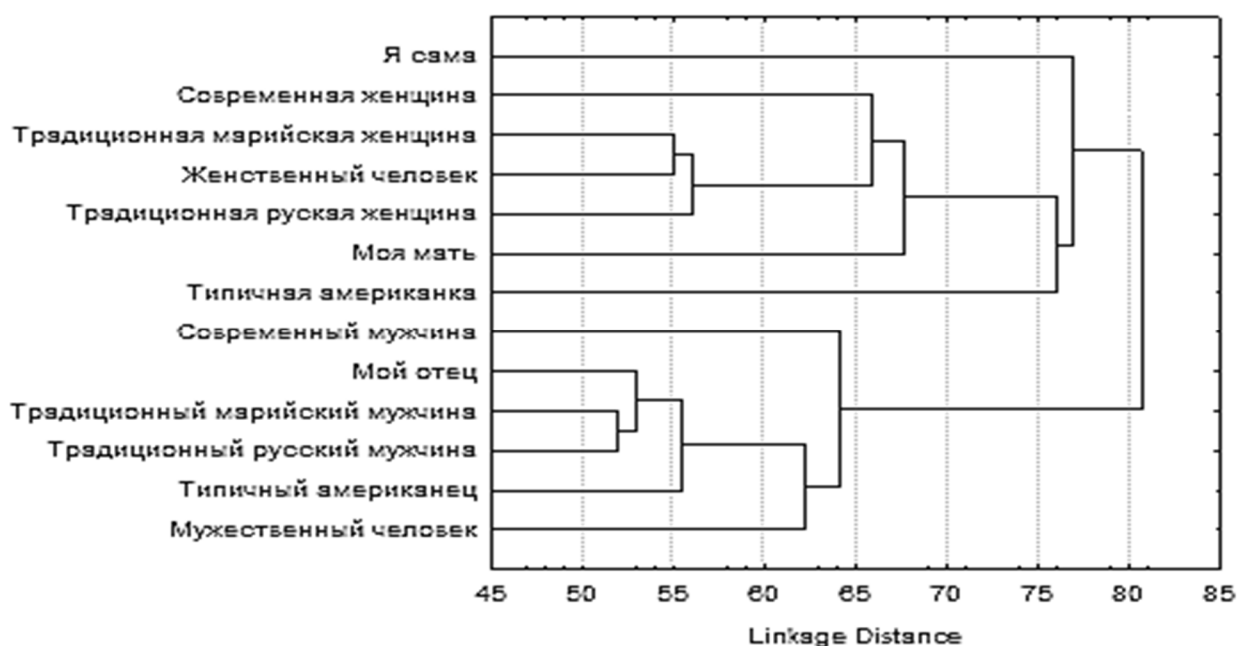

Рис. 7. Кластеризация образов, задающих семантические категории «мужское – женское», «свое (близкое) – чужое (далекое)», «традиционное – современное» в самосознании женщин марийской национальности (обобщенные данные по выборке)

Образ Я входит в соответствующую половой принадлежности группу образов. У мужчин обобщенно образ Я входит в общую группу мужских образов, составляющих маскулинное семантическое пространство. Группы «далеких» образов (семантически «не Я»), составляют образы телевизионной (чужой модели), традиционного русского мужчины и все женские образы, от которых отделен образ матери. У женщин марийской национальности семантические пространства, объединяющие предложенные к оценке образы, категоризованы по гендерному принципу (мужские-женские), однако из этих категорий выпадает образ Я.

У представителей русской национальности (рис. 8 и 9) образ женственного человека ближе всего к образу традиционной русской женщины (а в подгруппе мужчин и к образу традиционной татарской женщины). Образ мужественного человека не включен ни в одну группу, как у мужчин, так и у женщин. У мужчин образ Я также не включен ни в одну из групп, что говорит о возможных у них проблемах гендерной идентификации. Это можно объяснить высокой значимостью традиционных образов в построении гендерного семантического пространства, и в то же время, сильной

спецификой образа мужчины в российской культуре, семантически противоположного, как было выявлено на первом этапе исследования, современному стереотипу маскулинности.

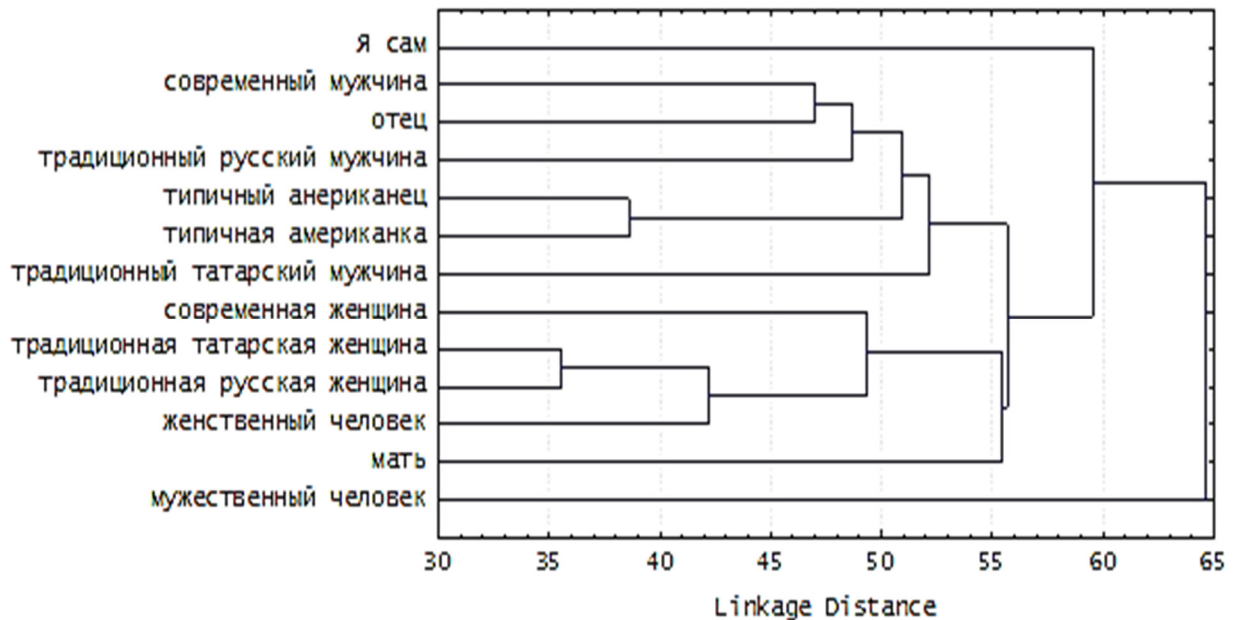

Рис. 8. Кластеризация образов, задающих семантические категории «мужское - женское», «свое (близкое) – чужое (далекое)», «традиционное - современное» в самосознании мужчин русской национальности (обобщенные данные по выборке)

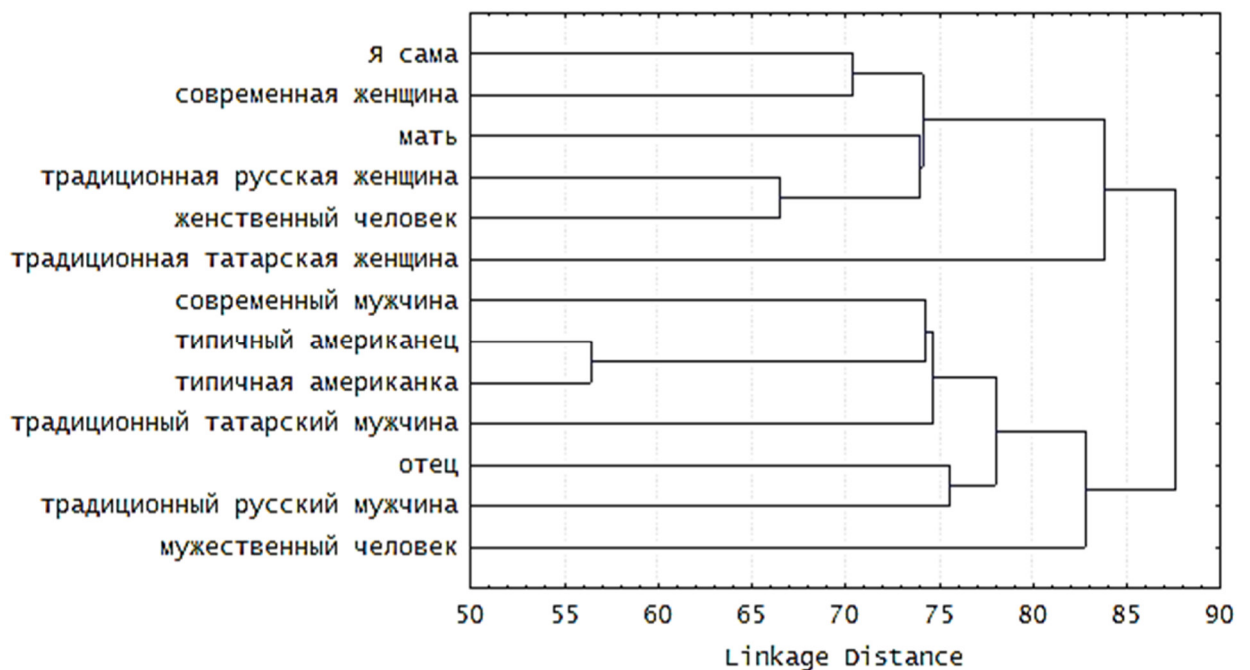

Рис. 9. Кластеризация образов, задающих семантические категории «мужское - женское», «свое (близкое) – чужое (далекое)», «традиционное - современное» в самосознании женщин русской национальности (обобщенные данные по выборке)

Анализ особенностей идентификации образа Я с образами, задающими семантические категории «мужское - женское», «свое (близкое) – чужое (далекое)», «традиционное - современное» в самосознании юношей и девушек трех основных и наиболее распространенных типов этнической идентификации: индифферентного, нормального и гиперидентичного представлен в Приложении 6 (таблицы 1-6). Коэффициент корреляции, превышающий значение 0,5 говорит о близости (идентичности) оцениваемых позиций гендерных моделей в групповом сознании испытуемых. Значение коэффициента корреляции, приближенное к 0, говорит о дальности (нетождественности) позиций. Отрицательное значение коэффициента корреляции говорит о противопоставлении в сознании испытуемых оцениваемых позиций друг другу. Для наглядности, значения, говорящие о близости или сильном противопоставлении позиций (в зависимости от знака), выделены жирным шрифтом.

Представленные в таблицах показатели семантической близости гендерных образов в самосознании демонстрируют, что гендерное семантическое пространство у девушек и юношей с индифферентным типом этнической идентичности и нормой этнической идентичности сходны, независимо от национальной принадлежности (таблицы 1, 2, 4, 5 Приложения 6). В семантике «мужское – женское» все женские образы выступают фемининными, мужские – маскулинными, за небольшим исключением: образ современной женщины девушками с этноиндифферентным типом и нормой этнической идентичности воспринимается, как андрогинный (таблицы 1 и 2), а юношами – как фемининный (таблицы 4 и 5 Приложения 6); женский образ телевизионной гендерной модели девушками воспринимается как маскулинный, а юношами с индифферентным типом этнической идентичности – как фемининный.

Для юношей с типом «норма» женский образ телевизионной гендерной модели воспринимается как гендеро-недифференцированный (не женственный и не мужественный). Русские юноши образ матери

воспринимают как андрогинный (женственный и мужественный одновременно), но у юношей с типом «норма» это проявляется в большей степени, чем у юношей с индифферентным типом этнической идентичности (таблица 5 Приложения 6).

Этническая идентификация по типу «норма» связана с отсутствием национальных и межполовых различий в структурах моделей гендерной идентификации (таблицы 2 и 5 Приложения 6): одни и те же гендерные образы находятся в одинаковой степени близости по отношению к образу Я.

При индифферентном типе этнической идентичности наблюдаются небольшие межэтнические различия в моделях гендерной идентификации: русские девушки несколько больше идентифицируются с современными образами, а татарки – с традиционными (таблица 1 Приложения 6). У юношей при индифферентном типе этнической идентичности – другая тенденция: татары в равной степени «открыты» всем мужским образам в своей гендерной идентификации, а у русских образ Я ближе к образу отца и традиционного русского мужчины по сравнению с образами современного, традиционного татарского мужчины и телевизионного зарубежного киногероя (таблица 4 Приложения 6).

Однако отмеченные различия очень слабые, их можно воспринимать только как тенденцию. В целом же можно утверждать, что в условиях длительного этноконтактного сосуществования типы этнической идентификации этноиндифферентный и норма обуславливают общность моделей гендерной идентификации у респондентов разной национальной принадлежности.

Гендерные семантические пространства у респондентов с типом «гиперидентичность» имеют довольно сильные межнациональные различия (таблицы 3 и 6 Приложения 6), обусловленные, по всей вероятности, усилением значимости ценностно-смысловых категорий своей этногруппы в самосознании.

Татарки с типом «гиперидентичность» образ Я идентифицируют только с традиционным женским образом и с образом матери, которые, в свою очередь, являются для них наиболее близкими к образу женственности. Образ Я при этом воспринимается как женственный. В объекты гендерного семантического пространства у татарок с этнической гиперидентичностью не входят образы традиционной русской женщины, современной женщины и образ женщины западной культуры, транслируемой по телевидению. Образ женственности в большей степени отождествляется с традиционным женским образом татарской культуры, и с образом матери, а образ мужественности – со всеми мужскими образами.

Русские девушки с типом «гиперидентичность» строят гендерную идентификацию на более широком диапазоне женских образов: современном, традиционных (как русской, так и татарской культуры), родительском (матери). При этом образы матери и «традиционной русской женщины» несколько ближе к образу Я (таблица 3 Приложения 6). Образы женственности и мужественности четко дифференцированы и отождествляются с соответствующими по полу образами гендерных моделей. Также этническая идентификация по типу «гиперидентичность» по-разному определяет структуру гендерных идентификаций юношей и девушек (таблицы 3 и 6 Приложения 6).

У юношей с этнической гиперидентичностью обнаружили наиболее выраженные особенности в структуре гендерной идентичности. У татар не обнаружено гендерных моделей, выступающих объектами идентификации образа Я, хотя гендерные представления достаточно сильно дифференцированы и гендерное семантическое пространство четко структурировано (таблица 6 Приложения 6). Женственность в их представлении соотносится с образами матери и традиционных женщин татарской и русской культуры, мужественность – со всеми мужскими образами, кроме образа Я. Эти данные соотносятся с полученными нами ранее, в предыдущих исследованиях, результатами: у юношей татарской

национальности более часто встречались проявления недифференцированного типа психологического пола личности.

Юноши русской национальности с этнической гиперидентичностью в наибольшей степени идентифицируют себя с образами современного мужчины, отца и традиционного русского мужчины, образ Я соотносится с семантикой маскулинности. Мужественность отождествляется со всеми предложенными к оцениванию мужскими образами, за исключением образа традиционного татарского мужчины. В отличие от всех остальных групп респондентов, представления о женственности у них не структурированы.

Обсуждение результатов. Полученные результаты показали, что, несмотря на большую степень сходства в содержании современных гендерных представлений, выявленные различия соотносятся с особенностями традиционной гендерной семантики соответствующего народа, установленной на материале текстов волшебных сказок «древнего типа». Это подтверждает предположение о базовой позиции гендерной семантики традиционной культуры в формировании современных гендерных представлений и самосознания (гендерная семантика традиционной культуры сохраняет свою значимость в современном самосознании).

Таким образом, архаичные образы, составляющие этнокультурные особенности гендерной семантики, представлены (чаще на имплицитном уровне) в индивидуальном самосознании современных молодых людей. Благодаря этому с изменением социокультурных условий этнические особенности традиционных гендерных представлений не исчезают, оставаясь стержнем современных гендерных представлений, обуславливая неоднородность и вариативность семантических репрезентаций гендерных моделей в самосознании. Традиционная для определенной этнической культуры гендерная семантика сохраняется в индивидуальном и общественном сознании, и может вступать основой смыслопорождающего и преобразующего процессов самосознания в трансформирующейся системе гендерных представлений.

3.4. Восприятие медиа образов как условие динамики взаимной конфигурации образов Я и Другие (онтологический ракурс исследования самосознания)

Телевизионная информация, и в частности, телевизионная реклама, как определенная система репрезентации социокультурных образов-моделей, рассматривается как идеологический конструкт, символически отображающим систему культурных норм поведения и отношений (Gladkova, 2013; Lavrova, Matveeva, 2012). Медиа образы отсылают зрителей к неясным и неочевидным смысловым кодам, которые, в то же время, значимы для их личности, влияя на установки и формирование идентичности. При этом исследователями большое внимание уделяется анализу рекламных образов, которые зачастую имеют гендерный контекст (Barner, 1999; Bretl, & Cantor, 1988; Signorielli, 1989; Collins, 2011).

Активное использование гендерной семантики в рекламных образах обусловлено тем, что она является наиболее глубокой, базовой основой самосознания человека (Garst, Bodenhause, 1997; Morgan, 1982) и при этом довольно популярной долгое время была позиция, что реклама не просто воспроизводит гендерные стереотипы, но и усиливает их в сознании и самосознании (Gerbner, 1999; Pollay, 1986). Однако мнение, что рекламная продукция отображает традиционные гендерные стереотипы, например, что женщине отводится роль быть объектом мужского желания (Ganahl, Prinsen, Netzley, 2003), в настоящее время не полностью подтверждается. Показано, что воздействие рекламных образов на содержание установок зрителя неоднозначно, вариативно, поскольку определяется множеством факторов (Durkin, 1985). Реклама заимствует образы и модели социального поведения из повседневной жизни, где по-разному трансформированы гендерные нормы и взгляды, поэтому образы рекламной продукции также становятся разнообразными (Collins, 2011). В то же время, одним из последствий воздействия рекламы является девальвация гендерных ценностей, которые могут восприниматься как несерьезные из-за их

жесткого, гротескного и неадекватного применения в медиа. Поэтому обращается внимание на то, что воздействие рекламы может не только усиливать гендерные стереотипы, но и трансформировать гендерные установки, внедряя в индивидуальное сознание инновационные гендерные образы (Максимова, 2005).

В ряде исследований были выявлены взаимосвязи гендерных установок зрителей, приверженности традиционным или нетрадиционным гендерным стереотипам с собственной гендерной стереотипизацией восприятия телевизионных образов, а также идентификацией с ними (Duncan, Peterson, Winter, 1997; Oliver, Sargent, 1998; Ruble, Stangor, 1986; Signorella, Liben, 1984). Данные о характере воздействия медиа образов на трансформацию гендерной идентичности противоречивы: было обнаружено, что мальчики и девочки с феминными предпочтениями склонны больше идентифицировать себя с мужским контрстереотипным образом, по сравнению с детьми, имеющими маскулинные предпочтения (Eisenstock, 1984). В то же время, непосредственное восприятие различных образов в рекламе оказывает определенное воздействие на самосознание в первую очередь, на имплицитном (эмоциональном) уровне. В исследовании влияния историй на гендерную самооценку было обнаружено, что после прочтения истории, в которой главная героиня играла традиционную гендерную роль (сосредоточенную на материнстве), самооценка женственности увеличивалась среди респондентов, которые вряд ли занимались социальным сравнением, поскольку не имели собственных детей, тогда как такого эффекта не наблюдалось у респондентов, у которых были собственные дети (Ritcher, Appel, Calio 2014). На основании проведенного анализа видно, что восприятие гендерных образов в рекламе индивидуально вариативно, связано с гендерными аспектами самосознания, а также, что непосредственное восприятие гендерных образов телевизионной рекламы по-разному воздействует на эксплицитном уровне вербального (когнитивного) и имплицитном уровне невербального (эмоционального) содержания гендерных аспектов самосознания.

Организация исследования. С целью проверки обозначенных предположений был проведен психосемантический эксперимент по выявлению влияния рекламных образов разного гендерно-семантического контекста на динамические процессы в самосознании: отождествления – разотождествления образов Я (Я сейчас, Я в будущем, Я-идеал) и образов социокультурной среды. Участниками эксперимента стали подростки, поскольку именно этот возрастной период наиболее чувствителен к социальным образцам и моделям формирования гендерного самосознания. В эксперименте на добровольной основе приняли участие 29 мальчиков и 32 девочки в возрасте от 15 до 17 лет.¹

Эксперимент проводился в два этапа. На первом этапе с помощью психосемантического метода «множественных идентификаций» выявлялись конфигурации образов Я (Я сейчас, Я в будущем, Я-идеал) и образов социокультурной среды на эксплицитном и имплицитном уровне самосознания каждого участника.

На втором этапе эксперимента участникам было показано пять отобранных рекламных роликов с образами, транслирующими различный контекст гендерной семантики. После просмотра нужно было выбрать женский или мужской образ из какого-либо рекламного ролика и снова оценить предложенные образы по заданным шкалам, к которым был добавлен понравившийся образ из рекламы. Сравнение взаимного расположения оцененных образов в гендерном семантическом пространстве, определенном факторами «маскулинность» и «феминность», до и после показа рекламных роликов позволило выявить характер изменений в самосознании при воздействии информации, транслируемой рекламой.

В качестве стимульных материалов использовались рекламные ролики шоколада, поскольку этот продукт представляет интерес для подростков и ориентирован как на женскую, так и на мужскую аудиторию. Для

¹ Отдельные материалы параграфа ранее опубликованы в статье: Lopukhova, O.G. The Impact of Gender Images in Commercials on the Self-consciousness of Adolescents // Psychology in Russia: State of the Art. 2015. Т. 8. № 1. С. 100-111.

эксперимента было отобрано пять рекламных роликов по определенным критериям. Все рекламные ролики были хорошо известны участникам, так как демонстрировались на популярных телеканалах в прайм-тайм. В каждом из роликов женский и мужской персонажи взаимодействовали друг с другом. Все ролики рекламировали продукт не с информативной позиции (не давали информацию о преимуществах и качестве самого продукта), а скорее использовали гендерную семантику для мотивации интереса потребителя к продукту, представляя разные модели гендерных отношений и характеристик персонажей. Для демонстрации участникам эксперимента были отобраны рекламные ролики, представляющие различные варианты гендерного типа женских и мужских образов и их взаимоотношений:

1. Рекламный сюжет «Альпен гольд – танго» (черный и белый шоколад) изображает андрогинные женские и мужские образы и модель эгалитарных (современных) гендерных отношений. Рекламный сюжет демонстрирует «борьбу» девушки и юноши за плитку шоколада во время танца, и никто из них не хочет сдаваться. Оба представляют сочетание грациозности, чувственности, сексуальности, и в то же время, напористости, соперничества и настойчивости в достижении успеха в своих действиях.

2. Рекламный сюжет «Альпен гольд – темный шоколад» изображает гендерно недифференцированный мужской образ и маскулинный женский образ. В рекламном сюжете образ девушки – свободный, активный и независимый. С балкона девушка видит красивого парня, который прикрепляет вывеску шоколада. Девушка решительно спускается по водосточной трубе на глазах у изумленного парня и пробегает мимо него к стойке с шоколадом: ей не нужен этот парень, ей нужен шоколад. Девушка получает его самостоятельно, рискуя при этом. Юноша не демонстрирует никаких типично гендерных качеств. У него только изумление, вызванное неожиданным поведением девушки.

3. Рекламный сюжет шоколадных конфет «Коркунов» изображает феминный женский образ и маскулинный мужской образ, демонстрируя

модель «традиционных» гендерно-стереотипных отношений. В музее классической живописи и скульптуры мужчина средних лет, красивый и респектабельный, уверенный в себе, предлагает незнакомой симпатичной и более молодой девушке попробовать конфеты со словами «Любишь классику – попробуй это...». В отношениях персонажей четко прослеживается флирт, ситуация «завоевания» женщины уверенным в себе мужчиной.

4. Рекламный сюжет молочного шоколада «Милка» изображает феминные, как женский, так и мужской образы, и феминного типа отношения. Юноша и девушка на фоне природной идиллии нежно обнимаются, демонстрируя состояние блаженства, умиротворения, безмятежного счастья после дегустации шоколада.

5. Рекламный сюжет шоколадного батончика «Сникерс» изображает маскулинные мужские и женские образы и модель маскулинных отношений. В рекламном сюжете два парня и известная балерина в балетной пачке играют в баскетбол. С балериной играют довольно жестко, она падает. Поднявшись, она грубо отвечает на претензии своих товарищей: «... Что за балет? ... Играй жестче», затем съедает шоколад и превращается в парня, готового играть в баскетбол в жесткой мужской манере.

Методы диагностики. В диагностике самосознания участников эксперимента с помощью метода «множественных идентификаций» (Петренко, 1997) предлагались следующие образы для оценивания:

- «Я в настоящем»;
- «Я в будущем»;
- «Мой отец»;
- «Моя мать»;
- «Идеал мужчины с моей точки зрения»;
- «Идеал женщины с моей точки зрения»;
- «Типичный современный мужчина»
- «Типичная современная женщина»;
- «Традиционный мужчина (каким я его вижу)»;

- «Традиционная женщина (какой я ее вижу)»;
- «Понравившийся мне рекламный образ» (на втором этапе эксперимента).

Процедура измерения гендерных характеристик самосознания состояла из двух частей, выявляющих семантические репрезентации гендерных образов по отношению к образу Я на эксплицитном и имплицитном уровнях.

В первой части респондентам предлагалось оценить образы-маркеры семантических пространств по 27 характеристикам личности, из опросника «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности» (Лопухова, 2013), представленном в Приложении 1. На основании оценивания образов через вербальные характеристики выявлялись семантическая репрезентация образов в индивидуальном сознании по отношению к образу Я на эксплицитном уровне.

Во второй части те же образы оценивались путем ранжирования их ассоциации с цветом (синий, зеленый, красный, желтый, фиолетовый, коричневый, черный и серый). Эта часть диагностики основывалась на представлении о том, что содержание эмоционально значимых имплицитных компонентов отношения к другим и к себе в самосознании может отражаться в цветовых ассоциациях (Соломин, 2001; Акопов, Акопян, Белоус, Капцов, 2022).

Характеристики самосознания каждого участника выявлялись путем сопоставления семантической близости образа Я с заданными в методике образами отдельно по данным вербального и невербального оценивания. Кроме того, измерялась проекция каждого образа на факторы «Маскулинность» и «Феминность», их взаимное расположение в этом семантическом пространстве (на основании оценивания по личностным качествам), что дало возможность выявить характеристики гендерного самосознания каждого участника и отразить наглядно взаимную конфигурацию образов в сопоставимых пространственных координатах, а также сопоставить изменения данной конфигурации до и после просмотра рекламы.

Результаты. По результатам диагностики на эксплицитном уровне (вербальное оценивание) гендерные характеристики личности участников в основном, соответствовали их полу. Гендерная дифференцированность сознания участников проявлялась в различном оценивании мужских и женских образов. Оценка себя по большинству пунктов шкал «Маскулинность» и «Феминность» была высокая, то есть, учитывая, что все качества опросника являются социально желательными, можно заключить, у большинства участников в целом, высокая самооценка. Исключение составил один мальчик, у которого выявлена недифференцированность гендерного самосознания, что проявилось в низких оценках себя по шкалам «маскулинность» и «феминность», отсутствии идентификации себя как с мужскими, так и с женскими образами. Еще у одного мальчика выявлены феминные характеристики самосознания: высокая оценка Образа Я по шкале феминности, низкая по шкале маскулинности и самоидентификация с женскими образами, предложенными в методике.

Результаты диагностики через цветовые ассоциации дали иную, по сравнению с вербальным оцениванием, картину соотношения семантических образов в самосознании у большинства подростков. У некоторых девочек на имплицитном уровне наблюдалась диффузная идентификация как с женскими, так и с мужскими образами. Довольно часто встречалось отнесение образа отца к фемининному семантическому пространству, отождествляемого с женскими образами (идеальная женщина, традиционная женщина), в то время, как образа матери воспринимается как андрогинный: близкий как к мужском, так и к женскому идеальным образам. Для мальчиков характерна идентификация с образом матери, и у некоторых мальчиков она достаточно сильна, при этом присутствует гендерно недифференцированное отношение к другим образам.

На втором этапе эксперимента, когда подростки выбирали образ рекламного ролика, распределение предпочтения мальчиков и девочек значительно различались (таблица 8).

Таблица 8 - Распределение частот выбора рекламы девочками и мальчиками
($\chi^2 = 39,821$; $p \leq 0,001$)

Реклама шоколада	Количество выборов	
	Девочки (N = 32)	Мальчики (N = 29)
«Милка» (феминные образы)	8	1
«Сникерс» (маскулинные образы)	4	27
«Коркунов» (традиционная гендерная модель)	9	-
«Альпен Голд – танго» (андрогинные образы)	10	1
«Альпен Голд – темный шоколад» (эгалитарная модель)	1	-

Предпочтения гендерных образов у девочек в рекламе более разнообразны, чем у мальчиков. Большинство мальчиков отдали предпочтение рекламе «Сникерс», отражающей маскулинные мужские и женские образы в контексте их эгалитарных (маскулинизированных) отношений. Ни один из мальчиков не выбрал рекламу с маскулинным мужским образом и феминным женским образом, демонстрирующую традиционные гендерные отношения. Это может означать, что мальчики больше ориентированы на эгалитарные гендерные отношения и мужские качества, что соответствует основным потребностям их социализации в подростковом периоде.

Кроме того, в рекламе «Коркунов» мужской образ по возрасту ближе к отцам этих подростков, в то время как реклама «Сникерс» по своему мужскому образу и активности (игра в баскетбол) ближе к подростковому возрасту по сравнению с другими роликами. В рекламах «Милка» и «Альпен гольд – темный шоколад» мужские образы не предпринимают никаких активных действий, не демонстрируют ярких персонажей, что, по-видимому, не способствует идентификации мальчиков с ними. В то же время, девять девочек отдали предпочтение мужскому образу из рекламы «Коркунов», что, вероятно, обусловлено «возрастом отца» персонажа-мужчины, привлекающем девочек, что можно объяснить с психоаналитических позиций.

Определенные тенденции гендерных характеристик самосознания подростков и взаимосвязи их выборов трудно достоверно определить с точки зрения статистики, так как выборка была недостаточно большой, и отсутствие разнообразия выборов среди мальчиков. Анализ имеющихся вариантов основывался на предпочтениях подростков в отношении рекламных образов определенного гендерного типа.

Далее сопоставлялись гендерные характеристики личности, изменения в восприятии гендерной семантики эксплицитного и имплицитного уровней в самосознании каждого из участников после просмотра рекламы и выбора рекламного образа для оценивания. Показатели семантической близости образов в самосознании подростков на эксплицитном и имплицитном уровнях представлены в таблицах 1-8 Приложения 9.

У девочек, выбравших рекламу «Милка» (рис. 10), в самооценке более выражены феминные качества.

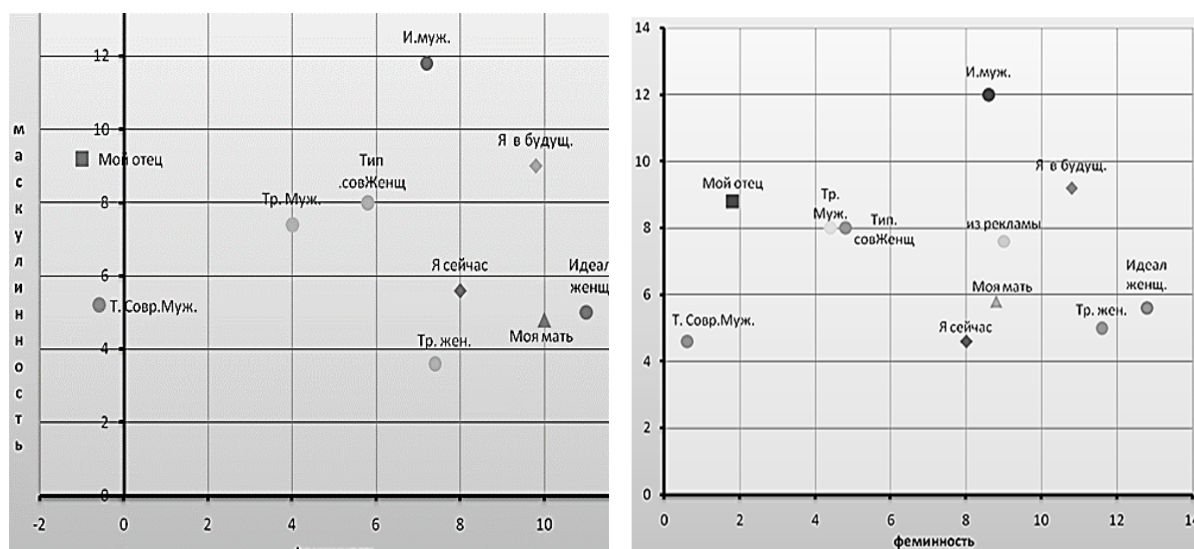

Рис. 10. Позиции семантической близости образов в пространстве категорий феминность / маскулинность до и после просмотра рекламы в самосознании девочек, выбравших рекламный видеоролик «Милка»

Гендерная дифференциация сознания проявлялась в отнесении к маскулинной семантике образов отца типичного современного мужчины. Женские образы отождествлялись с образом «Идеал женщины» в следующем порядке по показателям близости: «Моя мать», «Я в будущем»,

«Традиционная женщина», «Я в настоящем» и в среднем довольно высоко оценивались по проявлению феминных качеств. После просмотра рекламы и выбора сюжета «Милка», демонстрировавшим феминные мужской и женский образы, расслабленное, умиротворенное состояние персонажей, «Образ из рекламы» в большей степени отождествился с образами «Я в настоящем», «Традиционная женщина», «Я в будущем», «Моя мать», которые также стали ближе друг к другу, составляя единое семантическое феминное пространство в самосознании. Мужские образы стали оцениваться как более феминные, приблизившись к женским образам.

На имплицитном уровне самосознание девочек, выбравших рекламу «Милка», по гендерно не дифференцировано. В частности, образ «Я в настоящем» отождествлялся с разными гендерными образами (по степени близости): «Мой отец», «Традиционная женщина», «Идеал мужчины», «Типичный современный мужчина», «Моя мать», «Идеал мужчины», «Я в будущем». Образ «Мой отец» также был близок как к женским, так и к мужским образам. «Идеал мужчины» отождествлялся с образом «Идеал женщины» и был близок образу «Типичный современный мужчина».

После просмотра рекламы и выбора образа «Идеал мужчины» и «Идеал женщины» стали ближе к женским образам. Образ отца, который и до этого был близок к женским образам, после выбора рекламы феминного типа стал еще более женственным. Образ Я тоже стал в большей степени отождествляться с женскими образами. В целом, можно сказать, что женский образ рекламы был воспринят как идеал феминности, усилив при этом женственность в восприятии других женских образов, и в целом, значимость женственности в самосознании.

У девочек, выбравших рекламу «Сникерс» (рис. 11), образ Я на когнитивном уровне более всего отождествлялся с образом «Я в будущем», близок к образам «Моя мама», «Идеал женщины», «Традиционная женщина» и противопоставлялся всем мужским образам.

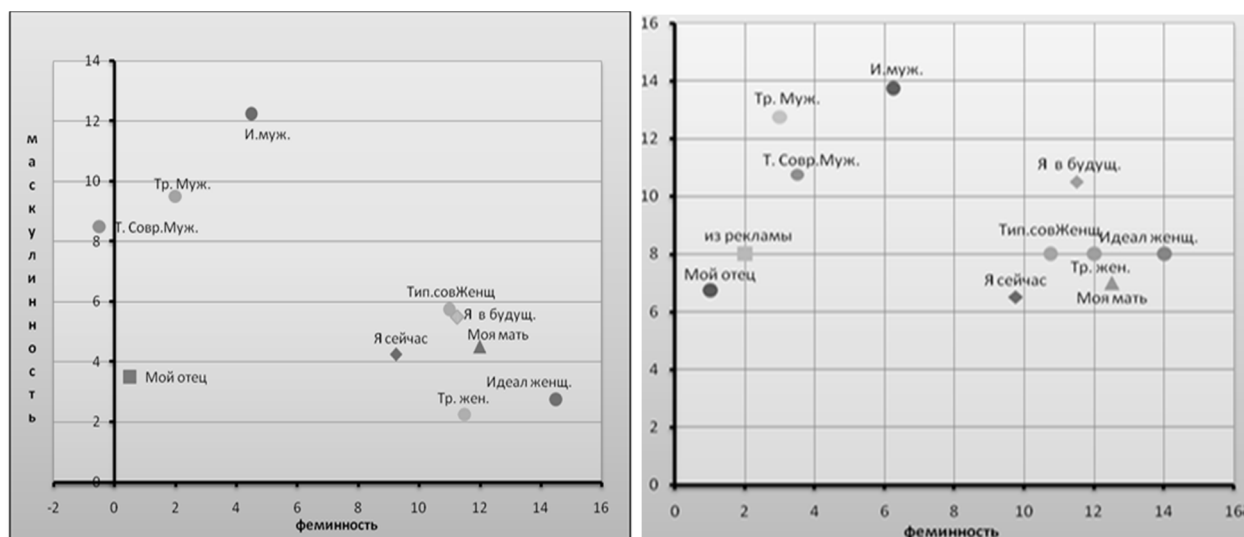

Рис. 11. Позиции семантической близости образов в пространстве категорий феминность / маскулинность до и после просмотра рекламы в самосознании девочек, выбравших рекламный видеоролик «Сникерс»

Маскулинная семантика задана образом «Идеал мужчины», отождествлен с образами «Традиционный мужчина», «Типичный современный мужчина» довольно близко (0,88). Из мужских образов наименьшая оценка маскулинности у образа отца. Выбранный после просмотра роликов «Образ из рекламы» идентифицировался с образами «Мой отец», «Идеал мужчины», «Типичный современный мужчина», «Традиционный мужчина», то есть воспринимался как маскулинный образ. После просмотра рекламы все мужские образы стали оцениваться как более маскулинные. При этом оценка образа Я, как и семантически близких женских образов, стала гораздо более маскулинной.

Выбор этими девочками образа рекламы маскулинного типа можно соотнести с маскулинным образом матери на имплицитном уровне гендерного сознания (Приложение 9). На имплицитном уровне самосознание у этой группы девочек не имело гендерной дифференциации: образ Я идентифицировался как с женскими, так и с мужскими образами. Маскулинный образ из рекламы для этих девочек, близкий «Образу Я», также усилил маскулинность образа «Я в будущем».

У девочек, выбравших рекламный ролик «Коркунов» (рис. 12), на когнитивном уровне произошло усиление самоидентификации с женскими образами. В связи с этим интересно отметить, что для оценивания девочки выбрали мужской образ рекламного ролика, как понравившийся, и идентифицированный с образом «Идеал мужчины».

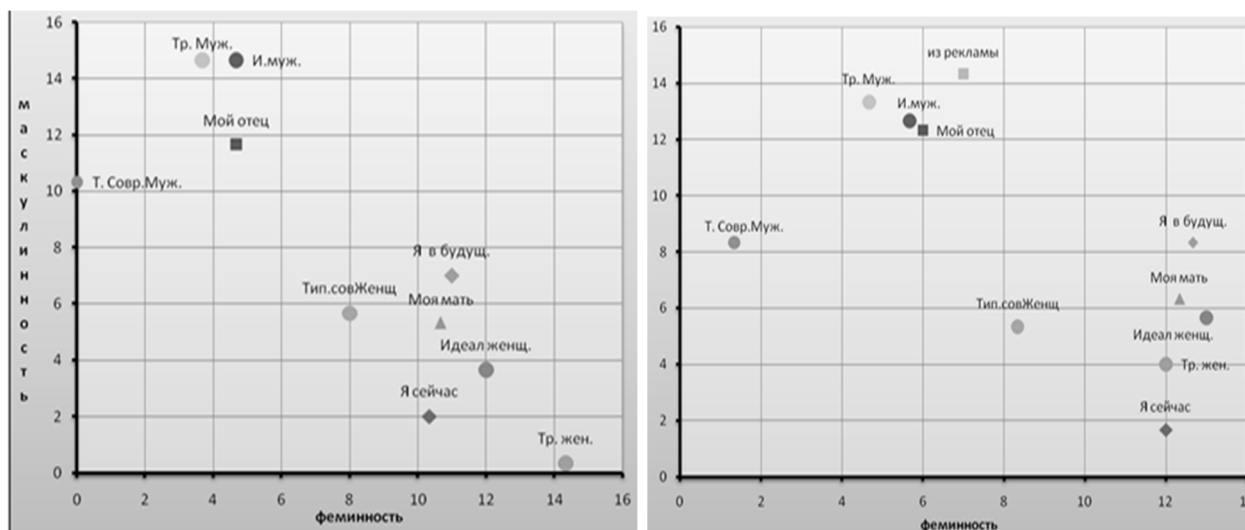
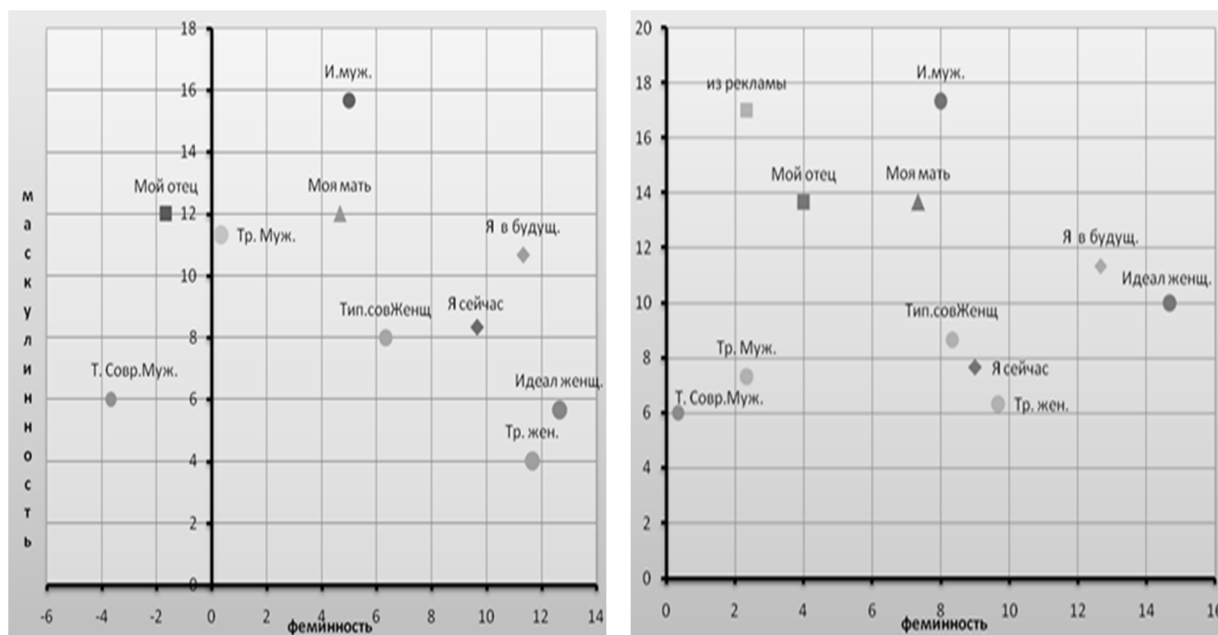

Рис. 12. Позиции семантической близости образов в пространстве категорий феминность / маскулинность до и после просмотра рекламы в самосознании девочек, выбравших рекламный видеоролик «Коркунов»

На имплицитном уровне произошли более сильные изменения (Приложение 9). После просмотра рекламы и выбора сюжета «Коркунов» усилилась идентификация образа Я с образами «Моя мать», «Идеал женщины», «Мой отец», «Идеал мужчины», «Я в будущем». Образ «Я в будущем» идентифицировался с образом рекламы. Усилилась идентификация с «Идеалом женщины» (показатель близости составлял 0,38, стал 0,71). Наиболее сильное изменение идентификации произошло с образом «Идеал мужчины»: показатель близости стал 0,52, хотя ранее было противопоставление (-0,74). Образ из рекламы (образ взрослого мужчины) на эмоциональном уровне воспринимался как идеал, сопоставление с которым усиливало оценивание себя, как женщины, и в целом, более высокую оценку феминных качеств личности у всех женских образов.

У девочек, выбравших рекламный ролик «Альпен гольд – танго» (андрогинные образы, эгалитарный тип отношений), на когнитивном уровне сознание было гендерно дифференцировано (рис. 13), однако образ матери андрогинен (близок к образам идеала мужчины и традиционного мужчины). Образ Я отождествлялся с женскими образами, противопоставлялся мужским

образам или был далек от них.

Рис. 13. Позиции семантической близости образов в пространстве категорий феминность / маскулинность до и после просмотра рекламы в самосознании девочек, выбравших рекламный видеоролик «Альпен гольд – танго»

После просмотра и выбора рекламы гендерная дифференциация сознания ослабла. Фиксация внимания на образе из рекламы повлияло на восприятие мужских образов, сделав их менее гендерно типизированными. На имплицитном уровне сознание этих девушек было четко гендерно типизировано: женские образы отождествлялись между собой, мужские образы им противопоставлялись. После просмотра и выбора рекламы гендерная дифференциация сознания значительно усилилась.

Мальчики, выбравшие рекламу «Сникерс» (маскулинные мужской и женский образы), имели на когнитивном уровне гендерно-дифференцированное сознание (рис. 14). После просмотра и выбора рекламы

гендерная дифференциация самосознания еще больше усилилась. «Образ из рекламы» отождествлялся с образами «Традиционный мужчина», «Мой отец», «Идеал мужчины», «Типичный современный мужчина» и «Я в будущем». Образ «Моя мать» был противопоставлен образу из рекламы, как и все женские образы. Фиксация внимания на маскулинном образе из рекламы через выбор и последующее оценивание способствовало семантическому объединению мужских образов, но при этом, ослаблению гендерной дифференциации самосознания на когнитивном уровне, поскольку оценка всех образов сместилась в сторону андрогинной семантики.

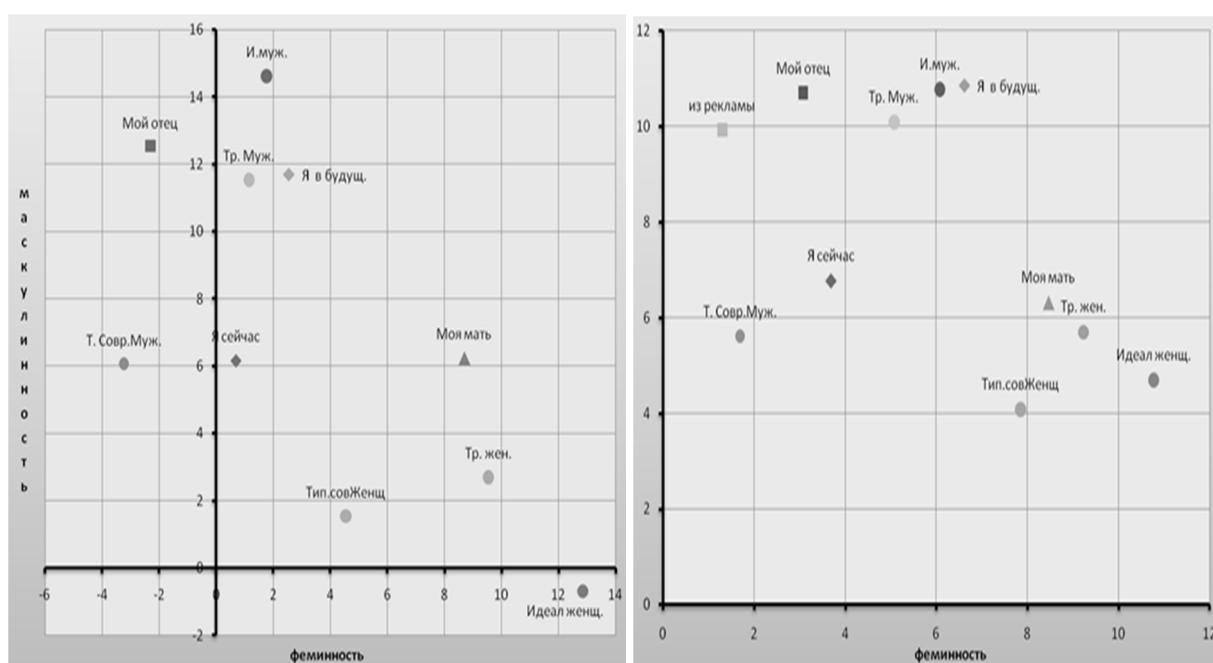

Рис. 14. Позиции семантической близости образов в пространстве категорий феминность / маскулинность до и после просмотра рекламы в самосознании мальчиков, выбравших рекламный видеоролик «Сникерс»

На имплицитном уровне у этих мальчиков сознание было гендерно не дифференцировано. На этом уровне самоидентификация происходила с родительскими образами. Образ Я также идентифицировался с образом «Я в будущем» и был семантически близок с образом «Типичная современная женщина» (0,78), с образами «Мой отец» и «Моя мать», «Идеал мужчины» и «Идеал женщины». Идентификация с образом «Мой отец» (0,59) была слабее, чем с образом «Традиционный мужчина» (0,78). После просмотра и выбора рекламы гендерная дифференциация самосознания усилилась. Например,

образ «Типичная современная женщина» стал отождествляться с образом «Традиционная женщина» (показатель близости был 0,09, стал 0,77) и семантически отделился от образа «Традиционный мужчина» (показатель близости был 0,58, стал - 0,09).

Также был проведен анализ единичных случаев выборов рекламы.

Девочка, выбравшая маскулинный женский образ из рекламы «Альпен гольд – темный шоколад», имела андрогинный гендерный тип личности с более высокой оценкой своих феминных черт, нежели маскулинных (рис. 15).

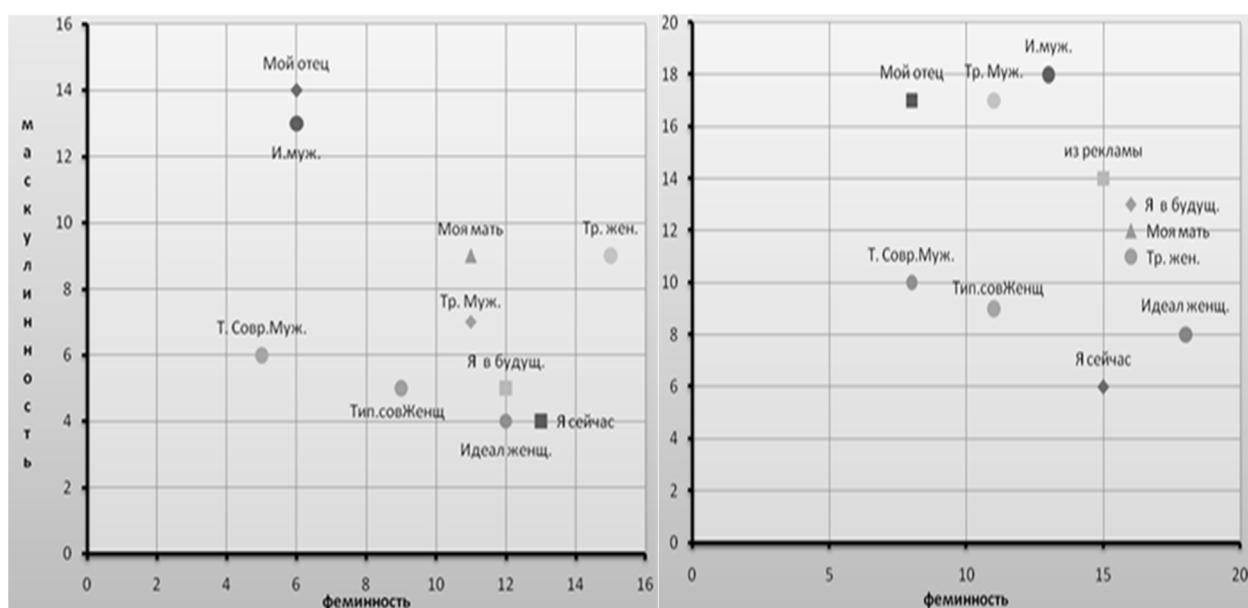

Рис 15. Позиции семантической близости образов в пространстве категорий феминность / маскулинность до и после просмотра рекламы в самосознании девочки, выбравшей рекламный видеоролик «Альпен гольд –темный шоколад»

После восприятия рекламы и фиксации внимания на маскулинном образе женского персонажа, восприятие остальных образов, предложенных для оценивания (и мужских, и женских), стало наделяться более маскулинными чертами. Оценка маскулинных качеств образа «Я сейчас» также выросла. Кроме того, образ рекламы выступил объектом самоидентификации, так как к нему наиболее близок образ «Я в будущем».

Мальчик, выбравший рекламу «Альпен гольд – танго» (андрогинные образы), также изначально характеризовался отсутствием гендерной дифференциации в оценивании мужских и женских образов (рис. 16).

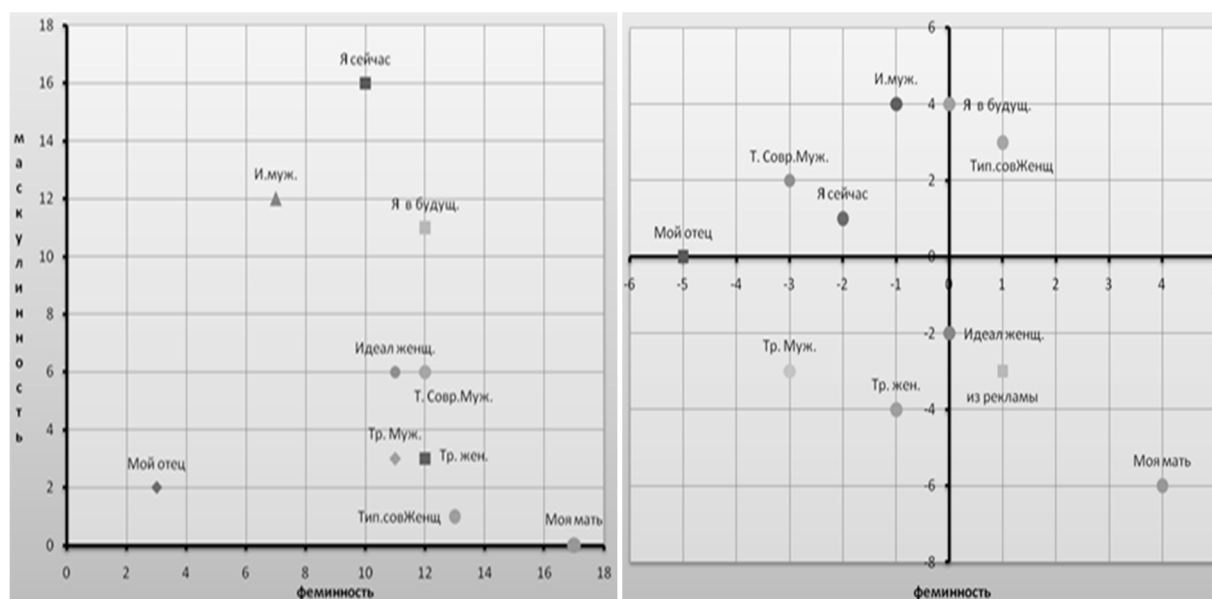

Рис. 16. Позиции семантической близости образов в пространстве категорий феминность / маскулинность до и после просмотра рекламы в самосознании мальчика, выбравшего рекламный видеоролик «Альпен гольд – танго»

Образ Я, независимо от других образов, оценивался довольно высоко по большинству качеств, был андрогинного типа. После просмотра рекламы и выбора образа из рекламы «Альпен гольд – танго» (это был женский образ), в самосознании усилилась гендерная дифференциация. Образ из рекламы, который отождествлялся с идеалом женщины и матерью, задал пространство феминности. Образ себя трансформировался и вместе с мужскими образами составил пространство маскулинности. Образы традиционного мужчины и женщины перешли в пространство гендерно-недифференцированных образов.

На эмоциональном уровне образ «Я в будущем» после просмотра и выбора рекламы стал больше отождествляться с образом «Моя мать», несколько усилилась гендерная дифференциация сознания, хотя оно по-прежнему осталось андрогинного типа.

Мальчик, выбравший рекламу «Милка», характеризовался феминностью как по самооценке, так и в семантической категоризации – близостью образа Я к предложенным для оценивания женским образам (рис. 17). После просмотра и выбора рекламы и образа из нее (был выбран женский образ) самооценка стала более маскулинной (ближе к мужским образам), восприятие других образов стало более гендерно дифференцированным. «Образ из рекламы» отождествился с образом «Идеал женщины», что в свою очередь, несколько усилило маскулинность образа Я и «Я в будущем» в самосознании.

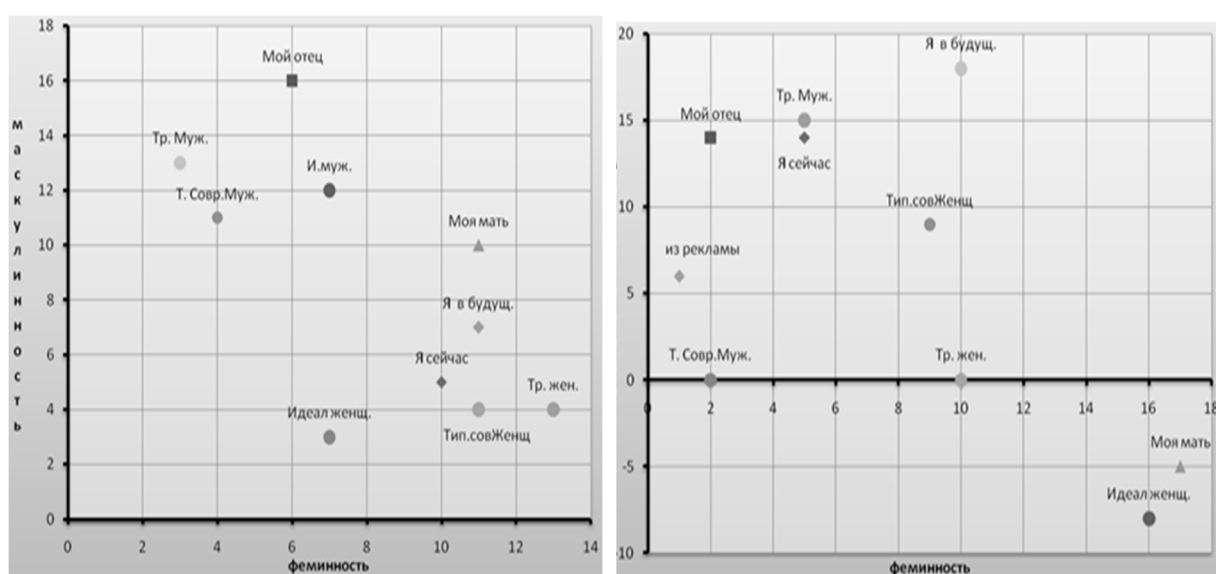

Рис. 17. Позиции семантической близости образов в пространстве категорий феминность / маскулинность до и после просмотра рекламы в самосознании мальчика, выбравшего рекламный видеоролик «Милка»

В экспериментальной ситуации прямого воздействия гендерных образов рекламы практически во всех случаях выявлена различная динамика репрезентации содержания гендерных семантических категорий на разных уровнях самосознания. На когнитивном уровне у девочек характеризовались усилением идентификации с образами своего пола, а у мальчиков – усилением гендерной дифференциации сознания. На имплицитном уровне динамика самосознания проявлялась в усилении гендерной дифференциации и в самоидентификации с гендерными идеалами и родительскими образами.

Несмотря на различные варианты гендерных характеристик воспринимаемых рекламных изображений, где были представлены маскулинные женские образы, андрогинные и феминные мужские образы, их воздействие на гендерное самосознание состояло в основном в гендерной дифференциации и усилении идентификации с образами своего пола. Эти данные согласуются с выводами (Sestir, Green 2010) о том, что в условиях высокой идентификации с персонажем фильма в Я-концепции участников временно усиливалась активация черт, демонстрируемых этим персонажем. Кроме того, обнаружено, что изменения в самосознании не обязательно происходят через идентификацию Я с медиа образом. Образ рекламы может играть роль «пускового механизма» для процессов идентификации с другими образами, присутствующими в самосознании, а также направлять структурно и содержательно процессы самосознания по механизму комплиментарности.

Вероятно, на полученные результаты повлияла направленная и специально организованная рефлексия, поскольку подростки оценивали заданные гендерные образы и концентрировали свое внимание на анализе и выборе определенного образа рекламы. В исследовании (Richter et al., 2014) был выявлен аналогичный эффект: чтение истории с ориентированной на материнство главной героиней повышало женственность только среди читателей, которые были более глубоко погружены в содержание истории, а не имели сходной социальной ситуации.

Можно заключить, что восприятие гендерных образов рекламы связано с изменениями семантических конфигураций образа Я в самосознании, как на когнитивном, так и на имплицитном уровнях. Общие тенденции в динамике гендерной самокатегоризации очевидны в избирательном внимании к образам рекламы: маскулинные подростки предпочитали маскулинные образы рекламы, феминные подростки выбирали образы рекламы с феминными чертами, подростки с андрогинным типом личности – андрогинные образы и эгалитарный тип взаимодействия персонажей.

Полученные данные не могут быть интерпретированы с позиций статистически значимой закономерности, однако проведенное исследование

показало возможности психосемантической технологии диагностики процессуальных проявлений самосознания в субъект-средовых взаимодействиях. Процессы отождествления Я с гендерными образами рекламы происходят преимущественно с учетом уже сформированных тенденций самокатегоризации. Индивидуальные различия процессов отождествления Я в самосознании при воздействии рекламы связаны со степенью гендерной дифференциации самосознания; самоидентификацией с определенными образами; собственной гендерной идентификацией; семантикой образов, транслируемых рекламой. Проведенный психосемантический эксперимент продемонстрировал, как единство процессов интериоризации/экстериоризации и анизотропного формопорождения представлено в динамических изменениях отношений образа Я с образами «Я в будущем», «Возможного Я» и «Других» (интрасубъектная среда личности) в условиях взаимодействия с медиа образами (интерсубъектная среда личности) что, в целом, подтверждает положение о процессуальной сущности самосознания.

3.5. Семантика образа «успешной личности» в становлении субъекта самосознания

Семантика успешности, отношение к своему успеху и образу успешной личности, как образу «Возможного Я» в самосознании, важны для понимания самосознания личности, как процесса субъект-средовых взаимодействий. Образ успешного человека в индивидуальном сознании, как некая «модель должного», оказывает регулирующее и направляющее действие в построении жизненных стратегий, в профессиональном и личностном самоопределении, в выборе стиля и образа жизни (Абульханова-Славская, 1991). Субъективный образ «успешной личности», в соответствии с позициями А. А. Налчаджяна, представляет собой устойчивую подструктуру образа «идеального Я»,

включающую когнитивный компонент (осознаваемые и декларируемые представления о типичных особенностях успешного человека), и эмоционально-оценочный компонент (отношение к образу успешной личности, не всегда осознанные ассоциации с ним, как позитивного, так и, возможно, негативного характера) (Налчаджян, 2010).

При этом прослеживается ряд противоречий в различных аспектах анализа образа «успешной личности» в самосознании: между представлениями о большой ценности феномена личной успешности в общественном и индивидуальном сознании и имеющимися данными о возможности его негативного восприятия; между высокой степенью стереотипности образа успешности и его вариативностью в связи с культуральными, гендерными, возрастными факторами; между общепринятым представлением о внутренне конфликтном характере феномена «успешности» в аспекте женской самореализации и необходимости эмпирического выявления взаимосвязи особенностей субъективного образа «успешной личности» женщин с показателями их социальной и психической адаптированности. Это определяет актуальность исследования процессов становления субъектности в построении образа «успешной личности» как образа «возможного Я», определяющего процессы саморазвития и самооценки.

Разное отношение к ценности достижения успеха, пониманию успешности, лежит также в основе деления по Г. Хофстеде (Hofstede, 1993) культур на «фемининные» и «маскулинные», в зависимости от содержания мотивации к успеху, представлений об успешной личности, гендерных различиях в нормативных представлениях об успехе в жизни. Однако в современных условиях взаимопроникновения и смешения ценностных оснований разных культур, семантика успешности на уровне социальных представлений проявляет внутренние противоречия. В частности, психосемантические исследования показали, что восприятие образа успешного человека в российском менталитете характеризуется внутренней

противоречивостью: образ успешного человека воспринимается как достойный уважения, но при этом не вызывающий симпатию. Указывается на семантическое расхождение понятий «успешности» и «счастья», «удачи», по фактору активности личности в социальной адаптации, а также на этимологическую неравнозначность этих понятий, отражающуюся в самосознании российского человека (Шмелев, 1994).

Отношение к успешности несет также гендерно дифференцированную семантическую нагрузку. В общественном сознании «успешность» части либо ассоциирована с мужской позицией в обществе, либо содержание успешности различается для мужчин и женщин: профессиональная самореализация ассоциируется с мужским характером успешности (Willemsen, 2002), а семейная самореализация – с женским характером успешности. Семантические различия представлений об успехе «мужском» и «женском», проявляются, кроме того, в потенциально более выраженных противоречиях «женской успешности» (Алешина, 1989; Арутюнян, 1997; Гаврилица, 1998; Турецкая, 1998), которые связываются с тем, что понятие «успешности», относится к маскулинной семантике, отождествляется с мужским типом самореализации и с уходом от женственности. В частности, это проявляется в специфических внутриличностных гендерных конфликтах женщин, стремящихся к достижению социального (профессионального) успеха.

М. Хорнер, развивая идеи Дж. Аткинсона в исследовании различий у мужчин и женщин мотивации достижения, выделила и описала «страх (или избегание) успеха», как специфический феномен мотивационной сферы у деловых женщин (Турецкая, 1998), который может тормозить реальные результаты деятельности, блокировать активность и мотивацию достижения. Кроме того, страх успеха приводит к чувствам тревоги, вины, нереализованности, снижению самооценки в самосознании. Наиболее ярко, по мнению М. Хорнер, страх успеха проявляется у способных женщин, ориентированных на высокие достижения в ситуациях, где достижения женщин сравниваются с достижениями значимых мужчин или устойчивым

стереотипом мужского образа успешности в данной сфере деятельности. Причину страха успеха М. Хорнер видела в конфликте между усвоенными женщиной патриархальными представлениями о женском предназначении, приоритете семейных, интимных межличностных отношений, одной стороны, и значимости эгалитарных установок на самореализацию, независимость и карьерную успешность в современном обществе, с другой. Два варианта установок субъективно несовместимы: успешность в одной сфере негативно сказывается на другой. В связи с этим в качестве причины феномена «страх успеха» М. Хорнер указывала «страх потери женственности». Однако позднее было показано, что мужчины и женщины в равной степени подвержены мотивации «страх успеха».

Исследователи также обращают внимание на роль возраста и семейного статуса в семантике восприятия «женской успешности». В частности, со статусом замужней женщины связывается семейная карьера, а профессиональная - со статусом незамужней (Арутюнян, 1997). В то же время, гендерные исследования различных аспектов мужской и женской самореализации отражают быстрые темпы трансформации современных общественных представлений, в том числе, о критериях и образах «мужской» и «женской» успешности (Бернс, 1986; Верма, 1993; Клецина, 1998; Кон, 1984). Таким образом, семантика личной успешности, как содержания образа «Возможного Я», может по-разному преломляться в зависимости от гендерных и других социокультурных аспектов ее восприятия в индивидуальном сознании, выступая одним из примеров анизотропности интер- и интрасубъектной среды личности.

Организация и методы исследования. Исследование содержания разноуровневых гендерных характеристик образа успешной личности в самосознании мужчин и женщин в соотношении с удовлетворенностью жизнью и ощущением счастья проводилось на выборке 113 человек: 72 женщин и 41 мужчина в возрасте от 18 до 30 лет, разных национальностей, разных профессий и сфер деятельности, занимающие как руководящие, так и

не руководящие должности, а также различающиеся по семейному положению (состоящие и не состоящие в браке). По методу множественных идентификаций респонденты оценивали образы Я и «успешная личность». В качестве дескрипторов для оценивания образов использовались параметры опросников «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности» (российский аналог «Bem Sex Role Inventory») (Лопухова, 2013); «Шкала полоролевой идеологии Калина» (Kalin, Tilby, 1978) в адаптации М. О. Мдивани (1999); «Жизненные приоритеты» (Приложение 2).

Результаты и обсуждение. Средние показатели ощущения счастья и удовлетворенности жизнью находятся на сходном уровне на мужской и женской выборках. Как и в предыдущих исследованиях с измерением гендерных характеристик личности, выявлено, что наиболее частым, независимо от пола, является андрогинный тип личности (46,3 % в мужской и 73,6 % в женской выборке). На втором месте по частоте на мужской подвыборке был маскулинный тип (36,6 %), а на женской подвыборке – феминный (23,6 %). Традиционные взгляды более характерны для женской части выборки (29,2 %), чем для мужской (19,5 %). Жизненные цели и ценности феминного плана у большей части выборки (61 % среди мужчин и 69,4 % среди женщин), когда на первом месте ценности семейного благополучия, а цели профессиональной карьеры менее важны. В то же время, у многих респондентов (36,6 % у мужчин и 30,6 % у женщин) цели, связанные с семейным благополучием и профессиональной карьерой значимы в равной степени.

При описании «образа успешной личности» по тем же параметрам оценивания, что и себя, респонденты, как правило, успешную личность наделяют более выраженными маскулинными качествами и эгалитарными установками. Это свидетельствует о маскулинной семантике образа успешной личности, которая часто не соотносится феминной семантикой образа Я, особенно у женщин.

В психосемантическом анализе установлены разные типы взаимодействия образа Я с образом успешной личности как образом «Возможного Я». Маскулинный образ успешной личности, с которым девушка или женщина не могут соотнести образ Я, может быть исключен из системы идеальных образов Я-концепции. Девушка при этом не воспринимает «успешность» как свой ценностно-смысловой жизненный ориентир, заменяя его на другой образ, например, «счастливой женщины», противопоставленный маскулинной семантике успешности в ее понимании.

У одной трети девушек из выборки семантика субъективного образа успешной личности трансформирована так, что этот образ перестает быть «чуждым», не соответствующим образу себя: он включен в «женское» семантическое пространство, наделен феминными чертами и непротиворечиво соотносится с образом Я. Реализация субъект-средовых взаимодействий в этих случаях представлена в индивидуальной трансформации гендерных особенностей образа успешной личности, как образа возможного Я.

В отдельном исследовании выявлялось содержание образа «успешной личности» в самосознании и взаимосвязь разных типов образа успешности в гендерном контексте с проявлениями психической адаптированности у вынужденно безработных женщин разных поколений (Лопухова, Беглова, 2011б). В основе исследования лежало предположение, что стереотипные составляющие образа успешной личности, усвоенные напрямую, как образы возможного Я, могут выступать, по сути, интроектами, приводящими личность к социальной неадаптированности и дисгармоничным психическим состояниям, в то время как проявления психической адаптированности связаны с субъектно трансформированным, индивидуализированным образом успешной личности, соответствующим образу Я. Предполагалось, что представление об успешности имеет разноуровневые гендерные характеристики и их содержание может определять субъективное благополучие личности в зависимости от идентификации образа Я с образом

успешной личности, что определяется следующими аспектами:

- 1) представлением о соответствии гендерных качеств образа «успешной личности» собственным характеристикам;
- 2) отсутствием в представлениях об успешной личности противоречивых соотношений гендерных характеристик разного уровня;
- 3) соответствием представлений об успешности на уровне жизненных целей и ценностей фемининному типу российской культуры.

Организация и методы исследования. Диагностика когнитивного и эмоционально-оценочного компонентов образа «успешной личности» проводилось с применением субъективных и проективных методов: описание успешной личности через перечень ценностных характеристик и анализа результатов выполнения авторской методики «Рисунок успешного мужчины и успешной женщины» (Лопухова, Беглова, 2012). Уровень психической адаптированности определялся как соотношение показателей выраженности внутриличностного ценностно-мотивационного конфликта по методике Е. Б. Фанталовой (Фанталова, 1996), с проявлениями тревожности, фрустрации, агрессивности, ригидности, нейротизма, определяемых по опроснику Г. Ю. Айзенка (Айзенк, 1999). Данные обрабатывались с помощью параметрических и непараметрических статистических методов, в том числе, двухфакторного дисперсионного анализа.

При анализе данных сопоставлялись результаты диагностики 265 женщин, относящиеся к молодому, зрелому и пожилому возрасту и находящиеся в разных ситуациях социальной адаптированности: вынужденно безработных, работающих, а также не работающих, но получающих профессиональное образование.

Результаты исследования показали, что уровень психической адаптированности женщин в большей степени зависит не от социального статуса (проявляющегося, в частности в положении вынужденной нетрудоустроенности), а от того, какое гендерное содержание имеет субъективный образ успешной личности, насколько он будет интегрирован с индивидуальными особенностями Я-концепции, как образ «Возможного Я».

Содержание субъективного образа успешной личности может иметь разную степень гендерной дифференцированности, как в когнитивном (выявляемом через субъективные методы – вербальное описание), так и в эмоционально-оценочном компоненте (выявляемом в проективной диагностике). Сочетание различных представлений о «мужской» и «женской» успешности и отношения к этим образам, позволили выделить три основных типа субъективной семантики образа «успешной личности», как образа «Возможного Я» у женщин:

- 1) отсутствие гендерной дифференциации при положительном, в целом, отношении к образу «успешной личности»;
- 2) наличие гендерной дифференциации при положительном отношении и к «мужской», и к «женской» успешности;
- 3) наличие гендерной дифференциации при положительном отношении к «мужской» успешности и отрицательном отношении к «женской» успешности.

Установлено, что женщины, характеризующиеся по результатам диагностики, как «психически адаптированные», проявляют высокую степень индивидуальной вариативности в субъективном образе успешной личности, не придерживаясь при этом стереотипного разделения успешности на «мужскую» и «женскую», и имеют во всех вариантах эмоционально-позитивное, принимающее отношение к образу «Успешной женщины».

Низкий уровень психической адаптированности, независимо от сложности социальной ситуации, был характерен для женщин с выраженным гендерно-дифференцированным стереотипным содержанием образа «успешной личности» в самосознании, с избирательно негативным отношением к женскому образу успешности (как образу «Возможного Я»), проекцией на него состояний агрессивности, тревожности или депрессивности, и при этом, позитивном восприятии в самосознании образа «успешного мужчины».

Выявлено, что уровни субъектности Я, относящиеся к репродуктивным типам субъект-средовых взаимодействий с интересубъектной средой личности,

проявляются в зависимости образа «Возможного Я» от социокультурных стереотипов, создавая риск несовместимости его с другими составляющими Я-концепции, реальным образом Я, проявляясь в психически неадаптивных состояниях. Реализация субъектности Я на уровне «творец личной модели самореализации», которая проявляясь в индивидуальной трансформации гендерных особенностей образа успешной личности, как «Возможного Я», позволяет женщине сохранять состояние психической адаптированности в сложной жизненной ситуации (в данном случае – вынужденной длительной нетрудоустроенности) (Лопухова, Беглова, 2011).

Таким образом, можно утверждать, что благодаря диалектической взаимосвязи и единству процессов интериоризации/экстериоризации развитие гендерных образований личности при взаимодействии с гендерными стереотипами и нормами обнаруживает высокую степень индивидуального своеобразия, выполняя адаптационные функции и несет общественному сознанию мощный трансформирующий потенциал. В то же время, уровни субъектности Я, соответствующие реализации интер- и интрасубъектных взаимодействий продуктивного типа, соотносятся с психически более адаптивными состояниями личности даже в трудных жизненных ситуациях.

3.6. Взаимодействия «Я - возможное Я» в процессе профессионального самоопределения

Самоопределение обычно рассматривается как активный поиск и конструирование своего места в системе общественных отношений, в результате чего человек должен наметить свой жизненный путь, сформировать свои убеждения, найти свое призвание. Выбор профессии представляет собой процесс самоопределения человека в социуме не только с точки зрения рефлексии своих способностей, возможностей и смыслов, но и с точки зрения развития своего потенциала, образа себя и своей жизни (Коржова, Дворецкая, 2005; Коржова, 2010). В. А. Толочек в анализе ресурсов

профессионального становления субъекта обращает внимание на индивидуальную вариативность на разных этапах жизненного пути профессионала, как условий социальной среды (интерсубъектной) (Толочек, 2023), так и содержания интрасубъектной среды (Толочек, 2024). Профессиональное и личностное самоопределение в контексте взаимодействий «субъект самосознания – интер-/интрасубъектная среда», учитывает многомерность этого процесса, проявляющегося в том, что на разных уровнях и в разных аспектах (сферах) взаимодействия со средой в самосознании может быть одновременно представлена как субъектная, так и объектная позиция (Щукина, 2014).

Согласно Л. И. Божович, характерной особенностью профессионального самоопределения является то, что оно осуществляется одновременно в двух направлениях: с одной стороны, как непосредственный выбор будущей профессии и планирование своей будущей жизни, а с другой – как неконкретный поиск смысла существования, то есть, как ценностное самоопределение. М. Р. Гинзбург отмечает, что такая характеристика самоопределения является фундаментальной и напрямую связана с двухаспектным характером конструирования жизненного поля. М. Р. Гинзбург рассматривает личностное самоопределение в виде «содержательного конструирования», как «...процесс определения человеком своего уникального жизненного пути, поиск своего места в социуме, а также путей внедрения себя в жизнь социального целого» (Гинзбург, 1994). Кроме того, в профессиональной карьере, как процессе проектирования жизни, исследователи выделяют контекстуальные возможности, динамические процессы, нелинейное развитие, множественность перспектив и личностные особенности (Карабанова и др., 2020; Коржова, 2006; 2010).

Высокая вариативность профессионального развития находит отражение в многообразии типов профессиональных карьер и придает ключевое значение умению личности осознанно проектировать жизнь с учетом своего ресурсного потенциала. Процесс самоопределения можно рассматривать не только как выбор, а как конструирование картины мира и

поиска своего места в нем. Интериоризация ценностей, выработанных социумом и их осмысление – активный процесс, во многом определяющий успешность самоопределения и включенность людей в жизнь социума. Благоприятный процесс самоопределения обусловлен гибкостью, возможностью опробования различных социальных ролей, включенностью в различные социальные общности. Сложный нелинейный характер жизненного пути может быть описан как примеривание на себя различных идентичностей (Дидковская, 2013; Поваренков, 2002).

Профессиональное самоопределение является не только процессом нахождения личностного смысла в деятельности, но и процессом формирования отношения к себе как к субъекту будущей (или текущей) профессиональной деятельности. Согласно Н. С. Пряжникову, профессионально-личностное самоопределение субъекта жизненного пути подразумевает «...постоянное стремление человека ко все большей своей осознанной спонтанности в выборе и реализации той или иной трудовой деятельности через психологическое освоение окружающего, уменьшающее его зависимость от этого мира и расширяющее возможности взаимопользовного (полноценного) взаимодействия с миром» (Пряжников, 1997, с. 109). Показано, что в осуществлении выбора направления профессионализации субъект ориентируется на соотношение характеристик своей личности и профессии, выстраивая понимание смыслов и приоритетов профессионально-личностного самоопределения. Успешное самоопределение можно охарактеризовать наличием обширного спектра личностно значимых позитивных ценностей («ценностная насыщенность»), а неуспешное – узким спектром, либо их отсутствием («ценностная пустота»): субъективно благоприятное самоопределение проявляется в переживании осмысленности собственной жизни, а неуспешное – в переживании ее бессмысленности. В. М. Голянич с соавторами предложили новые критерии количественной оценки ценностных противоречий на уровне нормативных идеалов и индивидуальных приоритетов – «ценностные оппозиции» и «показатель ценностно-интенциональной согласованности», которые позволяют прогнозировать

успешность формирования профессиональных компетентностей и эффективность адаптации человека к неблагоприятным социально-психологическим условиям (Голянич и др., 2018).

Важнейшим показателем, характеризующим смысловое будущее, является его «определенность» (определенное/неопределенное). Определенное смысловое будущее характеризуется определенностью и устойчивостью профессионального выбора, наличием собственно профессиональных требований к профессии. Неопределенное смысловое будущее характеризуется неопределенностью и неустойчивостью профессионального выбора, наличием внепрофессиональных требований к профессии. Таким образом, профессиональное развитие не может быть отделено от личностного, поскольку в основе и того и другого лежит принцип саморазвития, проявляющийся в творческой самореализации, как способности личности трансформировать собственную жизнедеятельность (Гинзбург, 1994; Барышева, 2013).

Жизненное и профессиональное самоопределение – целостное интегративное образование, которое зависит от ведущего уровня самоопределения, смыслового наполнения эталона жизнедеятельности, ценностных ориентаций личности и других факторов (Дворецкая, 2006). Выбор профессии, качество профессиональной деятельности и стремление к личностно-профессиональному развитию определяется совокупностью представлений человека об идеальной жизни, к которой он стремится. Интеграция личного и профессионального идеала определяет выбор человеком средств карьерного роста, распределение времени на семью, работу и отдых (Дворецкая, 2016). Многообразие возможностей выбора в профессиональном становлении может не только положительно сказываться на индивидуальной траектории саморазвития, но и выступать условием формирования внутриличностных конфликтов. Необходимость принимать решение, определяющее качество всей жизни, создает условие высокого риска внутриличностных конфликтов в процессе профессионального

самоопределения. Поскольку самоопределение субъекта жизненного пути происходит в конкретной социально-культурной ситуации, неотъемлемой составляющей которой выступает многоуровневая система организации представлений о способах и нормах «мужского» и «женского» бытия, профессионально-личностное самоопределение предполагает взаимную обусловленность в самосознании субъекта образов Я-концепции, заданных семантикой гендерной и возможностями профессиональной самореализации в конкретном обществе (Ожигова, 2000; Разумникова, 2004; Раковская, 1998;).

Несмотря на тенденцию нивелирования полоролевых различий в возможностях профессионального выбора при планировании жизненного пути, тем не менее содержание внутренних конфликтов и способы их преодоления различаются при реализации профессионально-личностного самоопределения мужчин и женщин. Преломляясь, так или иначе, в субъективном сознании, гендерно дифференцированные представления о мире и о себе не могут не влиять на процесс поиска вариантов профессионально-личностного самоопределения и смыслов осуществления себя в обществе. Отнесенность человека к одной из категорий гендерной системы отражается на характере ценно-смысловых оснований при выборе профессии и планировании своей карьеры, оценке успешности своей жизни.

Ситуация, когда одна из категорий самосознания несовместима с образом «профессионального Я», понимается в качестве внутриличностных конфликтов профессионального самоопределения (Кулагина, 2009, Sadovnikova, 2016; Shulga, Kolomiets, 2017; Gerasimova & Gerasymova, 2016), что выражается в неудовлетворении своим выбором профессии, нежеланием продолжать профессиональное обучение, исключению целей профессиональной карьеры из стратегии своей жизни, чувством своей не успешности. Это, по сути, плохо осознаваемое смешение противоречивых социальных норм, интериоризованных в самосознании, вызывающих конфликт идентичности и, как следствие, эмоциональные и поведенческие проблемы (Hirsh, Kang, 2015). Современные гендерные трансформации также

выступают источником внутриличностных конфликтов (Lopukhova, 2013), что может влиять на неопределенность и неустойчивость профессионального самоопределения. Принадлежность к одной из категорий гендерной системы может очень сильно отражаться на характере ценно-смысловых оснований человека при выборе профессии и планировании своей карьеры, жизненного пути, оценке успешности своей жизни. Внутренние противоречия образов «Я», «другое Я», «возможное Я» в самосознании, вызванные современными тенденциями смещения гендерных образов в семантике профессионального самоопределения могут приводить к неустойчивому характеру профессионального самоопределения, неопределенности в выборе профессии, неудовлетворенностью профессиональным выбором.

Обозначенные проблемы и внутренние противоречия самоопределения субъекта жизненного пути имеют разные трактовки в объяснении их механизмов и последствий. Так, согласно теории самодетерминации, самоопределение личности по своей сути предполагает свободу выбора, и несмотря на ограничения внешней среды, связано с внутренней мотивацией (Deci, Ryan, 2008). В этом понимании профессиональное самоопределение не должно зависеть от гендерных норм, создавая также условия размывания гендерных границ социальных ролей, что приводит к большей свободе и широте определения вариантов жизненного пути субъекта. Однако актуальные эмпирические данные указывают на то, что часто выбор профессии и развитие личности в рамках профессиональных норм сталкивается со стереотипами и предубеждениями о «мужских» и «женских» профессиях, и с тем, что мужская жизненная стратегия связана с первой очередь с профессиональным развитием, а женская – с семейной сферой. Гендерные установки при этом часто «работают» имплицитно, способствуя внутренне конфликтному состоянию самосознания. Например, выявлено, что студенты, несмотря на эгалитарное (не связанное с гендерными стереотипами) восприятие профессий, демонстрируют тенденцию внутренне противоречивых установок: несоответствие гендерной самоидентификации

студента и его гендерного восприятия профессиональных требований может привести к снижению успеваемости и увеличению желания прекратить учебу (Olsen et al., 2023).

Когнитивный подход С. Бем к развитию сознания личности в условиях гендерных норм обращает внимание на то, что в одних и тех же условиях среды личность может в разной степени воспринять в своем сознании гендерные семантические категории общественного сознания, выделяя «гендерно-типизированную» личность, которая воспринимает мир и себя на основании интериоризованных гендерных категорий, и «гендерно-не-типизированную», или андрогинную личность, не воспринимающую образы себя и мира на основании гендерных категорий (Bem, 1974). Это позволяет выделить две стратегии в профессиональном самоопределении – условно «объектного» (обусловленного гендерной стереотипизацией) и «субъектного» (независимого от гендерных стереотипов) характера. В рамках этой теории предполагается, что более адаптивным является отсутствие гендерной категоризации сознания, не задающей жестких внешних схем для самоопределения в жизни. Это связано с тем, что изменения, происходящие в современном обществе, требуют от молодых профессионалов проявлять личностные качества, которые можно назвать «социально полезными», и не относящимися к гендерно-ролевым стереотипам. При этом за порогом объяснений остаются то, что, например, в процессе профессионального самоопределения можно наблюдать дихотомию стереотипов в оценке личности мужчины и женщины, и, в то же время, их отсутствие в ожиданиях от личности профессионала.

В частности, выступая субъектом профессионального самоопределения человек может занимать объектную позицию по отношению к интериоризованной системе гендерной дифференциации норм, ролей, образов, ценностей. В этом случае профессиональное самоопределение, как процесс субъект-средового взаимодействия, будет осуществляться по объект-субъектному типу, когда представление о гендерной специфике профессий

определяет пространства профессионального выбора субъекта, осознающего себя через систему гендерных категорий.

Относительная независимость от гендерно-нормативной системы социокультурной среды отражает субъектную позицию в процессе самосознания, когда человек в выборе способов поведения, реагирования, восприятия ориентируется на конкретные условия в связи с возникающими ситуациями, а не на гендерную семантику. Кроме того, профессиональная роль также может быть исключена из смысловых категорий гендерной принадлежности, либо вступать в конфликтные отношения с другими значимыми смысловыми составляющими в самосознании. Это дает различные варианты проявления субъект-субъектных типов взаимодействия самосознания с социокультурной средой в процессе его становления. Примером субъект-совместного типа взаимодействия в системе «Я – профессия» могут быть ситуации, когда человек, определяясь со своим предназначением и склонностями, совершает профессиональный выбор и следует логике профессионально-личностного развития в рамках той модели, которая нормативно закреплена в обществе.

Однако, по мере профессионального развития, требования к личностным качествам часто меняются. На начальных этапах большее значение имеет исполнительность, неконфликтность, зависимость, усердие, уравновешенность, конформность. На этапе профессиональной актуализации важны активность, инициативность, самостоятельность, напористость, независимость, энергичность. Гендерная нетипизированность личности, таким образом, позволяет проявлять более гибкие модели поведения в соответствии с различными задачами профессионального развития, что представляется более адаптивным. Так, показано, что проявление юношами в профессиональном взаимодействии фемининных качеств позволяют легче устанавливать контакты с другими людьми, реальнее оценивать и оптимально задействовать свои возможности и сосредотачиваться на существенных проблемах: «Умение подчиняться и прислушиваться к другим является неотъемлемым условием успешного

профессионального роста юношей на первоначальных стадиях профессионального определения» (Хоч с соавт., 2003, с. 320).

Вариант, когда человек, осознанно следуя своему предназначению, своим интересам, выступает субъектом гендерных трансформаций социокультурной среды, и, преодолевая возможные внутриличностные конфликты, вырабатывает и реализует в своем образе жизни новый для общества вариант профессионально-личностной самореализации, может быть отнесен к субъект-порождающему типу субъект-средового взаимодействия.

Таким образом, можно заключить, что выбор профессии является процессом внутреннего и внешнего полилового взаимодействия в самосознании, в котором самоопределение человека как представителя мужского или женского пола в ракурсе гендерной семантики социокультурной среды играет ключевую роль. Являясь одинаково значимыми, профессиональное и личностное самоопределение молодых мужчин и женщин могут находиться в разных отношениях: взаимовлияния, взаимодействия или взаимного противоречия.

Можно ожидать, что профессиональное самоопределение может быть внутренне конфликтным по причине несоответствия гендерной семантики социокультурных категорий, в частности, ценностей, представлений и образов, лежащих в основе самореализации человека, как мужчины или как женщины, и реализации себя как профессионала. С другой стороны, внутренне конфликтная гендерная идентификация личности, вызванная современными тенденциями смешения гендерных ролей, может приводить к неустойчивому характеру профессионального самоопределения, неопределенности в выборе профессии, неудовлетворенностью профессиональным выбором. Про этом возникает вопрос: выступает ли ситуация расхождения образов «Я – другое (возможное) Я» в самосознании, представленное в частности, в проявлениях неустойчивости профессиональной направленности, условием дисгармонизации, либо является проявлением субъектности и готовности к субъект-порождающим взаимодействиям? В связи с поставленным вопросом

проведено эмпирическое исследование, направленное на выявление вариантов определенности либо неопределенности позиционирования образа Я в гендерных и профессиональных семантических категориях образов «возможного Я» в самосознании.

Организация и методы исследования. В дизайн диагностического инструментария, помимо вопросов о демографических данных респондентов (пол, возраст, учебное заведение и специализация высшего профессионального образования), были включены опросники: «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности» (российский аналог «Bem Sex Role Inventory») (Лопухова, 2013), «Жизненные приоритеты» (Приложение 2). Содержание этих опросников подробно описано в предыдущих параграфах.

Для оценки устойчивости профессиональной направленности студентов применялась авторская методика «Диагностика устойчивости профессиональной направленности личности» (Лопухова, 2003). Содержание и бланк методики представлен в Приложении 3. Оценка устойчивости профессиональной направленности студентов определялась путем моделирования профессионального самоопределения в ситуации, обуславливающей более или менее резкое изменение направления жизненного пути: сначала оценивается, насколько профессия, которую респондент приобретает, позволяет ему реализовать потребности, связанные с основными мотивами профессиональной деятельности. Затем респонденту предлагается задание, моделирующее возможность изменения своего профессионального выбора. После ответа на этот вопрос предлагается произвести повторную оценку того же перечня потребностей, но уже с позиций «вновь выбранной», при моделировании ситуации изменения жизненного пути, и возможно, совсем другой профессии. По результатам двукратного оценивания одного и того же списка суждений, получаются две структуры оценок: для приобретаемой и для желаемой профессий. Различия в структурах этих оценок для каждой потребности и позволяет оценить устойчивость внутреннего содержания иерархической структуры мотивов профессиональной деятельности. Таким

образом, можно оценить устойчивость профессиональной направленности личности по двум независимым параметрам: устойчивость направленности на объект профессионализации (вид профессиональной деятельности) и устойчивость внутреннего содержания – структуры мотивов профессиональной деятельности. При сопоставлении оцененных потребностей для приобретаемой и «вновь выбираемой» профессий можно оценить степень фрустрированности определенных потребностей, и, соответственно, выраженность внутренне конфликтного отношения к своему профессиональному становлению.

Содержание самосознания, связанное с чувством субъективного благополучия, диагностировалось при помощи психосемантического метода множественных идентификаций (Петренко, 1997). В данном исследовании для оценки были предложены образы «Я», «Счастливый мужчина», «Счастливая женщина», и «Успешный человек». За основу этих образов предлагалось взять идеальный образ или образ реального человека, воплощающего в себе максимально выраженные, с точки зрения испытуемых, ассоциации с этими образами. Для каждой из ролевых позиций предлагалось оценить по пятибалльной шкале качества, перечисленные в стимульном материале методик «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности» и опросник «Жизненных приоритетов» (Приложения 1 и 2). Степень субъективного благополучия определялась через показатели близости образа Я заданным образам благополучия и успешности на выборке 146 студентов мужского и женского пола, обучающихся по разным специальностям.

Результаты и обсуждение. Как и в большинстве исследований, проведенных на других выборках, выявлен андрогинный тип гендерного самосознания большинства студентов как мужского, так и женского пола. Около трети опрошенных имеют гендерный тип, соответствующий их полу (юноши – маскулинный, девушки – феминный).

По опроснику «Жизненных приоритетов» у респондентов с маскулинным гендерным типом, независимо от пола, на первом плане представлены цели и

ценности, связанные с профессиональным самоопределением и развитием (достичь независимости, приобрести хорошую профессию, стать профессионалом своего дела). Ценности личного и семейного порядка такие, как забота о родителях, сохранение семьи, встреча любимого человека, материальное благополучие и обеспечение благосостояния семьи, находятся на среднем уровне значимости. Наименее важны цели индивидуального благополучия: иметь свободное время, высокий социальный статус, веселый досуг, быть привлекательным для окружающих. Низкое значение индивидуалистических ценностей в жизненном самоопределении можно объяснить коллективистским и фемининным типом российской ментальности (по концепции Г. Хофстеде).

Для респондентов с фемининным гендерным типом, независимо от пола, более значимыми являются личные и семейные ценности и цели: заботиться о родителях, встретить любимого человека, сохранять крепкую, дружную семью, выйти замуж и иметь детей, чувствовать по отношению к себе любовь и заботу. Наименее значимыми являются такие ценности, как высокий социальный статус, материальное благополучие. Такая картина вполне соответствует стереотипам женской (фемининной) роли в обществе.

У респондентов с андрогинным типом, независимо от пола, в структуре жизненных целей и ценностей в среднем более значимое место занимают ценности личного и семейного плана (крепкая и дружная семья, забота о родителях, встреча любимого человека, чувство заботы по отношению к себе), но есть и определенные отличия: у юношей более приоритетны цели, связанные с профессиональным становлением, а у девушек в приоритете чаще цели рождения и воспитания детей.

Распределение респондентов по уровню устойчивости профессиональной направленности представлено в таблице 9, межполовые различия статистически значимы. Девушки, по сравнению с юношами, имеют более низкие показатели устойчивости профессиональной направленности. Более чем у половины девушек (53 %) прослеживается взаимное противоречие основных мотивов профессионального развития, актуализируемое в ситуации

возможной смены профессии; девушки со средней устойчивостью профессиональной направленности (25 %) также готовы к изменению своего жизненного пути и воспринимают такую ситуацию, как благоприятную для профессиональной и личностной самоактуализации.

Таблица 9 - Распределение уровней устойчивости профессиональной направленности у студентов разного пола
(многоклеточная сопряженность: $\chi^2 = 6.889$; $p = 0.032$)

Уровень устойчивости профессиональной направленности	Юноши ($N = 69$)		Девушки ($N = 77$)	
	Кол-во чел	%	Кол-во чел	%
Высокая устойчивость	24	34,8	17	22,1
Средняя устойчивость	23	33,3	19	24,7
Низкая устойчивость	22	31,9	41	53,2

Среди девушек с устойчивой профессиональной направленностью (22 %) основную роль играют мотивы обеспечения своей социальной защищенности в профессиональной деятельности. Юношам же чаще свойственна устойчивость профессиональной направленности (35 %), как по объекту профессионализации, так и по иерархии основных мотивов профессиональной деятельности. Около трети юношей (33 %) также склонны воспринимать ситуацию изменения жизненного пути, как благоприятную ситуацию для профессиональной и личностной самоактуализации; и у трети опрошенных юношей (32 %) наблюдается явное взаимное противоречие мотивов профессиональной деятельности в ситуации возможного изменения жизненного пути.

Среди юношей ведущим оказался мотив «Постоянно повышать квалификацию, приобретать новые знания», наименее значимыми являются мотивы «Научиться делать свою работу так хорошо, как никто другой» и «Приносить пользу обществу». Для девушек наиболее значимыми являются мотивы «Иметь гарантированное спокойное будущее», «Чувствовать себя частицей коллектива» и «Работать творчески, создавать новое»; наименее

значимыми являются мотивы «Приносить пользу обществу», «Продвигаться по работе на руководящие должности», «Пользоваться уважением, признанием среди коллег». В целом, можно сказать, что наблюдаемое противоречие в мотивах профессиональной деятельности является косвенным признаком (или риском) развития у достаточно большого количества испытуемых (53 % девушек и 32 % юношей) внутриличностных конфликтов, актуализируемых в процессе профессионального становления.

В дальнейшем анализе данные студентов с высокой и средней устойчивостью профессиональной направленностью были объединены в группу показателей «устойчивая профессиональная направленность», результаты которой сопоставлялись с группой «неустойчивая профессиональная направленность». Сопоставление гендерных типов самосознания и устойчивости профессиональной направленности представлены в таблице 10.

Таблица 10 - Распределение гендерных типов у студентов мужского и женского пола с устойчивой и неустойчивой профессиональной направленностью

Пол	Профессиональная направленность	Маскулинный тип	Феминный тип	Андрогинный тип
Юноши	Устойчивая	15	2	30
	Неустойчивая	4	2	16
Девушки	Устойчивая	2	18	16
	Неустойчивая	-	5	36

Распределение, представленное в таблице 10, указывает на тенденции более устойчивой профессиональной направленности у тех студентов, которые характеризуются гендерной типизированностью соответственно своему полу ($\chi^2=50.069$; $p \leq 0,01$). При андрогинном типе самосознания для

юношей чаще характерна устойчивость профессиональной направленности, а для девушек – неустойчивость. Статистически взаимосвязь между устойчивостью профессиональной направленности подтверждается на выборке девушек ($\chi^2=16,786$; $T^2 = 0,5$; $p \leq 0,001$), но не на выборке юношей ($\chi^2= 1,809$; $p = 0,405$). Однако в целом можно сделать заключение о взаимосвязи устойчивой профессиональной направленности с проявлениями гендерной типизированности самосознания, которая рассматривается как «объектная» позиция по отношению к внешним, по отношению к «Я», гендерно-ролевым нормам.

Возможно, что устойчивость профессиональной направленности также может выступать проявлением объектной позиции Я во взаимодействии с профессиональными ролевыми нормами в становлении самосознания. С другой стороны, выступая объектом гендерной типизации, человек может, опираясь на определенные свои качества, устойчиво определиться с выбором профессионализации, проявляя субъектную позицию в этом аспекте взаимодействия образа Я с образом типичного представителя своей профессии. В данном случае такой тип взаимодействия в системе «Я – возможное Я» в самосознании можно отнести к «субъект-совместному», поскольку мир профессий в нашем сознании также имеет основания семантической гендерной дифференциации, когда определенные профессии стереотипно соотносятся с «женской» либо «мужской» ролью и жизненными приоритетами. В этом случае, субъектный выбор профессии определенного типа, соответствующего гендерному типу личности, не несет изменений устоявшимся стереотипам профессионально-личностной самореализации, а лишь поддерживает их.

Среди студентов с устойчивой профессиональной направленностью характерна также тенденция к маскулинной стратегии жизненного пути. По усредненным данным, им свойственны следующие ведущие ценностно-смысловые ориентации: приобрести известность, нравиться окружающим, иметь много свободного времени, иметь высокий социальный статус, давать детям хорошее образование, обеспечить материальное благополучие семьи.

Среди студентов с неустойчивой профессиональной направленностью в структуре жизненных целей и ценностей значимое место занимают семейные и личностные ценности, относящиеся к «фемининному» типу жизненных приоритетов: заботиться о родителях, встретить любимого человека, жениться (выйти замуж), сохранить крепкую дружную семью, психологически участвовать в жизни своих детей. Это свидетельствует о внутренних противоречиях самосознания в аспекте профессионально-личностного самоопределения: более высокая значимость семейных ценностей в самоопределении по-видимому, обуславливает неустойчивый характер профессионального самоопределения, наличие разных, порой несоответствующих друг другу вариантов образа себя в профессиональном и в личностном самоопределении. Таким образом, в случае неустойчивой профессиональной направленности как правило, представлен субъект-конфликтный тип внутриличностного взаимодействия в системе «Я – возможное Я».

Результаты показывают, что, как у юношей, так и у девушек с устойчивой профессиональной направленностью, близость между ролевыми позициями Я и «Счастливый мужчина» и Я и «Успешный человек» выше, чем у юношей и девушек с неустойчивой профессиональной направленностью (таблица 11). Однако результаты девушек с устойчивой и неустойчивой профессиональной направленностью различаются не так сильно, как у юношей. Отождествление Я-образа с идеальными образами, отражающими благополучие («Счастливый мужчина», «Счастливая женщина» и «Успешный человек»), выше у студентов с устойчивой профессиональной направленностью, чем у студентов с неустойчивой профессиональной направленностью. При этом результаты юношей с устойчивой и неустойчивой профессиональной направленностью различаются сильнее, чем у девушек. Степень отождествления с гендерными образами социальной успешности и благополучия в большей степени связаны с гендерными аспектами в самосознании, чем с устойчивостью профессиональной направленности. Несмотря на то, что в наше время возможности выбора в профессиональной

самореализации характеризуются сходным как для юношей, так и для девушек, многообразием, условное деление профессий на «женские» и «мужские» все еще сохраняется в социальном сознании, и это влияет на возможности или барьеры включения образа профессии в Я-концепцию, создавая сложности в том случае, если профессия является гендерно-нетипичной (Athanasou, van Esbroeck, 2008; Kemmet, 2017).

Таблица 11 - Близость ролевых позиций субъективного благополучия с «Образом Я» у студентов мужского и женского пола с устойчивой ($N=83$) и неустойчивой ($N=76$) профессиональной направленностью

Ролевые позиции	Маскулинный тип		Андрогинный тип		Феминный тип	
	Устойчивая профессиональная направленность					
	Юноши (N=15)	Девушки (N=2)	Юноши (N=30)	Девушки (N=16)	Юноши (N=2)	Девушки (N=18)
Счастливый мужчина	0,8	0,4	0,7	0,4	0,6	0,2
Счастливая женщина	0,2	0,6	0,5	0,5	0,7	0,7
Успешный человек	0,7	0,6	0,6	0,6	0,4	0,5
Ролевые позиции	Неустойчивая профессиональная направленность					
	Юноши (N=4)	Девушки (N=0)	Юноши (N=16)	Девушки (N=36)	Юноши (N=2)	Девушки (N=5)
Счастливый мужчина	0,6	-	0,5	0,4	0,3	0,2
Счастливая женщина	0,3	-	0,4	0,5	0,5	0,6
Успешный человек	0,7	-	0,5	0,5	0,4	0,3

Гендерные трансформации профессионально-личностного самоопределения в основном выражаются во включении женщин в сферы деятельности, изначально считающиеся «мужскими». Причиной этому выступают установки «андроцентризма» (Бем, 2004), приводящие к тому, что отсутствие формальных гендерных ограничений в профессиональном самоопределении, тем не менее, не дает личности полной возможности быть полностью свободной от давления гендерных стереотипов в самосознании.

Подверженность гендерным стереотипам приводит к тому, что самореализация в гендерно-нетипичной сфере деятельности может привести к негативным последствиям, в том числе, к нарушению психологического благополучия и снижению уверенности в себе, а также иррациональным самоблокированием возможностей профессионального карьерного роста (Gurieva et al., 2022).

Взаимное проникновение и смешение видов деятельности, которые традиционно считались мужскими или женскими, а также социальных образов, относящихся к категориям «мужского» и «женского» довольно ярко представлены в современных тенденциях развития различных видов спорта. При этом спорт остается гендерно стереотипизирован, как эксплицитно, так и имплицитно (Plaza et al., 2017), что играет роль в становлении самосознании личности спортсменов.

Сфера спорта и физической активности с позиций гендерно-семантического анализа предстает в виде сложной нелинейной модели, где наблюдаются разные, а иногда и противоположные тенденции на разных уровнях сознания (O'Reilly et al., 2023; Plaza et al., 2017). Несмотря на то, что в гендерной семантике «спорт» рассматривается как мужская деятельность, поскольку представляет собой соревнование, мотивацию «достижения», напряженную борьбу, внутри него наблюдается тенденция к гендерному разделению. Виды спорта, демонстрирующие силу и мощь (такие как футбол, хоккей и баскетбол), более тесно связаны с мужественностью по сравнению со видами спорта с женской эстетикой (такими как танцы, художественная гимнастика, фигурное катание) (Chalabaev et al., 2013; Colley et al., 2005; Liu, 2023). В связи с этим в психологии наблюдается тенденция деления спорта на «мужской», «женский» и «гендерно-нейтральный» виды (Riemer, Visio, 2003). Это позволяет изучить психологию спортсменов в «гендерно-типичных» и «гендерно-нетипичных» видах спорта. Исследование гендерной семантики в рекламе продуктов Nike выявило выраженный характер маскулинности предлагаемых образов и риск их маргинализирующего

влияния на женщин, занимающихся спортом (Rasmussen et al., 2021). Исследование, проведенное на подростках, включенных в профессионально-ориентированную спортивную подготовку показало, что насмешкам со стороны как мальчиков, так и девочек, чаще подвергаются девочки-спортсменки (Slater, Tiggemann 2011).

Выявлено, что занятия спортом способствуют позитивному становлению гендерной идентификации личности в случае соответствия видов спорта традиционным гендерным нормам и возникновению нарушений у индивидов, занимающихся видами спорта, противоречащих им, но особенно – у женщин в рамках «маскулинных» спортивных специализаций (Дамадаева, 2010). Установлено, что женщины, занимающиеся спортом, испытывают внутриличностный ролевой конфликт, поскольку экспектации общества в отношении спортсменок входят в конфликт с представлениями общества о женственности. При этом вероятность внутреннего конфликта выше у женщин-спортсменок, которые одновременно стремятся как к соответствию стереотипам женственности, так и к высоким спортивным результатам, требующим проявления «мужских» личностных качеств и стратегий поведения. Однако в дальнейшем было выявлено, что в реальности подобный внутриличностный конфликт испытывают только одна пятая часть женщин, занимающихся спортом (Артамонова Т.В., Шевченко, 2009). Для того чтобы исследовать причины психологических проблем спортсмена, необходимо понять, как спортсмен идентифицирует себя с этим видом спорта и как спортсмен воспринимает возможности взаимосвязи между потребностями в личностном развитии и спортивной карьерой.

Таким образом, можно выделить разные возможные варианты развития самосознания у спортсменов, занимающихся гендерно-нетипичными видами спорта: (1) самоидентификация через типичные характеристики вида спорта, даже если это противоречит гендерным стереотипам; (2) игнорирование гендерных стереотипов в спорте и самовосприятии; (3) параллельное развитие как гендерно-нормативных, так и профессиональных спортивных качеств; (4)

моделирование и реализация индивидуально адаптированного гендерного образа Я в спорте, как проявление высшего уровня субъектности в самосознании. Подходящей моделью для эмпирической верификации этих гипотетически обозначенных вариантов становления Я в условиях гендеро-нетипичной профессионализации выступает ранняя спортивная профессионализация девушки в футболе².

В футболе наглядно представлены гендерные трансформации, их проекция в общественном сознании и самосознании. Футбол изначально являлся «мужским» видом спорта, и по сей день с точки зрения гендерной семантики он классифицируется как «маскулинный». Женский футбол, несмотря на официальное признание и растущую популярность, по-прежнему воспринимается в повседневном сознании и классифицируется исследователями как гендерно-нетипичный вид спорта для женщины (Артамонова, Шевченко, 2009; Chalabaev et al., 2013; Colley et al., 2005; Rasmussen et al., 2021). Более того, по данным опроса Дамадаевой (2011) на российской выборке, футбол был оценен как «самый неженственный» вид спорта, что может имплицитно и бессознательно передаваться юным футболисткам их окружением. В то время, как многие исследователи фокусируются на проблемах тормозящего влияния традиционных гендерных стереотипов на развитие и популяризацию женского футбола, выступая за равное представительство в футболе мужчин и женщин, проблемам развития самосознания женщин в профессиональном футболе, в частности, самоидентификации спортсменки, как «женщины-футболиста», не уделено должного внимания. Особенно остро проблема самоидентификации девушек в футболе стоит в подростковый период.

Исследования показывают, что в подростковом возрасте усиливается гендерная дифференциация самосознания; гендерные стереотипы оказывают более сильное влияние на восприятие себя и общества, в том числе, спорта

² Результаты исследования опубликованы ранее в статье: Lopukhova, O.G. (2024). "I Am a Football Player and/or a Girl": Psychosemantics of Self-Consciousness among Teenage Female Football Players, *Psychology in Russia: State of the Art*, 17(3), 36–49. DOI: 10.11621/pir.2024.0303

(Boiché et al., 2014; Hill & Lynch, 1983; Meaney et al., 2002; Retelsdorf et al., 2015). В то же время, усиление гендерной стереотипизации в самооценке может сочетаться с более эгалитарными установками в оценке других сфер самореализации и общих убеждений (Klaczynski et al., 2020; Korlat et al., 2021). Подростковый возраст является периодом актуализации и углубления самосознания, однако известно, что у девочек наблюдается более высокий уровень как социального (общественного), так и личностного самосознания, чем у мальчиков (Rankin et al., 2024). Это может обуславливать имплицитные конфликты в самосознании юных футболисток. Например, вполне типично, что футболистка подросткового возраста, способная и перспективная, по мнению тренера, уходит из футбола без рационального понимания причин своего ухода. Тренеры женского футбола озвучивают запрос на поиск способов профилактики столь неустойчивого профессионального самоопределения юных футболисток (в этом случае футбол можно отнести к сфере ранней спортивной профессионализации). Теоретически обозначенную проблему можно объяснить специфической мотивацией «страх успеха», концептуализированной М. Хорнер. Страх успеха — это неосознаваемый конфликт в самосознании, когда женщина на рациональном уровне сознания нацелена на достижение амбициозных («маскулинных») целей и имеет все шансы их достичь, но неосознанно действует в направлении блокирования своих возможностей (Horner, 1972). Таким образом, понимание причин и содержания подобных психологических проблем требует обсуждения эксплицитных (рациональных и осознанных) и имплицитных (бессознательных и невыразимых вербально) компонентов самосознания.

Вероятность того, что футболистки подросткового возраста сталкиваются с проблемой отождествления образов «Гендерного Я» и «Профессионального спортивного Я» в своем самосознании, таким образом, высока. Выявление внутренне конфликтных и не конфликтных вариантов самосознания в условиях гендерно-нетипичной спортивной профессионализации предполагает сопоставление образов Я-концепции

футболисток подросткового возраста на имплицитном и эксплицитном уровнях самосознания. Для целей данного исследования важно понять, что приводит девушку в футбол (деятельность, считающуюся «вдвойне мужской»), как она воспринимает себя как футболистку и как ее восприятие себя как футболистки связано с ее восприятием себя как девушки. При организации эмпирического исследования ожидалось, что, во-первых, содержание самосознания футболистки может быть разнообразным, включая противоречивые представления о себе в гендерном (девушка) и профессионально-спортивном (футболист) контекстах, во-вторых, что конфликтные и неконфликтные варианты самосознания футболисток могут быть связаны с гендерным типом их личности.

Организация и методы исследования. В исследовании приняли участие 29 футболисток в возрасте 15 лет, занимающихся футболом последние 5-7 лет. Возрастной диапазон выборки был определен исходя из предпосылки о том, что респонденты старше 15 лет могут самостоятельно принять решение об участии в опросе, а также в связи с тем, что ключевые структуры самосознания (самоотношение, самооценка, самопринятие, самопонимание и др.) активно развиваются как психологические новообразования в этом возрасте.

Опросник «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности» (Лопухова, 2013) использовался для двух диагностических задач. Во-первых, для определения гендерного типа личности юных футболисток на основе оценки образа «Я сейчас». Во-вторых, личностные качества из опросника («маскулинные», «феминные» и гендерно-нейтральные) послужили вербальными дескрипторами при оценке предложенных образов самоидентификации. Невербальная оценка образов основывалась на ранжировании степени ассоциации каждого образа с цветом (синий, сине-зеленый, оранжево-красный, желтый, фиолетовый, коричневый, черный, серый).

Для определения семантической структуры самосознания футболисток с разным гендерным типом личности, полученные данные обрабатывались в соответствии с предложенной процедурой «метода множественной идентификации» (Петренко, 1997). Матрицы с оценками каждой футболисткой образов по вербальным и невербальным дескрипторам консолидировались в MS Excel по сумме рейтингов каждой позиции в групповые матрицы в соответствии с гендерным типом личности. Далее на основании консолидированных матриц проводилось сравнение взаимной конфигурации разных образов самоидентификации на эксплицитном (вербализованном) и имплицитном (эмотивном) уровнях самосознания на основании показателей их близости (семантического сходства), различия (нетождественности), или противопоставления с помощью вычисления интеркорреляций по Спирмену. Значительные различия во взаимной конфигурации образов самоидентификации на этих двух уровнях были интерпретированы как возможный имплицитный конфликт самосознания у этих футболисток.

Результаты и обсуждение. Отвечая на вопрос: «Кто Ваш кумир в футболе?», из 29 футболисток только 7 (23 %) назвали представителя женского пола, что можно объяснить недостатком представленности на уровне общественного сознания женских ролевых моделей в сфере профессионального футбола, совмещающих непротиворечиво «женскую» и «профессиональную» идентичность. На основании гендерного типа личности выборка разделилась на четыре группы: футболистки с андрогинным гендерным типом личности, с маскулиным типом личности, с феминным типом личности, и с недифференцированным гендерным типом личности.

У футболисток каждой группы сопоставлялись конфигурации (показатели близости) образов самоидентификации, оцененных через вербальные и невербальные дескрипторы (таблица 12). Представленные в таблице 12 показатели отражают степень семантического сходства образа Я с образами, задающими значения гендерной (образы «Идеальная девушка» и «Идеальный парень»), спортивно-профессиональной (образ «Мой кумир в футболе») и перспективной (образ «Я через 10 лет») самоидентификации, на двух уровнях самосознания.

Таблица 12 - Показатели близости в конфигурации образов
самоидентификации футболисток подросткового возраста
с разным гендерным типом личности

(Прим: показатели семантической близости образов представлены в виде двух значений:
оценка по вербальным дескрипторам / оценка по невербальным дескрипторам)

Гендерный тип личности	Образы идентификации	«Я сейчас»	«Мой кумир в футболе»	«Я через 10 лет»	«Идеальная девушка»
Андрогинный тип (N = 16)	«Мой кумир в футболе»	0,39 / 0,53			
	«Я через 10 лет»	0,68 / 0,75	0,55 / 0,64		
	«Идеальная девушка»	0,43 / 0,56	0,21 / 0,51	0,57 / 0,61	
	«Идеальный парень»	0,37 / 0,55	0,62 / 0,51	0,47 / 0,44	0,36 / 0,33
Маскулинный тип (N = 5)	«Мой кумир в футболе»	0,62 / 0,42			
	«Я через 10 лет»	0,67 / 0,54	0,54 / 0,43		
	«Идеальная девушка»	0,65 / 0,36	0,51 / 0,34	0,90/0,49	
	«Идеальный парень»	0,43 / 0,43	0,71 / 0,54	0,51/0,49	0,46/0,50
Феминный тип (N = 4)	«Мой кумир в футболе»	0,07 / 0,32			
	«Я через 10 лет»	0,68 / 0,52	0,40 / 0,58		
	«Идеальная девушка»	0,48 / 0,40	0,47 / 0,46	0,68/0,11	
	«Идеальный парень»	0,23 / 0,20	0,56 / - 0,25	0,36 / - 0,09	0,35 / - 0,07
Недифференцированный тип (N = 4)	«Мой кумир в футболе»	0,44 / 0,52			
	«Я через 10 лет»	0,37 / 0,80	0,37 / 0,51		
	«Идеальная девушка»	0,13 / 0,55	0,13 / 0,03	0,30 / 0,52	
	«Идеальный парень»	0,13 / 0,30	0,44 / 0,46	0,32 / 0,18	- 0,09 / 0,14

Оценивание через вербальные понятия (личностные качества), общепринятые социальные критерии восприятия себя и других, выявляет эксплицитный уровень самосознания, а оценивание через цветовые стимулы, которые не выступают общепринятыми социальными критериями, и отражают

индивидуальное, эмоциональное отношение, выявляет имплицитный уровень самосознания. Анализ результатов общегрупповых матриц в зависимости от гендерного типа личности показал сходство и различия семантических структур самосознания в отношении спортивно-профессионального и личностного самовосприятия на этих двух уровнях.

У футболисток с андрогинным типом личности показатели семантического сходства-различия воспринимаемых образов на двух уровнях самосознания различаются не сильно.

Кроме того, у футболисток с андрогинным типом личности не выявлено отрицательных показателей, которые бы свидетельствовали о противопоставлении образов. Гендерные образы в самосознании также во многом близки, что соотносится с андрогинным типом личности этих футболисток. Образ спортивно-профессиональной идентификации («Мой кумир в футболе») имеет наибольшие расхождения на вербально-оценочном и эмоционально-оценочном уровнях самоидентификации и восприятия этого образа. В гендерном контексте спортивно-профессиональной идентификации образ на эксплицитном уровне рационального восприятия скорее маскулинен, чем феминен; однако на имплицитном уровне невербального оценивания этот образ не имеет гендерной дифференциации. Восприятие себя в перспективе («Я через 10 лет») довольно сильно связано с образом «Мой кумир в футболе», что отражает установку на профессиональное развитие себя в футболе. Образ себя в будущем близок к образам как мужского, так и женского идеала, что также коррелирует с андрогинным типом личности этих футболисток.

В самосознании футболисток с маскулиненным гендерным типом проявляется наиболее слабая дифференциация в восприятии образов, предложенных для оценивания, по сравнению с другими группами. Образ «Я сейчас» оценивается на эксплицитном уровне самосознания как более близкий к феминной семантике, чем к маскулинной семантике. При этом на уровне эмоционального отношения ощущение себя противоположно: образ Я ближе к маскулинной семантике, чем к феминной.

На эксплицитном уровне футболистки с маскулинным гендерным типом личности также описывают образ Я как достаточно близкий к образу своего идеала в футболе, который в их самосознании представлен как андрогинный (близкий как к мужской, так и к женской позициям в семантическом пространстве). При этом «Идеальная девушка» и «Идеальный парень» в их сознании семантически схожи, как на эксплицитном, так и на имплицитном уровнях, что свидетельствует о «гендерно-не-типизированном» сознании. Однако можно также предположить, что при вербальном оценивании эти девушки проявляют тенденцию «социальной желательности», приписывая себе большее соответствие нормативным образцам, в то время как на уровне эмоционального отношения картина несколько сложнее. Похоже, что эти «маскулинные» футболистки действительно меньше ощущают себя «девушкой», чем «футболистом». При этом они ощущают свою маскулинность бесконфликтно, поскольку оценивают себя одинаково близко образу «Идеального парня», задающему семантическое пространство маскулинности, как на эксплицитном, так и на имплицитном уровнях самосознания.

Футболистки с феминным гендерным типом самосознания при оценивании через вербальные дескрипторы не отождествляют образ «Я сейчас» с образом кумира в футболе, хотя глубинная эмоциональная связь между этими образами более тесная, что объясняет их тягу к занятию футболом. Образ себя в будущем также несколько ближе к образу кумира в футболе на имплицитном уровне. Интересно, что у этих футболисток также довольно феминный образ футболиста: он близок к образу «Идеальной девушки», как и образ Я. Более того, образ футболиста на эксплицитном уровне самосознания довольно близок к образу «Идеального парня», семантически определяющему «маскулинность», но на имплицитном уровне противопоставлен. Это означает, что семантика спортивно-профессиональной самоидентификации наделяется содержанием, близким к их собственному, более феминному, самосознанию. Гендерная дифференциация в самосознании

также больше выражена на имплицитном уровне: «Идеальная девушка» и «Идеальный парень» относительно схожи по описанию через личностные качества, но по эмоционально-оценочному восприятию они различны.

Футболистки с недифференцированным гендерным типом личности идентифицируют себя с образом своего «Кумира в футболе», как в настоящее время, так и в будущем, при этом несколько более сильно на имплицитном уровне. При этом образ футболиста в их самосознании близок к маскулинной семантике и не вписывается в понятие феминности. В гендерном контексте эти девушки не идентифицируют себя с образами маскулинной или феминной семантики, что совпадает с недифференцированным гендерным типом их личности, выявленным по результатам опросника. Однако на эмоционально-оценочном уровне образ себя у них близок образу «Идеальной девушки», в том числе и в будущем. То есть, на имплицитном уровне самосознания эти футболистки ощущают себя гораздо более женственными, но осознанию и принятию этого чувства возможно, мешает другой значимый образ, связанный с профессионально-спортивной самореализацией в футболе. Таким образом, у футболисток с недифференцированным гендерным типом личности выявились наибольшие расхождения между имплицитным и осознаваемым восприятием себя, как девушки. Самоидентификация с образами гендерной семантики вытесняется идентификацией с маскулинизированным образом профессионального футболиста, и это вызывает внутренние противоречия с восприятием себя как девушки.

Сопоставление смыслового контекста самоидентификации футболисток с разным гендерным типом личности показало разные тенденции в структурировании их самосознания на эксплицитном и имплицитном уровнях. Неконфликтное самосознание характерно для футболисток с андрогинным и маскулинным гендерными типами личности. В самосознании девочек с андрогинным типом личности не проявляется внутренний конфликт позиций «Я – футболист» и «Я – девушка», поскольку, согласно концепции С. Бем (1993), оно не подвержено гендерной типизации. Самосознание футболисток

с маскулинным типом личности также не представляется внутренне конфликтным, поскольку восприятие образа Я, близкого маскулинной семантике, совпадает со стереотипным восприятием «мужественного» образа футболиста. Девушки с маскулинным гендерным типом личности, по-видимому, воспринимают самореализацию в футболе, как в мужском виде спорта, вполне закономерно, поддерживая в самосознании «мужскую» семантику футбола (Артамонова, Шевченко, 2009; Дамадаева, 2011; Chalabaev et al., 2013; Colley et al., 2005).

Футболистки с феминным гендерным типом личности демонстрируют в содержании самосознания вариант трансформации образа футболиста с традиционно маскулинной семантики на более феминную. Футболистки с недифференцированным гендерным типом личности характеризуются расхождением в восприятии образов «Я — девушка» и «Я — футболист», что особенно конфликтно на имплицитном уровне самосознания. В целом эти выводы согласуются с позицией о том, что спорт гендеризирован как имплицитно, так и эксплицитно, что также представлено на уровне индивидуального сознания спортсменов, в их самовосприятии (Plaza et al. 2017). Это подтверждает идею о сложном нелинейном понимании сознания, признании его многовариантности и многоуровневых тенденций (O'Reilly et al., 2023).

Выявленные различные типы связей между образом себя и образом профессионального футболиста на выборке девочек подросткового возраста схожи с результатами исследования финских ученых (Kavoura 2018; Kavoura et al., 2018), которые с помощью качественных методов анализа также выявили два различных типа идентичности девушек-дзюдоисток: «успешная и женственная спортсменка» и «прирожденный боец». В представленном исследовании на основе психосемантического метода «множественных идентификаций» с использованием количественных показателей были выделены несколько вариантов самосознания в гендерно-нетипичной среде ранней спортивной профессионализации:

- 1) игнорирование гендерных стереотипов при ориентации на образ профессионала;
- 2) трансформация образа профессионала под свои гендерные характеристики;
- 3) отход от ориентации на профессиональное развитие в гендерно-нетипичной сфере деятельности при сохранении ориентации на гендерные стереотипы в саморазвитии;
- 4) расхождение между установками на различные потенциальные образы самоидентификации на эксплицитном и имплицитном уровнях.

Таким образом в данном психосемантическом исследовании были выявлены различные, как внутренне конфликтные и неконфликтные образы себя в гендерном (Я как девушка) и профессиональном спортивном (Я как футболист) контекстах в самосознании футболисток подросткового возраста. Футболистки с недифференцированным гендерным типом личности наиболее противоречиво воспринимают себя как девушку и как футболиста на эксплицитном и имплицитном уровне самосознания. Это вызывает внутреннюю нестабильность и может стать причиной ухода из спорта или основой для проявления мотивационного конфликта «избегания успеха» в профессионально-спортивной деятельности, и других дисгармоничных проявлений (Лопухова, 2024а).

В самосознании юных футболисток выявлены различные варианты полилового взаимодействия в системе «Я – социокультурная среда», что опровергает представление о «маргинализирующем» или «маскулинизирующем» влиянии спортивной и, особенно, футбольной карьеры на личность (Мореев, 2019; Rasmussen et al., 2021). Становление Я происходит не под воздействием какого-либо внешнего или внутреннего фактора (или комплекса факторов), а является процессом и продуктом взаимодействия субъектного Я в самосознании с множеством различных образов – репрезентаций социокультурных семантических категорий, задающих пространства «возможного Я».

Возможность различных вариантов восприятия и трактовок образа «мужского» и «женского» соотносится с принципом формирования анизотропных отношений в процессе самоидентификации субъекта самосознания: гендерная семантика представлена в динамичных, индивидуально изменчивых образах в зависимости от взаимодействия с различным социокультурным контекстом (в частности, с семантикой традиционности или современности, «своего» или «чужого», прошлого и будущего и т.п.).

Выводы по третьей главе

Эмпирические исследования разноуровневых компонентов самосознания в гендерном, этническом, профессиональном контекстах, представленные в данной главе, подтверждают концептуальное положение о его понимании, как процесса и продукта становления целостного Я в полилоговых и гетерархических взаимодействиях с интер- и интрасубъектной средой личности.

Выявлены варианты как дисгармоничных, так и гармоничных отношений компонентов самосознания, которые на разных уровнях могут одновременно занимать как субъектную, так и объектную позицию, реализуя комплекс репродуктивных, конфликтных, и совместно-продуктивных типов взаимодействий в соответствии со степенью согласованности рефлексивного, регуляторного, смыслопорождающего и преобразующего процессов самосознания. Выявленные варианты взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности», в соответствии с принципом анизотропного формопорождения, обуславливаются эмерджентностью структурных и процессуальных компонентов самосознания.

Глава 4. Технологии становления субъекта самосознания

4.1. Система технологий развития и коррекции самосознания как процесса субъект-средовых взаимодействий

Позиции экопсихологического подхода к становлению субъекта самосознания позволяют предложить универсальную систему технологий развития и коррекции самосознания (рис. 18). На основе этой модели разработка в практической деятельности психолога программ, ориентированных на развитие субъекта самосознания, может быть реализована в разных сферах развития личности: внутриличностной и межличностной, учебной и профессиональной, семейной и детско-родительской и пр. Программы по форме проведения могут быть индивидуальными, групповыми или комплексными. Содержание программ (упражнений, заданий, технологий, практик) может варьировать в зависимости от характеристик контингента, сферы развития личности, однако методология экопсихологического подхода позволяет выстроить единый алгоритм проектирования последовательно разворачивающихся условий, способствующих гармонизации личности и становлению субъекта самосознания. В качестве условий становления субъекта самосознания рассматриваются возможные задания, упражнения, практики, которые ориентируют на реализацию определенного типа субъект-средовых взаимодействий в соответствии с последовательностью стадий становления субъектности Я в сфере самосознания, соответствующей целям конкретной программы. Алгоритм универсальной системы технологий развития и/или коррекции самосознания включает три этапа, в которых последовательно создаются условия для становления субъектности Я через актуализацию соответствующего «ведущего» процесса самосознания (по аналогии с ведущим видом деятельности в развитии личности по А. Н. Леонтьеву).

Этапы коррекционных / развивающих программ	Первый → Второй → Третий					
Процессы самосознания	Рефлексивный		Регуляторный		Смыслопорождающий Преобразующий	
Взаимодействия "Я – интер-/интрасубъектная среда личности"	Diagram illustrating interactions between subject-object, subject-subject, and subject-subject (conflict) relationships across the three stages.					
Техники и задания (средства)	беседы, дискуссии, ассоциативно-метафорические техники самоанализа, активизирующие опросники, нарративные методы, ведение дневника, расширение терминологии для самоописания		экспериментирование с новыми для себя способами поведения и реагирования, освоение стандартных (типовых) приемов саморегуляции, навыков коммуникации, образца, правила		проектная, творческая деятельность, самостоятельная постановка целей своей деятельности и выработка собственных внутренних критериев эффективности или качества их достижения	
Цели промежуточных этапов программ (уровни субъектности Я)	Я как субъект потребности в самокатегоризации	Я как субъект саморефлексии, наблюдения, осознания	Я как субъект идентификации и с образом Другого	Я как субъект критической оценки / самооценки	Я как субъект произвольного действия (самоопределения)	Я как творец новых норм и личной модели самореализации
Результаты (критерии успешности прохождения этапа)	самопонимание и самопринятие, сбалансированное психическое состояние, осознание референтного "другого" как опоры в становлении Я		осознание внутриличностных конфликтов, их причин и содержания, ориентация на развитие себя и социальных отношений, принятие себя, чувство управления средой (отношениями и образом жизни)		чувства автономии, аутентичности, осмысленность целеполагания, выработка собственного стиля деятельности, самодостаточность	

Рис. 18. Система технологий развития и коррекции самосознания личности в субъект-средовых взаимодействиях

Включаясь в определенную психологическую программу (тренинг, консультирование и пр.) человек входит в новую для него ситуацию взаимодействий, выступая в качестве субъекта потребности (мотива, интереса). Новое пространство отношений, по сути, изначально объектно, подлежит знакомству, изучению, освоению, но и внутренняя среда

(собственные мысли, чувства, состояния) также начинает выступать объектом внимания. По сути, взаимодействия, которые со стороны могут восприниматься, как их отсутствие, как то, что «еще ничего не происходит», на самом деле представляют начало первого этапа – взаимодействия «объект-объектного типа».

Взаимодействия в новых средовых условиях развивающей или коррекционной программы, конечно же, предполагает субъектные проявления, которые обеспечивают переход к субъект-объектным и объект-субъектным взаимодействиям, соответствующим уровню становления Я как субъекта саморефлексии, наблюдения, осознания. На этом этапе активизация рефлексии определенных компонентов самосознания выступает основной задачей в проектировании сессий и выборе упражнений. Задания, упражнения, практики, темы для обсуждений, подобранные в первой части программы, должны быть ориентированы на анализ и осознание компонентов внутренней среды личности (представлений, образов, чувств, состояний, мотивов, ценностей и т.п.), или, при необходимости, на расширение терминологического аппарата для их описания. Развитию рефлексивного процесса самосознания способствуют техники бесед, дискуссий, ассоциативные и метафорические техники самоанализа и самоописания, активизирующие опросники, нарративные методы и ведение дневников.

Развитие рефлексии и осознания создает необходимый ресурс реализации регуляторного процесса самосознания, который выступает ведущим на втором этапе программы. Регуляторный процесс опирается на развитые рефлексивные способности и интегрируется с ними. При этом, если на первом этапе в большей степени внимание в рефлексивном анализе направлено на интрасубъектные компоненты самосознания и их взаимодействие, то на втором этапе внимание больше обращено на взаимодействия в системе «Я – интерсубъектная среда». Задания и упражнения, способствующие развитию способности саморегуляции, связаны

с приобретением компетентности, навыков совершения выборов, принятия решений, способов взаимодействия, коммуникации, с какой-либо целью, обозначенной темой развивающей программы. В программах психологических тренингов это может быть часто групповая работа или работа в парах. В ракурсе эконсихологической модели стадий становления субъектности второму этапу соответствуют три стадии: «субъекта подражания», «субъекта обучения» и «субъекта критической оценки». Участники программ на этом этапе осваивают стандартные, типовые приемы, техники саморегуляции, коммуникации, экспериментируют с новыми для себя способами поведения и реагирования. В выполнении упражнений и практик подразумевается наличие критериев оценки «правильности», соответствия образцу. В этом процессе значимо поддерживающее и направляющее участие психолога (или педагога), ведущего программу: информирование, обучение, контроль, одобрение. К завершению второго этапа ожидается переход участника программы к выработке собственного стиля, самопонимания и самопринятия, что связано с реализацией смыслопорождающего процесса в становлении самосознания.

Смыслопорождающий процесс активируется в условиях взаимодействия «субъект – интер-/ интрасубъектная среда», где в качестве «внешней среды» в рамках конкретной программы могут выступать, как система межличностных взаимодействий (например, в тренингах коммуникативной компетентности), так и система социальных ценностей, норм, стереотипов (в программах личностного роста, профессионально-личностного самоопределения), а в качестве внутренней среды – представление о себе, своих потребностях, чувствах, смыслах. Единство интериоризации и экстериоризации в переходе от второго к третьему этапу программы представлено в интеграции рефлексивного и регуляторного процессов самосознания со смыслопорождающим, который выступает «ведущим» на третьем этапе программы.

Третий этап в универсальной модели программ развития самосознания предполагает, что гармонизация внутренних и внешних субъект-средовых взаимодействий происходит на основе способности учитывать не только свою позицию и позицию «Другого (или Других)» (внешней среды) во взаимодействиях, но и ориентацию на то, что «между», то есть на сами взаимодействия, их ресурсность, динамику, потенциал развития. Это позволяет в процессе третьего этапа программ развития самосознания осуществить переход в становлении субъектности от стадии «субъекта самостоятельного, произвольного действия» к стадии «субъекта продуктивного действия и развития». Условия для процесса смыслопорождения (и возможно, преобразующих трансформаций) в становлении самосознания предоставляют задания, в большей степени связанные с индивидуальной самостоятельной постановкой целей деятельности и взаимодействий, выработкой собственных внутренних критериев эффективности или качества их достижения (например, проектная, творческая деятельность). Развитие субъектности самосознания до стадии «субъекта продуктивного действия и развития» является идеальной целью, но в рамках реальной программы может быть не достигнуто. Предполагается, что эффективная реализация программы, тем не менее, формирует необходимые ресурсы для возможного дальнейшего развития субъектности. Признаками стадии «субъекта продуктивного действия и развития» самосознания выступают такие творчески-индивидуально выработанные модели образа Я и образа жизни, которые, с одной стороны, позволяют максимально эффективно, и в то же время гармонично, реализовать себя во взаимодействиях со средой, а с другой стороны, могут изменить, развить, трансформировать, саму внешнюю среду во взаимодействии с ней.

В завершении программ и технологий развития самосознания, как процесса субъект-средовых взаимодействий, ожидается системная взаимосвязь рефлексивного (когнитивного, эмоционального), регуляторного, смыслопорождающего и преобразующего процессов, интегрально

определяющих реализацию субъектности Я на разных уровнях отношений «Я – интер/интрасубъектная среда личности». Развитие субъектности самосознания таким образом, проходит ряд этапов (стадий, уровней), когда каждый предшествующий из них выступает как условие, предпосылка и субъективное средство овладения последующей стадией. Каждый предыдущий уровень субъектности не исчезает, включаясь в уровни следующего порядка. Стадия субъекта продуктивной деятельности и развития («творца»), таким образом, содержит в себе все функциональные приобретения предшествующих стадий становления субъектности (Панов, 2004). То есть, становление субъектности в разработанной универсальной системы технологий развития/коррекции самосознания – непрерывный процесс, в котором выделение уровней представляет лишь общую схему и векторность самосознания, как процесса развития взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности».

Таким образом, последовательное развитие и интеграция рефлексивного, регуляторного, смыслопорождающего, преобразующего процессов приводят к повышению уровня субъектности Я, что обусловлено совместно-продуктивными взаимодействиями «Я – интер-/интрасубъектная среда личности» и проявляется в них. При этом становление самосознания структурно и процессуально может осуществляться не только эмерджентно, но и целенаправленно (организованно, регулируемо), с помощью технологий развития/коррекции самосознания, универсальная модель которых предложена с позиций концепции самосознания, как процесса субъект-средовых взаимодействий. В качестве критериев результативности программ становления субъекта самосознания выступают такие признаки, как: сбалансированное психическое состояние, отсутствие или слабая выраженность, непродолжительность внутриличностных конфликтов, удовлетворенность собой, отношениями и образом жизни, открытость новому опыту на основе чувства автономии, аутентичности, осмысленность целеполагания, чувство управления средой, ориентация на развитие себя и социальных отношений, продуктивной, творческой деятельности.

4.2. Программа становления субъекта профессионально-личностного самоопределения

Профессионально-личностное развитие определяется как процесс повышения уровня и совершенствования структуры профессиональной и личностной направленности, профессиональной компетентности, социально и профессионально важных качеств через разрешение противоречий между их актуальным уровнем, социальной ситуацией и развивающей ведущей деятельностью (Абульханова, 1991а). В структуре самосознания личности профессиональная идентичность, в сравнении с другими видами идентичности (этнической, половой, религиозной и др.), формируется позднее, и кроме того, является более сложной и комплексной по своему содержанию, в большей степени подразумевает осознанный выбор, осознанную саморегуляцию и смысловое самоопределение, что связано с высоким уровнем развития субъектности. Согласно Е. П. Ермолаевой, субъектность и профессиональная идентичность – взаимообуславливающие процессы, причем развитая профидентичность относится к высшей стадии субъектности личности (Ермолаева, 2009). С этой позицией согласуется выделение Н. Л. Ивановой иерархически организованных компонентов социальной идентичности: базового, индивидуально-личностного и профессионально-делового. В базовой идентичности выражены мотивация самозащиты и ценности безопасности жизни, материального и семейного благополучия. В индивидуально-личностной идентичности преобладают показатели личностного, экзистенциального самопонимания, мотивации самоуважения, ценности дружбы, общения, общественной пользы, приобщения к культуре. В профессионально-деловой идентичности (высшей ступени в структуре социальной идентичности) выражены учебно-профессиональные, деятельностные характеристики, автономная оценка собственных способностей, ценности профессионального и личностного роста (Иванова, 2004а). Другими авторами становление

профессиональной идентичности также рассматривается как системное, интегративное единство когнитивного и деятельностного компонентов, личностных характеристик (ценностных ориентаций, способностей, черт характера), готовности к осуществлению деятельности и опыта, позволяющего человеку использовать свой потенциал, осуществлять сложные культуросообразные виды деятельности, оперативно и успешно адаптироваться в постоянно изменяющемся обществе и профессиональной деятельности (Болотов, Сериков, 2003; Кораблина, Литвинюк, 2016). То есть, сформированная профессиональная идентичность соответствует высшему проявлению субъектности личности, для которой характерны мотивация саморазвития, автономность, самоактуализация, аутентичность. В то же время, формирование компонентов субъектности в профессионально-личностном самоопределении (самопознания, определения личностно значимых мотивов саморазвития в деятельности, самонаблюдения и осознания самоизменений в рефлексии нового субъективного опыта) выступает предпосылкой успешности профессиональной деятельности и психологического благополучия (Божович, 1995; Эйдельман, Сергиенко, 2016).

При этом важно подчеркнуть, что процесс профессионального становления, будучи связанным с уровнем развития субъектности личности в пространствах ее бытия, имеет вероятностный характер. Так, Г. Ю. Фоменко в становлении субъекта профессиональной деятельности выделила два модуса бытия: предельный и экстремальный (Фоменко, 2010). Модус бытия определяется особенностями мотивационно-потребностной сферы, ценностно-смыслового позиционирования личности, спецификой планирования поведения и образа мира. Экстремальный модус бытия соответствует низкому уровню субъектности профессионального самоопределения, профессиональному маргинализму, а предельный модус бытия соответствует осознанному профессиональному самоопределению, реализующему высокий уровень субъектности и развитой профессиональной идентичности в самосознании. Для экстремального модуса бытия характерна

неадекватная, стрессовая оценка профессиональных сложностей, которые в дальнейшем, при успешном их преодолении, избегаются, не будут воспроизводиться. Для предельного модуса бытия характерна оценка экстремальных ситуаций профессиональной деятельности, как возможностей для самореализации и саморазвития, более того, возникает потребность в дополнительном осложнении и новых вызовах.

Согласно Е. А. Сергиенко, самоопределение личности характеризуется сложной организацией и разным характером внешних и внутренних взаимодействий, в которых «субъект становится системообразующим фактором создания сложной многоуровневой системы психической организации» (Сергиенко, 2010, с. 22). Несмотря на то, что субъектность, как психическая функция, всегда представлена во взаимодействиях «индивид-среда» (так, например, Е. А. Сергиенко в качестве первого критерия проявления субъектности указывает на выделение ребёнком себя из окружающего мира (Сергиенко, 2007, с. 9)), освоение нового опыта жизнедеятельности в сложной системе взаимодействия «личность – социальная среда», связано с актуализацией и прохождением новых циклов становления субъектности Я в самосознании личности. Таким образом, можно заключить, что динамический и вариативный характер развития субъектности в профессиональном самоопределении актуализирует задачу выделения критериев ее проявления, а также определяет возможность и необходимость ее целенаправленного формирования в становлении профессионального самосознания уже на стадии профессионального обучения.

Возможные варианты проявления уровней или стадий становления субъектности профессионального самоопределения можно определить на основе выделенных Н. С. Пряжниковым противоречий («парадоксов») этого процесса самосознания (Пряжников, 1999). В частности, Н. С. Пряжников отмечает, что по мере самопознания должна возрасть возможность саморегуляции, которая характеризует человека, как субъекта, однако в реальности может происходить снижение уровня субъектности, в силу

самоманипуляции познанной частью себя. Снижение же риска самоманипулирования связано с переходом автоматической саморегуляции в рефлекслируемую осознанную саморегуляцию, что и определяет связь уровня субъектности с эффективностью саморегуляции. Кроме того, несмотря на выделение многими психологами взаимосвязи между самоопределением личности и профессиональной деятельностью, смысл самого труда часто остаётся неясным для человека. Из этого следует, что технологии развития профессионально-личностного самоопределения, необходимым образом должны актуализировать рефлекссию индивидуального смысла профессии и развитие навыков сознательного регулирования смысловых основ своей деятельности.

Н. С. Пряжников также обращает внимание, что на стадии оптации (характерной для подросткового возраста) может оказаться и взрослый человек, что не соответствует классическим периодизациям Д. Б. Эльконина, Л. И. Божович, Е. А. Климова, В. А. Бодрова, Дж. Сьюпер и др., связывающим этапы профессионального становления с возрастом (Пряжников, 1999). Высокий уровень субъектности проявляется в том, что человек, освоив профессию, привносит в неё творчество, собственный уникальный стиль деятельности, но многие люди застревают на стадии субъекта подражания и критической оценки, чувствуя себя комфортно на более низких этапах профессионального развития. При этом вероятность низкого уровня развития субъектности профессионально-личностного самоопределения высока. Более того, часто люди с неразвитой ценностно-смысловой составляющей профессионального самосознания социально могут быть вполне адаптивны и успешны в карьерном плане, однако профессионально несостоятельными. Тем самым на этапе освоения профессии особое внимание необходимо уделять развитию ценностно-смысловой саморегуляции личности в целом, а также включения в обучающий процесс опыта не только практической, но и творческой деятельности в построении личной профессиональной перспективы. В этом контексте большой интерес представляет разработанная

Т. А. Барышевой в практике работы со студентами технология «психодизайна креативности» в процессе рефлексивной самоорганизации – процесса самопроектирования творческого потенциала по принципам гармонизации параметров креативности, функциональности и самоактуализации (творческой экспрессии, творческой продуктивности), что развивает навыки самоанализа, адаптации и мотивацию непрерывного обучения в течении всей жизни (Барышева, 2013). Внешними (социальными) креативогенными «пространствами» для эффективного саморазвития творческой личности являются искусство (художественная деятельность), путешествия и опыт профессиональной деятельности (Барышева, Малязина, 2015).

Реализация компонентов личной профессиональной перспективы свидетельствует о том, что при её построении человек активно рефлексировывает, учитывает собственные ресурсы и объективные возможности, что позволяет использовать полученные результаты в осознанном профессиональном и личностном самоопределении. Как отмечает Д. А. Леонтьев, субъектность «позволяет представить человека как автора и сценариста своих действий... способность к этому человек обретает, лишь накопив определённый опыт взаимоотношений с окружающими и опыт использования собственных средств саморегуляции» (Леонтьев, 2010, с. 70–71). Рассматривая схему построения личной профессиональной перспективы, разработанной Е. А. Климовым, Н. С. Пряжников отмечает, что «многие люди, совершенно с ней незнакомые, при серьёзном самостоятельном решении своих профориентационных проблем всё же реализуют многие компоненты данной схемы...» (Пряжников, 1999, с. 101).

Исходя из вышесказанного, развитие субъектности студентов в профессионально-личностном самоопределении, может быть не только индивидуальным и ситуативно реализующимся, но и целенаправленно организованным процессом, опирающимся на специально разработанные психолого-педагогические технологии проектирования жизненного пути, выработки осознанной жизненной позиции (Коржова, 2010, 2016).

С позиций экопсихологического подхода становление субъектности Я сопряжено с развитием субъект-средовых взаимодействий, и это методологическое положение выступает основой универсальной системы технологий развития самосознания. На этой основе нами была разработана программа, способствующая становлению субъектности Я в аспекте профессионально-личностного самосознания студентов, которая включала рефлексию студентами своих профессионально-важных качеств, ценностей, осознание ценностно-смысловых оснований самоопределения, построение образа себя в профессии и в личной жизни при планировании личной профессиональной перспективы (Лопухова, 2011а; Лопухова, Галлямова, 2013а). Программа подразумевала встраивание в реальный учебный процесс (в освоение дисциплины соответствующего содержания), поэтому участие в программе не было добровольным, и ее апробация проходила по типу квазиэксперимента (Дружинин, 2000, с. 134-135). Эффективность реализации программы, направленной на становление субъектности профессионально-личностного самоопределения студентов определялась на основе наблюдения за процессом, регулярной обратной связи и сопоставления результатов выполнения творческих заданий, требующих саморефлексии, самооценки и самопроектирования своего жизненного пути студентами, включенными и не включенными в развивающую программу. В соответствии с универсальной системой технологий развития самосознания, разработанная программа профессионально-личностного самоопределения студентов реализовывалась последовательно по трем этапам.

На **первом этапе** программы задания, ориентированные на развитие взаимодействий образов «Я – Моя будущая профессия» в самосознании студентов, должны были обеспечить переход от позиции «субъект потребности/интереса/мотива», к позиции «субъект наблюдения» в становлении профессионально-личностного самосознания посредством актуализации рефлексии. В начале первого этапа задания учитывалось, что для части студентов возможен «объект-объектный» тип взаимодействий в системе

«Я – профессиональная среда», а также слабая способность рефлексии ценностных оснований своих поступков, выборов, деятельности в целом. Целью заданий на этом этапе, соответственно, была актуализация субъективного значения обучения на соответствующем профессиональном направлении, а также рефлексия и сопоставление профессионально-значимых и своих личностных качеств, своих потребностей с возможностью их реализации в приобретаемой профессии. Для реализации этой цели применялись методы дискуссии, развивающие игры социально-психологического тренинга (например, «ярмарка личностных качеств», или «создание саморекламы»), работа с опросниками в актуализирующем и развивающем аспектах. Анализ своих качеств, потребностей, мотивов должен был способствовать развитию взаимодействия образов «Я – Моя будущая профессия» в самосознании и переходу субъектности в становлении профессионального самосознания на следующие стадии (подражания действию-образцу, обучения и критического оценивания).

На **втором этапе** целью программы развития профессионального самосознания студентов выступала актуализация регуляторного процесса в становлении самосознания в аспекте профессионального самоопределения. Реализация регуляторного процесса самосознания невозможна без развитых навыков саморефлексии, и задания второго этапа были ориентированы на развитие этих двух механизмов в их единстве. Регуляторный процесс подразумевает субъектную позицию в мотивации профессионального самоопределения, что соответствует «субъект-объектному» и «объект-субъектному» типам взаимодействия образов «Я – Моя будущая профессия» в самосознании студентов. Задания, ориентированные на актуализацию в самосознании студентов позиции субъекта подражания действию-образцу, субъекта обучения и субъекта критического оценивания, включали методики, модифицированные из диагностических в развивающие за счет их проведения в форме групповой совместной рефлексии с обсуждением, дискуссиями. С целью развития рефлексивного и регуляторного процессов самосознания (а

также актуализации смыслопорождающего механизма) использовались, такие методики, как: четыре блока системы ценностей личности Б.С. Алишева и оценка устойчивости профессиональной направленности личности (Лопухова, 2003). Так, на материале четырех блоков системы ценностей (Алишев, 2002) в самодиагностике студент должен выбирать одну из ценностей, попарно входящих во взаимные противоречия (например, что важнее – «сохранение среды обитания» или «благополучие близких людей»; «благополучие близких людей» или «мощь и процветание родной страны»; «мощь и процветание родной страны» или «экономический и технический прогресс человечества» и т.д.). При этом предлагалось в групповом обсуждении и дискуссии находить максимально приближенные к реальной жизни примеры воплощения данных противоречий.

Структура и содержание методики соответствовали логике концепции самосознания, как процесса субъект-средовых взаимодействий, поэтапно ориентируясь в четырех блоках на разные уровни взаимодействий «субъект – интер-/интрасубъектная среда» личности «субъект-объектного» типа:

- первый блок образован основным ценностным соотношением «Я – не Я» («мое личное благополучие» – «экономический и технический прогресс человечества»);
- второй блок ценностей обозначает глобальный аспект взаимодействия человека с объективным миром (отдых, семья, работа, учеба и т.п.);
- третий блок ценностей образуется сферами взаимодействия с окружающей реальностью (покой, гармония отношений, материальное благополучие, статус, саморазвитие и т.п.);
- четвертый блок ценностей отражает основные способы взаимодействия человека с окружающей действительностью (красота, истина, польза, мощь, добро, свобода, справедливость).

При работе с этим инструментом студенты подводились к пониманию, что каждое их действие, каждый выбор, мнение обусловлены определенной ценностной установкой, даже если они это не осознают. После проведения

этой методики им предлагалось подумать, насколько они осознавали и осознают, что такое ценности в их самосознании, какие они бывают, и как постоянно входят во взаимное противоречие в реальных жизненных выборах и повседневных ситуациях, насколько понимание своих ценностных оснований позволяет совершать более осознанные выборы и принятие решений.

Методика оценки устойчивости профессиональной направленности личности (представлена в Приложении 3) также проводилась в формате самодиагностики. Выполнение задания на двойное оценивание своих потребностей, которые могут или не могут удовлетворить приобретаемая ими при обучении профессия и гипотетическая профессия, которую бы они выбрали при моделировании ситуации более или менее резкого изменения их жизни, актуализирует рефлексия взаимодействия в системе «Я – Моя будущая профессия», как «объект-субъектного», так и «субъект-объектного» типов. В развитии этих взаимодействий, в их переходе на субъект-субъектные типы взаимодействий в системе «Я – Моя будущая профессия» в самосознании, закладывались условия активизации смыслопорождающего и преобразующего процессов, как ведущих в становлении профессионального самосознания на следующем этапе.

На **третьем этапе** задания подразумевали реализацию всех процессов самосознания в их единстве, при ведущей роли смыслопорождения и преобразования (самоизменением). Задания носили выраженный индивидуально-творческий характер, выполнение которых подразумевало преимущественно самостоятельную работу студента с последующей их презентацией и обсуждением на занятиях. Это были такие задания, как упражнения экзистенциального самоопределения: «Мне 70 лет» или «Я на пенсии», описание себя и своей жизни через 10 — 15 лет, и другие. Ключевым и завершающим заданием был проект своего жизненного пути на основе технологии персонального менеджмента, предложенного Ю. Н. Байковым, А. И. Блощинским, Д. Е. Егоровым (Байков и др., 2003).

Для подготовки проекта студент должен был определить конкретные жизненные цели, которые он желает достичь через 10 – 15 лет («образ потребного будущего»). Для реализации проекта предлагалась схема его выполнения и критерии оценки, построенные с использованием проектных технологий целеполагания. Реализация этой технологии персонального менеджмента предоставляет возможность в полной мере реализовать субъектную и творческую позицию в профессионально-личностном самоопределении.

Апробация программы развития профессионального самосознания проводилась со студентами Института психологии и образования Казанского федерального университета, в процессе очного обучения в ходе проведения практических занятий по дисциплине «Практикум по профориентации», которая преподавалась у четырех студенческих групп, обучающихся по направлению «психолого-педагогическое образование» (в апробации программы принимала участие ассистент А. А. Галлямова (Лопухова, Галлямова, 2013)). С тремя учебными группами студентов проводились тренинговые занятия по апробируемой программе, а с одной группой занятия проводились по рабочей программе этой дисциплины. На первом и завершающем занятиях все студенты получали одинаковые задания, связанные с саморефлексией и самопроектированием. Большинство заданий давалось студентам на самостоятельную работу, а на практических занятиях обсуждались результаты, актуализировались необходимые знания и проводились мотивирующие беседы. Исходя из анализа результатов этих заданий определялся общий уровень развития субъектности профессионального самосознания студентов на основании количественных (частотный анализ) и качественных критериев.

На первом занятии всем студентам было дано задание написать эссе, в котором они должны были раскрыть два вопроса: «Почему я поступил на данную специальность?» и «Как я себя вижу через десять лет?». Уровень субъектной позиции студента по отношению к своей профессионализации,

и жизни, в целом, определялся на основании ряда критериев: целенаправленный или нет выбор профессиональной специальности при поступлении в вуз; удовлетворенность профессиональным выбором; оценка перспектив своего профессионального и личного развития в будущем.

Качественный и количественный (частотный) анализ 86 эссе студентов показал, что 64% студента поступали на свою специальность нецеленаправленно и не собирались работать по приобретаемой профессии. Среди них 36% студентов хотело поступить в другой ВУЗ или на другую специальность; 12% ответили, что их уговорили родители или знакомые; 7% студентов поступили из-за престижности образования в данном ВУЗе. Только 33% студента ответили, что всегда хотели обучаться данной профессии и целенаправленно готовились к поступлению. Также 34 % студентов отметили, что им нравится их специальность. Таким образом, более половины студентов (64 %) характеризовались бессубъектной позицией при поступлении на обучение по своей профессии и в определении собственного профессионального будущего.

Свое профессиональное будущее, в целом, положительно оценили 27 % студентов; 2 % представляют себя состоявшимися, успешными людьми; 2 % отметили, что им хотелось бы быть успешными в своей профессиональной деятельности. Большинство студентов видят своё будущее в аспекте достижения семейного и материального благополучия (что можно объяснить преобладанием девушек на этих специальностях): в 74 % эссе описываются семья и дети, в 21 % эссе – квартиры, машины, загородные дома. Около половины студентов продемонстрировали неопределенность представлений о своём профессиональном будущем: 15% ответили, что планируют работать, но пока не знают кем; 27 % студентов написали, что вообще не заглядывают в своё будущее, из них 17 % написали, что никогда не задумывались о своём будущем, для 8 % будущее кажется неопределённым, 2 % написали, что живут сегодняшним днём.

«Объектная» позиция в плане профессионально-личностного самоопределения, выявленная на основе анализа эссе в вводной диагностике, встречалась у студентов всех учебных групп примерно в равных пропорциях, поэтому можно считать, что включение студентов в занятия по разработанной нами программе развития профессионального самосознания осуществлялось на рандомном основании. Занятия проводились по учебному расписанию, раз в неделю в течении одного учебного семестра.

Главным итогом занятий по развитию субъектности и главным диагностирующим инструментом для определения эффективности разработанной нами технологии выступали проекты профессионально-личностного самоопределения, основанные на технологии персонального менеджмента (Байков и др., 2003). Студентам всех групп было дано задание по определенному шаблону разработать и представить в занятии план-проект реализации целей своей жизни на ближайшие 10 – 15 лет. Компонентами проекта, которые нужно было в нем отразить, были: цели, ценности, временное планирование, соотнесение своих целей и ценностей (ценностно-смысловое самоопределение), внешние и внутренние ресурсы и угрозы для реализации проекта жизненного пути, способы минимизации внешних и внутренних угроз (SWOT-анализ), финансовый анализ возможностей достижения поставленных целей, действия для реализации намеченных планов (ближайшие задачи). Проектные работы анализировались по факту наличия всех требуемых составляющих, что оценивались частотным анализом, и их содержания, что оценивалось качественно.

В результате было проанализировано 64 проекта студентов, прошедших занятия по апробируемой программе (далее: «первая группа»), а также 20 проектов, выполненными студентами на практических занятиях, с которыми не проводилась программа по развитию субъектности профессионального самосознания, но были объяснены задачи, правила и способы выполнения проекта персонального менеджмента, требования к разделам, из которых должен состоять проект и критерии его оценки (далее: «вторая группа») (табл. 13).

Таблица 13 - Сравнение критериев проявления субъектной позиции при выполнении проектов профессионального самоопределения студентов, участвующих и не участвующих в развивающей программе

Наименование раздела проекта (критерия проявления субъектной позиции)	Наличие раздела в проекте (кол-во и % студентов)		Различия по критерию углового преобразования Фишера ϕ^*
	Участвующие (N = 64)	Не участвующие (N = 20)	
Наличие целей жизни	64 / 100%	20 / 100%	нет
Наличие профессиональных целей	56 / 88%	17 / 85%	0,285; не значимо
Ведущая цель в проекте – профессиональная	29 / 45%	3 / 15%	2,662; $p \leq 0,01$
Ведущая цель в проекте – не профессиональная	16 / 25%	12 / 60%	2,83; $p \leq 0,01$
Профессиональная цель соответствует получаемой специальности	38 / 59%	8 / 40%	1,526; не значимо
Наличие ценностей (перечисление, описание)	50 / 78%	2 / 10%	5,949; $p \leq 0,001$
Наличие профессиональных ценностей	33 / 52%	2 / 10%	3,744; $p \leq 0,001$
Иерархия целей и ценностей	33 / 52%	1 / 5%	4,497; $p \leq 0,001$
Временное планирование	54 / 84%	16 / 80%	0,453; не значимо
Учет внешних ресурсов	54 / 84%	19 / 95%	1,409; не значимо
Учет внешних рисков/угроз	54 / 84%	19 / 95%	1,409; не значимо
Учет внутренних ресурсов	54 / 84%	19 / 95%	1,409; не значимо
Учет внутренних рисков/угроз	58 / 91%	18 / 90%	0,078; не значимо
Способы минимизации внешних угроз	19 / 30%	13 / 65%	2,818; $p \leq 0,01$
Способы минимизации внутренних угроз	21 / 33%	11 / 55%	1,761; $p \leq 0,05$
Финансовый анализ реализации планов	33 / 51%	1 / 5%	4,497; $p \leq 0,001$
Планирование действий по осуществлению целей	44 / 69%	10 / 50%	1,503; не значимо
Планы инвестирования в профессиональное саморазвитие	52 / 81%	12 / 60%	1,854; $p \leq 0,05$

Согласно приведённой сравнительной таблице 13, всем студентам была понятна задача по определению и постановке целей своей жизни и профессионально-личностного самоопределения. Все студенты обозначили в своем проекте цели своей жизни, в том числе, профессиональные. Это можно

объяснить тем, что в социуме активно поощряется целеустремлённость, и навыкам целеполагания отводится большое внимание, включая популяризацию в соцсетях.

Цели профессиональной самореализации у примерно половины студентов в обеих группах соотносились с получаемой ими в вузе специальностью. Однако, в проектах существенно различались иерархии жизненных целей: у студентов «первой группы» ведущими чаще выступали цели развития в профессии, в то время как у студентов «второй группы» ведущие цели жизни чаще были связаны с созданием семьи, путешествиями, достижением материального благополучия. Эти результаты показывают, что несмотря на то, что в общем, субъектная позиция относительно своей жизни так или иначе представлена у всех студентов (что проявляется в наличии целей), однако относительно отдельных аспектов самосознания, в данном случае, профессионального, уровень развития субъектности может быть разным, и в самосознании студентов, с которыми проводилась программа, признаки профессиональной идентичности были представлены чаще.

Значимые различия между группами проявились по критериям осмысления ценностных оснований своих жизненных проектов и связи декларируемых целей с индивидуальной системой ценностей. Так, «первая группа» студентов, в развивающей работе с которыми проводилась активизация осознания ценностных отношений, определяющих выборы и поступки человека, значительно чаще включала их в свой проект (78 %), нежели студенты, с которыми такая работа не проводилась (10 %). Кроме того, студенты «первой группы» с значимо чаще выделяли для себя ценности профессионального плана (52 % студентов «первой группы» против 10 % студентов «второй группы»).

Более половины студентов «первой группы» в выполнении проекта смогли не только отразить, вербализовав и систематизировав индивидуально значимые ценности своего профессионального становления, но и отразить схематично связь между целями и ценностями в своих проектах жизненного пути (52 %). Такой результат в проекте профессионально-

личностного самоопределения соответствует реализации смыслопорождающего процесса, который соответствует уровню субъекта произвольного действия в становлении профессионального самосознания.

Студенты «второй группы» либо не отражали в проекте свои ценности, либо те, кто отразил (10 %), не выявляли связей между целями и ценностями, что соответствует стадии субъекта подражания действию-образцу (стадия «подмастерье» согласно модели экопсихологических стадий становления субъектности В. И. Панова) (в данном случае – декларации нормативных целей своего жизненного пути, не осмысленных индивидуально).

В проектах профессионально-личностного самоопределения у подавляющего большинства (80-95 %) студентов обеих групп представлены компоненты «временное планирование достижения жизненных целей», «анализ внешних и внутренних ресурсов и угроз», при том, что продумывание минимизации внешних и внутренних угроз значимо чаще представлено в проектах «второй группы» студентов. Возможно, это связано с тем, что на занятиях, направленных на рефлекссию личностных качеств и отношений с окружающими, студенты осваивали диалектичное понимание своих качеств и отношений, как «хороших» (полезных, желаемых), так и «плохих» (мешающих, нежелательных), и учились видеть ресурсную составляющую в любых случаях. Поэтому, при продумывании «ресурсов» и «угроз» в реализации проекта, они склонны были видеть в самих угрозах и рисках скрытые ресурсы и, соответственно, меньше обращали внимание на поиск способов минимизации «угроз и рисков» своего проекта. Результаты реализации этой части проекта свидетельствуют о развитии у студентов обеих групп регуляторного процесса самосознания в сфере профессионально-личностного самоопределения, что соответствует проявлению субъектности Я на уровне критической оценки образов идентификации и самооценки. Таким образом, можно сделать заключение, что большинству студентов этот уровень проявления субъектности в становлении своего профессионального самосознания присущ вне зависимости от включения в специальную развивающую программу.

Финансовый анализ способов и ресурсов реализации своих жизненных планов не был рассмотрен в проекте студентами «второй группы» (0 %). В то же время около половины студентов «первой группы» (51 %) рассчитывали возможные для осуществления своих целей источники и способы денежных поступлений, либо их замены вариантами, не требующими материальных вложений (например, обучение чему-то важному для профессионального роста через волонтерство, стажировки, коммуникативные контакты и пр.). Часто эти студенты проектировали оригинальные, нетипичные способы осуществления довольно амбициозных целей профессионально-личностной перспективы развития, с оптимизированными временными и материальными затратами, при этом проект можно было оценить, как довольно устойчивый и реализуемый. Эти случаи рассматривались, как проявление выхода на стадию субъекта продуктивного действия («творца новых норм и личной модели самореализации») в профессионально-личностном самоопределении.

Студенты «первой» группы несколько чаще планировали осуществление практических действий для профессионально-личностного саморазвития и успешности (69 % – первая группа; 50 % – вторая группа), связанных с тем, чтобы читать научную литературу, смотреть образовательные фильмы, вести здоровый образ жизни, а также значимо чаще декларировали готовность инвестировать в свое профессиональное развитие (записаться на курсы английского языка, посещать конференции и семинары, тренинги, публиковать научные статьи и т.д.). Таким образом, можно говорить о более выраженной ориентации на профессиональное саморазвитие студентов «первой группы» и более часто проявляющейся осознанной ответственности к своему будущему в профессии.

На основании полученных данных можно сделать заключение, что разработанная и апробированная программа развития профессионального самосознания создает условия, способствующие становлению субъектности в профессионально-личностном самоопределении студентов. Становление субъектности в профессионально-личностном самоопределении может определяться также множеством других факторов, и самостоятельно

разворачиваться в условиях обучения и практического вхождения в профессиональную деятельность. Однако, как показывает сравнительный анализ результатов проектирования своего будущего студентами, без специально организованных психолого-педагогических условий развитие субъектности в профессионально-личностном самоопределении, как правило, не выходит за пределы стадий «субъекта обучения» и «субъекта критической оценки», то есть, стадий репродуктивного уровня, соответствующих «субъект-объектному» и «объект-субъектному» типам взаимодействий в системе «Я – моя профессия» в самосознании. Специально созданные психолого-педагогические условия последовательной актуализации и интеграции рефлексивного, регуляторного, смыслопорождающего и преобразующего процессов самосознания, способствуют переходу к субъект-порождающему типу взаимодействий в системе «Я – моя профессия» и с большей эффективностью становлению субъектности на уровнях «субъекта произвольного действия и самоопределения» и «творца новых норм и личной модели самореализации» в профессиональном аспекте самосознания. Данная программа, направленная на развитие профессионального самосознания студентов, является одним из примеров практической реализации универсальной системы технологий развития самосознания.

4.3. Динамика стадий становления субъектности профессионала при вхождении в инновационную деятельность

Становление самосознания во взрослом возрасте определяется тенденциями интеграции личностной и профессиональной идентичностей на основе построения смысловой основы своей профессиональной деятельности и возможности быть субъектом профессионально-личностной самореализации (Лупенко, 2008; Пряжников, 1996, 1997, 1999; Разумникова, 2004; Толочек,

2025). Однако технологические трансформации, цифровизация, глобальные экологические, политические и экономические преобразования приводят к переформатированию личной и профессиональной жизни людей (Шевченко, Штофер, 2023).

Трансформация субъектности в профессиональной сфере определяется динамикой разнонаправленных и многоуровневых субъект-средовых взаимодействий «Я в жизни – Я в профессии – профессиональная среда» разных направлений: как в усилении субъектности профессионала, личностной и профессиональной зрелости, творческого саморазвития, так и в стагнации, и даже в деструктивных формах.

Размытие внутренних критериев профессионализма, отсутствие психологического соответствия и устойчивого самоотождествления собственной личности с профессией характеризует состояние маргинальности профессионального самосознания (Ермолаева, 2009). Неразвитое профессиональное самосознание, ставит человека в позицию объекта внешнего воздействия и манипуляции (Пряжников, 1997) а также самобъективации в ситуациях постоянно меняющихся регламентов, требований к трудовым функциям, повышенной, и при этом неопределенной и рутинной нагрузки. Показано, что педагоги с субъектной и объектной ориентациями имеют разные подходы к работе и жизни (Коржова, Дворецкая, 2005a; Mukhametzyanova, Korjova, Veselova, 2017). Становление же субъектности профессионального Я в самосознании предполагает последовательное движение к уровню субъекта продуктивного действия, как творца своего профессионального бытия, с направленностью на смысловые и ценностные контексты своей профессиональной жизни, интегрированности и целостности профессионально-личностного самосознания.

Одной из профессий, в которых уровень субъектности профессионально-личностного Я в самосознании выступает ведущей компетенцией, является профессия педагога, учителя. Низкий уровень профессиональной и личностной субъектности педагога пагубно отражается

на развитии субъектности детей (учеников), на становлении их самосознания и формировании их личностных качеств (познавательной мотивации, самооценке, целеполагании и пр.). Однако условия труда учителей в современной системе общего образования (высокая регламентированность, нормативность, внешнее оценивание и контроль) ставят учителя на позицию объекта во взаимодействиях «учитель – образовательная среда», что транслируется на преимущественно субъект-объектные отношения «учитель – ученик», и способствует стагнации в профессионально-личностном развитии учителя, приводит к профессиональным деформациям. В связи с этим создание системы педагогических и психологических условий, которые дают возможность как для раскрытия личности, необходимо для развития профессионально-личностного самосознания учителя, как субъекта произвольного и продуктивного действия (Панов, 2007).

С целью создания условий профессионально-личностного развития учителей, предполагающих возможности новаторской, инициативной, самостоятельно-творческой деятельности, профессиональной самореализации, была разработана оригинальная программа педагогического эксперимента по интеграции шахматной культуры в школьный учебный процесс (на примере начальной школы) (Настольная книга учителя шахмат / Э. Э. Уманская, 2020). Содержание программы представляет целостную систему педагогических технологий создания развивающей образовательной среды, инициирующей и поддерживающей процессы совместно-продуктивных субъект-средовых взаимодействий в учебном процессе. Основной целью включения учителей в данную программу являлось создание условий для построения нового типа профессиональной деятельности, ориентированного преимущественно на субъект-порождающий тип взаимодействий на трех уровнях: межличностных взаимодействий всех субъектов школьной среды («учитель – ученик», «учитель – учитель», «ученик – ученик»), субъект-средовых взаимодействий (учитель – система обучения/школьная среда), интрасубъектных взаимодействий («Я – профессиональное

Я» учителя). Освоение нового опыта определялось характеристиками субъектности, выраженных в комплексе потребностей и мотивов, побуждающих педагога к саморазвитию: потребности творчества, готовности к повышению квалификации, профессиональной переподготовке, участию в методических семинарах, консультативной практике, расширению внепрофессионального кругозора благодаря обучению основам игры в шахматы, ознакомлению с историей шахмат и шахматным этикетом, правилами организации шахматных турниров и шахматного судейства.

В основу данного педагогического эксперимента заложена идея, что шахматная культура выступает как область новых социокультурных норм, а педагог становится посредником между ребенком и миром шахмат. Позиция педагога, работающего с детьми младшего школьного возраста как проводника в новую для всех участников область развития знаний, умений и навыков, обуславливает установление субъект-субъектных взаимодействий, где ученик выступает не объектом педагогических воздействий, а субъектом совместного развития. Общение между учеником и учителем, определяемое взаимным развитием, начинает соответствовать субъект-порождающему типу взаимодействий, когда учитель и ученик (ученики) – это не противопоставленные или равноправные личности, реализующие свое субъектное начало, а «целостный (единый) развивающийся субъект» вхождения в культуру шахмат и шахматного спорта.

При организации и проведении педагогического эксперимента предполагалось, что освоение и практическая реализация технологии «Интеграция шахматной культуры в учебный процесс начальной школы» будет способствовать, при включенной творческой позиции и установкам к инновационной профессиональной деятельности, развитию профессионального самосознания учителей и выходу их на более высокие уровни субъектности в педагогической деятельности. В связи с этим, научно-исследовательской (диагностической) целью в апробации программы подготовки учителей к интеграции шахматной культуры в учебный процесс

начальной школы выступало определение динамики стадий становления субъектности учителя в соотношении с показателями инновационного потенциала их личности (Уманская, Лопухова, 2023; 2024).

В эксперимент по освоению инновационной программы «Интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы» были включены 100 учителей общеобразовательных школ г. Лениногорска (Республика Татарстан) и г. Чебоксары (Республика Чувашия).

Учителя включались в программу повышения профессиональной квалификации с целью освоения содержания модели «Интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы» с ориентацией на последующее самостоятельное развитие инновационной педагогической деятельности – создания и реализации проектов интеграции с шахматной культурой обучения детей в своей предметной области. Тем самым технология интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы представляла профессиональный вызов для педагогов, связанный с инновационной деятельностью в сфере, с которой они ранее не имели соприкосновения. Большинство педагогов не были ранее вовлечены в шахматную культуру, не имели опыта игры в шахматы, и при этом предполагалось, что традиционный тип преподавания дисциплины нужно будет изменить в новаторском ключе собственного творческого проекта через интеграцию с семантикой шахматной культуры. Анализ подходов к описанию инновационной педагогической деятельности свидетельствует, что в центре внимания всегда находится личность педагога-новатора, которая всегда рассматривается с позиций субъектности. Творческая самореализация, направленность на освоение нового и расширение границ своего Я – неотъемлемое качество субъекта: «Субъект в своей деятельности, духовности и т.д. – это субъект творчества, созидания, инноваций. Любая его деятельность (хоть в минимальной степени) является творческой и самостоятельной» (Брушлинский, 1999, с. 8). Такое видение соотносится с сутью «универсальной системы технологий развития самосознания», в соответствии с которой была

разработана и реализовывалась программа повышения квалификации учителей начальных классов для обучения их технологиям интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы.

Первый этап решал задачи формирования мотивации учителей к инновационной преобразующей деятельности, включая также диагностику и самодиагностику (рефлексивное самонаблюдение посредством работы с личностными опросниками и участия в дискуссиях) инновативного потенциала личности, интереса к освоению мира шахмат, как культуры, спорта, развивающего досуга; отношения к себе, как учителю, личности, оценка уровня субъектности своей педагогической деятельности. Занятия с учителями на этом этапе в значительной степени были ориентированы на обсуждения возникающих у них вопросов, сомнений, ожиданий от освоения новых форм работы, и проходили преимущественно в формате диалога. Учителя знакомились с преимуществами, которые дает вхождение в мир шахмат, освоение основ шахматной игры не только для профессионального развития, но и для новых перспектив развития личности, межличностных отношений. В качестве мотивирующего арт-метода предлагалось просмотреть и обсудить кинофильм «Шахматистка», показывающий, как увлечение шахматами кардинально изменило профессиональную и личную жизнь, самоотношение, семейные и межличностные отношения обычной женщины. Приводились примеры профессиональных достижений учителей, успешно интегрирующих в преподавание своих дисциплин обучение шахматам и шахматной культуре, примеры содержания их методических разработок. Обсуждались и учитывались самые разные мнения, в том числе, скептическое отношение к перспективам профессионального развития в процессе данного обучения. Эта форма организации занятий была ориентирована преимущественно на позицию «субъекта наблюдения» (стадия «наблюдатель»), опираясь на актуализацию рефлексивного процесса самосознания в освоении программы обучения технологиям интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы.

Второй этап обучения учителей технологиям интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы в содержании материала занятий ориентировался на их позиции «субъекта подражания действующему образцу» (стадия «подмастерье»), «субъекта освоения действий» (стадия «ученик»), «субъекта критической взаимной оценки и самооценки» (стадия «критик/эксперт»). На этом этапе материал занятий был направлен на знакомство с сущностью инновационной деятельности педагога, на освоение основ шахматной культуры (истории, традиций, искусства мира шахмат, правил и норм взаимодействия партнеров по шахматам), на освоение навыков игры в шахматы (названий фигур, правил ходов, некоторых дебютов и т.п.), на освоение инновационных технологий, правил и примеров разработки урока в определенной предметной области, интегрирующего культуру шахмат и предметное содержание в соответствии с учебным планом начальной школы. Выполнение заданий проходило с внешней регуляцией правильности этого выполнения со стороны преподавателей курсов, выполняющих роль наставника, тьютера, супервизора. Постепенный переход на взаимный экспертный контроль и оценку на занятиях по презентации и обсуждению проектов собственных уроков в учебной группе, впоследствии способствовал развитию способности реализации подобного рода деятельности при внутреннем контроле. Второй этап обучения учителей технологиям интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы, тем самым, опирался на актуализацию регуляторного процесса, развивающегося на основе и в единстве с рефлексивным процессом самосознания. В результате происходило осознанное сращивание понимания задач, требований, способов и возможностей интеграции шахматной тематики в предметное содержание своих дисциплин, осознание своих компетенций, их ограничений и возможностей развития, мотивов и перспектив развития соответствующей профессиональной деятельности.

Третий этап был направлен на индивидуальную трансформацию полученного опыта и экстерииоризацию его творческом самовыражении при

реализации смыслопорождающего и преобразующего процессов самосознания, представленных в исследовательской деятельности педагога. Третий этап включал завершение обучения непосредственно на курсах повышения квалификации (презентацию и защиту своего проекта урока интеграции шахматной темы в содержание предмета обучения) и выхода на самостоятельную профессиональную деятельность, связанную с реализацией педагогического эксперимента интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы. После завершения курсов повышения квалификации учителя, реализующие модель интеграции шахматной культуры в учебный процесс, привлекались к участию на форумах, конференциях (таких, как «Золотая пешечка», «Белая ладья») с целью обмена опытом. На этом этапе можно говорить о становлении «группового субъекта» в смысле создания профессионального сообщества учителей, объединённого общей целью и содержанием инновационной педагогической деятельности. Предполагалось, что выход на позиции субъекта самостоятельного произвольного действия «мастер», и субъекта продуктивного творческого действия (самовыражения) «творец» при освоении новой модели интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы, актуализирует субъектность в реальной педагогической деятельности учителя, а также проявится в более высоком уровне понимания себя, как субъекта профессионально-личностного развития и отношений. Эти позиции профессионально-личностного самосознания учителей должны способствовать переходу преимущественно на субъект-совместный и субъект-порождающий типы взаимодействий «учащийся – учитель – образовательная среда», имеющие совместно-распределенный характер взаимного обмена способами и операциями выполняемого действия, их присвоения (интериоризации и экстериоризации) и, следовательно, совместного развития.

Апробация программы предполагала диагностический мониторинг с целью определения динамики регуляторных и субъектных составляющих самосознания учителей, который проводился методом двойной

ретроспективной самооценки: учителя себя по методике диагностики стадий становления субъектности преподавателя (ОСС-П) (Становление субъектности..., 2022, с. 388-391) с позиции «Я до участия в проекте «Интеграция шахматной культуры в учебный процесс...» и «Я сейчас». Это позволило, во-первых, определить (в среднем по выборке), выраженность актуальных стадий субъектности (субъект наблюдения «наблюдатель», субъект подражания действию-образцу «подмастерье», субъект обучения «ученик», субъект сопоставления и критической оценки «эксперт (критик)», субъект самостоятельного произвольного действия «мастер», субъект продуктивного творческого действия (самовыражения) «творец»), и средний профиль выраженности регуляторных процессов («планирование», «контроль», «коррекция») в профессиональном самосознании учителей. Во-вторых, разница показателей оценивания своей субъектности в профессиональной деятельности «раньше» и «теперь» позволила выявить динамику в самосознании учителей стадий становления и регуляторных процессов субъектности в результате освоения программы интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы.

В качестве внутренних факторов, относящихся к интрасубъектной среде самосознания в становлении субъекта профессиональной деятельности, в исследовании выступали: внутренняя мотивация участия в предложенном педагогическом эксперименте и склонности к инновациям, измеряемых с использованием опросника «Шкала самооценки инновативных качеств личности» Н. М. Лебедевой и А. Н. Татарко (Лебедева, 2008).

Поскольку включение учителей в программу «Интеграция шахматной культуры в учебный процесс начальной школы» осуществлялось на разных условиях: обязательным включением коллектива учителей в программу (с использованием «административного ресурса»), и на основании добровольного выбора участия в программе при методической поддержке администрации и автора программы Э. Э. Уманской, то было выдвинуто предположение, что не все учителя в начале обучения разную мотивацию к

участию в предлагаемой инновационной педагогической деятельности, и не всегда внешняя мотивация переходила во внутреннюю. Внутренняя мотивация возникает в деятельности, способствующей удовлетворению трех базовых потребностей: потребности в самодерминации (ощущение себя источником активности), в компетентности (ощущения себя знающим) и потребность в значимых отношениях, включенности в конструктивные отношения. Соответственно, можно было ожидать, что отсутствие базовой готовности к реализации инновационного проекта (позиции субъекта потребности саморазвития), влияло на включенность педагогов в этот процесс, и на оценку своего опыта участия в программе. Для выявления комплексного проявления ценностно-мотивационного отношения к предложенному варианту профессионального развития, учителя отвечали на вопрос: «Как вы оцениваете свой опыт участия в программе обучения технологиям интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы?». Большинство учителей (70 %) положительно оценили свой опыт освоения новой для них сферы – шахматной культуры и навыки игры в шахматы, отметили рост профессиональной идентичности и самосознания, ощутили пользу для профессиональной карьеры. Около трети учителей (30 %) негативно оценили опыт участия в освоении новой программы: не заметили существенных положительных изменений и перспектив профессионального развития в предложенном направлении. В дальнейшем проводился сравнительный анализ эмпирических показателей стадий становления субъектности и инновативных качеств личности на этих двух выборках, условно названных «положительный опыт участия в программе» и «отрицательный опыт участия в программе».

Сравнение выраженности средних показателей стадий становления субъектности двух групп учителей не выявило значимых различий, кроме того, все измеряемые опросником стадии становления субъектности выражены на относительно сходно: на среднем и несколько выше среднего уровнях. Это можно объяснить тем, что специфика профессии педагога

состоит в высокой организованности рабочего процесса, связана с постоянной необходимостью планирования, контроля и коррекции собственных действий. При очевидной выраженности всех регулятивных компонентов субъектности, инновативные качества учителей, которые гипотетически рассматривались нами как предпосылка развития субъектности педагога, были (в среднем по выборкам), также сходно выражены на среднем уровне. Относительно более высокий средний балл выявлен по показателю креативности, и наименьший – по показателю готовность рисковать ради успеха в профессиональной деятельности. Такой профиль проявлений инновативных качеств личности на выборке педагогов вполне объясним, поскольку инновационную деятельность можно рассматривать как способствующую достижению творческого уровня профессиональной самореализации педагога, но не содержащего в себе той степени риска, который предполагается в деятельности свободного предпринимательства, с ориентацией на которую был создан опросник.

Более интересные данные получены при сопоставлении динамики субъектности учителей в результате их включения в педагогический эксперимент по интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы. Выявлено, что учителя с «положительным опытом» участия в программе субъективно динамику всех стадий субъектности оценили, в среднем, положительно: динамика на стадии «наблюдатель» составила 0,5 баллов, на стадиях «подмастерье», «ученик», «критик» и «мастер» 0,9 баллов, на стадии «творец» 0,3 балла. Учителя из выборки «отрицательный опыт» имеют несколько другую динамику: немного больший рост начальных стадий субъектности (от стадии «наблюдателя» до стадии «критика») особенно на стадиях субъекта подражания действию-образцу и обучения новым действиям, но на стадиях «мастера» и «творца» динамика отрицательная (рисунок 19).

Полученные данные свидетельствуют о том, что субъективно учителя, внутренне сопротивляющиеся по тем или иным причинам инновационной программе интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной

школы, при общей декларации достаточно высокого уровня субъектной позиции в своей педагогической деятельности, ощущают, тем не менее, стагнацию на промежуточных стадиях, и даже откат на более низкие уровни развития себя как профессионала. Стагнация этих учителей на позиции «объекта» воздействия на них образовательной среды, и среды их педагогической деятельности, относится к «объект-субъектному» типу взаимодействий с профессионально-образовательной средой.

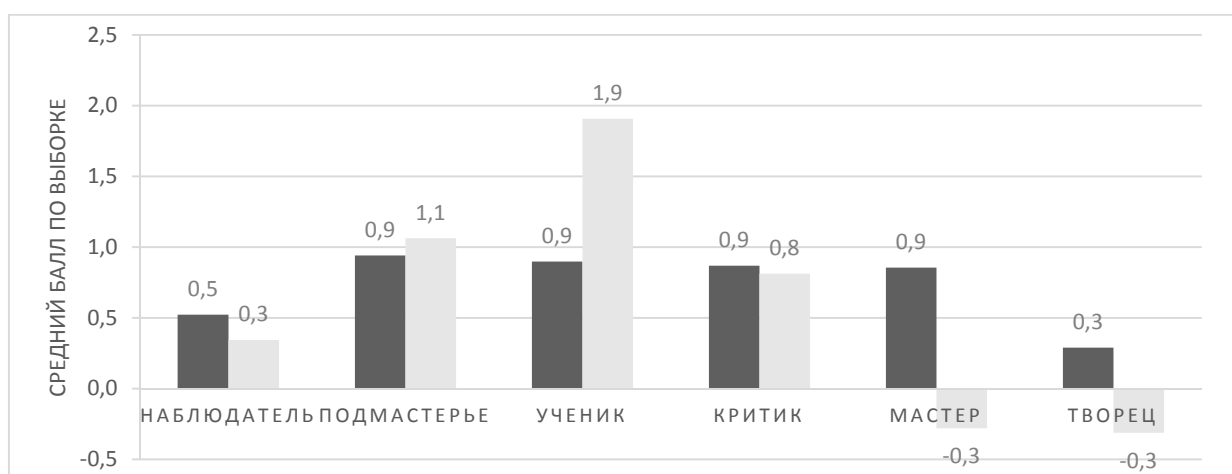

Рис 19. Динамика средней выраженности стадий субъектности учителей с положительным (черный цвет) и отрицательным (серый цвет) отношением к участию в программе интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы

Активная включенность учителя и ориентация на творческое саморазвитие в процессе интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы напротив, соотносятся с положительной динамикой развития субъектности и выхода на более высокие стадии «мастера» и «творца», соответствующие «субъект-совместному» и «субъект-порождающему» типам взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности» в становлении профессионально-личностного самосознания.

Сравнение выраженности регуляторных компонентов субъектности показало (рис. 20), что у группы учителей с «положительным опытом» значительно более высокая выраженность всех компонентов (планирования, контроля, коррекции), чем у учителей с «негативным опытом» ($p \leq 0,01$).

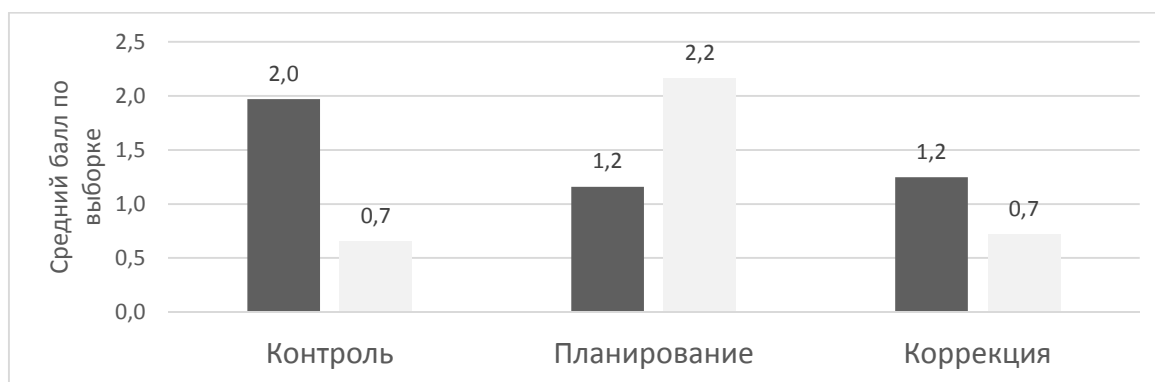

Рис.20. Динамика средних показателей выраженности регуляторных компонентов субъектности учителей с положительным (черный цвет) и отрицательным (серый цвет) отношением к участию в программе интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы

Однако у обеих групп учителей эти компоненты в среднем выражены на высоком уровне в соответствии со стандартизированными уровнями по методике ОСС-П. Однако при субъективном оценивании динамики регуляторных компонентов субъектности выявлены различия между выборками учителей с разным типом отношения к участию в программе интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы. Различия между проявились в том, что у учителей с «отрицательным опытом» участия в программе в среднем заметно вырос уровень планирования в регуляции своей деятельности, в то время, как контроль и коррекция, напротив, снизились. У учителей с «положительным опытом» участия в программе противоположная тенденция: показатели контроля и коррекции выросли, в то время, как уровень планирования в регуляции своей деятельности снизился в их субъективном представлении.

Прямых взаимосвязей выраженности инновативных качеств личности учителей (креативность, готовность идти на риск ради успеха или ориентация на будущее в саморазвитии) с проявлением их субъектности на какой-либо стадии, а также с показателями динамики субъектности в результате включения в педагогический эксперимент по интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы, не обнаружено. В целом, это показывает, что для становления субъектности профессионально-личностного самосознания важны не сами качества личности, а особые условия сочетания

напряженности (возникновение новых задач, вызовов) и возможностей (при соответствующих психологических ресурсах личности) для актуализации продуктивных субъект-средовых взаимодействий. Такие условия часто представлены в повседневной жизнедеятельности, в социальных отношениях, выступая обычными средовыми условиями становления самосознания личности (развивающее общение, освоение новых сфер деятельности, новых действий и навыков, знакомство с новыми людьми и т.п.). Однако для многих взрослых людей велика вероятность стагнации в становлении профессионального и личностного самосознания, сопряженная с риском деформации. В целях профилактики профессиональной стагнации и деформации необходимы специальные способы создания условий и стимулирования профессионально-личностного развития. Внедрение модели интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы, как показали результаты апробации, способствует развитию профессионально-личностного самосознания, что проявляется в переходе учителя на более высокие уровни субъектности в педагогической деятельности, при условии включенной, творческой позиции самого учителя.

Предложенный вариант технологии повышения квалификации учителей отличается от традиционных, во-первых, тем, что учителю открываются новые возможности и перспективы профессионально-личностного развития, новые способы реализации себя как новатора, смежные сферы самореализации (учителя-исследователя, тренера-преподавателя по шахматам, шахматиста). Во-вторых, в дальнейшей профессиональной деятельности создаются условия развития самосознания учителей в продуктивных субъект-субъектных взаимодействиях в разных аспектах: «ученик – учитель», «учитель – учитель», «учитель – образовательная среда», «Я учителя – профессиональная среда». В-третьих, процесс обучения учителей инновационной профессиональной деятельности был построен на основе методологии экопсихологического подхода к развитию психики в целом, и конкретно – на положениях концепции самосознания, как процесса субъект-средовых взаимодействий, выступая компонентом их эмпирической верификации.

4.4. Программа развития субъекта эмоциональной сферы самосознания

В условиях нарастающей техногенности среды человеку все сложнее осознавать и выражать свои реальные состояния, что препятствует их регуляции и возможности использования в качестве ресурса для построения экологических отношений с собой и миром (Солдатов и др., 2022). Потеря живого общения и взаимодействия отражается в первую очередь на нарушении эмоциональных составляющих самосознания личности, поскольку усугубляет изначально заданный в природе человеческой психики невроз, связанный с рассогласованием между чувством и логикой. В результате этого в высокотехнологичных обществах отмечается рост симптоматики тревожного и депрессивного спектра у детей и подростков, связанный с избеганием социального взаимодействия, отсутствием навыков эмоциональной регуляции (Родермель, 2017; Ghaemi, 2020; Hoge, Bickham, Cantor, 2017). Отдельную проблему представляет характерная в современных условиях тенденция форсирования когнитивного развития ребенка при ранней специализации способностей, асинхрония в процессе формирования различных психических функций, что приводит к устойчивым проявлениям дизонтогенеза (Сухарев, 2002). То, что у современных детей и подростков в результате психологических и эмоциональных перегрузок депрессивные состояния проявляются наряду со взрослыми, вызывает озабоченность специалистов, обращающих внимание на необходимость профилактических и коррекционных мер. Отечественные и зарубежные исследователи (Бочкова, Мешкова, 2018; Bar-On, 2006; Durlak et al., 2011; Esnaola et al., 2017) подчеркивают значимость сбалансированной системы когнитивных, эмоциональных и поведенческих компонентов в становлении самосознания, и настаивают на необходимости применения специальных программ коммуникативного и эмоционального обучения для детей и подростков.

Ответом на вызовы цивилизации, дестабилизирующие эмоциональную сферу человека, стало мощное развитие в последние десятилетия концепций эмоционального интеллекта (Андреева, 2007; Манойлова, 2004). Эмоциональный интеллект рассматривается, как развитое эмоциональное самосознание, обеспечивающее психологическое благополучие человека благодаря способности к взаимодействию с окружением, умению справляться с проблемами, возникающими в коммуникации (Иванова, 2022; Сергиенко и др., 2020). При богатстве и многообразии моделей и характеристик эмоционального интеллекта, эти теории сходятся в определении его функционального значения: быть ресурсом, обеспечивающим психологическую сохранность в развитии личности и функционально выступать основой саморегуляции и адаптации к жизненным задачам и трудностям. В обзорном исследовании И. А. Баевой, Е. Б. Лактионовой, И. В. Кондаковой и др., показано, что основными внутренними ресурсами для преодоления психотравмирующего опыта, обеспечения субъективного благополучия и психологической безопасности выступают: когнитивная регуляция эмоций, конструктивные защитные механизмы, просоциальные ценности и социальный интеллект (Баева и др., 2024).

Эмоциональный компонент самосознания с этих позиций является процессом и продуктом субъект-субъектного взаимодействия в эмоционально-чувственном контексте, неразрывно связанный с когнитивным и регуляторным компонентами самосознания. В рамках этой парадигмы эмоциональный интеллект не может рассматриваться с позиций инструментальной функции, как «четко определяемая и измеряемая когнитивная способность перерабатывать информацию, содержащуюся в эмоциях, определять значение эмоций, их связи друг с другом, использовать эмоциональную информацию для мышления и принятия решений» (Mayer, Caruso, Salovey, 2016), а представляет собой нечто большее, являясь основанием порождения новых форм психической реальности, что соотносится с пониманием процессуальной сущности самосознания.

В структуре эмоционального интеллекта детей старшего дошкольного возраста М. А. Нгуен предложил выделять рациональный уровень и эмоциональный уровень, последний из которых включает в себя основания проверки выбора поведения: эмоциональную ориентацию на другого человека, и умение поставить себя на место другого, чтобы почувствовать его переживания и учесть его эмоциональное состояние в своей деятельности (Нгуен, 2007). Предложенная автором модель развития эмоционального интеллекта и формирования в отдельных компонентах – условиях, процессуальных моментах, учитывает особенности среды, в которую погружен ребенок, внутренние условия, совместную деятельность и отношение ребенка к себе и другим, этапы разворачивания процесса формирования эмоционального интеллекта от когнитивной ассимиляции эмоционального опыта до этапа его социального обогащения, что согласуется с позициями экопсихологического подхода и дополняет данную модель в аспекте преемственности развития и единства рефлексивного, регуляторного, смыслопорождающего и преобразующего процессов становления субъекта самосознания.

С позиции экопсихологического подхода эмоциональный интеллект может быть рассмотрен как психологический ресурс творческого, то есть преобразующего процесса эмоциональной сферы самосознания в развитии продуктивных типов взаимодействий «субъект – интер-/интрасубъектная среда» личности. В свете такого определения эмоционального интеллекта по-другому обозначаются результаты позитивной динамики его развития – как готовность к произвольному действию в регуляции эмоциональными состояниями; задаются опциональные критерии его сформированности (например, внутренняя свобода, зависящая от внутреннего выбора личности); выстраивается иная модель его становления, включающая последовательное прохождение личностью стадий субъектности – от стадии субъекта наблюдения, способного к осознанной и целенаправленной рефлексии своих состояний, к стадиям субъекта обучения, интериоризации опыта регуляции

своих состояний (саморегуляции), основанной на смысловом отношении к эмоциональному состоянию и критической оценке, и далее – к стадиям субъектности, представленным в способности вырабатывать индивидуальные стратегии и способы эмоционально-поведенческой саморегуляции, что затем переходит в индивидуальный стиль деятельности («иную форму бытия»).

В условиях ранней профессионализации в интеллектуальных видах спорта, где повышена значимость развития когнитивных способностей и интеллектуальной одаренности детей, проблема дисбаланса развития когнитивной, аффективной и регуляторной сфер самосознания представлена особенно ярко. Еще в 90-е годы XX века психологии отмечали сложности описания юными шахматистами эмоциональных процессов (Неверкович и др., 1996), и практика показывает, что в настоящее время эта проблема усугубляется. Смещение внимания на развитие когнитивных способностей, значимых для интеллектуальных видов спорта, сказывается на неразвитости эмоциональной сферы, что не позволяет юным шахматистам осваивать навыки саморегуляции и эффективно справляться со стрессами, сопровождающими соревнования. В связи с этими рисками в среде интеллектуальных видов спорта и на основании запросов тренера-преподавателя и директора Республиканской спортивной школы олимпийского резерва по шахматам, шашкам, го им. Р. Г. Нежметдинова г. Казани³, нами была разработана и апробирована программа гармонизации когнитивных, эмоциональных и регуляторных компонентов самосознания для детей 8-12 лет.

Целью программы выступало создание условий для развития эмоциональной сферы личности юных шахматистов до достижения стадии субъекта произвольного и продуктивного действия в эмоционально-поведенческой саморегуляции. Предполагалось, что становление

³ В разработке, реализации и апробации программы приняли участие: психолог К.К. Газизов, магистрант А.П. Фаина, директор РСШОР по шахматам, шашкам, го им. Р.Г.Нежметдинова г. Казани Н.А. Сайфутдинов и тренер-преподаватель К.И. Муравьев. Результаты апробации частично опубликованы в статье: Арт-терапевтическая программа для юных шахматистов: коррекция эмоциональных состояний / О.Г. Лопухова, Н.А. Сайфутдинов, К.И. Муравьев, А.П. Фаина // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2020. № 2 (180). С. 509-512

субъектности Я в эмоциональной сфере юных шахматистов в результате прохождения программы будет проявляться в коррекции негативных эмоциональных состояний тревожного и депрессивного спектра, развитии навыков саморегуляции, повышении самооценки и коммуникативной компетентности.

Возрастные особенности развития юных шахматистов связаны с общей нестабильностью эмоциональной сферы в младшем школьном и раннем подростковом возрасте, когда ребенок не способен эффективно регулировать и осознавать свои эмоциональные состояния. На первый план выходят социальные мотивы эмоционального реагирования, среди которых доминируют страх неудачи и потребность в одобрении. При высокой зависимости психологического благополучия ребенка от ожидания окружающих его значимых взрослых, общая эмоциогенность спортивной деятельности, ввиду ее напряженности и конкурентности, акценте на развитии когнитивных способностей в шахматном спорте, выступают значимыми факторами психологического неблагополучия, что проявляется в высокой тревожности (как социальной, так и спортивной), неуверенности в своих силах и агрессивности, заниженной самооценке.

В ходе реализации программы развития эмоциональной сферы младших подростков решались задачи обучения навыкам самоанализа и рефлексии собственной эмоциональной сферы, развития способности дифференциации собственных и чужих эмоций через расширение терминологического словаря эмоциональных состояний, применение арт-методов для метафорического выражения эмоций, освоение способов эмоциональной саморегуляции и эмоциональной поддержки в совместной групповой активности. Применение техник социально-психологического тренинга коммуникативного взаимодействия и личностного роста позволили решить задачи обучения правилам эффективного взаимодействия в группе, приобретения опыта конструктивного разрешения конфликтов и установления доверительных отношений, формирование умений работать в команде, коррекции

агрессивного и демонстративного поведения, стабилизации самооценки благодаря осознанию своей индивидуальности участниками тренинга, развитию уверенности, позитивного самовосприятия.

Результатом программы было обозначено становление субъектности Я на смыслопорождающем и преобразующем уровнях, с возможностью выработки индивидуального стиля саморегуляции эмоций. Основными технологиями, выбранными для реализации программы, являлись арт-методы (работа с метафорическими картами, рисование, сказкотерапия), игровые социально-психологические техники в парах и подгруппах, групповая рефлексия и выполнение творческих заданий. В педагогической психологии общепризнано, что опыт творческого самовыражения, непрямого, экологичного подхода к воздействию на самосознание посредством метафоры, искусства, способствует развитию личности и самосознания (Выготский, 1991; Зинченко, 2006; Копытин, 2002; Киселева, 2006; Краснопеева, 2020). В основе арт-терапии заложена не только художественная практика, но и многие другие приемы, что позволяет ей быть максимально доступной каждому человеку, независимо от возраста, художественных навыков, социального опыта, а также сферы применения. Включение в программу арт-методов определялось также тем, что спорт и искусство при внешней разделенности своих сфер, тем не менее, тесно связаны (Сараф, 1981; Best, 1974, 1980). Показано, что именно арт-методы в условиях спортивной среды дают максимальную свободу самовыражения, помогая преодолеть регламентированность и перманентную эмоционально-регуляторную напряженность юных спортсменов (Riley, 2001; Kellogg, 2015; Marschal, 2021; Jena, 2021). В зарубежной психологии установлено, что арт-методы благоприятно влияют на психоэмоциональный фон, позволяя лучше адаптироваться к новым условиям в процессе профессиональной спортивной подготовки (Blodgett et al, 2013; Busanich et al, 2016; Hamburg, 1992, Vealey, Greenleaf, 2006). В отечественной психологии спорта А.А. Диденко показала эффективность применения арт-терапии для повышения уровня

стрессоустойчивости спортсменов (Диденко, 2012, 2015). Кроме того, эстетический компонент является неотъемлемым и основополагающим в реализации любой деятельности, способствуя саморазвитию личности (Патяева, 2015).

Соответственно, программа коррекции и развития эмоциональной сферы самосознания включала себя арт-методы, социально-психологические методики (игры, дискуссии), методики диагностики когнитивных, личностных и эмоциональных показателей детей для анализа их динамики в процессе становления их субъектности в сфере эмоциональной саморегуляции. На основании экопсихологического подхода становление эмоциональной сферы самосознания в процессе освоения развивающей программы соотносилось с уровнями становления субъектности Я во взаимодействии с проявлениями эмоциональной сферы, (образами своих эмоциональных состояний). Программа включала 12 сессий, которые проводились по 1,5 – 2 часа и была структурирована на основании этапов, представленных в универсальной системе технологий развития и коррекции самосознания личности в субъект-средовых взаимодействиях.

Первый этап, предполагающий активизацию рефлексии эмоциональной сферы самосознания, включал в себя три занятия. На этом этапе решались задачи развития навыков рефлексии своих эмоциональных состояний и осознания коммуникации с другими. В соответствии с целью данного этапа, задания, упражнения, темы для обсуждений, были направлены на расширение спектра понятий, обозначающих эмоциональные проявления, что позволило формировать способности к саморефлексии: осознание компонентов внутренней среды личности (представлений, образов, чувств, состояний, мотивов, ценностей и т.п.). Этому способствовали задания, актуализирующие цветовые и метафорические ассоциации в рефлексии состояний, игры с демонстрацией и угадыванием эмоциональных состояний в движениях тела на основании предложенных названий. В частности, участники работали с метафорическими фотокартами «Образ лошади»

(Лопухова, Газизов, 2016а) выбирая эмоциональное состояние лошади, которое, по их ощущению, было схоже с их состоянием, создавали из картинок – образов коллажи, отличающихся по своему эмоциональному состоянию (радость, грусть, усталость, возбуждение), готовили самопрезентацию посредством создания и демонстрации своей визитной карточки, составляли наиболее полный перечень своих достоинств для рефлексии самооценки, налаживали коммуникацию, используя нестандартные техники приветствия с использованием невербальных и паралингвистических элементов, пытались связать эмоциональное состояние с телесными ощущениями. Это позволило развить дифференциацию своих эмоций, понимание состояния другого, осознать и принять свою индивидуальность. Таким образом, на этом этапе актуализировался субъект-объектный тип взаимодействий в системе «Я – мои эмоциональные состояния». По отношению к своим состояниям самосознание участников проходило становление через первые уровни субъектности Я: субъекта наблюдения своих эмоций. Поскольку программа была групповой, то постоянное взаимодействие участников во время выполнения заданий, необходимость коммуникации, согласование и сравнение своих действий с другими способствовало одновременно началу реализации уровня субъектности Я в актах обучения навыкам саморегуляции и критической самооценки в управлении своими состояниями.

Таким образом, переход **на второй этап** был плавным. Он формально выделялся введением в программу упражнений и заданий, направленных на развитие саморегуляции компонентов эмоциональной сферы самосознания. Задания второго этапа подразумевали в основном групповую работу, требующую согласования действий и состояний всех участников. Задания включали в себя упражнения на возможность установления социального контакта телесно-двигательным способом («Приветствие без слов», «Походка»), а также техник группового взаимодействия, ориентированных на подражание и координацию совместных действий («Австралийский дождь» «Шарики в воздухе», «Слушай тишину»), что позволяло соизмерять

собственную саморегуляцию с направляющими действиями группы. В упражнениях также использовались техники сказкотерапии (сочинение сказки по кругу на основании ассоциативно-метафорических стимулов, техники группового рисунка и коллажа). Специальные упражнения социально-психологических тренингов в вводной и заключительной части каждого занятия были направлены на регуляцию состояний группы, сплочение, а также рефлекссию полученного опыта. Таким образом, на втором этапе программы упражнения, направленные на интериоризацию воплощенного опыта базовых типов двигательного контакта с другим субъектом создавал условия для их трансформации на уровне самосознания в отношениях «Я – Другие», «Я – другое Я», что должно было способствовать становлению субъектности, предполагающей осознание и реализацию способности к саморегуляции, а также готовность к актуализации смыслопорождающего процесса самосознания личности.

Третий этап программы включал преимущественно индивидуальные творческие задания с последующей совместной рефлексией, такие как работа с ассоциативно-метафорическими картами и цветом, техника создания и интерпретации «Мандал». Задачей этого этапа было способствовать выработке смыслового понимания своих эмоциональных состояний и индивидуального способа их регулирования. Групповые задания имели характер бесед, обсуждений, обмена мнениями. Одним из занятий было проведение мини-конференции, где каждый получал возможность рассказать свой опыт, раскрывая тему: «Мой способ саморегуляции во время сложной партии». Юные шахматисты делились приемами, которые они сформировали для себя, чтобы справляться с состояниями, мешающими сосредоточиться на игре, не отвлекаться на действия и провокации противника и повысить внимательность. Те, у кого таких приемов еще не было выработано, предполагали для себя возможные, подходящие им. Эти задания опирались на выработанные ранее навыки и знания, и были направлены на актуализацию порождающего процесса, связанного со стадией субъекта произвольных и

продуктивных действий в эмоционально-регуляторном компоненте самосознания.

Результаты апробации программы. В программе, направленной на развитие становление субъекта свое, участвовали 29 шахматистов в возрасте от 8 до 12 лет, которые для прохождения тренинга были разбиты на две группы. Диагностика когнитивных и эмоциональных показателей юных шахматистов проводилась с использованием методик, реализующих объективный, субъективный и проективный диагностические подходы: тест «Таблицы Шульте», «Пиктограммы», опросник детской депрессии М. Ковакс, проективная методика «Кактус». Опросник М. Ковакс позволяет установить количественные показатели депрессивных симптомов по шкалам «Негативное настроение», «Негативная самооценка», «Ангедония», «Межличностные проблемы», «Личностная неэффективность». Проективная методика «Кактус», помимо прочих показателей, позволяет качественно и количественно определять проявления тревожных и агрессивных тенденций в психике ребенка, даже если они недостаточно отрефлексированы.

По данным первичной диагностики, у участников преобладали такие чувства, как растерянность, скованность, неуверенность. Для большинства юных шахматистов опыт обсуждения состояний и настроений, включая негативные и социально-нежелательные состояния, был новым и необычным. В начале занятий большинство детей испытывали затруднения в вербальном определении своих состояний и в целом имели недостаточный терминологический словарь для их описания. При выполнении теста «Таблицы Шульте» часто можно было наблюдать, что юные шахматисты из-за волнения не могли более минуты отыскать в таблице следующую цифру, в результате у многих показатели внимания и работоспособности по тесту оказались намного ниже возрастной нормы. Такие результаты были тем более неожиданными, что мы имели дело не с обычными детьми, а с интеллектуально развитыми юными шахматистами из школы олимпийского резерва, легко играющими блиц-партии в шахматах.

Изменения в характере контакта с эмоциональной сферой самосознания отражались в характере описания метафорических образов при работе с ассоциативно-метафорическими картами «Образ лошади». Если на первых сессиях превалировали эмоционально-отчужденные и когнитивно-оценочные ассоциации (*«у меня картинка где много лошадей, они дружно бегут им весело, они играют», «лошади странные, не понятно – она грустная или просто отдыхает, я запутался и сложил их всех вместе»,*) то в последующих пробах проявлялась эмоциональная реакция на изображения, проецировались на себя эмоции, изображенные на фото: *«мне понравились картинки с лошадьми, они все разные, у них разные эмоции, я выбрал свою – потому что она веселая, как я».* Обратная связь при выполнении техник телесно-двигательного осознания и арт-методов также обнаруживала динамику от когнитивно-рациональной рефлексии (*«я сделала свою визитную карточку, я занимаюсь еще музыкой, поэтому приклеила скрипку» «я написала пять своих самых лучших качеств, они помогают мне отлично учиться в школе»*) к более эмоционально-образной (*«мне понравилось последнее упражнение с энергетическим шаром, мне показалось, что его действительно чувствую, я расслабился»*).

К завершению первого этапа в межличностных контактах участники стали рефлексировать проявления субъект-совместного взаимодействия (*«когда мы стали помогать друг другу, мы смогли перекидывать больше шаров на другую сторону», «мы договорились в команде, встать каждый на определенную позицию и дело пошло лучше»*).

Настроенность на саморефлексию у участников тренинга после первого этапа занятий выступила условием для реализации регуляторного процесса самосознания, который выступает ведущим на втором этапе программы.

Целью второго этапа выступало развитие способностей к саморегуляции и развитие навыков формирования произвольного контроля. Также данный этап включал в себя необходимость усвоения внешне заданных образцов, отождествление с обобщенным образом «идеала», репрезентирующего успешного шахматиста, формирование чувства групповой идентичности.

Межличностные взаимодействия субъект-объектного и объект-субъектного типа, которые демонстрировали многие участники программы в начале второго этапа, отражались в их растерянности и разотождествлении реакций когнитивного и эмоционального плана в самооценке и оценке своих отношений с другими, отсутствие навыков установления межличностных контактов (*«я не знала, как уже можно поздороваться и поэтому просто всем улыбалась», «я не успеваю делать за всеми», «шаров было слишком много, все путались и ловили шары другой группы, а свои роняли» «мы все бежали за одним шаром, а другие – падали...», «я выбрал «скуку» и никто не смог отгадать мое слово, даже если я им подсказывал, все думали что это «усталость», я выиграл»*). Иногда у участников в процессе занятий реализовывались субъект-конфликтные, и субъект-обособленные типы взаимодействий (*«меня зовут Аделя-альфа, потому что всегда первая, и я права»*), которая также является показательной для данной стадии развития самосознания личности.

Актуализация и развитие регуляторного процесса самосознания, подразумевали переход от безоценочного и некритичного присвоения образцов как эталонов поведения и реагирования (субъект освоения действия) к осознанной постановки себя на место другого с анализом возможных положительных и отрицательных составляющих образца (субъект оценивания). Этому способствовали задания, развивающие эмпатическое чувство, доверительность общения, принятие другого, отличающего от тебя самого, как равного и достойного партнера: упражнения *«Здравствуй! Как тебя зовут?»*, *«Меняются местами те, кто имеет что-то общее...»*, *«Презентация своего партнера»*, *«Представление»*, *«Путаница»*, *«Шарады»*, *«Доброе прощание»*. Эти упражнения способствовали формированию чувства *«Мы»*, чувства сопричастности общему делу (совместной интеллектуальной деятельности, игре в шахматы), и смыслопорождающих процессов в становлении профессионального самосознания участников программы.

Необходимым при этом является и обретение баланса в отношениях «Я – другие», через включение позиции критика, эксперта, позволяющее сохранить собственное Я на фоне общего Мы. Баланс идентификации-обособления способствует формированию реалистичности в оценке себя и других, и гармонизирует взаимодействия интра-субъектной и интер-субъектной среды в самосознании личности.

В упражнении «Чемодан», представляющем игровой вариант обсуждения личностных характеристик участников, посредством сбора виртуального «чемодана» с качествами, которые помогут члену группы в общении с окружающими, участники группы должны были сохранять баланс в похвале и критике, наряду с положительными качествами личности участника называя и те, что могут «помещать в дороге». Упражнение «Разговор в парах на расстоянии», в котором участники разбиваются на пары, чтобы побеседовать на любую заданную тему, но на разных дистанциях друг от друга (от разных углов комнаты, до дистанции вплотную друг к другу), вызвал дискуссию о чувстве границ собственного Я, которые участники тренинга ощутили физически, и многие отметили, насколько необходимо чувствовать в контакте комфорт от общения.

Развитие сензитивности к эмоциональным проявлениям у себя и у других участников, их способность осознать и понятийно обозначить свои состояния, способствовало развитию навыков эмоциональной саморегуляции. Участники ставились в ситуации, способствующие субъект-объектному и объект-субъектному типам межличностного взаимодействия, учились осознавать и рефлексировать свои состояния, и когда они воздействуют, направляют другого, и когда они оказываются объектом такого воздействия, возможно, манипуляции. В отдельных отзывах участников прослеживалась разные тенденции, как субъект-объектного, так и объект-субъектного типов: *«мне было непросто представить Аделю (партнера в задании) всей группе, но я старалась сделать это честно»* (субъект-объектный тип), *«мне кажется не надо обижаться, когда про тебя говорят что-то, надо задуматься над собой»*, *«мне «положили» в чемодан очень много всего, чтобы я хорошо училась»* (объект-субъектный тип).

У детей стало больше высказываний, относящихся к субъект-субъектному типу межличностного взаимодействия: *«я была в паре с девочкой из другой группы и ничего о ней не знала, но теперь узнала ее и буду с ней общаться, она мне понравилась», «у нас много общего во вкусах, интересах», «наша группа, оказывается, веселая», «я начинаю понимать чувства моего партнера».* Умение подметить индивидуальность партнера, анализировать его чувства и эмоциональные состояния, особенно когда это может быть потенциальный противник (в соревновании), является проявлениями субъект-совместных взаимодействий.

На третьем этапе в упражнениях актуализовались субъект-субъектные взаимодействия разного типа, что неизбежно в совместной творческой деятельности. Этой цели служили задания, связанные с групповой активностью (*«Здравствуйте, мое настроение цвета...», «Фотография на память», групповое создание сказки*), однако на третьем этапе постепенно увеличивалось количество заданий индивидуального выполнения с последующей рефлексией в совместном обсуждении (*«Рисунок моего настроения», рисование «Мандалы»*).

Необходимость выполнять творческое задание совместно обуславливает, как полисубъектные (субъект-совместные), так и субъект-конфликтные типы взаимодействий, что актуализирует координацию рефлексивного и регуляторного процессов самосознания в совместной деятельности. Диалектика групповой идентификации и обособления ярко характеризует данную стадию, где посредством рефлексивного диалога со значимым Другим формируются различные варианты самотождества Я (Старовойтенко, 2021). Становлению самотождества Я способствовали арт-методы, которые помогали устранению эмоциональной напряженности, ослаблению проявлений утомления и восстановлению после тревожного состояния: *«когда я рисовала настроение, мыслями улетела на другую планету»; «я нарисовал рисунок, где баланс всех четырех стихий: воды, земли, воздуха и огня»; «мой любимый цвет синий, но сегодня мое настроение зеленого цвета, потому что я спокойный».*

Некоторые техники социально-психологического тренинга коммуникативных взаимодействий были трансформированы с тем, чтобы они выполняли несколько развивающих и диагностических функций. Так, упражнение «Фотография на память», которое предполагает произвольную расстановку участников для предстоящего фотографирования, демонстрировало изменение групповой сплоченности, динамику статусов испытуемых в процессе тренинговой программы, а также становилось основой для смыслообразующей рефлексии группы, которая должна была объяснить для себя «историю этой фотографии». Таким образом, техника «Фотография на память» из социометрической, диагностической преобразовывалась в процесс развития творческих способностей группы, актуализируя у участников смыслопорождающий и преобразующий процессы становления их самосознания в аспекте эмоционально-значимых взаимодействий.

Посредством задания сочинить общую сказку в группе, опираясь на ассоциации с выбранной вслепую игрушкой, включая ее в последовательность общего сюжета, оживить ее описанием ее особенных личностных качеств, чувств, создавало возможность быть одновременно и субъектом произвольного действия (Я сам придумываю сюжет и персонажа) и внутренним контролером собственного творческого Я, и субъектом смыслопорождения. Внутренне отождествляясь с игрушкой – героем сочиняемой сказки (что всегда непроизвольно происходит в процессе сказкотерапии), дети уходили от простой проекции и включались в процесс саморефлексии, самооценки и саморегуляции. Наделение мотивами, чувствами и переживаниями созданных ими персонажей, и одновременное восприятие их в совместном творческом взаимодействии, запуск у участников процесс смыслопорождения в субъект-субъектных взаимодействиях совместного (полисубъектного) и порождающего типов.

Индивидуальная техника рисования «Мандалы» и последующей совместной интерпретации отображенных в ней чувств, позволила участникам в процессе творческой медитации получить опыт соприкосновения со сферой

своих эмоций, возможности их осознания и вербализации, когда чувства могут быть видны, проанализированы, что этот процесс может быть управляем, что этой информацией можно делиться с окружающими, обсуждать и быть адекватно понятым. Состояния для участников стали связываться не только с эмоциями, но и с индивидуальным смыслом, который для них стал приобретать значение.

Вербальная рефлексия участников показала осознание ими существенных изменений, произошедших в их эмоциональной сфере, приобретение навыков саморегуляции эмоциональных процессов: *«теперь я умею правильно успокаиваться, когда нервничаю, не только на шахматах, но и в школе», «я узнала много новых слов, которыми могу описать свои состояния, я лучше понимаю себя и противника во время турнира, я стала обращать внимание на то как двигается соперник, что делает».*

При этом особое внимание уделялось избеганию навязывания детям однозначных выводов, чтобы участники чувствовали возможность свободно выражать свои мнения и приходить к собственным выводам в процессе групповой работы. Условия свободы самовыражения при соблюдении общих правил коммуникации и взаимного уважения позиций всех участников способствуют выходу в развитии их самосознания на высшие стадии субъектности, предполагающие произвольность и продуктивность действия.

Творческий характер заданий, отсутствие «правильных» вариантов, подчеркивание ценности мнения, инсайта, идеи каждого участника способствовали их самораскрытию и интересу друг к другу. Участники начали более терпеливо и внимательно слушать друг друга, с интересом относиться к идеям другого и вести диалог друг с другом, что демонстрировало проявление смыслопорождающего процесса в становлении их самосознания. Это выступило как ресурсом, так и признаком реализации взаимодействий субъект-порождающего типа.

Критериями выхода на стадии субъекта произвольного и продуктивного действия в эмоциональной саморегуляции выступала способность в

завершающем упражнении – мини-конференции по обмену опытом «Мой способ саморегуляции во время сложной партии» рассказать про индивидуальный способ регулирования своих состояний. Не все участники смогли это сделать, но ценность представляло то, что многие дети впервые обсудили в группе и поняли высокую ресурсность осознания смысла своих и чужих состояний, важность индивидуального творческого подхода к саморегуляции с целью повышения эффективности своей деятельности.

В результате проведения программы развития эмоциональной сферы самосознания юных шахматистов были установлены значимые изменения показателей, которые диагностировались с применением методик «Пиктограммы» и «Опросник детской депрессии Ковакс».

При организации диагностики по методике «Пиктограммы» в набор используемых понятий в равных пропорциях было включено два типа: понятия, обозначающие эмоциональные состояния (радость, сомнение, обида, счастье, печаль, страх) и понятия, не связанные с эмоциональными состояниями, например, обозначающие события (победа, дружеская встреча, веселый праздник) или абстрактные понятия (развитие, справедливость, опасность). В количественном анализе сопоставлялось, какого типа понятия в этом тесте опосредованной памяти участники тренинга лучше сохраняют и воспроизводят. Баланс в сторону понятий одного или второго типа выступал критерием развитости эмоциональной сферы во взаимосвязи с развитием мышления, а соответственно, способности к произвольной регуляции своих состояний. Контрольная диагностика после проведенной коррекционной программы показала достоверное увеличение запоминания слов, описывающих эмоциональные состояния у участников программы, что свидетельствует о развитии эмоциональной памяти, готовности к ассоциативному запоминанию понятий, связанных с эмоциями и условием для развития эмоциональной саморегуляции (таблица 14).

Способность к пониманию эмоций выступает как конструкт, позволяющий воспринимать и идентифицировать эмоции и их сложные

комплексы, распознавать их изменения, а, следовательно, эффективно регулировать свою реакцию, в частности агрессивную, на изменения среды (Кочетова, Климакова, 2019). При диагностике по проективной методике «Кактус», позволяющей не только качественно, но и количественно определять уровень агрессивно-тревожной симптоматики, была выявлена динамика в сторону снижения этих показателей.

Таблица 14 - Изменение показателей опосредованного запоминания слов в процессе освоения программы развития эмоциональной сферы самосознания юными шахматистами
(критерий t-Стьюдента для зависимых выборок, N = 29)

Количество правильно воспроизведенных понятий методики «Пиктограммы»	До программы		После программы		$t_{\text{эмп}}$	$p \leq$
	М	σ	М	σ		
Понятия, обозначающие эмоциональные состояния	3,6	1,2	6	1,3	4,79	,01
Понятия, не обозначающие эмоциональные состояния	5,3	1,2	5	1,33	0,67	-

В начале программы у детей среднее значение показателя агрессивности составляло, на основе экспертных оценок по пятибалльной шкале ($M = 3,5$; $\sigma = 1,2$), причем восьми детям по результатам интерпретации их рисунков были присвоены максимальные 5 баллов. В рисунках детей отмечались явные элементы агрессии: множественность иголок, их величина, разнонаправленность, а сами рисунки часто описывались в эмоционально-негативных тонах («недружелюбный кактус», «кактус колется»).

По завершении участия в программе развития эмоциональной сферы самосознания повторная проективная диагностика показала заметное снижение уровня агрессивных состояний. Полученные на этапе контрольной диагностики рисунки содержали изображения кактуса с небольшими по величине иголками, или вовсе без них, средний балл проявления агрессивных состояний составил 1,87 ($\sigma = 0,77$). Сопоставление количественных показателей по критерию t-Стьюдента для зависимых выборок ($t_{\text{эмп}} = 4,05$;

$p \leq 0,01$) статистически подтвердили положительную динамику показателей развития эмоциональной сферы юных шахматистов. Также у детей, включенных в программу, улучшились все показатели по шкалам опросника депрессии М. Ковакс (таблица 15).

Таблица 15 - Изменение показателей депрессивной симптоматики в процессе освоения юными шахматистами программы развития эмоциональной сферы самосознания (критерий t - Стьюдента для зависимых выборок, N = 29)

Шкалы опросника М.Ковакс	До программы		После программы		$t_{\text{эмп}}$	$p \leq$
	М	σ	М	σ		
Негативное настроение	51,62	11,27	42,37	8,80	8,6	0,001
Негативная самооценка	50,75	9,78	44,93	6,86	4,2	0,001
Ангедония	45	11,27	39,27	6,73	3,5	0,002
Межличностные проблемы	48,17	9,81	42,44	7,59	3,4	0,002
Личностная неэффективность	48,51	9,34	42,03	5,23	4,6	0,001

Снижение ангедонии соответствует повышению самооэффективности, убежденности в собственных способностях. Положительные изменения в показателях шкалы «Межличностные проблемы», указывают на снижение чувства одиночества участников программы. Изменения показателей шкалы «Личностная неэффективность», демонстрируют более позитивную оценку собственной эффективности во всех сферах, уменьшение склонности к аутоагрессии. Произошло повышение уровня самооценки, позитивное восприятие собственных результатов, осознание эмоциональных состояний, что усиливает возможности их самореализации в учебной и спортивно – интеллектуальной деятельности.

Наиболее значимые изменения наблюдались по шкале «Негативное настроение», которая определяет отрицательную оценку своей продуктивности в целом. Высокие баллы по этой шкале означают чувство постоянного ожидания неприятностей, высокий уровень как ситуативной, так и личностной тревожности. Снижение показателей по этой шкале в ходе программы связано с

освоением техник, направленных на осознание своих состояний через цветное и метафорическое опосредование, проговаривание и проигрывание своих текущих состояний, их обсуждение в группе, а также получение опыта принятия себя, своего состояния, принятия в группе сверстников своих переживаний.

Исходя из полученных результатов, можно утверждать, что проведенные занятия способствовали развитию рефлексии состояний, повышению самооценки, снижению уровня маркеров депрессивности у юных шахматистов. Участие в программе сказалось и на снижении уровня агрессии, импульсивности, эгоцентризма, и демонстративности, по результатам проективной диагностики с помощью методики «Кактус». По данным наблюдений родителей и тренера, если до участия в программе юным шахматистам была свойственна неустойчивость, неконтролируемость эмоциональных проявлений в стрессовых ситуациях, реакции по типу «эмоциональных качелей» (быстрые переходы от крайних проявлений положительных эмоций к столь же крайним проявлениям отрицательных эмоций), то в результате прохождения программы эмоциональные проявления стали более сдержанные, сбалансированные. Дети стали внимательнее относиться к смыслам эмоциональных проявлений в межличностных взаимодействиях. Реакции на стрессовые ситуации во время шахматных партий стали более сдержанными и контролируемыми. Дети стали более осознанно и произвольно регулировать свои состояния и действия, некоторые из них обратили внимание на выработку собственного стиля и ресурсов управления своими эмоциями в напряженных ситуациях игры, а также в ситуациях эмоциональных провокаций и давления со стороны противника.

Таким образом, разработанная и апробированная на выборке юных шахматистов программа развития эмоциональной сферы детей 8 – 12 лет реализует этапы универсальной системы технологий развития самосознания. В результате прохождения программы развитие способности осознать и дифференцировать свои эмоциональные состояния благодаря расширению понятийного аппарата создало необходимое основание для развития навыков

эмоциональной саморегуляции, что означало переход от объект-субъектного типа взаимодействий в системе «Я – эмоциональное состояние» в самосознании детей к «субъект-объектному» типу и далее – к способности вырабатывать индивидуальный стиль эмоциональной саморегуляции, то есть, к «субъект-порождающему» типу. Таким образом, процессы интериоризации понятий, образов и метафорических значений эмоциональных состояний при их экстериоризации в межличностных взаимодействиях в условиях тренинговых упражнений, творческой активности, в групповой работе, и во внутриличностных взаимодействиях (со своими чувствами, состояниями, мыслями) способствовали интеграции рефлексивного, регуляторного, смыслопорождающего и преобразующего процессов становления самосознания.

4.5. Развитие субъекта самосознания в программах ипповенции

Ипповенция – психологические техники построения отношений «человек – лошадь», позволяющих человеку познавать и изменять себя, осознанно регулировать свои когнитивные и эмоциональные состояния, обретать внутреннюю целостность и гармонизировать отношения в своей социальной среде (Лопухова, Газизов, 2016, 2020, 2020а; Лопухова, Газизов, Аболиц, 2020; Лопухова, Газизов, 2024; Лопухова, 2025).

Включение лошади в психотерапевтические или развивающие личность технологии ипповенции, имеет как сходство, так и специфику в сравнении с участием других животных в анималотерапии (Никольская, Костригин, 2019). Ипповенция – это, в первую очередь, общение с животным в его пространстве, а не в пространстве «человеческой» урбанизированной среды, как это часто происходит с собаками или кошками. Лошадь пробуждает у человека желание понять «другого», иного по своим психическим особенностям и внутреннему миру, субъекта. Это может быть также обусловлено тем, что

интеллектуальные и эмоциональные способности лошади позволят выстраивать сложную межвидовую коммуникацию, сходную с описанием коммуникации у дельфинов (Гратовски, 2018), но лошадь находится в более доступной и естественной для человека, среде. Постоянное пребывание «здесь и сейчас», в сочетании с ее высокой реактивностью и чуткостью к невербальным выражениям эмоций – важное свойство лошади, на котором строятся психотерапевтические программы регуляции состояний и поведения человека (Brandt, 2013; Lentini, Knox, 2009). Социальные отношения в табуне лошадей обнаруживают много сходства и параллелей с человеческим социумом (Спаская и др., 2019), что позволяет эффективно включать техники наблюдения за свободно пасущимися лошадьми в психотерапевтические и развивающие программы ипповенции. Кроме того, образ лошади, глубоко архаичный и многосторонний по своей семантике, на когнитивно-символическом уровне психики человека открывает возможности развивать в ипповенции техники арт-терапии (Лопухова, Газизов, 2020).

В ряде исследований доказано, что специально организованный психотерапевтом опыт взаимодействия с лошастью может помочь человеку скорректировать эмоциональные нарушения (Bachi et al., 2012), исследовать основы проблем, связанных с уязвимостью (Lentini, Knox, 2009), обрести чувства управления ситуацией и успешности (Brandt, 2013; Kemp et al., 2014; Trotter et al., 2008), побороть страх, развить эмпатию, уверенность, что позволяет гармонизировать отношения с другими людьми (Ratliffe, Sanekane, 2009). В зарубежных исследованиях представлены различные подходы к осмыслению и объяснению механизмов развивающего и психотерапевтического эффекта взаимодействия человека и лошади: ортодоксальный и юнгианский психоанализ (Шайдхакер, 2004), гештальт-подход (Kirby, 2010; Lac at al., 2016), личностно-центрированный (Chardonens, 2009), экзистенциально-интегративный (Lac, 2017), телесно-ориентированный, биосемиотический, киберсемиотический (Garcia, 2013), феноменологический подходы (Garsia, 2010) и др. В большинстве случаев

лошадь в терапевтических практиках выступает как объект воздействий, наделения «человеческими» личностными качествами, символизацией. В киберсемиотическом и экологическом подходе (García, 2010, 2013) понимание взаимодействий «человек – лошадь» ориентировано на субъектность лошади, как самостоятельного индивида, имеющего свои позиции, мнение и отношения, которые человек должен учитывать и уважать. Субъектность (*agency*) лошади признается важным критерием психотерапевтических отношений.

В свою очередь, ипповенция предполагает использование единой концепции, которая позволяет в решении психотерапевтических задач учитывать весь возможный спектр построения и развития отношений человека с лошадью и к лошади (как частного случая межвидового взаимодействия) на основе экопсихологической модели субъект-средовых взаимодействий (Лопухова, Панов, 2023). При этом не каждый тип взаимодействия будет способствовать установлению межвидовой группы «человек – лошадь», однако в каждом типе субъект-средовых взаимодействий можно выделить психотерапевтический и развивающий потенциал, который может быть реализован в определённых (психодиагностических, психокоррекционных, развивающих) техниках ипповенции.

Объект-объектный тип взаимодействия «человек – лошадь» в ипповенции соответствует начальному этапу в работе психолога (психотерапевта, педагога) с клиентом. Техники ипповенции, которые можно отнести к этому типу взаимодействия, содержательно состоят в том, что ни человек (клиент), ни лошадь не проявляют в отношении друг друга целенаправленного поведения (например, человек смотрит на лошадь, лошадь также видит или замечает человека). Этот тип взаимодействия соотносится с техниками наблюдения за лошадью или табуном, как правило, свободно пасущимися на некотором расстоянии, на своей территории, когда клиент только осваивается в этом пространстве и отношениях. Наблюдение может сопровождаться беседой, обсуждением запроса, психолог способствует

рефлексии клиентом своих состояний, ассоциаций, возникающих в «пространстве с лошадьми». Для психолога и клиента при этом объектами их деятельности выступают содержание и динамика психических состояний, их осознание, уровень рефлексивной способности клиента в анализе своих процессов (мыслей, чувств, интероцептивного осознания). Эффективным дополнением к техникам наблюдения, беседы в «пространстве с лошадью» могут выступать арт-методы, облегчающие процессы рефлексии и осознания, такие как ассоциативно-метафорические карты, например, фотокарты «Образ лошади» (Лопухова, Газизов, 2016а), методы сказкотерапии, кинотерапии и т.п. На этом этапе реализуются, таким образом, диагностические цели, ставятся задачи развития рефлексии, установления доверительных отношений, поднятия ресурсности через погружение в пространство природной среды, обеспечение индивидуально комфортного темпа деятельности. В личностной динамике при ипповенции этот этап соотносится с позицией «наблюдатель» в развитии субъектности. Для клиента с позицией «наблюдатель» характерно отсутствие желания активно включаться в контакты и деятельность с лошадью, замедленность, скупость эмоциональных проявлений и движений. Это уровень развития субъектности Я, которая реализуется преимущественно через процессы социального восприятия в индивид-средовых взаимодействиях. Здесь психолог может запустить процессы самопознания и саморегуляции клиента через активизацию перцептивных и интероцептивных механизмов. В работе с глубинными структурами психики важно обеспечить условия для динамики с индивидуальным ритмом и скоростью.

Объект-субъектный тип взаимодействия «человек – лошадь» выступает естественным продолжением развития отношений в пространстве с лошадью, когда по мере развития психической динамики клиент ощущает потребность в более активном взаимодействии с лошадью, установлении с ней контакта. Другим вариантом проявления объект-субъектного взаимодействия «человек – лошадь» выступают ситуации, когда лошадь манипулирует человеком,

выпрашивая угощение, и теряет к нему интерес, не получая желаемого. Данную ситуацию можно обсуждать с клиентом как модель восприятия им своей «объектной» позиции в межличностных отношениях, которая в опыте контакта с лошадью выступает яркой метафорой.

Техниками ипповенции на данном этапе выступают: психологическое консультирование, непосредственный контакт с лошадью, возможно, тактильный (поглаживание, чистка, расчесывание), угощение лошади. На этом этапе субъектность клиента претерпевает динамику и выходит на «репродуктивную стадию», согласно экопсихологической модели субъектности, на которой реализуется подражание, т.е. повторение действия «по образцу». Для клиента не характерно в техниках ипповенции проявление инициативы, он ориентируется на указания, объяснения и поддержку психолога или педагога в развитии своих отношений с лошадью. Однако по мере приобретения опыта новых безопасных отношений запускается мотивация развивать свою осведомленность при погружении в пространство мира лошади, узнавать больше информации о лошадях и всем, что с ними связано, развивать навыки взаимодействия с лошадью, что обеспечивает дальнейшую динамику, выход на следующую стадию субъектности и субъект-объектный тип взаимодействия «человек – лошадь» в ипповенции.

Субъект-объектный тип взаимодействия «человек – лошадь» определяется субъектной позицией клиента, осуществляющего активное целенаправленное воздействие на лошадь. Объектная позиция лошади проявляется в том, что она принимает это воздействие, подчиняясь ему. Такой тип взаимодействия человека и лошади наиболее распространен в традиционном повседневном уходе и тренинге лошади. Техники ипповенции строятся на основе развития навыков ухода за лошадью (чистки лошади, кормления, седловки, уборки денников, выведение в леваду и т.п.), могут представлять комплексные технологии, которые сейчас получают название «терапии средой конюшни» (Kern-Godal, Arnevik, 2016). Когда клиент оказывается включен в ситуацию значимой деятельности, требующую

физической активности, контакта с лошадью, ответственности, это оказывает сильное терапевтическое и воспитательное воздействие (Bachi at al., 2012; Signal at al., 2013; Trotter at al., 2008; Whittlesey-Jerome, 2014).

Техники, основанные на заданиях по украшению лошади, активизируют творческий потенциал, необходимый для развития субъектности. Психологическим механизмом такого личностного развития является восприятие человеком лошади как субъективно значимого «другого», способного переживать те же чувства, понимать, сопереживать, оценивать, помогать и подсказывать, что позволяет осуществлять процессы идентификации и социальной рефлексии, используя полученный опыт для коррекции и развития самосознания на разных уровнях отношений: самоотношения, отношений в социальных группах, отношения к миру природы (Дерябо, 2002). В психологических практиках ипповенции (в тренингах и консультировании) субъектность по отношению к лошади может быть представлена в рамках «влияния» («быть субъектом» по отношению к лошади, «выступить как субъект», «состояться как субъект») или в рамках «социальной атрибуции» («считать субъектом», «относиться как к субъекту», «поступать как с субъектом») как составляющих коммуникативной деятельности – взаимодействия с лошадью в широком контексте. Если же лошадь в восприятии человека «открывается ему как субъект», то можно говорить о характере взаимодействия с ней в смысле общения (Дерябо, 2002). В ипповенции активно расширяется в настоящее время практика использования арт-методов в психотерапевтических, развивающих и педагогических программах (Газизов, Лопухова, 2015; Лопухова, Газизов, 2020; Лопухова, Газизов, 2020а; Лопухова, Газизов, Аболиц, 2020).

Техники ипповенции субъект-объектного типа взаимодействия, таким образом, составляют наиболее широкий арсенал средств в работе психолога или педагога, когда сильные тревожные комплексы клиента преодолены и позволяют решать задачи, связанные с повышением уверенности в себе, самостоятельности, поддержки ресурсности, повышением психического

благополучия (Lopukhova, Gazizov, 2017). Ощущение себя активным субъектом, эффективно управляющим таким большим и сильным животным, развивает чувство контроля окружения, позволяет получить опыт саморегуляции, контакта и своей значимости, развивает осознание своих отношений через отношение к лошади. Переход на следующие стадии субъектности, предполагают качественно иной уровень отношений «человек – лошадь» субъект-субъектного типа.

Субъект-субъектные типы взаимодействия «человек – лошадь» подразумевают, что реализация субъектной функции человеком, который имеет свои мотивы, цели, намерения в построении отношений с лошадью, учитывают также субъектную позицию лошади, как представителя другого вида. Это проявляется в том, что человек признает за лошадью право быть субъектом (иметь свои потребности, желания, мотивы и выборы) и создает в отношениях с лошадью условия развития ее субъектности через «диалог». В межвидовом взаимодействии человека с лошадью субъект-субъектного типа возникает свой «язык», устанавливаются свои правила этого взаимодействия, и в этом смысле такая группа (или диада) может стать совокупным субъектом совместного развития (Панов, 2014). В отношениях субъект-субъектного типа происходит порождение новых форм психической реальности (смыслопорождение), получающих свое развитие в самом процессе этого взаимодействия, включая конфликтные, сложные и кризисные этапы этой динамики. Подробный анализ этих типов применительно к взаимодействиям «человек-лошадь» в ипповенции представлен ниже.

Субъект-обособленный (конфликтный) тип взаимодействия «человек – лошадь» в ипповенции состоит в том, что человек и лошадь, преследуя свои цели, пытаются воздействовать друг на друга, или лошадь уходит, не желая контактировать с человеком, который предлагает ей какую-либо совместную активность. Лошадь может угрожать человеку, не подчиняться, сопротивляться либо пытаться занять доминирующее положение, воспринимая человека как члена табуна. Человек, в свою очередь, будет

пытаться наказывать лошадь, настаивать на своем, либо подкупать угощением. Такой тип взаимодействия проявляется в конфликтах, которые с животным могут иметь самый разный характер происхождения и проявления (Никольская, Панов, 2013). Другой вариант субъект-обособленного типа взаимодействия – попытки взаимной манипуляции при противоречии в целях или желаниях лошади и человека. Техники взаимодействия «человек – лошадь» по своей форме могут быть те же самые, что при субъект-объектном взаимодействии, однако содержательно отличаются тем, что лошадь не просто воспринимается в качестве субъекта, а реально занимает субъектную позицию (Birke, 2008). Такие отношения «человек – лошадь» в ипповенции возможны, когда клиент находится в ресурсном состоянии и обладает не только необходимыми знаниями, опытом и навыками, чтобы преимущественно самостоятельно взаимодействовать с лошадью, но и внутренним контролем качества реализации своих действий и готовностью к принятию творческих, нестандартных решений в ситуациях рассогласования действий в диаде «человек – лошадь» или в новых для себя, неожиданных ситуациях. При данном типе взаимодействия в ипповенции даже в неприятных ситуациях конфликта с лошадью можно достичь цели развития личности, если, проведя анализ происходящего, возникающих чувств и эмоций, ассоциаций в конфликтных ситуациях, осознав причины возникших состояний и ситуаций, человек смог лучше понять себя и свои типичные реакции, перенести этот опыт на понимание своих отношений в широком социальном контексте, проработать проблемы психологических границ и личного пространства, развить навыки саморегуляции состояний и рефлексии своих внутренних конфликтов.

Субъект-совместный (полисубъектный) тип взаимодействия «человек – лошадь» в ипповенции. Проявления такого уровня развития отношений «человек – лошадь» состоят в том, что, осознавая право лошади на субъектную позицию в отношениях и принимая во внимание то, что лошадь – представитель другого вида, со своими (другими) потребностями, анатомией,

физиологией, психологией и картиной мира, человек взаимодействует с лошадью с учетом этих особенностей и ее права «быть собой». Эта внутренняя позиция со стороны человека отличается от позиции, связанной с «субъектификацией лошади», где человек лишь приписывает ей качества субъекта отношений, что часто может выражаться в так называемом «очеловечивании» лошади и неадекватном поведении по отношению к ее реальным потребностям и состояниям. При субъект-субъектном типе взаимодействия с лошадью поведение человека адекватно соотносится с «лошадиной» позицией в отношениях с человеком; также важно, что человек без переноса и проекций, осознает свои цели и запросы во взаимодействиях с лошадью.

В ипповенции этот тип взаимодействия реализуется, когда клиент пребывает в ресурсном состоянии, рефлексия и эмпатия развиты на достаточно высоком уровне, присутствует готовность осознанно прорабатывать свои внутриличностные конфликты. При взаимодействиях человека с лошадью, которые вышли на уровень субъект-совместного типа, ситуативно может быть переход на субъект-обособленные отношения и обратно. Также субъект-совместные взаимодействия «человек-лошадь» в конкретных ситуациях с конкретными лошадьми периодически переходят на варианты субъект-объектного и объект-субъектного, а также объект-объектного типов, однако при этом базовым отношением «человек – лошадь» остается его субъект-субъектный характер.

Такой опыт принятия инаковости «другого» переносится и на принятие своей «самости», что способствует в дальнейшем выходу на позицию «творец» в стадиях развития субъектности Я. Подобные программы по ипповенции могут быть направлены на обретение опыта принимающего и ответственного отношения к «другому», понимания и соблюдения психологических границ при условии переноса опыта отношений с лошадью на межличностные отношения. В качестве примера таких методик можно привести опыт проведения программы коррекции детско-родительских отношений

«Контроль и доверие» (Lopukhova, 2017; Лопухова, Газизов, 2000), в которой получение участниками опыта принятия субъектной позиции лошади во взаимодействии с ней приводило к осознанию во взаимоотношениях проявлений контроля и доверия, их правильного баланса, что затем переносилось родителем на отношение к своему ребенку, также включенному во взаимодействия с лошадьми в этой тренинговой программе.

Субъект-порождающий тип взаимодействия «человек – лошадь» в ипповенции. На этой стадии личностного развития человека во взаимодействии с лошадью субъектность представлена творческим продуктивным действием. Освоенные ранее действия превращаются в чувственное средство владения другими, расширенными действиями, что проявляется в творческом саморазвитии и самовыражении. В субъект-порождающих взаимодействиях представлена ценность свободы самовыражения каждого члена межвидовой группы. В действиях присутствует готовность к спонтанности, нет зарегламентированности правилами и образцами. В понимании друг друга большую роль играет интуиция, основанная на прислушивании и доверии к своим чувствам, а не к логическим схемам и общим нормам.

При субъект-порождающем взаимодействии межвидовая группа «человек – лошадь» становится субъектом совместного действия или развития. Это становится возможным, когда у человека установлены длительные индивидуальные интимные отношения с лошадью, построенные на взаимном доверии и понимании. Такой тип взаимодействия «человек – лошадь» ярче всего проявляется в совместной игре. Игра, как и танец, на уровне наблюдаемых движений проявляет истинный характер субъект-порождающего взаимодействия. Совместная игра лошади и человека строится на чувстве глубокого понимания, принятия друг друга и взаимного доверия.

Развивающий аспект взаимодействия человека и лошади возможен в рамках группового социально-психологического тренинга. С целью апробации программы развития личности в практиках ипповенции

разработана тренинговая программа и реализована в формате формирующего эксперимента. Становление субъектности Я в самосознании оценивалось через динамику компонентов психологического благополучия личности, базового доверия к себе и окружающим, развитие самопонимания и самопринятия, регуляцию своих состояний в напряженных ситуациях.

Апробация программы ипповенции осуществлялась в ходе формирующего эксперимента.

В экспериментальную группу, прошедшую занятия программы ипповенции, вошло 30 человек, в контрольную группу – 60. Экспериментальная группа при апробации программы ипповенции делилась на две подгруппы по 15 человек в каждой. Общее число занятий составило 6 встреч по 2-3 часа. Занятия программы ипповенции проходили еженедельно по воскресным дням на базе Казанского ипподрома. Участники программы были информированы о целях исследования, его экспериментальном характере, процедурах диагностики, и принимали участие в программы ипповенции на добровольной основе.

Первый этап программы включал наблюдение и получение знаний о специфике общения с лошастью, ее психологии, о возможных вариантах выстраивания с ней контакта. На этом этапе через задания по анализу психологических особенностей лошадей при наблюдении за ними, их взаимодействиями друг с другом и с человеком преследовалась цель запустить процессы субъективизации. Дополнительно давались задания на сопоставление особенностей себя и своих отношений в социуме с особенностями и поведением наблюдаемых лошадей позволяли актуализировать и развить рефлексивные способности самосознания участников. Этот этап соответствовал объект-объектному типу взаимодействий участников программы с лошадьми.

Третий этап состоял в организации непосредственных контактов участников с лошадьми, возможности выстроить с ними отношения через взаимодействия в процессе кормления (угощения), чистки, выполнения заданий по управлению лошадью. На этом этапе упражнения в основном были

направлены на необходимость регулировать свое эмоциональное состояние, сохранять максимальное самообладание и спокойствие, чтобы успокоить настороженную лошадь. На развитие регуляторного и смыслопорождающего процессов самосознания были направлены задания на украшение лошадей творческими группами участников (по три-пять человек). Это очень сложная и многоплановая задача, ведь лошадь – живое существо, которое постоянно движется и может иметь свое собственное отношение к имеющемуся у человека творческому замыслу по ее украшению. Для реализации своей идеи по украшению лошади нужно не только следовать цели воплощения, задуманного группой образа, но и принимать во внимание состояние и поведение лошади, ее особенности. Внимание постоянно нужно удерживать сразу на нескольких объектах: лошади, собственном образе – цели творческого акта, реальном результате и возникающих сложностях. Эти задания выполнялись в микрогруппах, что оказывает более сильный эффект благодаря совместной творческой деятельности. Также на этом этапе решались задачи определения уровня и развития субъектификации лошади участниками, как важного этапа в переходе к субъект-субъектным взаимодействиям с лошадью. Второй этап соответствовал реализации объект-субъектного и субъект-объектного типов взаимодействия участников программы с лошадьми и предварял переход на субъект-субъектные типы взаимодействия.

На третьем этапе программы задания и упражнения были направлены на субъектную трансформацию полученного опыта на ценностно-смысловом уровне посредством техник фототерапии (Копытин, 2002). Применение фототерапии в программе ипповенции реализовывалось в заданиях по выполнению участниками собственных фотопроектов с заданной или свободной тематикой, презентацией фотоколлажей, так и в работе с набором ассоциативно-метафорических фотокарт «Образ лошади» (Лопухова, Газизов, 2016б). Осознавание динамики своих чувств и состояний через метафорические ассоциации с образами лошадей на этом этапе позволяет развить процесс индивидуации, осознать и принять уникальность своих

чувств, состояний и отношений, развить принятие себя, чувство ценности своего «Я», уверенности в себе. В непосредственном взаимодействии с лошадьми упражнения включали свободный выбор вариантов контактирования. Это могла быть игра с лошадью либо прогулка с ней в открытом пространстве, где она могла реализовывать свои намерения (например, поpastись на траве, побегать, общаться или не общаться с человеком). Ситуация взаимодействия с относительно свободной лошадью требовала от участников соотнесения мотивов, желаний, чувств своих и лошади, то есть не только осознания, принятия и регуляции своей позиции, но и понимания, учета позиции лошади, как полноправного субъекта этих взаимодействий. Такого рода отношения с лошадью требуют реализации смыслопорождающего и преобразующего «Я», процессов самосознания. На этом этапе соответственно была преимущественная ориентация на субъект-совместный, субъект-обособленный (с вероятностью перехода в субъект-конфликтный) и субъект-порождающий типы взаимодействия участников программы с лошадьми.

Завершение программы подразумевало субъективную трансформацию полученного опыта, что фиксировалось посредством устной и письменной обратной связи. Рефлексия и осознание полученного опыта, способствуют изменению процессов самовосприятия и восприятия ценности окружающего мира, что в совокупности обеспечивает целостность личности.

Экспериментальная и контрольная выборки прошли психодиагностику по ключевым диагностическим показателям самосознания личности, выделенным нами в качестве критериев эффективности данного тренинга. Кроме психодиагностических методик также были проведены анкетирование и опрос по некоторым, важным для принятия участия в программы ипповенции, показателям: опыт общения с лошадьми, его характер (позитивный или негативный), наличие или отсутствие страха перед лошадью, и при наличии страха – есть ли желание его преодолеть. Для получения психодиагностических данных были использованы методики субъективной

диагностики: разработанная для проведения исследований в сфере ипповенции методика «Субъектификация лошади» (Приложение 5), «Шкала психологического благополучия Рифф» и «Шкала доверия М. Розенберга».

Опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф позволил определить показатели, которые выступали критериями уровня развития субъектности Я во взаимодействиях с интер- и интрасубъектной средой личности: «положительные отношения с другими»; «автономия» (проявление самостоятельности, способности противостоять стереотипам в восприятии и поступках, саморегуляцию поведения, самооценка в соответствии с личными критериями); «управление окружением» (чувство компетентности в регуляции отношений, ощущение контроля внешней деятельности, использования представляющихся в жизни возможностей); «личностный рост» (чувство развития, реализации своего потенциала, открытость новому опыту, улучшений в себе в соответствии с собственными познаниями и достижениями); «цель в жизни» (чувство, что жизнь имеет смысл, наличие перспективы, задающей направленность жизни); «самопринятие» (осознавание и принятие как положительных, так и отрицательных качеств своей личности); «человек как открытая система» (способность интегрировать отдельные аспекты своего жизненного опыта, усваивать новую информацию, открытость новому опыту, непосредственность и естественность переживаний личности).

В развитии самосознания личности значимо доверие себе и миру, поскольку это удовлетворяет базовую онтологическую потребность индивида в безопасности, обеспечивая социальное и психологическое благополучие при взаимодействии с внешней реальностью (Заболотная, 2003). Доверие диагностировалось по шкале М. Розенберга («Вера в людей»), по степени согласия с тремя утверждениями: «Большинству людей можно доверять», «Люди стремятся быть полезными», «Большинство людей вели бы себя честно».

Сравнительный анализ результатов первичной психодиагностики обеих выборок показал отсутствие различий в экспериментальной и контрольной выборках по параметрам «Управление средой», «Человек как открытая система» и «Шкала доверия» (таблица 16).

Таблица 16 - Сравнение средних показателей в группах по результатам психодиагностики до проведения программы ипповенции по критерию t- Стьюдента для независимых выборок
(Прим: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$)

Показатели		Контрольная группа	Экспериментальная группа
Шкала психологического благополучия Рифф	Позитивные отношения	60,3*	57,1
	Автономия	51,8**	49,6
	Управление средой	56,6	56,1
	Личностный рост	62,5**	59,6
	Цели в жизни	62,4**	59,8
	Самопринятие	54**	50,7
	Человек как открытая система	65,4	65,5
Шкала доверия М. Розенберга		1,1	1,1
Субъектификация лошади	Эффект параллелизма	14,4	16,1*
	Референтность	13,4	18,3***
	Субъект совместной деятельности	13,7	16,8***

Поскольку участие в эксперименте по апробации программы ипповенции было добровольным, то можно предположить, что в экспериментальную группу вошли те кто испытывал определенную потребность в развитии личности и интересовались лошадьми. Это объясняет то, что у участников программы ипповенции в среднем достоверно выше все показатели субъектификации лошади, то есть для них было более характерно видеть в лошади субъекта общения, способного обеспечить личностное развитие, по сравнению с контрольной выборкой – теми, кто не проявил желания участвовать в апробации программы. По шкале доверия М. Розенберга достоверных различий нет, соответственно, обе группы имели сходный, при этом невысокий (1,1 из максимальных 3 баллов), уровень доверия к людям.

В контрольной группе за период проведения программы ипповенции (три месяца) значимой динамики показателей психологического благополучия, уровня доверия и степени субъектификации лошади не наблюдалось, за исключением того, что некоторые показатели (шкала доверия и все параметры субъектификации лошади) претерпели небольшую отрицательную динамику, не достигшую статистически достоверного уровня различий (таблица 17).

Таблица 17 - Сравнение результатов психодиагностики контрольной группы до и после трехмесячного интервала по критерию t - Стьюдента для зависимых выборок

Показатели		До		После		$t_{эмп}$	Р-знач.
		М	Д	М	Д		
Шкалы психологического благополучия Рифф	Позитивные отношения	60,34	72,45	60,97	76,6	1,07	-
	Автономия	51,75	61,51	51,19	66,92	0,98	-
	Управление средой	56,56	74,58	57,06	76,21	0,85	-
	Личностный рост	62,47	62,9	63,03	70,25	0,85	-
	Цели в жизни	62,42	76,92	63,04	84,82	0,94	-
	Самопринятие	54,04	76,78	54,81	87,31	1,44	-
	Человек как открытая система	65,35	52,55	65,49	53,64	0,2	-
Шкала доверия Розенберга		1,06	0,86	0,97	0,89	1,47	-
Субъектификация лошади	Эффект параллелизма	14,38	23,85	14,11	21,99	0,92	-
	Референтность	13,37	35,91	12,43	35,14	2,11	0,05
	Субъект совместной деятельности	13,67	31,72	13,34	30,1	1,03	-

Результаты диагностики показывают, что большинству респондентов контрольной выборки свойственно проявление компетенций в управлении окружением и внешней деятельности; способность создавать условия и обстоятельства, подходящие для удовлетворения личных потребностей и достижения целей. Респонденты в целом они относятся к себе позитивно, знают и принимают различные свои стороны, включая хорошие и плохие качества (на это указывают значения шкалы «самопринятие»), а также

обладают развитой способностью усваивать новую информацию, и открыты новому опыту.

«Позитивные отношения» у обеих групп в течении трехмесячного периода в среднем увеличились вне зависимости от участия в программе ипповенции (таблица 18).

Таблица 18 - Сравнение результатов психодиагностики экспериментальной группы до и после прохождения программы ипповенции по критерию t - Стьюдента для зависимых выборок

Параметры		До		После		$t_{\text{эмп}}$	Р-знач
		М	D	М	D		
Шкала психологического благополучия Рифф	Позитивные отношения	57,1	11,44	62,67	11,41	2,86	0,1
	Автономия	49,6	3,9	56,4	36,04	5,49	0,01
	Управление средой	56,1	48,99	60,73	71,72	6,79	0,01
	Личностный рост	59,6	21,21	68,23	33,5	6,79	0,01
	Цели в жизни	59,8	52,03	67,07	28,55	4,27	0,01
	Самопринятия	50,7	33,2	60,07	67,31	4,77	0,01
	Человек как открытая система	65,5	13,98	68,53	31,91	2,44	0,05
Шкала доверия М. Розенберга		1,06	0,61	1,53	0,67	2,31	0,05
Субъектификация лошади	Эффект параллелизма	16,07	15,37	20,27	4,2	4,62	0,01
	Референтность	18,3	14,15	21,6	9,007	3,23	0,01
	Субъект совместной деятельности	16,77	16,53	19,23	19,77	2,16	0,05
	Общий уровень	51,13	102,7	61,1	82,3	3,53	0,01

Участники стали более способны устанавливать параллелизм характеристик лошади со своими собственным. В представлении участников лошадь в достаточно большой степени вызывает переживание собственной личностной динамики, наделяется способностью выступать в качестве референтного лица, опосредствующего систему отношений к миру, и субъекта совместной деятельности и общения. В экспериментальной выборке значимо выросли средние значения по всем шкалам психологического благополучия, кроме показателя «Позитивные отношения».

Анализ изменений параметра доверия у участников программы ипповенции по отдельным утверждениям шкалы доверия М. Розенберга представлен на рисунке 21.

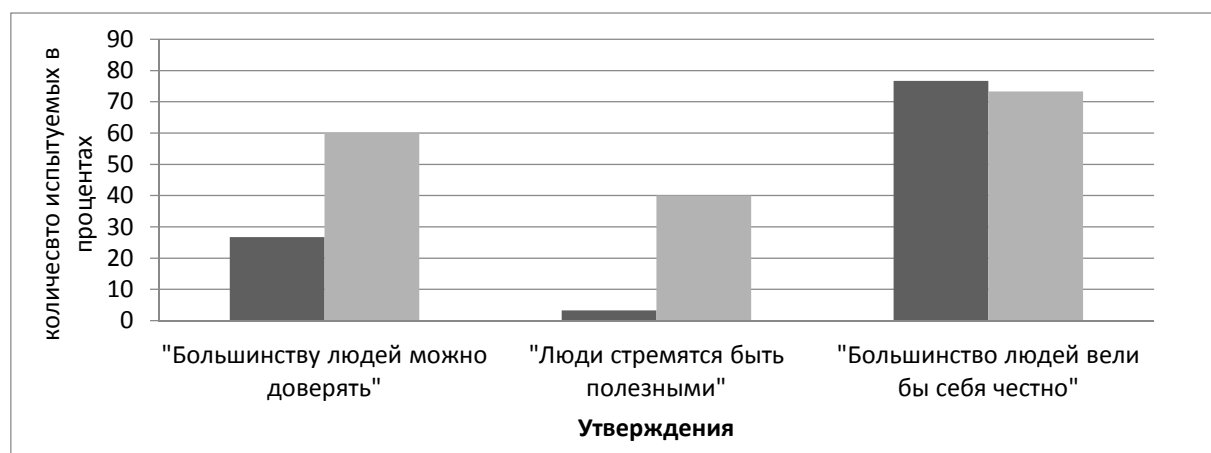

Рис. 21. Распределение частоты согласия с утверждениями шкалы доверия М. Розенберга до (темный цвет) и после (серый цвет) прохождения программы

После программы ипповенции участники стали больше склоняться к позициям, что большинству окружающих людей можно доверять, и что люди чаще всего стремятся быть полезными другим, а не думают только о себе. Однако количество участников, которые считают что большинство людей ведут себя честно при появлении возможности обмана, уменьшилось. Такая внутренняя позиция может быть охарактеризована фразой «доверяй, но проверяй», то есть участники, несмотря на усилившееся доверие и более позитивное и открытое отношение к окружающим, не теряют определенного уровня критичности. Такие изменения в показателях доверия можно оценить, как адаптивные, что подтверждает эффективность апробируемой программы.

Частотный анализ, с использованием критерия углового преобразования Фишера, был проведен при сопоставлении уровней субъективизации лошади у участников программы ипповенции до и после его проведения (таблица 19). В выборке не встречалось случаев низкого уровня субъективизации лошади, были представлены только варианты среднего и высокого уровней субъективизации, при этом частотность высокого уровня значительно выросла в результате участия в программе.

Таблица 19 - Сопоставление уровней субъектификации лошади до и после программы ипповенции с использованием критерия углового преобразования Фишера ($\varphi^*_{эмт} = 2,963, p \leq 0,01$)

Экспериментальная группа	Общий показатель субъектификации	
	Средний	Высокий
До программы ипповенции	23 (76,7 %)	7 (23,3 %)
После программы ипповенции	12 (40 %)	18 (60 %)

Результаты корреляционного анализа измеренных показателей в экспериментальной группе до и после прохождения программы ипповенции представлены в таблице 20.

Таблица 20 - Матрица корреляционных взаимосвязей показателей психологического благополучия, доверия людям и субъектификации лошади у участников экспериментальной группы до и после прохождения программы ипповенции (Прим: $*p \leq 0,05$)

Показатели психологического благополучия	До тренинга		После тренинга	
	Субъектификация лошади	Доверие	Субъектификация лошади	Доверие
Позитивные отношения	- 0,71*	- 0,36	0,65*	- 0,01
Автономия	- 0,19	- 0,22	0,12	0,08
Управление средой	- 0,32	- 0,51*	0,41*	0,17
Личностный рост	- 0,09	- 0,54*	0,19	0,11
Цели в жизни	- 0,62*	- 0,36	0,09	0,28
Самопринятие	0,09	0	0,49*	0,16
Человек как открытая система	0	- 0,54*	0,69*	0,23

В экспериментальной выборке до проведения тренинговых занятий были выявлены обратные взаимосвязи, свидетельствующие о том, что для участников, у которых до программы ипповенции был относительно более низкий уровень по шкалам «позитивные отношения», «цели в жизни», было свойственно больше субъектифицировать лошадь. Парадоксально выглядит, что более высокий уровень доверия людям был связан с относительно более низкими показателями «управление средой», «личностный рост» и «человек

как открытая система». Это позволяет предположить, желание участвовать в эксперименте по апробации программы развития личности при взаимодействии с лошадьми было основано не только на любви к лошадям или на чувстве недостаточной психологической ресурсности, а на сочетании, взаимодействии этих составляющих самосознания.

После проведения занятий по программе ипповенции были выявлены положительные взаимосвязи между показателями общего уровня субъективизации лошади и шкалами психологического благополучия: «позитивные отношения», «управление средой», «самопринятие» и «человек как открытая система». То есть, при развитии субъективизации лошади в результате упражнений и опыта участия в программе участники стали больше ощущать свою способность сопереживать, допускать привязанность и близкие отношения; контролировать всю внешнюю деятельность, эффективно использовать представляющиеся возможности, а также позитивно относиться к себе, принимать различные свои стороны, включая хорошие и плохие качества, проявлять доверительное отношение к окружающим и выражать заботу о благополучии других.

Качественный анализ письменных отчетов его участников позволил конкретизировать содержательно произошедшую в самосознании динамику. Выбор данного метода сбора данных обоснован тем, что встречи проходили раз в неделю, и у участников было время на размышления о прошедшем занятии, на интеграцию полученного опыта в жизни. В связи с этим участники описывали свои состояния и впечатления о прошедшем занятии, а также указывали на те упражнения, которые в большей мере оказали воздействие на их психическую динамику.

На первом этапе программы ипповенции взаимодействия с лошадьми и своим Я ориентировались на «объект-объектный» тип. Для участников лошадь позиционировалась в качестве объекта наблюдения, изучения, понимания. Для лошадей новые люди также выступали объектом. Также обсуждения при таком взаимодействии были ориентированы на анализ собственных

состояний, мыслей, ассоциаций. Судя по содержанию отчетов, у многих участников преобладали такие чувства, как страх, скованность, тревога, неуверенность, сомнения перед чем-то новым и неизведанным:

«...Как только лошадей начали выводить из стойл, меня охватил страх, я пыталась с ним бороться, так как изначально знала, что животные все чувствуют. Я выбрала самую маленькую и самую «безопасную», на мой взгляд, лошадку. В самом начале я не могла до нее дотронуться, если ее никто не держал (за мордочку), я боялась, что она укусит, боялась ее резких движений...»;

«... испытывала – страх причинения вреда (и лошадьми людям и людьми лошадям), а также неуверенность в правильности своих действий»;

Одной из задач первого занятия было плавное и постепенное включение участников в общение с лошадьми, а также учитывалась значимость индивидуального подхода к каждому участнику. В результате, уже после первой встречи, можно было заметить позитивное отношение к лошади:

«В первое же занятие рассеялись все предубеждения о возможной опасности. Лошади предстали передо мной красивыми, добродушными животными, готовыми к общению».

У участников программы, таким образом, на первом этапе были актуализировано осознание своих эмоциональных отношений к себе и другим, как положительных, так и отрицательных, что соответствует задаче активизации рефлексивного процесса самосознания личности. Достаточно детальное описание своих состояний, мыслей, и их динамики при знакомстве с лошадьми выступало диагностическим критерием для перехода ко второму этапу тренинговой программы.

Второй этап программы ипповенции был основан на реализации в упражнениях субъект-объектных и объект-субъектных типов взаимодействия «человек – лошадь» и направлен на развитие и коррекцию регуляторных способностей, в дополнение к развитию саморефлексии. Участники, открыв для себя новый опыт, смогли перебороть страх и сомнения, свойственные любому начинанию. Вместе с тем, они смогли определить (каждый сам для

себя), те качества, которые они хотели бы в себе развить и имеющие для них определенную ценность. Более того, разрушились некоторые стереотипы, и выстроилось новое восприятие образа данных животных. Участники смогли увидеть, как действительно состояние, в котором находятся они, передается лошади, и отображается в них:

«... В период «чистки» ты можешь проанализировать свое поведение и реакцию лошади на тебя. Сначала я испытывала недоверие, но на тот момент я все же не понимала этого. Реакция Дара была отзеркалена от моей реакции. Я открывалась медленно, и соответственно, и Дар открывался мне так же».

Об отсутствии доверия у человека может свидетельствовать степень выраженности контроля в жизни, в связи с этим предлагалось упражнение, которое выявляло у участников тенденции контроля, отразившиеся на взаимодействии с лошадью. Приведем примеры из отчетов о рефлексии своей способности к регуляции себя и отношений:

«...можно сделать вывод: при тесном общении с лошадью, один на один, ты борешься со своими страхами, стеснением, ты не знаешь, что делать, и ты слишком много думаешь над своими действиями. Полный контроль... Думаю, что это занятие дало понять мне некоторые свои стороны. Я убедилась, что не нужно контролировать все, что связано с тобой, ибо контроль не всегда действует, и тем более не с лошадьми. Это вольные животные»

У разных участников страх прошел после определенных упражнений, однако этот процесс был индивидуален:

«Хотелось бы отметить упражнение, где предлагалось покормить лошадь с открытой ладони и с закрытыми глазами. Это упражнение мне далось легко, на тот момент я уже был уверен, что лошадь никогда намеренно не нанесет вреда человеку, который ведет себя с ней дружелюбно. Предназначение этого упражнения очевидно – учимся доверять лошадям»;

«...И только тогда, когда началось групповое упражнение, где мы бежали и ходили с лошадью, только тогда, я смогла действительно расслабиться и наслаждаться тем, что я делаю. До этого момент – это было не ощутимо».

«В результате тренинга хотелось бы действительно научиться понимать лошадей. Хотелось бы перестать их бояться».

В рефлексивных отчетах второго этапа программы развития самосознания личности в ипповенции участники выделяли упражнения на взаимодействие с лошадью в движении. В данной ситуации участникам приходилось регулировать свой страх и помогать в этом лошади. В отчетах участников появились процессов саморегуляции во взаимодействиях, которые распространялись не только на контроль ситуации, но и на чувство самоконтроля, отвечающего более высокому уровню субъектности Я:

«Ходьба с Машей. Контроль тут бесполезен - это я поняла сразу. И я решила просто вести себя так же, как и она. Направлять ее, нежно, но с некоторой долей манипуляции. Напряжениеросло, когда необходимо было успокоить лошадь после того, как ее испугали. Сначала, естественно, испуг пришел ко мне, а потом уже к Машке. Она просто помчалась, а меня одолел страх: держать ее становится тяжелее, ибо боишься, что тебе сейчас просто руки оторвут. Только после того, как я взяла себя в руки, я смогла взять Машку в «копыта». Сил в руках прибавилось, уверенности стало больше, повод держала уже крепко. Я должна вести. Я. Не Маша, а именно я. Должно все зависеть от меня. С такой мыслью все и начало идти гладко».

«Мне кажется, что в каждом упражнении, как в зеркале, хорошо отражаются индивидуальные особенности характера. Из того, что обрадовало – это упражнение на управление поклоном лошади. Получилось сразу и уверенно. Еще временами получалось вести лошадь в поводу, возможно, это происходило в тот момент, когда я отчетливо понимала необходимость спокойного и уверенного ведения лошади».

Взаимодействия с лошадью в отчетах участников на втором этапе тренинговых занятий вышли на субъект-субъектный тип взаимодействий: лошадь перестала с позиции объекта наблюдения, источником ощущений и эмоций, своих желаний и пр., стала восприниматься как субъект своих намерений, настроения, которые необходимо учитывать при взаимодействии с ней. Саморефлексия, по отзывам участников, способствовала лучшему пониманию лошади, проявлению чуткости по отношению к ней, и обеспечила успешное выполнение упражнений. При этом участники отмечали, что выполнить то или иное задание помогает осознание своих чувств, намерений, то есть, собственная субъектная позиция во взаимодействиях с лошадью:

«...упражнение с кордой... Интересное чувство возникло у меня во время того, когда я начала менять направление. В этот момент у меня получилось отчетливо почувствовать настроение лошади, я понимала, что для того чтобы она поменяла направление, я должна вывести ее из одного состояния и направить в другое, а так как нам нельзя было применять тактильные способы, приходилось объяснять на невербальном уровне. Этот опыт помог мне лучше понимать человека, с которым я разговариваю. В повседневном ритме жизни не часто уделяешь внимание настроению своего собеседника, порой я настолько озабочена своими мыслями, что возможно обижаю своим эгоистичным мышлением»;

«...упражнение, когда нам предлагали провести лошадь сначала за уздечку, а потом без механического воздействия, заставить лошадь пройти рядом. Она упрячилась и в этот момент я ощущала чувство настойчивости, мне приходилось проявлять упорство и уверенность, чтобы достичь своей цели. Это очень ценный опыт»;

В приведенных ответах подчеркивается важность осознания и принятия своего состояния, на которых строится его регулирование и учет субъектной позиции лошади во взаимодействии с ней. Поскольку реальный, а не демонстрируемый эмоциональный настрой человека передается лошади и отражается в ее поведении, участники в развитии своих взаимодействий с лошадьми особенно глубоко прочувствовали свою ответственность за осознание и регуляцию своего состояния, мыслей и намерений. Это позволило развить навыки саморегуляции и уверенность в себе, осознание и порождение новых смыслов во взаимодействии с лошадью, как значимым «Другим».

К переходу на третий, завершающий этап тренинга участники уже овладели достаточными навыками управления лошадью и установления контакта с ней, получили базовые знания о психологии лошадей, развили рефлексивные и регуляторные способности в контактах с лошадьми. Критериями этого уровня развития выступили: чувство уверенности в отношениях с лошадьми, отсутствие страха, появление инициативы в выборе упражнений, а также «творческих» вариантов и открытий в развитии отношений со «своей» лошадью.

Третий этап в программе ипповенции подразумевал актуализацию в упражнениях субъект-субъектных взаимодействий «человек – лошадь» (субъект-совместного, субъект-обособленного, и возможно, субъект-конфликтного, и субъект-порождающего). Способы взаимодействия с лошадьми в наибольшей степени были направлены на смыслопорождающий и преобразующий процессы становления субъекта самосознания. Упражнения, соответственно, предлагались более индивидуально ориентированные, со свободным выбором участниками и предполагающие большую свободу лошади. Предлагались варианты уже освоенных ранее способов взаимодействия, а также возможность попасти лошадь, поиграть с ней свободно или просто простоять рядом и поговорить и т.п.

Приведём несколько примеров их отчетов осознания особенностей и динамики своих отношений с лошадью, как значимым «Другим», в том числе, в аспекте субъект-конфликтных взаимодействий:

«... мои отношения с Даром напоминают мне мои отношения с противоположным полом. Я выбираю две стратегии своего поведения в зависимости от того, какая, по моему мнению, более выигрышная. Я либо становлюсь в позицию ребенка, начинаю капризничать, плакать и т.д. пока не добьюсь желаемого, либо я становлюсь жесткой, черствой, холодной. ... С Даром этот трюк не проходит».

Здесь мы видим, что участница смогла установить параллель между взаимоотношениями с лошадью и отношениями с противоположным полом. Она акцентирует внимание на том, что с лошадью (на данном этапе) то стереотипное поведение, которое она привыкла применять в жизни, не действует. В процессе общения с лошадьми и при выстраивании с ними контакта важно не только лишь следить за своими мыслями и эмоциями, но также понимать и принимать изменения, происходящие с самой лошадью. Этот опыт, как указывает участница, развил у нее способность видеть и понимать эмоциональное состояние собеседника, что помогает выстраивать эффективный контакт, который ближе к типу субъект-порождающих взаимодействий:

«В повседневном ритме жизни не часто уделяешь внимание настроению своего собеседника, порой я настолько озабочена своими мыслями, что возможно обижаю своим эгоистичным мышлением. После того как я начала посещать тренинг, я стала больше внимания уделять тому, что чувствует другой человек, более внимательно слушать. Благодаря этому и мой сумбурный поток мыслей, стал более структурирован и «мелодичен»».

Процесс выстраивания контакта с лошадью, как с субъектом новым, «иным», общение с которым отлично от привычного общения с людьми, позволяет участникам через преодоление нестандартной, непривычной для них ситуации в общении, открыть в себе способность раскрыть себя и другого субъекта взаимодействия, вырабатывая общие с ним, новые смыслы. В связи с этим участниками рефлексировались самые разные критерии эффективности их личностного роста, к примеру:

«Я хочу в меньшей степени контролировать процессы своей жизни, планировать все наперёд, ибо иногда это очень мешает. Хочу больше доверять...и прежде всего, доверять себе».

«... при чистке беременной лошади, я испытала любовь и заботу. Если хочешь получить «добро» - дай сам добро. С людьми так же. Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе. Именно заботу и любовь, нежность и ласку, игривость - я в себе развила. Для меня это стало свободой».

«... Именно из-за этого упражнения я замечаю больше всего изменений в себе. Связано это с тем, что я человек, предпочитающий тесный контакт с кем-либо, наедине. Только так все маски снимаются и открываются наши настоящие лица. ... Теперь я могу утверждать точно, что не боюсь лошадей и доверяю им. В этот раз я как будто слилась в единое целое с Даром. Я чувствовала его на уровне души, разума, было такое умиротворение, спокойствие, тепло. Наши с ним отношения перешли на другой уровень, чему я действительно рада. Если же данные отношения переносить на общение между двумя людьми, то могу сказать, что теперь мне стало проще налаживать контакт с новыми людьми»;

«... благодаря этому упражнению я научилась дарить любовь своим близким. Даже родители заметили, что я стала более щедра на свою любовь».

«Если мои отношения с лошадью переносить на человеческий лад, (общение между двумя людьми), то могу сказать, что упражнение с чисткой Дара, именно на 4-ом занятии, дало мне возможность более свободно и открыто знакомиться с новыми людьми».

Этот пример иллюстрирует, что участница нашла для себя новый подход во взаимоотношениях. Начался он с общения с лошадью, но был перенесен и на социальные взаимоотношения, общение с людьми: равная, партнерская позиция (а значит та, в которой присутствует уважение и понимание друг друга) это составляющая любых взаимоотношений, которая обогащает новой жизненной энергией и ресурсами. Это именно те отношения, в которых человек может познать себя через «другого», через открытость и доверие к этому взаимодействию:

«Трудно говорить на столь малом сроке проведения тренинга, что я в себе открыла, но после тренинга поменялось в моей жизни достаточно многое. У меня появились ресурсные состояния, появилось желание развиваться, я собираюсь пойти на уроки фортепиано и вокала, мне не хочется «стоять на месте» и «пропускать» свою жизнь...».

Многие участники углубились в познание себя и своих личностных особенностей, а также осознали ресурсы саморегуляции, опыт развития доверительных открытых социальных отношений и свободу в проявлении своего «Я». Программа ипповенции позволила участникам через развитие субъект-средовых взаимодействий в общении с лошадью увидеть в себе новые стороны, которые не были раньше развиты, или, возможно, не осознаны, и это способствовало гармонизации, как внутренних процессов в становлении самосознания личности, так и социальных отношений.

Целенаправленный характер развития самосознания обеспечивается в программе ипповенции на основе последовательного развития взаимодействий «человек — лошадь», которые, благодаря единству процессов интериоризации/экстериоризации, обращаются как «вовнутрь», развивая самопонимание, саморегуляцию, самопроектирование, так и вовне — в межличностные отношения, способствуя становлению субъектности и проявлению признаков гармонизации личности.

Выводы по четвертой главе

Универсальная система технологий развития и коррекции самосознания личности, как процесса субъект-средовых взаимодействий, верифицирована в апробации программ, ориентированных на решение разных психологических задач (профессионально-личностного самоопределения, профессионального самосознания, эмоциональной саморегуляции, гармонизации личности в межвидовых взаимодействиях) и на разные психо-социально-возрастные категории (студенческую молодежь, интеллектуально-одаренных детей, взрослых профессионалов).

Приведенные примеры программ развития субъекта самосознания реализуют общую логику создания психолого-педагогических условий, в которых содержание каждого этапа ориентируется на «ведущую» роль последовательно актуализируемых рефлексивного, регуляторного, смыслопорождающего и преобразующего процессов самосознания.

В развитии и интеграции этих процессов становление субъекта самосознания направлено от уровней «Я как субъект потребности в самокатегоризации» и «Я как субъект саморефлексии, осознания», связанных с реализацией рефлексивного процесса к уровням «Я как субъект идентификации, эмпатии, отождествления/разотождествления с образом Другого»; «Я как субъект критической оценки / самооценки», включающим регуляторные процессы, и далее к уровням «Я как субъект произвольного действия (самоопределения)», включающим смыслопорождающий процесс.

Условием становления субъектности Я в этих программах выступает включение участника в выполнение заданий и упражнений, обеспечивающих последовательный переход от репродуктивных к совместным и продуктивным типам взаимодействий в системе «Я – интер- и интрасубъектная среда личности».

На высшем уровне – «Я как творец новых норм и личной модели самореализации», включающим преобразующий процесс самосознания,

участник программы осознанно вырабатывает и предлагает окружению индивидуальный стиль общения, саморегуляции, самоопределения.

Апробация вариантов программ показывает эффективность предложенной универсальной модели, что проявлялись в признаках сбалансированного психического состояния, открытости новому опыту, самостоятельности, осмысленном целеполагании, ориентации на развитие себя, социальных отношений и продуктивной творческой деятельности.

Заключение

В исследовании проведено теоретико-методологическое обоснование, эмпирическая верификация и реализация в практических развивающих программах концепции самосознания личности процесса и продукта развития взаимодействий Я с внешней и внутренней средой личности. Обращение к методологии экопсихологического подхода позволяет интегрировать представления о самосознании с позиций трех парадигм: гносеологической – как феномене, который может быть описан через структурные и содержательные свойства; трансцендентальной – как результате обретения самости, смысла Я в постижении неких внешне заданных «высших» сущностных форм, либо глубинных, природных закономерностей; онтологической – как форме бытия, становление которой представляет собой процесс и продукт развития взаимодействий Я с внешней и внутренней средой личности.

Становление Я (субъекта самосознания) представляет собой сложную самоорганизующуюся систему субъект-средовых взаимодействий, разворачивающихся как во внутреннем мире личности (конфликтные, продуктивные, гармоничные варианты взаимодействия образов Я-концепции), так и в отношениях идентификации Я с внешней по отношению к личности нормативными, ролевыми моделями социокультурной среды. Эмерджентность процесса становления субъектности Я состоит в том, что онтологическим субъектом становления выступает сама система взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности», когда все компоненты этой системы выступают и условиями, и результатом взаимного развития. В связи с этим в исследованиях самосознания в большинстве случаев применялся психосемантический метод множественных идентификаций, который позволяет конструировать диагностический инструментарий, одновременно реализующий идеографический подход

(ориентированный на выявление уникального внутреннего мира, который нельзя предсказать, но можно понять), и дает возможность обобщения данных на выборках, объединенных по определенным критериям взаимодействий в системе «Я – интер-/интрасубъектная среда».

Полученные данные позволили конкретизировать проявления принципов единства процессов интериоризации/экстериоризации и анизотропного формопорождения, преемственности развития рефлексивного, регуляторного, смыслопорождающего и преобразующего процессов, как базовых в концепции самосознания личности, как процесса субъект-средовых взаимодействий. На основании этих принципов разработана универсальная системы технологий развития и коррекции самосознания, отражающая систему специально организованных условий, поэтапно направляющих становление субъекта самосознания посредством поступательного развития типов взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности» от репродуктивных к совместным и продуктивным.

Таким образом, методологическое обоснование, эмпирическая и практическая верификация концепции самосознания личности с позиций эконсихологического подхода позволяют сформулировать следующие **выводы**:

1. Разработанная концепция самосознания представляет его как процесс полилоговых, обусловленных гетерархией и фрактальной детерминацией, взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности». Процессуальность самосознания объясняется на основе принципов анизотропного формопорождения и единства интериоризации / экстериоризации. В соответствии с принципом анизотропного формопорождения самосознание понимается как непрерывный процесс становления Я, который состоит в избирательности личностного развития; зависимости от контекста и опыта, динамичности самосознания как процесса, а не статичной структуры. Эмпирически принцип анизотропного формопорождения представлен в множественности образов Я в самосознании и

разных типах их взаимодействий в интрасубъектной среде личности в зависимости от контекста ситуации, от ракурса анализа, от уровня и аспекта самосознания. В соответствии с принципом единства интериоризации / экстериоризации самосознание понимается как многоуровневая система взаимодействий Я (субъекта самосознания) с компонентами интер- и интрасубъектной среды личности, на границе которых создаются новые смыслы. Единство интериоризации / экстериоризации проявляется в динамике нелинейных отношений «Я – внутриличностные образования – социокультурная среда», в выявленных и описанных уровнях становления субъектности Я.

2. Концепция самосознания представлена в модели взаимосвязей уровней становления субъектности Я с преемственным развитием рефлексивного, регуляторного, смыслопорождающего и преобразующего процессов самосознания и разными типами взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности». Процесс становления субъектности Я в самосознании направлен от самокатегоризации, самонаблюдения, идентификации с образами-эталоном (в которых Я в адаптивно-репродуктивных взаимодействиях с интра- и интерсубъектной средой личности занимает позицию квази-объекта) к неадаптивным и продуктивным (нададаптивным) субъект-средовым взаимодействиям, в которых Я выступает как субъект произвольного действия и самоопределения, а также как творец новой социальной нормы и индивидуального варианта самореализации, что взаимосвязано с проявлениями субъективного и психологического благополучия.

3. Концепция самосознания личности теоретически и эмпирически апробирована с позиций трех парадигм: гносеологической (самосознание рассматривается как феномен с характерными структурными и содержательными свойствами, внешне или внутренне линейно детерминированный); трансцендентальной (становление Я в результате разворачивания в самосознании глубинных, внеличных смыслов); онтологической (анализ самосознания как формы бытия, становление которой происходит в процессе взаимодействий Я с компонентами внешней и внутренней сред личности). В ракурсе

гносеологической парадигмы, на основании линейных взаимосвязей типологических характеристик личности, подтверждено, что в гендерном, этническом, конфессиональном аспектах самосознания, на разных уровнях может быть представлена одновременно как объектная, так и субъектная позиции Я во взаимодействиях с интерсубъектной средой личности. В ракурсе трансцендентальной парадигмы выявлено, что архаичное содержание этнокультурной гендерной семантики выступает основой смыслопорождающего и преобразующего процессов становления самосознания в трансформирующейся системе гендерных представлений. В ракурсе онтологической парадигмы выявлены условия, определяющие динамику субъектной и объектной позиций Я с образами интрасубъектной и интерсубъектной среды личности в комплексах взаимодействий репродуктивного, конфликтного, совместного и продуктивного типов, на эксплицитном и имплицитном уровнях самосознания. Высокая пластичность, изменчивость и индивидуальная вариативность структурных, уровневых и содержательных аспектов самосознания продемонстрированы в психосемантических экспериментах. Множественность вариантов соотнесения Я с социокультурными нормами и образцами представляет отношения полилога, когда на разных уровнях реализуются разные взаимодействия в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности»: репродуктивного, адаптивного, конфликтного, совместного и порождающего типов.

4. Разработанный трехэтапный алгоритм технологий коррекции и развития самосознания выступает универсальным методическим основанием для практической реализации программ, способствующих становлению субъектности Я во внутриличностных, межличностных и социокультурных отношениях. Результаты апробации программ профессионально-личностного самоопределения, профессиональной самореализации, эмоциональной саморегуляции, гармонизации личности в межвидовом взаимодействии подтверждают эффективность универсальной системы технологий коррекции и развития самосознания. Создание условий (упражнений, заданий, техник, ситуаций) для последовательной актуализации и интеграции рефлексивного,

регуляторного, смыслопорождающего и преобразующего процессов самосознания посредством перехода от репродуктивных к совместным и продуктивным типам взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности», способствуют становлению субъектности Я в определенной сфере самосознания.

5. Результаты эмпирических исследований и апробации программ развития субъекта самосознания подтверждают, что становление субъектности Я происходит гетерархично и гетерохронно в разных аспектах самосознания личности, с высокой вероятностью стагнации на базовых и средних уровнях. Начальный уровень становления субъектности Я проявляется в отсутствии ресурсности и саморефлексии; промежуточные уровни характеризуются потребностью в образце, зависимостью от внешней оценки и проявляются в переживании внутренних конфликтов. Критериями высокого уровня субъектности Я в самосознании выступают показатели психологического благополучия: сбалансированное психическое состояние, удовлетворенность собой и жизнью, открытость новому опыту, чувство автономии, ориентация на развитие себя и социальных отношений в продуктивной, творческой деятельности. Актуализация и прохождение новых циклов становления субъектности Я в самосознании личности связаны с освоением нового опыта взаимодействий в системе «Я – интер- / интрасубъектная среда личности» в условиях субъективно значимой деятельности, что отражает процессуальную, фрактально и само-детерминированную сущность самосознания.

Литература

1. Абульханова, К. А. Онтологический подход С. Л. Рубинштейна в методологии изучения личности и субъекта / К. А. Абульханова // Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна / отв. ред. К. А. Абульханова. – М.: Институт психологии РАН, 2011. – С. 62–80.
2. Абульханова, К. А. Проблема определения субъекта в психологии / К. А. Абульханова // Субъект действия, взаимодействия, познания (психологический и философский анализ) / под ред. Э. В. Сайко. М., Воронеж: МОДЭК, 2001. – С. 36 – 52.
3. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
4. Абульханова, К. А. Типологический подход к личности профессионала // Психологическое исследование проблемы формирования личности профессионала / К. А. Абульханова; под ред. В. А. Бодрова. – М.: Ин-т медико-биологических проблем МЗ СССР; Ин-т психологии АН СССР, 1991а. – С. 58 – 67.
5. Авдеева, Н. Н. Становление образа себя у детей первых трех лет жизни / Н. Н. Авдеева // Вопросы психологии, 1996. – № 4. – С. 5–13.
6. Акопов, Г. В. Новые подходы в постановке и решениях проблемы сознания / Г. В. Акопов // Национальный психологический журнал, 2023. – № 1. – С. 66–76. DOI: 10.11621/nrj.2023.0106
7. Акопов, Г. В. Невербальные языки сознания: репрезентация субъективного отношения посредством цвета, формы и прямой оценки / Г. В. Акопов, Л. С. Акопян, А. В. Белоус, А. В. Капцов // Экспериментальная психология, 2022. – Т. 15, № 2. – С. 111–124.
8. Айзенк, Г. Ю. Структура личности / Г. Ю. Айзенк. – СПб: Ювента, М.: КСП+, 1999. – 464 с.
9. Алешина, Ю. Е. Ролевой конфликт работающей женщины / Ю. Е. Алешина, Е. В. Лекторская // Вопросы психологии, 1989. – № 5. – С. 80–88.

10. Алишев, Б. С. Психологическая теория ценности: системно-функциональный подход: дис...д-ра психол. наук. – Казань, 2002. – 367 с.
11. Алишев, Б. С. Психика и преодоление неопределенности / Б. С. Алишев // Журнал Высшей школы экономики, 2009. – № 3, Т. 6. – С. 3–26.
12. Алишев, Б. С. Взаимодействие и преодоление неопределенности в системе «субъект – объект» / Б. С. Алишев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Психология, 2009 а. – Т. 2, вып.1. – С. 5–10.
13. Алишев, Б. С. Социальные взаимодействия и культура: психолого-антропологический анализ / Б. С. Алишев // Вестник Удмуртского университета. Сер. 3. Философии. Психология. Педагогика, 2011. Вып. 1. – С. 70–81.
14. Алишев, Б. С. К вопросу о психологической сущности ценностей / Б. С. Алишев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития, 2011а. – Вып. 4, № 1. – С. 3–14.
15. Аллахвердов, В. М. Сознание и творчество / В. М. Аллахвердов // Homo Esperans, 2005, – № 1. – С. 52–60.
16. Аллахвердов, В. М. Осознание как открытие / В. М. Аллахвердов // Психология творчества. Школа Я.А. Пономарева; под ред. Д. В. Ушакова. – М.: Институт психологии РАН, 2006. – С. 352–375.
17. Ананьев, Б. Г. Избранные психологические труды: в 2 т. / Б. Г. Ананьев; под ред. А. А. Бодалева, Б. Ф. Ломова. – М.: Педагогика, 1980. Т. 1. – 232 с.
18. Андреева, Г. М. Социальная психология: учебник для вузов / Г. М. Андреева – 5-е издание, исправленное и дополненное. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 363 с.
19. Андреева, Г. М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций / Г. М. Андреева (Электронный ресурс) // Психологические исследования, 2011. – № 6 (20), 1. – DOI: 10.54359/ps.v4i20.804
20. Андреева, И. Н. Предпосылки развития эмоционального интеллекта / И. Н. Андреева // Вопросы психологии, 2007. № 5. – С. 57–65.

21. Анохин, К. В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания / К. В. Анохин // Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова, 2021. – № 1. Т. 71. – С. 39 – 71.
22. Анцыферова, Л. И. Психологическое содержание феномена «субъект» и границы субъектно-деятельностного подхода / Л. И. Анцыферова // Проблема субъекта в психологической науке. / отв. ред. А.В. Брушлинский и др. М.: Академический Проект, 2000. – С. 27–42.
23. Артамонова, Т. В. Гендерная идентификация в спорте: Монография / Т. В. Артамонова, Т. А. Шевченко. – Волгоград: ФГОУ ВПО «ВГАФК», 2009. – 236 с.
24. Артемьева, Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / под. ред. И. Б. Ханиной. – М.: Наука; Смысл, 1999. – 349 с.
25. Арутюнян, М. Ю. Гендерный анализ концепций психологии творчества / М. Ю. Арутюнян // Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-97». – М.: МЦГИ, 1997. – С. 136–141.
26. Асмолов, А. Г. Психология личности / А. Г. Асмолов. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 367 с.
27. Асов, А. И. Мир славянских богов / А. И. Асов. – М.: Вече, 2002. – 523 с.
28. Базилян, С. А. Архетипы К. Г. Юнга как экзистенциальные истоки становления и развития сознания / С. А. Базилян // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика», 2011. – № 2. – С. 21–24.
29. Байков, Ю. Н. Экспериментальный курс «Проектирование жизненной карьеры». Результаты внедрения / Ю. Н. Байков, А. И. Блощинский, Д. Е. Егоров. – Казань: ИСПО РАО, 2003. – 114 с.
30. Барабанщиков, В. А. Онтологический подход в исследовании восприятия / В. А. Барабанщиков // Философско-психологическое наследие С. Л. Рубинштейна / Под ред. К. А. Абульхановой. – М.: Институт психологии РАН, 2009. – Т. 2. – С. 81–101.
31. Баева, И. А. Ресурсы психологической безопасности студентов в напряженной социокультурной среде: обзор теоретических и эмпирических

- исследований / И. А. Баева, Е. Б. Лактионова, И. В. Кондакова, Ю. С. Пежемская, М.-Е.-Л.С. Соколова, Ю. С. Степанова // Психолого-педагогические исследования, 2024. – Т.16. № 2. – С. 3–29. DOI: 10.17759/psyedu.2024160201
32. Барышева, Т. А. «Креативность. Опыт самопознания» – технология рефлексивной самоорганизации (self-examination – development) студентов в информационной образовательной среде / Т. А. Барышева // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, 2013. – № 158. – С. 26–36.
33. Барышева, Т. А. Социокультурные факторы развития креативности в зеркале самосознания личности / Т. А. Барышева, М. А. Малязина // Художественное образование ребенка: Герценовские чтения / РГПУ, Институт детства. – Санкт-Петербург, 2015. – Том 1, выпуск 1. – С. 25–34.
34. Барышева, Т. А. Мотивация саморазвития в подростковом возрасте: опыт изучения и развития / Т. А. Барышева, Т. Н. Носкова, В. В. Истомина // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, 2023. – № 210. – С. 171–180. DOI: 10.33910/1992-6464-2023-210-171-180.
35. Батулин, Н. А. Теоретическая модель личностного благополучия / Н. А. Батулин, С. А. Башкатов, Н. В. Гафарова // Вестник ЮУрГУ, 2013. – Т. 6, № 4. – С. 4–13.
36. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Издательский дом: Искусство, 1979. – 455 с.
37. Бахур, В. Т. К вопросу о нейрофизиологических механизмах чувства собственного Я / В. Т. Бахур // Вопросы психологии, 1980. – № 5. – С. 41–46.
38. Баянова, Л. Ф. К постановке проблемы субъекта культуры в психологии / Л. Ф. Баянова // Филология и культура, 2012. – № 3 (29). – С. 294–299.
39. Баянова, Л. Ф. Культурно-историческая трактовка взаимодействия субъекта и культуры в отечественной психологии советского периода / Л. Ф. Баянова // Научные проблемы гуманитарных исследований, 2009. – № 4 (2). – С. 1–9.

40. Баянова, Л. Ф. Проблема взаимодействия субъекта и культуры в концепции Л. С. Выготского / Л. Ф. Баянова // Северо-Восточный научный журнал, 2011. – №1 (7). – С. 50–55.
41. Баянова, Л. Ф. Культурная конгруэнтность дошкольника в нормативной ситуации и возможности ее исследования/ Л. Ф. Баянова, Т. Р. Мустафин // Современное дошкольное образование. Теория и практика, 2013. – № 4. – С.70–75.
42. Бейтсон, Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Г. Бейтсон; Пер. с англ. М.: Смысл, 2000. – 476 с.
43. Бейтсон, Г. Шаги в направлении экологии разума: Избран. ст. по теории эволюции и эпистемологии / Г. Бейтсон; пер. с англ. Д. Я. Федотова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: УРСС: КомКнига, 2005. – 245 с.
44. Белинская, Е. П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? / Е. П. Белинская (Электронный ресурс) // Психологические исследования, 2015. – № 8 (40), 12. DOI: 10.54359/ps.v8i40.551
45. Белинская, Е. П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности / Е. П. Белинская // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. «Психология. Педагогика», 2018. – № 8 (1), Серия 16. – С. 6–15.
46. Белинская, Е. П. Парадоксы эпохи эмоциональной неопределенности / Е. П. Белинская // Социальная психология и общество, 2020. – 11 (2), – С. 204–208.
47. Белкин, А. И. Биологические и социальные факторы, формирующие половую идентификацию (по данным изучения лиц, перенесших смену пола) / А. И. Белкин // Соотношение биологического и социального в человеке / под ред. В. М. Банщикова и Б. Ф. Ломова. – М.: Книжная фабрика № 1, 1975. – С. 777–790.
48. Белкин, А. И. Формирование личности при смене пола / А. И. Белкин // Психология личности. Тексты / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – С. 197–205.

49. Белых, Т. В. Психологические закономерности динамики субъектных свойств в структуре индивидуальности: автореф. дисс. д-ра психол. наук: 19.00.01 / Т. В. Белых. — Ставрополь: СГУ, 2004. — 44 с.
50. Бем, С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / С. Бем; Пер. с англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОСПЭН), 2004. — 336 с.
51. Бердяев, Н. А. Самопознание: Опыт философской автобиографии / Н. А. Бердяев. — М.: Книга, 1991. — 448 с.
52. Бердяев, Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии / Н. А. Бердяев. // Царство Духа и царство Кесаря. — М.: Республика, 1995. — С. 4–163.
53. Берн, Э. Игры, в которые играют люди: Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: Психология человеческой судьбы / Э. Берн; пер. с англ.; общая редакция М. С. Мацковского. — СПб; М.: Университетская книга; АСТ, 1997. — 400 с.
54. Бернс, Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бернс. — М.: Прогресс, 1986. — 422 с.
55. Благовестный, М. Б. Влияние феноменологии Э. Гуссерля на онтопсихологическую теорию А. Менегетти / М. Б. Благовестный // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика, 2018. — № 1. — С. 4–10.
56. Богатова, Л. М. Социокультурные конфигурации андрогинизма / Л. М. Богатова // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки, 2012. — Т. 154, кн.1. — С. 7–18.
57. Богатова, Л. М. Феноменология пола: социально-философский дискурс проблемы: автореф...дисс. доктора филос. н. / Л. М. Богатова. — Казань, КФУ, 2009. — 47 с.
58. Божович, Л. И. Избранные психологические труды: проблемы формирования личности / Л.И. Божович; под ред. Д. И. Фельдштейна. — М.: Междунар. пед. акад., 1995. — 209 с.

59. Болотов, В. А. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе / В. А. Болотов, В. В. Сериков // Педагогика, 2003. – № 10. – С. 8–14.
60. Бородкин, Л. И. «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований / Л. И. Бородкин // Новая и новейшая история, 2003. – № 2. – С. 98–118;
61. Бочарова, Е. Е. К вопросу о внутренних детерминантах субъективного благополучия личности / Е. Е. Бочарова // Известия Пензинского гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского, 2008. – № 10. – С. 226–231.
62. Бочкова, М. Н. Эмоциональный интеллект и социальное взаимодействие: зарубежные исследования / М. Н. Бочкова, Н. В. Мешкова // Современная зарубежная психология, 2018. – № 2. Том 7. – С. 49–59. DOI: 10.17759/jmfp.2018070205
63. Брушлинский, А. В. Деятельность субъекта и психическая деятельность / А. В. Брушлинский // Деятельность: теория, методология, проблемы. – М.: Политиздат, 1990. – С. 129–142.
64. Брушлинский, А. В. Психология субъекта: некоторые итоги и перспективы / А. В. Брушлинский // Известия Российской академии образования, 1999. – №1. – С. 30–41.
65. Брушлинский, А. В. Психология субъекта / А. В. Брушлинский. – М.: Институт психологии РАН; СПб.: Алетейя, 2003. – 272 с.
66. Бурлачук, Л. Ф. Психодиагностика: Учебник для вузов / Л. Ф. Бурлачук, 2-е изд. – СПб.: Питер, 2011. – 384 с.
67. Василюк, Ф. Е. Психология переживания / Ф. Е. Василюк. – М.: Издательство Московского университета, 1984. – 200 с.
68. Васягина, Н. Н. Самосознание как условие субъектного становления личности / Н. Н. Васягина // Дискуссия, 2013. – № 4 (34). – С. 96–104.
69. Веракса, Н. Е. Личность и культура: структурно-диалектический подход / Н. Е. Веракса // Перемены, 2000. – №1. – С. 81–107.
70. Верма, Р. Р. Отсутствующая личность / Р. Р. Верма // Феминизм. Восток. Запад. Россия. – М.: Наука, 1993. – С. 49–54.

71. Веселова, Е. К. Личность в современном мире: духовный ракурс психологии нравственности / Е. К. Веселова // Психология личности: методология, теория, практика (Методология, теория и история психологии): сборник статей / М.: Институт психологии РАН. – 2024. – С. 578–583.
72. Веселова, Е. К. Роль онтологической идентичности в духовном развитии личности / Е. К. Веселова // Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: векторы развития современной психологической науки: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 12–14 апреля 2017 года). – СПб.: Изд-во РГПУ, 2017. – Часть 2. – С. 37–41.
73. Веселова, Е. К. Экзистенциально-онтологическая концепция нравственного функционирования личности / Е. К. Веселова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6, Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. – 2003. – Вып. 2. – С. 92–106.
74. Весна, Е. Б. Проблема социализации и ее эффектов в развитии личности и смысловых установок / Е. Б. Весна // Мир психологии, 2001. – № 2. – С. 154–165.
75. Весна, Е. Б., Психологическое благополучие личности в экстремальных природно-климатических условиях жизнедеятельности/ Е. Б. Весна, О. С. Ширяева // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Сер.: Гуманитарные науки, 2009. – № 2 (8). – С. 31–41.
76. Волкова, Е. Н. Субъектность как деятельное отношение к самому себе, к другим людям и миру / Е. Н. Волкова // Мир психологии, 2005. – № 3. – С. 33–39.
77. Волкогонов, Д. А. Актуальные проблемы советской военно-этической теории / Д. А. Волкогонов. – М.: ВПА, 1972. – 244 с.
78. Выготский, Л. С. Педагогическая психология / Л. С. Выготский; под ред. В. В. Давыдова. – М.: Педагогика, 1991. – 480 с.

79. Выготский, Л. С. Психология развития как феномен культуры / Л. С. Выготский; под ред. М. Г. Ярошевского. Вступительная статья М. Г. Ярошевского. – М.: Институт практической психологии. Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 512 с.
80. Вяткин, Б. А. Межпоколенная трансмиссия ценностей в современном поликультурном мире / Б. А. Вяткин, В. Ю. Хотинец, О. В. Кожевникова // Образование и наука, 2022. – Том 24. №1. – С. 135–162. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-1-135-162
81. Гаврилица, О. А. Чувство вины у работающей женщины / О. А. Гаврилица // Вопросы психологии, 1998. – № 4. – С. 65–70.
82. Газизов, К. К. Ипповенция – психологическая коррекция и развитие личности с помощью лошади / К. К. Газизов, О. Г. Лопухова // Журнал «Иппотерапия» – Вестник Национальной федерации иппотерапии и адаптивного конного спорта, 2016. – № 2 (4). – С. 24–27.
83. Газизов, К. К. Программа развития личности на основе общения с лошадьми / К. К. Газизов, О. Г. Лопухова // 7-я Российская конференция по экологической психологии. Тезисы / Отв. ред. М. О. Мдивани. – М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО»; СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 118–120.
84. Голянич, В. М. Ценностные противоречия как психодиагностические критерии профессиональной компетентности и внутриличностного конфликта / В. М. Голянич, А. Ф. Бондарук, В. А. Шаповал, Т. В. Тулупьева // Экспериментальная психология, 2018. – Том 11. № 3. – С. 120–139. DOI: 10.17759/exppsy.2018110309
85. Ганзен, В. А. Систематика психологических состояний человека / В. А. Ганзен, В. Н. Юрченко // Вестник ЛГУ, 1991. – Сер. 6. Вып.1. – С. 47–55.
86. Гейхман, Л. К. Обучение во взаимодействии: интерактивный подход / Л. К. Гейхман // Образование и наука, 2002. – № 6 (18) – С. 135–146.
87. Геодакян, В. А. Эволюционная теория пола / В. А. Геодакян // Природа, 1991. – № 8. – С. 60–69.
88. Геодакян, В. А. Мужчина и женщина. Эволюционно-биологическое предназначение / В. А. Геодакян // Материалы международной

- конференции «Женщина и свобода. Пути выбора в мире традиций и перемен». – Москва, 1994. – С. 8–17.
89. Гибсон, Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Дж. Гибсон. – М.: Прогресс, 1988. – 464 с.
90. Гинзбург, М. Р. Психологическое содержание личностного самоопределения / М. Р. Гинзбург // Вопросы психологии, 1994. – № 3. – С. 43–52.
91. Говорун, Т. В. Формирование полового самосознания как условие повышения личностной культуры / Т. В. Говорун // Психологическая наука: проблемы и перспективы. Ч.1. Личность и ее становление. – Киев: КГПИ, 1990. – С. 44–45.
92. Горбов, Ф. Д. Я – второе я / Ф. Д. Горбов. – М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000. – 222 с.
93. Гофман, Э. Ритуал взаимодействия: очерки поведения лицом к лицу / Эрвин Гофман; под ред. Н. Н. Богомоловой и Д. А. Леонтьева; (пер. с англ. С. С. Степанова, Л. В. Трубицыной). – М.: Смысл, 2009. – 319 с.
94. Гратовски, А., Гратовски Н. Принцип дельфина: жизнь, верхом на волне / А. Гратовски, Н. Гратовски. – М.: Эксмо, 2018. – 248 с.
95. Гришина, Н. В. Психология личности: переосмысление традиционных подходов в контексте вызовов современности / Н. В. Гришина, С. Н. Костромина (Электронный ресурс) // Психологические исследования, 2017. – № 10 (52). DOI: 10.54359/ps.v10i52.385
96. Гришина, Н. В. Поведение в повседневности: жизненный стиль, повседневная креативность и «жизнетворчество» / Н. В. Гришина (Электронный ресурс) // Психологические исследования, 2017. – № 10 (56). DOI: 10.54359/ps.v10i56.335
97. Гришина, Н. В. Процессуальный подход: устойчивость и изменчивость как основания целостности личности / Н. В. Гришина, С. Н. Костромина // Психологический журнал, 2021. – Т. 42, № 3. – С. 39–51.
98. Гусев, А. А. Панпсихизм и протопанпсихизм в философии сознания: по следам интерпретаций Д. Чалмерса / А. А. Гусев // Известия вузов. Серия «Гуманитарные науки, 2017. – № 8. – С. 52–56.

99. Гусева, Е. С. Гендерные аспекты индивидуальной религиозности / Е. С. Гусева // Известия Самарского научного центра РАН, 2014. – № 2–2. – С. 329–332.
100. Гусейнов, А. Ш. Гармоничность ценностно-смысловой сферы как ресурс предупреждения деструктивных проявлений личности / А. Ш. Гусейнов, П. Ю. Удачина, К. А. Мисюнас // Гуманизация образования, 2023. – № 2. – С. 97–110.
101. Гусейнов, А.Ш. Личностная зрелость как основа гармоничного и аутентичного бытия в условиях транзитивности / А. Ш. Гусейнов, В. В. Шиповская // Южно-российский журнал социальных наук, 2023. – Т. 24, № 3. – С. 24–44.
102. Гусельцева, М. С. Особенности межпоколенных отношений в условиях транзитивного общества / М. С. Гусельцева // Мир психологии, 2017. – № 1 (89). – С. 38–51.
103. Гусельцева, М. С. Метамодернизм в психологии: новые методологические стратегии и изменения субъективности / М. С. Гусельцева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология, 2018. – Т. 8. Вып. 4. – С. 327–340. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2018.402
104. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию / Э. Гуссерль. – М.: Академический Проект, 2009. – 489 с.
105. Давыдов, В. В. Теория развивающего обучения / В. В. Давыдов. – М.: ИНТОР, 1996. – 544 с.
106. Дамадаева, А. С. Влияние занятий спортом на гендерные характеристики личности женщин / А. С. Дамадаева // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта, 2010. – № 3 (61). – С. 45–47.
107. Дамадаева, А. С. Гендерные стереотипы относительно мужественности-женственности спортсменов разного пола / А. С. Дамадаева // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта, 2011. – Вып. 8 (78). – С. 67–71.

108. Дворецкая, М. Я. Смыслжизненное самоопределение личности в контексте учения об эталонном образе и идеале / М. Я. Дворецкая // Интегративная психология жизненного пути: коллективная монография. – СПб.: СПб: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2016. – С. 85–99.
109. Дворецкая, М. Я. Жизненное самоопределение и мировоззрение личности как основа профессионального здоровья / М. Я. Дворецкая // Психология профессионального здоровья. – СПб.: Речь, 2006. – Гл. 7. – С. 160–185.
110. Девиации психосексуального развития // Сексопатология: Справочник / Васильченко Г. С., Агаркова Т. Е., Агарков С. Т. (и др.); под ред. Г. С. Васильченко. – М.: Медицина, 1990. – С. 405–436.
111. Декарт, Р. Избранные произведения. Редакция и вступительная статья В. В. Соколова – М.: Государственное издательство политической литературы (Политиздат), 1950. – 712 с.
112. Декарт, Р. Первоначала философии / Р. Декарт // Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1989. – 654 с.
113. Дерябо, С. Д. Феномен субъектификации природных объектов: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.01: Москва, 2002. – 365 с.
114. Дерябо, С. Д. Личность: от субъективности к субъектности / С. Д. Дерябо // Развитие личности. – 2002а. – № 3. – С. 261–265.
115. Дерябо, С. Д. Экологическая психология: диагностика экологического сознания / С. Д. Дерябо. – М.: МПСИ, 1999. – С. 263–284.
116. Джеймс, У. Психология / У. Джеймс. – М.: Рипол-классик, 2008. – 616 с.
117. Диденко, А. А. Арт-терапия как метод формирования стрессоустойчивости в спорте / А. А. Диденко // Спортивный психолог, 2012. – № 3 (27). – С. 68–72.
118. Диденко, А. А. Программа формирования стратегий копинг-поведения методами арт-терапии в командных видах спорта (САРТ) / А. А. Диденко // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта, 2015. – № 4 (122). – С. 241–244.
119. Дидковская, Я. В. Социокультурный анализ профессионального самоопределения и карьеры молодежи / Я. В. Дидковская. – Екатеринбург: УрФУ, 2011. – 172 с.

120. Дикая, Л. Г. Психические состояния и эффективность деятельности / Л. Г. Дикая // Психологический журнал, 1984. – № 5(6). – С. 254–257.
121. Дорфман, Л. Я. Я-концепция: дифференциация и интеграция / Л. Я. Дорфман // Интегральная индивидуальность, Я-концепция, личность / Под ред. Л. Я. Дорфмана. – М.: Смысл, 2004. – С. 96–123.
122. Дружинин, В. Н. Экспериментальная психология / В. Н. Дружинин — СПб: Питер, 2000. — 320 с.
123. Емелин, В. А. Кризис постмодернизма и потеря устойчивой идентичности / В. А. Емелин // Национальный психологический журнал, 2017. – № 2(26) . – С. 5–15. DOI: 10.11621/npj.2017.0202
124. Ениколопов, С. Н. Концепции и перспективы исследования пола в клинической психологии / С. Н. Ениколопов, Н. В. Дворянчиков // Психологический журнал, 2001. – Т. 22. № 3. – С. 100–115.
125. Ермолаева, Е. П. Исследовательская модель человек-профессия-общество с позиции субъектного подхода / Е. П. Ермолаева // Субъектный подход в психологии / под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. – М.: Институт психологии РАН, 2009. – С. 586–599.
126. Заболотная, Г. М. Феномен доверия и его социальные функции / Г. М. Заболотная // Вестник РУДН, 2003. – № 1 (4). – С. 67–73.
127. Зизевская, Е. С. Роль «гендерных линз» в конструировании пола при восприятии гендерно-нейтральных изображений / Е. С. Зизевская, М. А. Щукина // Психологический журнал, 2019. – Т. 40. № 5. – С. 48–61. DOI: 10.31857/S020595920005417-4
128. Зимбардо, Ф. Социальное влияние = The psychology of attitude change and social influence / Филип Зимбардо, Майкл Ляйппе; (пер. с англ. Н. Мальгина, А. Федоров). — СПб: Питер, 2000. — 444 с.
129. Зинченко, В. П. Миры сознания и структура сознания / В. П. Зинченко // Вопросы психологии, 1991. – № 2. – С. 15–36.
130. Зинченко, В. П. Культура и духовность / В. П. Зинченко // Духовность, художественное творчество, нравственность («круглый стол») // Вопросы философии, 1996. – № 2. – С. 10.

131. Зинченко, В. П. Психологические аспекты влияния искусства на человека / В. П. Зинченко // Культурно-историческая психология, 2006. – № 4. Том 2. – С. 3–21.
132. Знаков, В. В. Психология человеческого бытия и самопонимание субъекта / В. В. Знаков // Личность и бытие: субъектный подход (Личность как субъект бытия: теоретико-методологические основания анализа). Материалы III Всероссийской научно-практической конференции / под ред. З. И. Рябикиной, В. В. Знакова. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2005. – С. 22–44.
133. Знаков, В. В. Самосознание, самопонимание и понимающее себя бытие / В. В. Знаков // Методология и история психологии, 2007. – Т. 3. – С. 65–74.
134. Знаков, В. В. Психология возможного. Новое направление исследований понимания / В. В. Знаков. – М.: Институт психологии РАН, 2020. – 257 с.
135. Иванова, Е. М. Полилог как трансформация диалога в современном обществе: автореф... канд. филос. наук. – Самара, 2009. – 17 с.
136. Иванова, Н. Л. Социальная идентичность и проблемы образования. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2001. – 228 с.
137. Иванова, Н. Л. Социальная идентичность в различных социокультурных условиях / Н. Л. Иванова // Вопросы психологии, 2004. – № 4. – С. 65–75.
138. Иванова, Н. Л. Структура социальной идентичности личности: проблема анализа / Н. Л. Иванова // Психологический журнал, 2004 а. – Т. 25, № 1. – С. 52–60.
139. Иванова, С. В. Эмоциональный интеллект: что это? (аналитический обзор литературы по эмоциональному интеллекту в педагогическом аспекте) / С. В. Иванова // Ценности и смыслы, 2022. – № 4. – С. 6–53. DOI: 10.24412/2071–6427–2022–4–6–53
140. Ижванова, Е. М. Исследование связи гендерных стереотипов и образов маскулинности / фемининности в различных возрастных группах / Е. М. Ижванова // Психотерапия, 2007. – № 11. – С. 17–25.
141. Ильенков, Э. В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории / Э. В. Ильенков. 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1984. – 320 с.

142. Исаев, Д. Н. Психогигиена пола у детей: (руководство для врачей) / Д. Н. Исаев, В. Е. Каган. – Л.: Медицина, 1986. – 336 с.
143. Кабрин, В. И. Транскоммуникативный подход как постметодология современной психологии / В. И. Кабрин // Вестник Томского гос. ун-та, 2005. – № 286. – С. 15–19.
144. Каган, В. Е. Половые аспекты индивидуальности / В. Е. Каган // Психологические проблемы индивидуальности. Вып. II. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та., 1984. – С. 109–112.
145. Кант, И. Сочинения в шести томах (Под общ. ред. В. Ф. Асмуса. А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана). – М.: Мысль, 1965. (Философское наследие. Акад. наук СССР. Ин-т философии) – Т. 4. Ч. 1. – 544 с.
146. Капцов, А. В. Идеографический метод оценки стадий становления субъектности обучающихся / А. В. Капцов, Е. И. Колесникова // Экопсихологические исследования – 6: экология детства и психология устойчивого развития: сб. научных статей / отв. ред. В. И. Панов. М., 2020. – С. 526–530.
147. Капцов, А. В. Избирательность взаимосвязи рефлексивности и стадий становления субъектности / А. В. Капцов, Е. И. Колесникова // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика, 2018. – № 1(2). – С. 560–575.
148. Карабанова, О. А. Личностные факторы построения профессиональной карьеры в период вхождения во взрослость / О. А. Карабанова, Е. И. Захарова, Ю. А. Старостина // Национальный психологический журнал, 2020. – № 4 (40). – С. 113–124. DOI: 10.11621/nprj.2020.0409
149. Кармазина, Е. В. Индивидуальная и коллективная свобода в контексте проблемы идентичности / Е. В. Кармазина // Идеи и идеалы, 2012. – № 3 (13), Т. 1. – С. 104–110.
150. Карпов, А. В. Семь механизмов психики: монография. В 2 томах. Т. I. Операторы. / А. В. Карпов. – Ярославль: Канцлер, 2025. – 748 с.
151. Карпов, А. В. Семь механизмов психики: монография. В 2 томах. Т. II. Операнды / А. В. Карпов. – Ярославль: Канцлер, 2025а. – 792 с.

152. Каширский, Д. В. Феномен самообъективации женщин: анализ зарубежных исследований и взгляд через призму отечественной психологии / Д. В. Каширский, О. В. Мясникова // Национальный психологический журнал, 2020. – № 4 (40). – С 61–74. DOI: 10.11621/nprj.2020.0405
153. Келли, Дж. Теория личности. Психология личностных конструктов / Джордж А. Келли; пер. с англ. и науч. ред. А. А. Алексеева. – СПб.: Речь, 2000. – 248, (1) с.
154. Киселева, М. В. Арт-терапия в работе с детьми: руководство для детских психологов, педагогов, врачей и специалистов, работающих с детьми / М. В. Киселева. – СПб.: Речь, 2006. – 160 с.
155. Клецина, И. С. Самореализация и гендерные стереотипы / И. С. Клецина // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 2. – СПб.: Издательство СПбГУ, 1998. – С. 188–202.
156. Клецина, И. С. Гендерный подход и внутриличностные конфликты / И. С. Клецина // Женщина. Образование. Демократия: Материалы 2-й междунар. конф. – Минск: ООО Энвила, М., 2000. С. 275–279.
157. Клецина, И. С. Гендерная психология / И. С. Клецина. – СПб.: Питер, 2009. – 496 с.
158. Князева, Е. Н. Познающее тело и движущийся ум: концептуальный поворот в эпистемологии / Е. Н. Князева // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии / под общ. ред.: И. Т. Касавин, Н. Н. Воронина. – Н. Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2018. (Гл. 10). – С. 339–350.
159. Князева, Е. Н. Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии / Е. Н. Князева // Вопросы философии, 2013. – № 10. – С. 91–104.
160. Козырев, Д. Н. «Экология разума» Г. Бейтсона и критика технической рациональности / Д. Н. Козырев // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки, 2019. Т. 10, № 1. – С. 47–56. DOI: 10.18721/JHSS.10105
161. Кон, И. С. Половые различия и дифференциация социальных ролей / И. С. Кон // Соотношение биологического и социального в человеке / под

- ред. В. М. Банщикова и Б. Ф. Ломова. – М.: Книжная фабрика № 1, 1975. – С. 763–776.
162. Кон, И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание / И. С. Кон. – М.: Политиздат, 1984. – 335 с.
 163. Кон, И. С. Введение в сексологию: Учебное пособие для вузов / И. С. Кон. – М.: Олимп, ИНФРА-М, 1999. – 285 с.
 164. Копытин, А. И. Теория и практика арт-терапии / А. И. Копытин. – СПб.: Питер, 2002. – 368 с.
 165. Копытин, А. И. Тренинг по фототерапии / А. И. Копытин. – СПб.: Речь, 2003. – 96 с.
 166. Копытин, А. И. Психодиагностика в арт-терапии / А. И. Копытин. – СПб.: Речь, 2014. – 288 с.
 167. Копытин, А. И. Концептуальные основы эко-арт-терапии / А. И. Копытин // Медицинская психология в России, 2019. – № 1, Т. 11. – С. 4. DOI: 10.24411/2219-8245-2019-11040
 168. Кораблина, Е. П. Профессиональная самоидентификация как фактор социально-психологической адаптации студентов / Е. П. Кораблина, А. В. Литвинюк // Актуальные проблемы человека в инновационных условиях современного образования и науки: сборник научных статей. – СПб: РГПУ им. А. И. Герцена, 2016. – С. 99–103.
 169. Коржова, Е. Ю. Жизненный путь личности как психологический феномен / Е. Ю. Коржова // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение, 2024. – № 4 (28). – С. 28–38. DOI: 10.47475/2409-4102-2024-28-4-28-38.
 170. Коржова, Е. Ю. Интеграция субъектного, ситуационного и личностного подходов в психологии жизненного пути / Е. Ю. Коржова // Интегративная психология жизненного пути: коллективная монография. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2016. – С. 12–35.
 171. Коржова, Е. Ю. Развитие концепции человека как субъекта жизнедеятельности в психологии личности / Е. Ю. Коржова // Психология субъекта и психология человеческого бытия: коллективная монография /

- Кубанский государственный университет, Институт психологии РАН. – Краснодар, 2010. – С. 193–211.
172. Коржова, Е. Ю. Психология жизненных ориентаций человека: монография / Е. Ю. Коржова; РГПУ. – СПб.: РХГА, 2006. – 382 с.
 173. Коржова, Е. Ю. Представления о жизненном и профессиональном самоопределении в образах желаемого и избегаемого будущего в разных социальных группах / Е. Ю. Коржова, М. Я. Дворецкая // Смысловые пространства современного человека: сб. науч. ст. – СПб: РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – С. 148–164.
 174. Коржова, Е. Ю. Психологическая диагностика здоровья личности: субъектные и духовные аспекты / Е. Ю. Коржова, М. Я. Дворецкая // Журнал прикладной психологии, 2005а. – № 6. – С. 11–27.
 175. Коржова, Е. Ю. Психологическое познание судьбы человека / Е. Ю. Коржова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена: Союз, 2002. – 335 с.
 176. Коржова, Е. Ю. Субъект-объектные ориентации в жизненных ситуациях / Е. Ю. Коржова // Психологические проблемы самореализации личности: [сб. ст.] / СПбГУ. – СПб., 2001. – Вып. 5. – С. 91–101.
 177. Короленко, Ц. П. Личностные и диссоциативные расстройства: расширение границ диагностики и терапии / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева. – Новосибирск: Издательство НГПУ, 2006. – 448 с.
 178. Костригин, А. А. Проблема развития самосознания в трудах отечественных психологов второй половины XIX в. / А. А. Костригин, В. А. Мазиллов // Ярославский педагогический вестник, 2018. – № 3. – С. 156–167. DOI: 10.24411/1813-145X-2018-10078
 179. Костромина, С. Н. Целостность как фундаментальная категория в описании природы личности / Н. В. Гришина, С. Н. Костромина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология, 2024. – № 14 (3). – С. 394–413. DOI: 10.21638/spbu16.2024.301
 180. Кочарян, А. С. Личность и половая роль (симптомакомплекс маскулинности / фемининности в норме и патологии) / А. С. Кочарян; отв. ред. член-кор. АПН Украины Л.Ф. Бурлачук. – Харьков: Основа, 1996. – 127 с.

181. Кочетова, Ю. А. Эмоциональный интеллект и агрессия в зарубежных исследованиях / Ю. А. Кочетова, М. В. Климакова // Современная зарубежная психология. 2019. – № 3. Т. 8. – С. 29–36.
182. Краснопеева, Е. Н. Арт-терапия как форма коррекции эмоционально-волевой сферы / Е. Н. Краснопеева // Наука и образование сегодня, 2020. – № 12 (59). – С. 114–115.
183. Кулагина, Н. В. Внутриличный гендерный конфликт профессиональной роли: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2009.
184. Куликов, Л. В. Детерминанты удовлетворенности жизнью / Л. В. Куликов // Общество и политика / ред. В. Ю. Большаков. – СПб., 2000. – С. 476–510.
185. Кун, М. Эмпирическое исследование установок личности на себя / М. Кун, Т. Макпартлэнд // Современная зарубежная социальная психология: тексты / ред. Г. М. Андреева, Н. Н. Богомолова, Л. А. Петровская. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 180–187.
186. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун; пер. с англ. И. З. Налетова. Общая ред. и послесловие С. Р. Микулинского и Л. А. Марковой. – М.: Прогресс, 1975. – 288 с.
187. Лебедева, Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию / Н. М. Лебедева. – М.: «Ключ – С», 1999. – 224 с.
188. Лебедева, Н. М. Ценности культуры, экономические установки и отношение к инновациям в России / Н. М. Лебедева // Психология, 2008. – № 2. Т. 5. – С. 68–88.
189. Левин, К. Динамическая психология: избранные труды / К. Левин. – М.: Смысл, 2001. – 572 с.
190. Левин, К. Теория поля в социальных науках / К. Левин. – СПб.: Речь, 2000. – 368 с.
191. Лекторский, В. А. Субъект, объект, познание / В. А. Лекторский. – М.: Наука, 1980. – 358 с.
192. Лекторский, В. А. Самосознание / В. А. Лекторский. // Электронная библиотека ИФ РАН. Новая философская энциклопедия, 2018.

- (Электронный ресурс) Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH017fcfe8fa8ab8c1ab321f7f> (дата обращения: 28.01.2024)
193. Лекторский, В. А. Самосознание / В. А. Лекторский. // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал, 2023. (Электронный ресурс) Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/samosoznanie-f36418/?v=7728788>. – Дата публикации: 03.07.2023 (дата обращения: 1.10.2024)
 194. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М., 1975. – 304 с.
 195. Леонтьев, Д. А. Что даёт психологии понятие субъекта: субъектность как измерение личности / Д. А. Леонтьев. // Психология субъекта и психология человеческого бытия: монография / Под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. – С. 60–78.
 196. Лидская, Э. В. Субъект-средовые взаимодействия с ТВ и Интернетом в контексте традиционных и современных гендерных представлений / Э. В. Лидская, М. О. Мдивани // Психологическая наука и образование, 2017. – Т. 22. № 4. – С. 110–119. DOI: 10.17759/pse.2017220415
 197. Лидская, Э. В. Коммуникативные способности старшеклассников в ракурсе эконпсихологических типов субъект-средовых взаимодействий / Э. В. Лидская // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки», 2023. – Т. 20. № 4. – С. 117–127. DOI: 10.17673/vsgtu-pps.2023.4.10
 198. Линтон, Р. Культурные основания личности / Р. Линтон // Антология исследований культуры. Символическое поле культуры. – М.: Петроглиф, 2011. – С. 74–114.
 199. Линч, М. Базовые потребности и субъективное благополучие с точки зрения теории самодетерминации / М. Линч // Психология. Журнал высшей школы экономики, 2004. – Т. 1. № 3. – С. 137–142.
 200. Лобастов, Г. В. Философско-педагогические этюды / Г. В. Лобастов. М.: Микрон-принт, 2003. – 329 с.

201. Лопухова, О. Г. Психологический пол личности в современных социокультурных условиях: дис. ... канд. психол. наук. / О. Г. Лопухова – Казань, 2000. – 110 с.
202. Лопухова, О. Г. Психологический пол личности: адаптация диагностической методики / О. Г. Лопухова // Прикладная психология, 2001. – № 3 – С. 57–67.
203. Лопухова, О. Г. Сравнительный анализ традиционных моделей и современных стереотипов полоролевого взаимодействия в татарской этнокультуре / О. Г. Лопухова, Ф. Ф. Гулова // Журнал прикладной психологии, 2001. – № 6. – С. 40–46.
204. Лопухова, О. Г. Методика диагностики устойчивости профессиональной направленности личности / О. Г. Лопухова // Журнал прикладной психологии, 2003. – № 1. – С. 30–36.
205. Лопухова, О. Г. Сравнительный анализ гендерных моделей в представлениях студенток татарской и русской национальностей / О. Г. Лопухова // Вестник научных трудов Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института. Серия 6: Психология. – Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2003 а. – С. 64–79.
206. Лопухова, О. Г. Этническая специфика гендерных представлений современной молодежи: психосемантический анализ / О. Г. Лопухова // Актуальные проблемы педагогики и психологии: Сборник научных трудов молодых ученых и студентов КГПУ. Выпуск 7 / Под ред. Р. А. Валеевой. – Казань: КГПУ, 2004. – С. 294–301.
207. Лопухова, О. Г. Образ женщины: этнокультурное своеобразие и динамика в условиях глобализации / О. Г. Лопухова // Глобализация и национальная самобытность. Форум языков. 2004. Ежегодник. Сборник научных трудов. – Казань: «Экоцентр», 2004 а. – С. 66–72.
208. Лопухова, О. Г. Взаимовлияние гендерной и этнической идентичностей в развитии личности / О. Г. Лопухова // Психологические исследования на

- кафедре практической психологии: Сборник статей. Вып. 1 / Под. ред. А. Ф. Корниенко. – Казань: ТГГПУ, 2005. – С. 58–81.
209. Лопухова, О. Г. Семантический анализ народной волшебной сказки как метод определения традиционных особенностей гендерных моделей / О. Г. Лопухова // Психологические исследования на ФП ТГГПУ: Сборник статей / Под ред. О. Г. Лопуховой. – Казань: ТГГПУ, 2007. – С. 22–55.
210. Лопухова, О. Г. Трансформация гендерных образов в текстах русских волшебных сказок / О. Г. Лопухова // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета (Филология и культура. Philology and Culture), 2009. – № 1 (16). – С. 136–141.
211. Лопухова, О. Г. Внутриличностный гендерный ролевой конфликт: системный подход к проблеме / О. Г. Лопухова // Современные исследования социальных проблем, 2010. – № 4 (04). – С. 113–119.
212. Лопухова, О. Г. Психологический пол личности в контексте гендерных исследований / О. Г. Лопухова // Филология и культура. Philology and Culture, 2011. – № 4 (26). – С. 384–390.
213. Лопухова, О. Г. Гендерные аспекты профессионально-личностного самоопределения субъекта жизненного пути (Раздел 10) / О. Г. Лопухова // Социально-гуманитарные проблемы современности: человек, общество и культура: монография. Кн.5. / М. И. Алибекова, М. П. Герасимова, Л. Ю. Колташова (и др.). – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2011 а. – С. 240–274.
214. Лопухова, О. Г. Гендерные особенности образа «успешной личности» у женщин с разной социальной и психической адаптированностью / О. Г. Лопухова, Э. И. Беглова // Филология и культура. Philology and Culture, 2011. – № 1 (23). – С. 324–329.
215. Лопухова, О. Г. Проективная методика «Рисунок успешной женщины и успешного мужчины» в диагностике гендерных особенностей субъективного образа «успешной личности» / О. Г. Лопухова, Э. И. Беглова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития, 2012. – № 4. Т. 1. – С. 69–74.

216. Лопухова, О. Г. Опросник «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности» (российский аналог “Bem Sex Role Inventory”) / О. Г. Лопухова // Вопросы психологии, 2013. – № 1. – С. 147–154.
217. Лопухова, О. Г. Диагностика уровня развития субъектности у студентов -психологов / О. Г. Лопухова, А. А. Галлямова // Личность и бытие: субъектный подход (к 80-летию со дня рождения А. В. Брушлинского): материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. (с иностранным участием) / под ред. З. И. Рябикиной, В. В. Знакова. – М., Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. – С. 314–317.
218. Лопухова, О. Г. Ипповенция как модель инновационного подхода к развитию личности при взаимодействии с лошадью / О. Г. Лопухова, К. К. Газизов // XII Международная научно-практическая конференция «Психология личностно-профессионального развития: современные вызовы и риски» / Под ред. Л. М. Митиной. – М.: Перо, 2016. – С. 226–230.
219. Лопухова, О. Г. Ассоциативно-метафорические фото-карты «Образ лошади» в диагностической и консультативной работе психолога / О. Г. Лопухова, К. К. Газизов // Арт-терапия и арт-педагогика: новые возможности для развития и социализации личности. Сборник материалов первой всероссийской научно-практической конференции. – СПб: ООО «Скифия-Принт», 2016 а. – С. 98–99.
220. Лопухова, О. Г. Ипповенция: Социально-психологический тренинг с лошадьми, направленный на повышение психологического благополучия личности (программа для молодёжи и взрослых) / О. Г. Лопухова, К. К. Газизов // Журнал «Иппотерапия» – Вестник Национальной федерации иппотерапии и адаптивного конного спорта, 2020. – № 1 (18), – С. 42–43.
221. Лопухова, О. Г. Психотерапия и обучение с участием лошади: теория, практика и связь с экопсихологией / О. Г. Лопухова, К. К. Газизов // Экопозис: экогуманитарные теория и практика, 2020 а. – № 1.Т. 1. – С. 67–78.
222. Лопухова, О. Г. «Ипповенция» как реализация экопсихологического подхода в психотерапии и развитии личности / О. Г. Лопухова,

- К. К. Газизов, А. С. Аболиц // Экопсихологические исследования-6: экология детства и психология устойчивого развития: сборник научных статей /отв. ред. В. И. Панов. – М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО»; Курск: Университетская книга, 2020. – С.146–150.
223. Лопухова, О. Г. Взаимодействия «человек-лошадь» в ипповенции: экопсихологический подход к развитию психики / О. Г. Лопухова, В. И. Панов // Психологический журнал, 2023. – Т. 44. № 4. – С. 27–37.
224. Лопухова, О. Г. Психотерапия и обучение с участием лошади: теория и практика / О. Г. Лопухова, К. К. Газизов // На пути к экологической цивилизации: экогуманитарная перспектива (международная коллективная монография) / Под общей ред. А. И. Копытина, А. Гара, Ж. Вана, С. К. Левина. – М.: Когито-Центр, 2024. – С. 167–181.
225. Лопухова, О. Г. Пятифакторная модель и диагностический опросник внутриличностного гендерного ролевого конфликта / О. Г. Лопухова // Теоретическая и экспериментальная психология, 2024. – № 17(3). – С. 25–45. DOI: 10.11621/ТЕР-24-23
226. Лопухова, О. Г. Становление самосознания: экопсихологический подход / О. Г. Лопухова, В. И. Панов // Деятельность. Способности. Внутренний мир. Сборник материалов всероссийской научной психологической конференции, посвященной 85-летию академика РАО Владимира Дмитриевича Шадрикова. В 2-х частях. – Ярославль, 2024. – С. 231–236.
227. Лопухова, О. Г. Самосознание как процесс субъект-средового взаимодействия / О. Г. Лопухова // Личность и ее бытие в реалиях современности: материалы Международной научно-практической конференции / под редакцией З. И. Рябикиной, Л. Н. Ожиговой, А. Ш. Гусейнова; МН и ВО РФ, Кубанский государственный университет. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2024. – С. 34–38.
228. Лопухова, О. Г. Экопсихология самосознания спортсмена в условиях ранней профессионализации / О. Г. Лопухова // Доминанты психолого-педагогического мастерства в сфере физической культуры и спорта.

- Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Казань, 2024 а. – С. 22–28.
229. Лопухова, О. Г. Экопсихология самосознания: становление Я во взаимодействии с собой и миром: монография / О. Г. Лопухова // Электронные текстовые данные (1 файл: 4,2 Мб). – Казань: Казанский федеральный университет; Редакционно-издательский центр «Школа», 2025. – 387 с. – URL: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/185561>.
230. Лосев, А. Ф. Самое само. Сочинения. Серия Антология мысли / А. Ф. Лосев. – М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1999. – 1024 с.
231. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – М.: Гнозис; Прогресс, 1992. – 271 с.
232. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб: Искусство-СПб, 2000. – 704 с.
233. Лошадь в психотерапии, иппотерапии и лечебной педагогике. Учебные материалы и исследования немецкого кураториума по терапевтической групповой езде. Пер с нем. – В трех частях. Ч. 2. – М.: Конноспортивный клуб инвалидов, 2003. – 216 с.
234. Лукин, В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа / В. А. Лукин. – М.: Ось-89, 1999. – 191 с.
235. Лукьянова, Н. А. Коммуникативные миры Ч. С. Пирса / Н. А. Лукьянова // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки, 2012. – С. 235–243.
236. Лунин, И. И. Культурно-исторические аспекты пола / И. И. Лунин // Психика и пол детей и подростков в норме и патологии / под ред. Д. Н. Исаева. – Л.: ЛПМИ, 1986. – С. 91–96.
237. Лупенко, Н. Н. Взаимосвязь гендерного и профессионального образов Я в структуре самосознания личности руководителя: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Краснодар, 2008. – 18 с.
238. Лысенко, В. Г. Познание сознания животных как способ самопознания человека / В. Г. Лысенко // Вопросы философии, 2023. – № 12. – С. 137–154. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-12-137-154

239. Лысенко, В. Г. Познание чужого как способ самопознания: Запад, Индия, Россия (попытка ксенологии) / В. Г. Лысенко // Вопросы философии, 2009. – № 11. – С. 61–77.
240. Манойлова, М. А. Развитие эмоционального интеллекта будущих педагогов / М. А. Манойлова. – Псков: ПГПИ, 2004. – 60 с.
241. Максимова, О. Б. Гендерное измерение в современном социально-коммуникативном дискурсе: роль рекламы / О. Б. Максимова // Вестник РУДН, 2005. – № 6/7. – С. 246–254.
242. Мамардашвили, М. К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 224 с.
243. Марийские народные сказки. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2003. – 352с.
244. Маркелова, Т. В. Проблемы личности в эпоху постмодернизма / Т. В. Маркелова, А. В. Барсуков // Актуальные проблемы психологической практики в силовых структурах: ментальное здоровье и условия его сохранения: Сборник докладов VI Международной межведомственной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 18 ноября 2021 г. – Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. – С. 23–28.
245. Марцинковская, Т. Д. Проблема социализации в историко-генетической парадигме / Т. Д. Марцинковская. – М.: Смысл, 2015. – 247 с.
246. Марцинковская, Т. Д. Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение/ Т. Д. Марцинковская, Н. С. Полева // Мир психологии, 2017. – № 1 (89). – С. 24–37.
247. Мацумото, Д. Психология и культура / Д. Мацумото. 1-е издание, 2003. – 720 с.
248. Мдивани, М. О. Подросток в информационной среде: (Эксперим. исслед.) / М. О. Мдивани – М.: УМК «Психология», 1999. – 51 с.
249. Мдивани, М. О. Русскоязычная версия краткой шкалы гендерно-ролевых представлений (GRBS) / М. О. Мдивани, Э. В. Лидская // Социальная психология и общество, 2020. – № 3. Т. 11. – С. 185–195. DOI: 10.17759/sps.2020110312

250. Мдивани, М. О. Типы экологического сознания в русских волшебных сказках / М. О. Мдивани, К. В. Миронова // Экспериментальная психология, 2023. – № 4. Т. 16. – С. 116–128. DOI: 10.17759/exppsy.2023160408
251. Медведев, Б. П. Влияние установки на восприятие Я- и «не-Я» - феноменов на уровне их конструирования / Б. П. Медведев (Электронный ресурс) // Психологические исследования, 2022. – 15 (83), 1. DOI: 10.54359/ps.v15i83.1109
252. Менегетти, А. Онтопсихологическая философия / А. Менегетти; пер. с итал. – М.: БФ «Онтопсихология», 2007. – 310 с.
253. Менегетти, А. От сознания к бытию / А. Менегетти. – М.: БФ «Онтопсихология», 2010. – 412 с.
254. Меньчиков, Г. П. Духовность и религиозность: сущность, структура, соотношение / Г. П. Меньчиков // Вестник психофизиологии, 2017. – № 1. – С. 31–36.
255. Меньчиков, Г. П. Из хаоса порядок. Неоклассическая философия: сущность изменений / Г. П. Меньчиков. – М.: Делибре, 2024. – 618 с.
256. Мерлин, В. С. Психология индивидуальности / В. С. Мерлин. – М.: Воронеж, 2009. – 544 с.
257. Микляева, А. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: монография / А. В. Микляева, П. В. Румянцева– СПб.: Изд-во РГПУ, 2008. – 118 с.
258. Микляева, А. В. Народные сказки как отражение этнической специфики процессов межвозрастного взаимодействия (на материале русских и японских народных сказок) / Микляева А. В. // Реальность этноса: образование и гуманитарные технологии интеграции этнической, этнорегиональной и гражданской идентичности: сборник статей по материалам X Международной научно-практической конференции, 8-11 апреля 2008 г.: [в 2 частях] – СПб., 2008а. – Ч. 2. – С. 817–819.
259. Микляева, А. В. Личностный инфантилизм в постиндустриальном обществе. Социально-психологический подход к проблеме инфантилизации личности в условиях современной социальной действительности:

- монография / А. В. Микляева – Дюссельдорф: LAMBERT Academic Publishing, 2018. – 224 с.
260. Микляева, А. В. Содержание образов «Я-сейчас» и «Я-взрослый» у подростков с различными характеристиками личностной зрелости / А. В. Микляева, О. В. Рудыхина, А. С. Толкачева // Интеграция образования. – 2023. – Том 27, № 1 (110). – С. 100–118. DOI: 10.15507/1991-9468.110.027.202301.100-118
261. Миракян, А. И. Контуры трансцендентальной психологии Книга 1. / А. И. Миракян. – М.: Институт психологии РАН, 1999. – 208 с.
262. Миракян, А. И. Контуры трансцендентальной психологии Книга 2. / А. И. Миракян. – М.: Институт психологии РАН, 2004. – 384 с.
263. Митина, О. В. Синергетическая модель динамики политического сознания / О. В. Митина, В. П. Петренко // Синергетика и психология. Тексты. Выпуск 1. Методологические вопросы / Ред. И. Н. Трофимова, В. Г. Буданов. – М.: Издательство: Союз МГСУ, 1999. – С. 335–361.
264. Михайлов, Ф. Т. Загадка человеческого Я / Ф. Т. Михайлов. – М.: ООО «Ритм», 2010. – 360 с.
265. Моросанова, В. И. Теоретические подходы к исследованию структуры и регулирующей роли самосознания / В. И. Моросанова, Е. А. Аронова // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика, 2004. – № 2. – С. 103–113.
266. Мотков, О. И. Исследование гармоничности личности: монография / О. И. Мотков. – М.: РУСАЙНС, 2020. – 168 с.
267. Мохова, Ю. А. Психологическая сущность самосознания личности / Ю. А. Мохова // Омский научный вестник, 2011. – № 6 (102). – С. 166–169.
268. Мунье, Э. Манифест персонализма / пер. с фр. / вступит. ст. И. С. Вдовиной / Э. Мунье. – М.: Республика, 1999. – 559 с.
269. Мухина, В. С. Возрастная психология. Феноменология развития / В. С. Мухина. – М.: Академия, 2012. – 656 с.
270. Мухина, В. С. Я, другое я и «Не-я» / В. С. Мухина, А. Хвостов // Развитие личности, 2013. – № 3. – С. 53–85.

271. Мухина, В. С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты) / В. С. Мухина; 6-е изд., испр. и доп. – М.: Нац. кн. центр, 2019. – 1159 с.
272. Мясищев, В. Н. Психология отношений / В. Н. Мясищев; Под ред. А. А. Бодалева. Рос. акад. образования, Моск. психол.-соц. ин-т. 4-е изд. – М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011. – 398 с.
273. Нагдян, Р. М. За пределами онтологической концепции восприятия / Р. М. Нагдян // Теоретическая и экспериментальная психология, 2015. – Т. 8, № 1. – С. 49–61.
274. Наговицын, А. Е. Трансформация полоролевых ролей в мифологических системах / А. Е. Наговицын. – М.: МПСИ: Флинта, 2005. – 440 с.
275. Назаретян, А. П. Нелинейное будущее / А. П. Назаретян. – М.: МБА, 2013. – 440 с.
276. Назаретян, А. П. От будущего – к прошлому (Размышление о методе) / А. П. Назаретян // Общественные науки и современность, 2000. – № 3. – С. 142–150.
277. Налимов, В. В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности / В. В. Налимов. – М.: Прометей, 1989. – 288 с.
278. Налчаджян, А. А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии / А. А. Налчаджян. – М.: Эксмо, 2010. – 368 с.
279. Нартова-Бочавер, С. К. Жизненная среда как источник стресса и ресурс его преодоления: возвращаясь к психологии повседневности / С. К. Нартова-Бочавер // Психологический журнал, 2019. – № 5, Т. 40 – С. 15–26. DOI: 10.31857/S020595920006072-5
280. Нартова-Бочавер, С. К. Диспозициональная аутентичность во внутриличностном пространстве / С. К. Нартова-Бочавер, Б. Д. Ирхин, С. И. Резниченко // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2020. – № 3. Т. 17. – С. 500–519. DOI: 10.17323/1813-8918-2020-3-500-519
281. Нартова-Бочавер, С. К. Психологическое пространство личности: Монография / С. К. Нартова-Бочавер. – М.: Прометей, 2005. – 312 с.

282. Нгуен, М. А. Психологические предпосылки возникновения эмоционального интеллекта в старшем дошкольном возрасте / М. А. Нгуен // Культурно-историческая психология, 2007. – Том 3. № 3. – С. 46-51.
283. Неверкович, С. Д. Методика изучения элементов рефлексивного анализа у юных шахматистов / С. Д. Неверкович, Н. В. Самоукина, Е. Н. Кучумова // Вопросы психологии, 1996. – № 3. – С. 94–100.
284. Никольская, А. В. Онтология и гносеология психологии / А. В. Никольская // Социология, 2013. – №1. – С. 157–174.
285. Никольская, А. В. Эффективность использования анималотерапии в когнитивно-поведенческой терапии: психотерапевтические кейсы / А. В. Никольская, А. А. Костригин // Консультативная психология и психотерапия, 2019. – Т. 27. № 4. – С. 149–164. DOI: 10.17759/cpp.2019270410
286. Никольская, А. В. Возможность конструктивного конфликта в межвидовой группе «человек – домашнее животное» / А. В. Никольская, В. И. Панов // Психология конструктивной конфликтности личности / под ред. А. В. Карпова и М. М. Кашапова. – Ярославль: Канцлер, 2013. – С. 84–111.
287. Нуждин, А. В. Межкультурная компетентность педагога в контексте современного образования / А. В. Нуждин // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 2015. – Т. 17, № 1 (3), – С. 588–593.
288. Общая сексопатология / под ред. Г.С. Васильченко. – М.: Медицина, 1977. – 488 с.
289. Оводова, С. Н. Диалог культур: объяснительные возможности постколониальной оптики / С. Н. Оводова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология, 2018. – № 46. – С. 86–93. DOI: 10.17223/1998863X/46/10
290. Огнев, А. С. Психология субъектогенеза личности: монография / А. С. Огнев. – М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009. – 137 с.
291. Ожиганова, Г. В. Взаимосвязь составляющих духовных способностей и субъективного благополучия / Г. В. Ожиганова // Ярославский педагогический вестник. 2024. – № 4 (139). – С. 159–166. DOI: 10.20323/1813-145X-2024-4-139-159.

292. Ожиганова, Г. В. Психологические аспекты духовности. Часть II. Духовные способности / Г. В. Ожиганова // Психологический журнал, 2010. – Том 31, № 5. – С. 39–53.
293. Ожигова, Л. Н. Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы ее реализации: автореферат дис... докт. психол.н. / Л. Н. Ожигова. – Краснодар, 2006. – 45 с.
294. Ожигова, Л.Н. Гендерная интерпретация самоактуализации личности в профессии (на материале педагогической профессии): дис... канд. психол. наук / Л. Н. Ожигова. – Краснодар, 2000. – 196 с.
295. Осницкий, А. К. Проблемы исследования субъектной активности / А. К. Осницкий // Вопросы психологии, 1996. – № 1. – С. 5–19.
296. Осорина, М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых / М. В. Осорина. – СПб.: Издательство «Питер», 1999. – 288 с.
297. Павлова, Н. С. Исследование субъектных и личностных характеристик в русле системно-субъектного подхода / Н. С. Павлова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология, 2023. – Т. 13. Вып. 4. – С. 462–474. DOI: 10.21638/spbu16.2023.402
298. Павлоцкая, Я. И. Психологическое благополучие в системе отношений личности / Я. И. Павлоцкая // Теория и практика общественного развития, 2014. – № 14. – С. 28–31.
299. Пайгунова, Ю. В. Этничность в структуре самосознания личности юноши-призывника: дис... канд. психол. наук. – Казань, 2000. – 148 с.
300. Панов, В. И. Некоторые подходы к методологии развивающего образования / В. И. Панов // Психологическая наука и образование, 1998. – № 3–4. – С. 38–46.
301. Панов, В. И. Одаренные дети: выявление – обучение – развитие / В. И. Панов // Педагогика, 2001. – № 4. – С. 30–44.
302. Панов, В. И. К проблеме психолого-педагогического проектирования и экспертизы образовательного учреждения / В. И. Панов // Психологическая наука и образование, 2001а. – № 2. – С. 14–20.

303. Панов, В. И. Экологическая психология: Опыт построения методологии / В. И. Панов. – М.: Наука, 2004. – 197 с.
304. Панов, В. И. Влияния экологически неблагоприятной среды на интеллектуальное развитие детей: Монография / В. И. Панов, Н. М. Сараева, А. А. Суханов. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 216 с.
305. Панов, В. И. Психодидактика образовательных систем: теория и практика / В. И. Панов. – СПб.: Питер, 2007. – 352 с.
306. Панов, В. И. Парадоксы изучения психики и возможность их преодоления / В. И. Панов // Национальный психологический журнал, 2011. – № 1. – С. 50–54.
307. Панов, В. И. Экопсихологические взаимодействия: виды и типология / В. И. Панов // Социальная психология и общество, 2013. – № 3. – С. 13–27.
308. Панов, В. И. Экопсихология: Парадигмальный поиск / В. И. Панов. – М.; СПб.: Психологический институт РАО; Нестор-История, 2014. – 304 с.
309. Панов, В. И. Экопсихология развития: гносеологическая и онтологическая парадигмы / В. И. Панов // Познание и переживание, 2020. – Т. 1. № 1. – С. 38–54.
310. Панов, В. И. Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия: монография / В. И. Панов, Э. В. Патраков. – М.: Психологический институт РАО; Курск: Университетская книга, 2020. – 198 с.
311. Панов, В. И. Структура стадий становления субъектности обучающихся: связность, целостность, формализация / В. И. Панов, А. В. Капцов // Психологическая наука и образование, 2021. – Т. 26, № 4. – С. 91–103. DOI: 10.17759/pse.2021260408
312. Панов, В. И. Экопсихологический подход к развитию психики: этапы, предпосылки, конструкты / В. И. Панов // Теоретическая и экспериментальная психология, 2022. – № 3 (15). – С. 100–117. DOI: 10.24412/2073-0861-2022-3-100-117

313. Панов, В. И. Типы коммуникативных (субъект-средовых) взаимодействий старшеклассников в образовательной, семейной и дружеской средах / В. И. Панов, Э. В. Лидская // Мир психологии, 2023. – № 2. – С. 198–207. DOI: 10.51944/20738528_2023_2_198
314. Панов, В. И. Экопсихологическая концептуализация психологических ресурсов в системе «человек — среда (внутренняя, внешняя)» / В. И. Панов // Человек, 2024. – № 5, Т. 35. – С. 13–28. DOI: 10.31857/S0236200724050012
315. Пантилеев, С. Р. Самоотношение. Строение самоотношения как психологическая проблема / С. Р. Пантилеев // Психология самосознания. Хрестоматия. – Самара: Изд. дом «БАХРАХ – М», 2003. – С. 208–219.
316. Панферов, В. Н. Психология человека в социальном взаимодействии: монография / В. Н. Панферов. – СПб: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2025. – 203 с.
317. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс; под общ. ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. – М.: Акад. Проект, 2002. – 877 с.
318. Патяева, Е. Ю. К анализу сложных форм опосредования индивидуальной деятельности / Е. Ю. Патяева // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы: Сб. науч. тр. / под ред. В. В. Давыдова и Д. А. Леонтьева. – М.: Изд. АПН СССР, 1990. – С. 83–96.
319. Патяева, Е. Ю. Практики саморазвития личности в изменяющемся мире/ Е. Ю. Патяева (Электронный ресурс) // Психологические исследования, 2015. – № 8(41). DOI: 10.54359/ps.v8i41.546
320. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики: учеб. пособие / В. Ф. Петренко. – Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. – 400 с.
321. Петренко, В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В. Ф. Петренко. – М.: Эксмо, 2013. – 448 с.
322. Петровский, А. В. Основы теоретической психологии / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 528 с.
323. Петровский, В. А. Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности / В. А. Петровский // Вопросы психологии, 1985. – № 4. – С. 17–30.

324. Петровский, В. А. «Я» в персонологической перспективе / В. А. Петровский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 502 с.
325. Петровский, В. А. Модели Я: потенциал развития и укрепления Я-Субъектности / В. А. Петровский, Е. Б. Старовойтенко // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2023. – Т. 20. № 3. – С. 588–615.
326. Петровский, В. А. О статусе Я в культурно-деятельностном дискурсе / В. А. Петровский // Культурно-историческая психология, 2023^a. – Т.19. № 1. – С. 35–40. DOI: 10.17759/chp.2023190105
327. Петрушин, С. В. Использование резонансного подхода в консультировании и психотерапии / С. В. Петрушин (Электронный ресурс) // Медицинская психология в России: электрон. науч. журнал, 2013. – № 1 (18). URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 15.08.2024).
328. Пирс, Ч. С. Принципы философии. В 2-х т. Т. 2 / Ч. С. Пирс; пер. с англ. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. – СПб.: С.-Петербург. филос. об-во, 2001. – 313 с.
329. Пичко, Н. С. Духовность и религия: культурологический аспект / Н. С. Пичко // Наука и современность, 2011. – №11. – С. 110–114.
330. Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т. I / Общ. ред. А. Ф. Лосева и др.; авт. вступит. статьи А. Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи; пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1990. – 860 с.
331. Поваренков, Ю. П. Психологическое содержание профессионального становления человека / Ю. П. Поваренков. – М.: Изд-во УРАО, 2002. – 159 с.
332. Погодин, И. А. Особенности психотерапии в эпоху постмодерна: процессуальный характер / И. А. Погодин // Консультативная психология и психотерапия, 2008. – Том 16. № 4. – С. 179–192.
333. Пол // Психологический словарь / Под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Педагогика-Пресс, 1996. – С. 266.
334. Попов, Л. М. Добро и зло в этической психологии личности / Л. М. Попов, О. Ю. Голубева, П. Н. Устин. – М.: Институт психологии РАН, 2008. – 240 с.

335. Попова, Р. Р. Проблема исследования и методы диагностики интероцептивного осознания в отечественной и зарубежной психологии / Р. Р. Попова // Южно-Российский журнал социальных наук, 2020. – № 2. Т. 21. – С. 126–139. DOI: 10.31429/26190567-21-2-126-138
336. Пригожин, И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы / И. Пригожин. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 1999. – 208 с.
337. Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс; пер. с англ./ общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
338. Проективная психология / пер. с англ. М. Будыниной, С. Лихацкой, Г. Миннигалиевой. – М.: Апрель Пресс: Эксмо-Пресс, 2000. – 528 с.
339. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та, 1946. – 340 с.
340. Прохоров, А. О. Образ психического состояния / А. О. Прохоров. – М.: Институт психологии РАН, 2016. – 245 с.
341. Прохоров, А. О. Смысловая регуляция психических состояний / А. О. Прохоров. – М.: Институт психологии РАН, 2009. – 352 с.
342. Прохоров, А. О. Психология неравновесных состояний / А. О. Прохоров. – М.: Институт психологии РАН, 1998. – 152 с.
343. Пряжников, Н. С. Профессиональное и личностное самоопределение / Н. С. Пряжников. – М.: Институт практической психологии, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 64 с.
344. Пряжников, Н. С. Психологический смысл труда / Н. С. Пряжников. – М.: Институт практической психологии, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. – 352 с.
345. Пряжников, Н. С. Теория и практика профессионального самоопределения: учебное пособие / Н. С. Пряжников. – М.: МГППИ, 1999. – 97 с.
346. Психология восприятия: трансцендентальный вектор развития: Коллективная монография / под ред. Г. В. Шуковой. – М.; СПб.: Нестор-История, 2020. – 384 с.

347. Психология человека: от рождения до смерти. Психологический атлас человека: учебник / под ред. А. А. Реана. – М.: АСТ; СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2010. – 651 с.
348. Рабаданова, Р. С. Ипповенция как действенный практический метод психолого-педагогического воздействия в современном обществе / Р. С. Рабаданова (и др.) // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования, 2022. – Т. 11. № 2А. – С. 317–324.
349. Разумникова, О. М. Взаимодействие гендерных стереотипов и жизненных ценностей как факторов выбора профессии / О. М. Разумникова // Вопросы психологии, 2004. – № 4. – С. 76–83.
350. Раковская, А. О. Особенности становления профессиональной карьеры женщин / А. О. Раковская // Гендерные аспекты социальной трансформации. – М., 1998. – 187 с.
351. Ребеко, Т. А. Телесный опыт в структуре индивидуального знания / Т. А. Ребеко. – М.: Институт психологии РАН, 2015. – 271 с.
352. Резазаде, З. Обусловленность психических состояний моральной нормативностью / З. Резазаде, Л. Ф. Баянова (Электронный ресурс) // Психологические исследования, 2017. – Т. 10, № 53. DOI: 10.54359/ps.v10i53.378
353. Родермель, Т. А. Влияние информационных технологий на проявление симптоматики депрессивного состояния у подростков / Т. А. Родермель // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования, 2017. – Т. 6. № 3А. – С. 81–89.
354. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб: Питер, 2000. – 712 с.
355. Рубинштейн, С. Л. Человек и Мир / С. Л. Рубинштейн. – М.: Наука, 1997. – 191 с.
356. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира / С. Л. Рубинштейн; АН СССР, Ин-т филос. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 328 с.

357. Рубцов, В. В. Основы социально-генетической психологии / В. В. Рубцов. – Воронеж: МОДЭК; М.: Институт практической психологии, 1996. – 384 с.
358. Русские народные сказки. По изданиям А. Н. Афанасьева. / Составитель Н. И. Сазонов. – Йошкар-Ола: Марийский полиграфическо-издательский комбинат, 1993. – 480 с.
359. Русские народные сказки. Сост., вступит. ст. и примеч. В. П. Аникина. – М.: Детская литература, 1976. – 544 с.
360. Рябикина, З. И. Субъектно-бытийный подход: преемственность традиций / З. И. Рябикина, Г. Ю. Фоменко // Южно-российский журнал социальных наук, 2009. – № 4. – С. 26–37.
361. Рябикина, З. И. Субъектно-бытийный подход к личности и анализу её со-бытия с другими (конструктивная версия постмодернистских «Настроений») / З. И. Рябикина, Г. Г. Танасов // Южно-российский журнал социальных наук, 2010. – №2. – С. 4–19.
362. Рябикина, З. И. Развитие идей А. В. Брушлинского в контексте субъектно-бытийного подхода / З. И. Рябикина, Г. Ю. Фоменко, Л. Н. Ожигова // Южно-российский журнал социальных наук, 2013. – № 4. – С. 106–112.
363. Сагеева, Е. Р. Самоценность и ценностная направленность личности в континууме Я – «не Я» / Е. Р. Сагеева, Б. С. Алишев // Казанский педагогический журнал. 2008. – № 5. – С. 66–74.
364. Сараф, М. Я. Эстетические компоненты спортивной деятельности: автореф. дисс... докт. филос. наук. – М.: МГУ, 1981. – 47 с.
365. Сацук, А. В. Основные характеристики субъектности как проявления функционирования самосознания личности / А. В. Сацук // Вестник Брестского университета. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология. – 2011. – № 2. – С. 195-203.
366. Сергиенко, Е. А. Психология субъекта: проблемы и поиски / Е. А. Сергиенко // Материалы I всероссийской конференции «Психология сознания: современное состояние и перспективы». – Самара: ПФ ИРИ РАН-Сам. НЦ РАН СГПУ, 2007. – 30 с.

367. Сергиенко, Е. А. Контроль поведения: индивидуальные ресурсы субъектной регуляции / Е. А. Сергиенко (Электронный ресурс) // Психологические исследования: электронный научный журнал, 2009. – № 5 (7). DOI: 10.54359/ps.v2i7.962
368. Сергиенко, Е. А. Субъект и субъектность в психологии / Е. А. Сергиенко // Психология субъекта и психология человеческого бытия: монография / под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. – С. 16–40.
369. Сергиенко, Е. А. Реализация принципа развития в исследованиях психологии субъекта / Е. А. Сергиенко // Психологический журнал, 2017. – Т. 38. № 2. – С. 5–18.
370. Сергиенко, Е. А. Роль эмоционального интеллекта в совладании со сложными жизненными ситуациями / Е. А. Сергиенко, Е. А. Хлевная, Т. С. Киселева, А. А. Никитина, Е. И. Осипенко // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика, 2020. – № 4. – С. 121–128.
371. Сергиенко, Е. А. Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода. / Е. А. Сергиенко. – М.: Институт психологии РАН, 2021. – DOI: 10.38098/mng_21_0435
372. Серкин, В. П. Взаимосвязь образа мира и образа жизни / В. П. Серкин // Мир психологии, 2009. – № 4. – С. 109–119.
373. Серкин, В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики: учебное пособие для вузов / В. П. Серкин. – М.: ПЧЕЛА, 2008. – 382 с.
374. Смирнов, Д. О. Описание процедуры стандартизации психометрической методики – «Опросник религиозной активности» / Д. О. Смирнов // Пасхи. Научный психологический журнал. Екатеринбург, 1999. – №1-2. – С. 159–172.
375. Солдатова, Г. У. Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие / Г. У. Солдатова (и др.). – М.: Акрополь, 2022. – 356 с.
376. Соломин, И. Л. Психосемантическая диагностика скрытой мотивации: методическое руководство / И. Л. Соломин. – СПб.: ИМАТОН, 2001. – 112 с.

377. Спасская, Н. Н. Жизнь лошадей в непридуманных историях и картинках / Н. Н. Спасская (и др.). – М.: Фитон XXI, 2019. – 114 с.
378. Спиркин, А. Г. Сознание и самосознание / А. Г. Спиркин. – М.: Политиздат, 1972. – 303 с.
379. Старк, Д. Гетерархия: организация диссонанса / Д. Старк // Экономическая социология, 2009. – №1. – С.57–89.
380. Становление субъектности: от экопсихологической модели к психодидактическим технологиям: коллективная монография / под ред. В. И. Панова. – СПб.: Нестор-История, 2022. – С. 388–391.
381. Старовойтенко, Е. Б. Самоидентификация Я во внутреннем диалоге / Е. Б. Старовойтенко // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2019. – Т.16. № 3. – С. 434–456.
382. Старовойтенко, Е. Б. Отождествление – разотождествление с собой посредством Другого: парадокс самоидентификации Я / Е. Б. Старовойтенко // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2021. – Т.18. № 4. – С. 813–836. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-4-813-836
383. Саратовцева, Н. В. Гармоничная личность: миф или реальность / Н. В. Саратовцева, М. М. Гуляева // Научно-методический электронный журнал «Концепт», 2016. – Т. 15. – С. 1276–1280.
384. Степанова, Л. Г. Формирование гендерной идентичности у современных юношей и девушек в контексте социально-психологического развития личности / Л. Г. Степанова // Психологическая наука и образование, 2009. – № 5. – С. 67–71.
385. Степин, В. С. О прогностической природе философского знания / В. С. Степин // Вопросы философии, 1986. – № 4. С. 39–53.
386. Степин, В. С. Смена типов научной рациональности / В. С. Степин // Синергетика и психология. Вып. 1. «Методологические вопросы». – М., 1999. – С. 112–132.
387. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. – М.: Ин-т психологии РАН «Академический проект», 1999. – 320 с.
388. Столин, В. В. Самосознание личности / В. В. Столин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 284 с.

389. Сусоколов, А. А. Структурные факторы самоорганизации этноса / А. А. Сусоколов // Расы и народы. Вып. 20. – М.: ИЭА РАН, 1990. – С. 5–40.
390. Сухарев, А. В. Этнофункциональный подход в психотерапии аффективных расстройств / А. В. Сухарев, И. Л. Степанов // Психологический журнал, 1997. – № 1, Т.18. – С. 122–133.
391. Сухарев, А. В. Методические рекомендации по этнофункциональной психотерапии зависимостей от наркотических веществ / А. В. Сухарев // Приложение к «Журналу прикладной психологии», 1999. – № 6. – С. 64–125.
392. Сухарев, А. В. Этнофункциональный подход к проблеме психического развития человека / А. В. Сухарев // Вопросы психологии, 2002. – № 2. – С. 40–57.
393. Сухарев, А. В. Опыт преодоления методологического кризиса: принцип исторической актуальности и этнофункциональная парадигма в психологии / А. В. Сухарев // Мир психологии, 2009. – № 3. – С. 123–132.
394. Тарасова, Л. Е. Самоотношение как детерминанта субъективного благополучия личности / Л. Е. Тарасова // Известия Саратовского ун-та. Нов. серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика, 2013. – Т. 13, Вып. 3. – С. 86–89.
395. Тараканов, М. С. Метод исследования проявлений архетипов в гендерной схеме личности / М. С. Тараканов, Е. П. Кораблина // Многообразие психологической помощи: коллектив. моногр. (науч. ред. Е. П. Кораблина). – СПб.: Изд-во РГПУ, 2009. – Вып. 2. – С. 79–85.
396. Татарское народное творчество: В 14 т. / (Редкол.: Садекова А. Х. (науч. ред.) и др.). Сказки о животных и волшебные сказки / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Л. Ш. Замалетдинов. – Казань: Раннур, 1999. – 351 с.
397. Татарское народное творчество: В 14 т. / (Редкол.: Садекова А. Х. (науч. ред.) и др.). Волшебные сказки / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Л. Ш. Замалетдинов. – Казань: Раннур, 2001. – 398 с.
398. Тернер, Дж. Социальное влияние / Дж. Тернер; Пер. с англ. З. Замчук. – СПб.: Питер, 2003. – 256 с. (Turner J. C. Social influence. London: Open Univ. Press Publ., 1991. 224 p.)

399. Толочек, В. А. Профессиональное становление субъекта и динамика актуализации условий среды как ресурсов / В. А. Толочек // Психологический журнал, 2023. – Т. 44. № 6. – С. 26–36. DOI: 10.31857/S020595920029009-5
400. Толочек, В. А. Динамика актуализации интрасубъектных ресурсов и успешность субъекта / В. А. Толочек // Психологический журнал, 2024. – Т. 45. № 6. – С. 63–72.
401. Толочек, В. А. Профессиональная карьера: феномен, эволюция, ресурсы субъекта / В. А. Толочек. – М.: Институт психологии РАН, 2025. – 403 с.
402. Топоров, В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура / Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; (отв. ред. Т. В. Цивьян). – М., 1983. – С. 227–284.
403. Тульчинский, Г. Л. Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе / Г. Л. Тульчинский. – СПб.: Алетейя, 2020. – 826 с.
404. Тульчинский, Г. Л. Субъектность как ответственное сознание самости: распределенная идентификация и прокреативность автопроекции / Г. Л. Тульчинский // Человек как открытая целостность: монография / отв. ред. Л. П. Киященко, Т. А. Сидорова. – Новосибирск: Академиздат, 2022. – С. 63–75.
405. Тульчинский, Г. Л. Проблема субъектности как фокусировка междисциплинарности / Г. Л. Тульчинский // Technology and Language, 2023. – № 4(4). – С. 75–88. DOI: 10.48417/technolang.2023.04.07
406. Тульчинский, Г. Л. Поступок, ответственность и субъектность (К двойному юбилею М. М. Бахтина) / Г. Л. Тульчинский // Человек. Культура. Образование, 2025. – № 4. – С. 10–31. DOI: 10.34130/2233-1277-2025-4-10
407. Турецкая, Г. В. Страх успеха: психологическое исследование феномена / Г. В. Турецкая // Психологический журнал, 1998. – Т. 19, № 1. – С. 37–46.
408. Тхостов, А. Ш. Топология субъекта (Опыт феноменологического исследования) / А. Ш. Тхостов // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология, 1994. – № 2. – С. 3–13.
409. Улановский, А. М. Синергетическая метафора сознания / А. М. Улановский // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 2005. – № 1. – С. 17–29.

410. Уманская, Э. Э. Динамика стадий становления субъектности учителя при интеграции шахматной культуры в учебный процесс начальной школы / Э. Э. Уманская, О. Г. Лопухова // Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. В. Брушлинского и 300-летию основания Российской академии наук, 12-14 октября 2023 г., Москва / отв. ред. Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова, А. В. Махнач, Г. А. Виленская, Н. Н. Казымова. – М.: Институт психологии РАН, 2023. – С. 815–820. DOI: 10.38098/conf_22_0466
411. Уманская, Э. Э. Становление субъектности педагога в условиях интеграции шахматной культуры в образовательный процесс начальной школы / Э. Э. Уманская, О. Г. Лопухова // Доминанты психолого-педагогического мастерства в сфере физической культуры и спорта. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Казань, 2024. – С. 458–462.
412. Уманский, С. В. Психотерапия и синергетика. Трансдисциплинарный подход / С. В. Уманский // Психотерапия, 2007. – № 7. – С. 6–12.
413. Успенский, Б. А. Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство / Б. А. Успенский. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2012. – 339, (4) с.
414. Фанталова, Е. Б. Методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» / Е. Б. Фанталова // Журнал практического психолога, 1996. – № 2. – С. 32-37.
415. Фесенко, П. П. Что такое психологическое благополучие / П. П. Фесенко // Семейная психология и семейная терапия, 2005. – № 2. – С. 116-131.
416. Фоменко, Г. Ю. Модусы бытия личности в контексте субъектно-бытийного подхода // Психология субъекта и психология человеческого бытия: монография / Г. Ю. Фоменко; под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. – С. 158–175.

417. Фомина, О. О. Факторы и возможные типы психологического благополучия личности / О. О. Фомина // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. Акмеология образования. Психология развития, 2016. – Т. 5, вып. 2(18). – С.168–173. DOI: 10.18500/2304-9790-2016-5-2-168-173.
418. Фомина, Т. Г. Валидизация шкалы проявлений психологического благополучия (ШППБ) на выборке российских студентов / Т. Г. Фомина, И. Н. Бондаренко // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 2024. – № 47(2). – С. 243–264. <https://doi.org/10.11621/LPJ-24-23>
419. Франк, Р. Self в движении / Р. Франк // Self–полифония современных идей в гештальт-терапии. – Казань: Издательство Казанского университета, 2016. – С. 429–447.
420. Франселла, Ф. Новый метод исследования личности: руководство по репертуарным личностным методикам / Ф. Франселла, Д. Баннистер; пер. с англ. / общ. ред. и предисл. Ю. М. Забродина и В. И. Похилько. – М.: Прогресс, 1987. – 236 с.
421. Фрейд, З. Введение в психоанализ: лекции / З. Фрейд. – М.: Наука, 1989. – 456 с.
422. Фрейд, З. Очерки по психологии сексуальности / З. Фрейд; пер. с нем. – М.: ООО «Попурри», 1997. – 480 с.
423. Фрейджер, Р. Теории личности и личностный рост / Р. Фрейджер, Дж. Фейдимен. – М.: ОЛМА ПРЕСС, 2004. – 657 с.
424. Хисамбеев, Ш. Р. У истоков системной психологии: онтологическая и гносеологическая парадигмы / Ш. Р. Хисамбеев // Системная психология и социология, 2014. – № 2 (10). – С. 16–22.
425. Хорни, К. Женская психология / К. Хорни. – СПб: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 1993. – 224 с.
426. Хотинец, В. Ю. Методологические основы этнической и кросскультурной психологии: учебное пособие / В. Ю. Хотинец. – М.: Форум, 2012. – 86 с.
427. Хотинец, В. Ю. Этническое самосознание / В. Ю. Хотинец. – СПб.: Алетейя, 2000. – 240 с.

428. Хотинец, В. Ю. Психологические характеристики этнокультурного развития человека / В. Ю. Хотинец // Вопросы психологии, 2001. – № 5. – С. 60–73.
429. Хоч, Н. С. Особенности гендерных качеств мужчин в период позднего отрочества и ранней юности / Н. С. Хоч (и др.) // Социальная психология XXI столетия. Т. 2 / Под редакцией В. В. Козлова. – Ярославль, 2003. – С. 316–320.
430. Хухлаева, О. В. Работа психолога в многонациональной школе / О. В. Хухлаева, М. Ю. Чибисова. – М.: Форум – Инфа-М, 2008. – 176 с.
431. Хухлаев, О. Е. Интеграция мигрантов в образовательную среду: социальные и психологические аспекты / О. Е. Хухлаев, И. М. Кузнецов, М. Ю. Чибисова // Психологическая наука и образование, 2013. – № 3. – С. 5–17.
432. Хухлаев, О. Е. Школа как транслятор культуры принимающего общества: интеграция детей-мигрантов в образовательной среде / О. Е. Хухлаев, М. Ю. Чибисова, И. М. Кузнецов // Культурно-историческая психология, 2014. – Том 10. № 1. – С. 95–103.
433. Черникова, В. Е. Духовность в современном образовательном процессе / В. Е. Черникова // Научные проблемы гуманитарных исследований, 2010. – № 6. – С. 135–142.
434. Чеснокова, И. И. Проблема самосознания в психологии / И. И. Чеснокова. – М.: Наука, 1977. – 144 с.
435. Шадриков, В. Д. Духовные способности / В. Д. Шадриков. – М.: Институт психологии РАН, 2020. – 182 с.
436. Шайдхакер, М. Лошадь – реальный объект для контакта и архетипический символ / М. Шайдхакер // Лошадь в психотерапии, иппотерапии и лечебной педагогике. Учебные материалы и исследования немецкого кураториума по терапевтической групповой езде. Пер с нем. – М.: Конноспортивный клуб инвалидов, 2004. – С. 62–68.
437. Шакирова, Г. Ф. Механизмы и факторы формирования внутриличностного гендерного ролевого конфликта / Г. Ф. Шакирова //

- Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2010. – № 2 (20). – С. 332–338.
438. Шакирова, Г. Ф. Особенности внутриличностного гендерного ролевого конфликта у мужчин и женщин в условиях современного общества: дисс. ...канд. психол. наук / Г. Ф. Шакирова. – Казань, 2011. – 164 с.
439. Шамионов, Р. М. О некоторых преобразованиях структуры субъективного благополучия личности в разных условиях профессиональной социализации / Р. М. Шамионов // Мир психологии, 2010. – № 1. – С. 237–249.
440. Шамионов, Р. М. Этнокультурные факторы субъективного благополучия личности / Р. М. Шамионов // Психологический журнал, 2014. – Т. 35, № 4. – С. 68–81.
441. Шамионов, Р. М. Групповые ценности и установки как предикторы психологического благополучия русских и казахов / Р. М. Шамионов (Электронный ресурс) // Психологические исследования, 2014а. – Т. 7, № 35. URL: <http://psystudy.ru/num/2014v7n35/999-shamionov35.html> (дата обращения: 21.12.2019).
442. Шамионов, Р. М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы / Р. М. Шамионов. – Саратов: Научная книга, 2008. – 296 с.
443. Шевеленкова, Т. Д. Психологическое благополучие (обзор основных концепций и методика исследования) / Т. Д. Шевеленкова, П. П. Фесенко // Психологическая диагностика, 2005. – № 3. – С. 95–129.
444. Шевченко, О. М. Трансформация профессиональной субъектности в условиях цифровизации экономики / О. М. Шевченко, Л. Л. Штофер // Гуманитарий юга России, 2023. – № 6. – С. 73–84.
445. Шибутани, Т. Социальная психология / Т. Шибутани. – М.: Прогресс, 1969. – 534 с.
446. Шмелев, А. Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности / А. Г. Шмелев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 158 с.

447. Шмелев, А. Г. Психосемантика и психодиагностика личности: дисс...
докт. психол. наук / А. Г. Шмелев. – Москва, 1994. – 222 с.
448. Шукова, Г. В. Психология восприятия: трансцендентальная перспектива
/ Г. В. Шукова // Вестник Российского фонда фундаментальных
исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2019. – № 3 (96). –
С. 157–166. DOI: 10.22204/2587-8956-2019-096-03-157-166
449. Щукина, М. А. Эвристичность субъектного подхода в психологических
исследованиях саморазвития личности / М. А. Щукина // Психологический
журнал, 2018. – Т. 39. № 2. – С. 48–57. DOI: 10.31857/S20000338-8-1
450. Щукина, М. А. Внутренняя картина опыта саморазвития / М. А. Щукина
(Электронный ресурс) // Психологические исследования, 2017. – Т. 10.
№ 52. DOI: 10.54359/ps.v10i52.390
451. Щукина, М. А. Психология саморазвития личности: монография /
М. А. Щукина. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2015. 348 с.
452. Щукина, М. А. Проблема саморазвития личности в парадигме
культурно-исторической психологии / М. А. Щукина // Психолого-
педагогические исследования, 2014. – Т. 6. № 4 – С. 81–92. DOI:
10.17759/psyedu.2014060408
453. Щукина, М. А. Субъектный подход к саморазвитию личности:
возможности теоретического понимания и эмпирического изучения /
М. А. Щукина // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2014а. –
№ 2. – С. 7–22.
454. Эйдельман, Г. Роль субъективных факторов в психологическом
благополучии молодежи в ситуации профессионального самоопределения /
Г. Эйдельман, Е.А. Сергиенко (Электронный ресурс) // Психологические
исследования, 2016. – № 9 (50). DOI: 10.54359/ps.v9i50.413
455. Элиас, Н. Баланс между Я и Мы / Н. Элиас // Общество индивидов. – М.:
Праксис, 2001. – С. 215–330.
456. Эльконин, Б. Д. Введение в психологию развития (в традиции
культурно-исторической теории Л. С. Выготского) / Б. Д. Эльконин. – М.:
Тривола, 1994. – 168 с.

457. Эмерсон, Р. У. Природа / Р. У. Эмерсон // Эстетика американского романтизма. – М.: Искусство, 1977. – С. 178–223.
458. Эммонс, Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности / Роберт А. Эммонс; (Пер. с англ. А. В. Лызлова); Под ред. (и с предисл.) Д. А. Леонтьева – М.: Смысл, 2004. – 414 с.
459. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М.: Прогресс, 1996. – 352 с.
460. Юнг, К. Г. Структура психики и архетипы / К. Г. Юнг; пер. с нем. Т. А. Ребеко. – М.: Академический Проект, 2009. – 303 с.
461. Ярошевский, М. Г. История психологии от античности до середины XX в / М. Г. Ярошевский. – М., 1996. – 416 с.
462. Ясвин, В. А. Психолого-педагогическая коррекция субъективного отношения к природе в процессе экологического образования / В. А. Ясвин // Вопросы психологии, 1998. – № 4. – С. 3–14.
463. Ясвин, В. А. Психология отношения к природе / В. А. Ясвин. – М.: Смысл, 2000. – 456 с.
464. Allakhverdov, V. Consciousness as Paradox – Reflections on self-consciousness development. Roundtable Discussion. / V. Allakhverdov. – St. Petersburg: Eidos, UNESCO, 2000. – P. 53–60.
465. Athanasou, J. A. International Handbook of Career Guidance / J. A. Athanasou, R. van Esbroeck. – Springer Science & Business Media, 2008. – 744 p.
466. Bachi, K. Equine-facilitated psychotherapy for at-risk adolescents: The influence on Self-image, Self-control and Trust / K. Bachi, J. Terkel, M. Teichman // Clinical Child Psychology and Psychiatry, 2012. – № 17(2). – P. 298-312.
467. Bar-On, R. The Bar-On model of emotional-social intelligence / R. Bar-On // Psico-thema, 2006. – Vol. 18. – P. 13–25.
468. Bareiss, H.-J. Therapeutische Mensch-Pferd-Interaktion (TMPI). Grundzuege eines ganzheitlichen und mehrdimensionalen Strukturmodells / H.-J. Bareiss // Praxis der Psychomotorik: Zeitschrift für Bewegungs und Entwicklungsförderung, 1996. – № 21 (2). – P. 93-98.

469. Barner, M. R. Sex-role stereotyping in FCC-mandated children's educational television / M. R. Barner // *Journal of Broadcasting and Electronic Media*, 1999. – № 43. – P. 551-564.
470. Beebe, B. *Infant Research and Adult Treatment: Co-constructing interactions* / Beatrice Beebe, Frank M. Lachmann. – New York: The Analytic Press, 2002. – 288 p.
471. Bem, S. L. The measurement of psychological androgyny / S. L. Bem // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 1974. – № 42. – P.155-162.
472. Bem, S. L. Sex role adaptability – one consequence of psychological androgyny / S. L. Bem // *Journal of Pers. and Soc. Psychology*, 1975. – № 31. – P. 634-643.
473. Benjamin, L. S. Structural analysis of social behavior / L. S. Benjamin // *Psychological Review*, 1974. – P.23-30.
474. Best, D. Aesthetics in Sport / D. Best // *British Journal of Aesthetics*, 1974. – Vol.14, № 3. – P.197–213.
475. Best, D. Art and Sport / D. Best // *Journal of Aesthetic Education*, 1980. – Vol.14, № 1. – P. 69–80.
476. Birke, L. Talking about Horses: Control and Freedom in the World of “Natural Horsemanship” / L. Birke // *Society and Animals*. 2008. – № 16. – P.107–126.
477. Blake, H. N. *Talking with horses: A study of communication between man and horse* / H. N. Blake. – London: Souvenir Press, 1975. – 172 c.
478. Blodgett, A. T. Moving beyond words: exploring the use of an arts-based method in Aboriginal community sport research / A. T. Blodgett (et al.) // *Qualitative Research in Sport, Exercise and Health*, 2013. – Vol. 5, № 3. – P. 312–331.
479. Boiché, J. Development of sex stereotypes relative to sport competence and value during adolescence / J. Boiché, A. Chalabaev, P. Sarrazin // *Psychology of Sport and Exercise*, 2014. – № 15 (2). – P. 212–215. DOI: 10.1016/j.psychsport.2013.11.003
480. Bradburn, N. *The structure of psychological well-being* / N. Bradburn. – Chicago: Aldine Pub. Co., 1969. – 318 p.

481. Brandt, C. Equine-facilitated psychotherapy as a complementary treatment intervention / C. Brandt // *The practitioner scholar: Journal of counseling and professional psychology*, 2013. – № 2 (1), – P. 23–42.
482. Bretl, D. J. The portrayal of men and women in U.S. television commercials: A recent content analysis and trends over 15 years / D. J. Bretl, J. Cantor // *Sex Roles*, 1988. – № 18. – P. 595–609.
483. Brier, S. Cybersemiotics: suggestion for a transdisciplinary framework encompassing natural life, and social sciences as well as phenomenology and humanities / S. Brier // *International Journal of Body, Mind, and Culture*, 2014. – Vol. 1, № 1. – P. 3–53.
484. Bronfenbrenner, U. *The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979. – 352 p.
485. Bruntrup, G. Emergent panpsychism / G. Bruntrup // *Panpsychism: Contemporary Perspectives* / Ed. by G. Bruntrup and L. Jaskolla. – New York: Oxford University Press, 2016. – P. 48–73.
486. Busanich, R. Exploring disordered eating and embodiment in male distance runners through visual narrative methods / R. Busanich, K. R. McGannon, R. J. Schinke // *Qualitative Research in Sport, Exercise and Health*, 2016. – Vol.8. № 1. – P. 95-112.
487. Chalabaev, A. The influence of sex stereotypes and gender roles on participation and performance in sport and exercise: review and future directions / A. Chalabaev (et al.) // *Psychology of Sport and Exercise*, 2013. – № 14 (2). – P.136–144. DOI: 10.1016/j.psychsport.2012.10.005
488. Chardonnens, E. The use of animals as co-therapists on a farm: The child-horse bond in person-centered equine-assisted psychotherapy / E. Chardonnens // *Person-Centered and Experiential Psychotherapies*, 2009. – № 8. – P. 319–332.
489. Cohen, D. A CuPS (Culture x Person x Situation) perspective on violence and character / D. Cohen, A. K.-Y. Leung. // In P. R. Shaver & M. Mikulincer (Eds.), *Human aggression and violence: Causes, manifestations, and consequences* (P. 187–200). – Washington, DC: American Psychological Association, 2010.

490. Collins, R. L. Content Analysis of Gender Roles in Media: Where Are We Now and Where Should We Go? / R. L. Collins // *Sex Roles*, 2011. – № 64. – P. 290–298. DOI: 10.1007/s11199-010-9929-5
491. Colley, A. Age and gender differences in young people's perceptions of sport participants / A. Colley, E. Berman, L. Millingen // *Journal of Applied Social Psychology*, 2005. – № 35 (7). – P.1440–1454.
492. Constantinople, A. Masculinity-femininity: An exception to a famous dictum / A. Constantinople // *Psychological Bulletin*, 1973. – № 80. – P. 389-407.
493. Cross, S. E. Independent, relational, and collective-interdependent self-construals / S. E. Cross, E. H. Erin, G. S. Berna // In *Handbook of individual differences in social behavior*. Edited by Mark R. Leary, and Rick H. Hoyle. – New York: Guilford, 2009. – P. 512–526.
494. Damasio, A. The feeling of what happens. Body and emotion in the making of consciousness / A. Damasio. – San Diego: Harcourt, 1999. – 400 p. DOI: 10.1353/jsp.2001.0038
495. Damasio, A. Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain / A. Damasio. – New York, NY: Pantheon Books, 2010. – 367 p.
496. De Jaegher, H. On the role of social interaction in individual agency / H. De Jaegher, T. Froese // *Adaptive Behavior*, 2009. – № 17(5). – P. 444-460. DOI: 10.1177/1059712309343822
497. Deci, E. L. Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development, and health / E. L. Deci, R. M. Ryan // *Canadian Psychology / Psychologie canadienne*, 2008. – № 49 (3). – P.182–185. DOI: 10.1037/a0012801
498. Diener, E. Cross-cultural correlates of life satisfaction and self-esteem / E. Diener // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1995. – № 68. – P. 653–663.
499. Diener, E. Subjective well-being / E. Diener // *Psychological Bulletin*, 1984. – Vol. 95, № 3. – P. 542–575.
500. Duncan, L. E. Authoritarianism and gender roles: Toward a psychological analysis of hegemonic relationships / L. E. Duncan, B. E. Peterson, D. G. Winter // *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1997. – № 23. – P. 41–49.

501. Dunn, B. D. Listening to your heart. How interoception shapes emotion experience and intuitive decision making / B. D. Dunn (et al.) // *Psychological Science*, 2011. – Vol. 21. – P.1835–1844. DOI: 10.1177/0956797610389191
502. Durkin, K. Television and sex-role acquisition 2: Effects / K. Durkin // *British Journal of Social Psychology*, 1985. – № 24. – P.191–210. DOI: 10.1111/j.2044-8309.1985.tb00680.x
503. Durlak, J. A. The Impact of Enhancing Students' Social and Emotional Learning: A Meta-Analysis of School-Based Universal Interventions / J. A. Durlak, (et al.) // *Child Development*, 2011. – Vol. 82. № 1. – P. 405–432. DOI: 10.1111/j.1467-8624.2010.01564
504. Eisenstock, B. Sex-role differences in children's identification with counter stereotypical televised portrayals / B. Eisenstock // *Sex Roles*, 1984. – № 10. – P. 417–430.
505. Esnaola, I. The development of emotional intelligence in adolescence / I. Esnaola (et al.) // *Annals de psicología*, 2017. – Vol. 33. № 2. – P. 327–333. DOI: 10.6018/analesps.33.2.251831
506. Fischer, R. Whence differences in value priorities? Individual, cultural or artefactual sources / R. Fischer, S. H. Schwartz // *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2011. – № 42. – P.1127–1144. DOI: 10.1177/0022022110381429
507. Fredrickson, B. L. Objectification theory: toward understanding women's lived experiences and mental health risks / B. L. Fredrickson, T. A. Roberts // *Psychology of women quarterly*, 1997 — № 21(2). — P. 173–206. DOI: 10.1111/j.1471-6402.1997.tb00108.x
508. Fuchs, T. Enactive intersubjectivity: Participatory sense-making and mutual incorporation / T. Fuchs, H. De Jaegher // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*, 2009. – № 8(4). – P. 465–486. DOI: 10.1007/s11097-009-9136-4
509. Ghaemi, S. N. Digital depression: a new disease of the millennium? / S. N. Ghaemi // *Acta Psychiatr Scand*, 2020. – № 141(4) – P. 356-361. DOI: 10.1111/acps.13151.
510. Ganahl, D. J. A content analysis of prime time commercials: a contextual framework of gender representation / D. J. Ganahl, T. J. Prinsen, S. B. Netzley // *Sex Roles*, 2003. – № 49. – P. 545–551.

511. García, D. M. Intelligent horses: a cybersemiotic perspective. A Dissertation (...) for the Degree of Doctor of Philosophy in Transformative Studies / D. M. Garcia. – California Institute of Integral Studies. San Francisco, CA, 2013.
512. Garcia, D. M. Of Equines and Humans: Toward a New Ecology/ D. M. Garcia // *Ecopsychology*, 2010. – № 2 (2). – P. 85–89.
513. Garst, J. Advertising's effects on men's gender role attitudes / J. Garst, G. V. Bodenhausen // *Sex Roles*, 1997. – № 36. – P. 551–572.
514. Gerasimova, N. Intrapersonal Conflict as a Factor of Adaptation of Students to Conditions of Teaching at Universities / N. Gerasimova, I. Gerasymova // *International Letters of Social and Humanistic Sciences*, 2016. – № 70. – P.1–7. DOI: 10.18052/www.scipress.com/ILSHS.70.1
515. Gerbner, G. The stories we tell / G. Gerbner // *Peace Review*, 1999. – № 11. – P. 9–15.
516. Gladkova, A. A. The role of television in cultivating the values of pluralism and cultural diversity in children / A. A. Gladkova // *Psychology in Russia: State of the Art*, 2013. – № 6. – P.138 - 143. DOI: 10.11621/pir.2013.0113
517. Gurieva, S. D. Social Perceptions of Gender Differences and the Subjective Significance of the Gender Inequality Issue / S. D. Gurieva, T. V. Kazantseva, L. V. Mararitsa, O. E. Gundelakh // *Psychology in Russia: State of the Art*, 2022. – № 15(2). – P. 65-82. DOI: 10.11621/pir.2022.0205
518. Hamburg, J. Applying body therapy to dance and sport / J. Hamburg // *Journal of Physical Education, Recreation & Dance*, 1992. – № 63. – P.48-50.
519. Hill, J. P. The intensification of gender-related role expectations during early adolescence / J. P. Hill, M. E. Lynch; In J. Brooks-Gunn & A. C. Petersen (Eds.), *Girls at puberty: Biological and psychosocial perspectives* (pp. 201–228). – Springer, 1983. DOI: 10.1007/978-1-4899-0354-9_10
520. Hirsh, J. B. Mechanisms of Identity Conflict: Uncertainty, Anxiety, and the Behavioral Inhibition System / J. B. Hirsh, S. K. Kang // *Personality and Social Psychology Review*, 2015. – № 20 (3). – P. 223–244 DOI: 10.1177/1088868315589475

521. Hofstede, G. *Cultures and Organizations: Software of the Mind* / G. Hofstede // *Administrative Science Quarterly* (Johnson Graduate School of Management, Cornell University), 1993. – № 38 (1). – P.132–134.
522. Hoge, E. *Digital Media, Anxiety, and Depression in Children* / E. Hoge, D. Bickham, J. Cantor // *Pediatrics*, 2017. – № 140 (Suppl 2): – P. S76–S80. DOI: 10.1542/peds.2016-1758G.
523. Horner, M. S. *Toward an Understanding of Achievement-Related Conflicts in Women* / M. S. Horner // *Journal of Social Issues*, 1972. – № 28 (2). – P. 157–175. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1972.tb00023.x
524. Hui, E. K. P. *Self-determination as a psychological and positive youth development construct* / E. K. P. Hui, S. K. M. Tsang // *The Scientific World Journal*, 2012. DOI: 10.1100/2012/759358
525. James, W. *The Principles of Psychology* (2 vols.). – New York: Henry Holt. 1890 (Reprinted Bristol: Thoemmes Press, 1999).
526. Jena, A. *The Art of Positive Parenting: Understanding child psychology, stages of development, common parenting issues and the most effective way of raising a child in 21st century* / A. Jena. – Kindle Edition, 2021. – 83 p.
527. Kalin, R. *Development and validation of a sex-role ideology scale* / R. Kalin, P.J. Tilby // *Psychological Reports*, 1978. – № 42, – P. 731–738.
528. Kavoura, A. *“Successful and feminine athlete” and “natural-born fighter”: A discursive exploration of female judoka’s identities in Greece and Finland*. Jyväskylä. – University of Jyväskylä, 2018.
529. Kavoura, A. *“Some women are born fighters”: Discursive constructions of a fighter’s identity by female Finnish judo athletes* / A. Kavoura (et al.) // *Sex Roles*, 2018. – № 79. – P. 239-252. DOI: 10.1007/s11199-017-0869-1
530. Klaczynski, P. A. *Gender intensification and gender generalization biases in pre-adolescents, adolescents, and emerging adults* / P. A. Klaczynski, W. S. Felmban, J. Kole // *British Journal of Developmental Psychology*, 2020. – № 38 (3). – P. 415–433. DOI: 10.1111/bjdp.12326
531. Kellogg, R. *Analyzing Children’s Art* Paperback / R. Kellogg. – Publisher: Guirard & Stewart, 2015. – 318 p.

532. Kemmet, E. V. Professional self-determination of engineering students: gender aspect / E. V. Kemmet // Discussion, 2017. – № (2) 76. – P. 55–61.
533. Kemp, K. Equine Facilitated Therapy with children and adolescents who have been sexually abused: A program evaluation study / K. Kemp (et al.) // Journal of Child and Family Studies, 2014. – № 23 (3). – P. 558–566.
534. Kern-Godal, A. More Than Just a Break from Treatment: How Substance Use Disorder Patients Experience the Stable Environment in Horse-Assisted Therapy / A. Kern-Godal, E. Arnevik // Substance Abuse: Research and Treatment, 2016. – № 10. – P. 99–108.
535. Kirby, M. Gestalt Equine Psychotherapy/ M. Kirby // Gestalt Journal of Australia and New Zealand, 2010. – № 6(2). – P. 60–68.
536. Kitayama, Sh. Self as cultural mode of being / Sh. Kitayama, D. Sean, U. Yukiko // In Handbook of cultural psychology. Edited by Shinobu Kitayama and Dov Cohen. – New York: Guilford, 2007. – P.136–174.
537. Knowles, E. Continuity and Diversity in the Stream of Selves: Metaphorical Resolutions of William James's One-in-many-selves Paradox / E. Knowles, M. Sibicky // Personality and Social Psychology Bulletin, 1990. – № 76 (4), – P. 676–687.
538. Korlat, S. Gender role identity and gender intensification: Agency and communion in adolescents' spontaneous self-descriptions / S. Korlat (et al.) // European Journal of Developmental Psychology, 2021. – № 19, – P. 64–88. DOI: 10.1080/17405629.2020.1865143
539. La Guardia, J. G. Within-person variation in security of attachment: A self-determination theory perspective on attachment need fulfillment, and well-being / J. G. La Guardia (et al.) // Journal of Personality and Social Psychology, 2000. – № 79. – P. 367–384.
540. Lac, V. Amy's Story: An Existential-Integrative Equine-Facilitated Psychotherapy Approach to Anorexia Nervosa / V. Lac // Journal of Humanistic Psychology, 2017. – № 57 (3). – P. 301–312.

541. Lac, V. Horsing Around: Gestalt Equine Psychotherapy as Humanistic Play Therapy / V. Lac // *Journal of Humanistic Psychology*, 2016. – № 56 (2). – P. 194–209.
542. Landau, M. J. Subjectivity uncertainty theory of objectification: compensating for uncertainty about how to positively relate to others by downplaying their subjective attributes / M. J. Landau, D. Sullivan, L. A. Keefer, Z. K. Rothschild, M. R. Osman // *Journal of experimental social psychology*, 2012. – № 6, Vol. 48. – P. 1234–1246. DOI: 10.1016/j.jesp.2012.05.003
543. Lavrova, E.V. Analysis of mass-media affected transformations of the danger concept / E.V. Lavrova, L.V. Matveeva // *Psychology in Russia: State of the Art*, 2012. – № 5. – P. 301–313. DOI: 10.11621/pir.2012.0018
544. Lentini, J. A. Qualitative and quantitative review of equine facilitated psychotherapy (EFP) with children and adolescents / J. A. Lentini, M. A. Knox // *The Open Complementary Medicine Journal*, 2009. – Vol. 1, № 1. – P. 51–57.
545. Lopukhova, O. G. “I Am a Football Player and/or a Girl”: Psychosemantics of Self-Consciousness among Teenage Female Football Players / O. G. Lopukhova // *Psychology in Russia: State of the Art*, 2024. – № 17 (3). – P. 36–49. DOI: 10.11621/pir.2024.0303
546. Lopukhova, O. G. Impact of Equine Assisted Growth/Learning program on students’ psychological well-being / O. G. Lopukhova, K. K. Gazizov // *Book of Abstracts: XVI European Congress of Psychology (ECP 2019) (Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2–5 July, 2019)*. – Moscow: Moscow University Press, 2019. 2160 p.: – P. 1138.
547. Lopukhova, O. G. Correction of parent-child relationship through Equine assisted learning «Control and Trust» / O. G. Lopukhova // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (IFTE 2017 - III International Forum on Teacher Education)*, 2017. – P. 485–493. DOI: 10.15405/epsbs.2017.08.02.56

548. Lopukhova, O. G. The Impact of Gender Images in Commercials on the Self-consciousness of Adolescents / O. G. Lopukhova // *Psychology in Russia: State of the Art*, 2015. – № 1 (8). – P. 100–111.
549. Lopukhova, O. G. Influence of contemporary gender transformation on the personality gender system / O. G. Lopukhova // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 2013. – № 86. – P. 192–197. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.08.549
550. Markus, H. R. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation / H. R. Markus, S. Kitayama // *Psychological Review*, 1991. – № 98 (2), – P. 224. DOI: 10.1037//0033-295X.98.2.224
551. Marshal, A. Telemental Health with Kids Toolbox: Games, Play and Art Activities, Sensory and Movement Exercises, and Talk Therapy Interventions / A. Marshal. – Publisher: Pesi Pub & Media, 2021. – 147 p.
552. Martin, J. A Neo-Meadian Approach to Human Agency: Relating the Social and the Psychological in the Ontogenesis of Perspective-Coordinating Persons / J. Martin, A. Gillespie // *Integrative Psychological & Behavioral Science*, 2010. – Vol. 44. – Issue 3. – P. 252–272.
553. Martin, J. Persons: Understanding psychological selfhood and agency / J. Martin, J. H. Sugarman, S. Hickinbottom. – NY Springer Science + Business Media, 2010. DOI:10.1007/978-1-4419-1065-3.
554. Martin, J. Psychology and the question of agency / J. Martin, J. H. Sugarman, J. Thompson. – Published by State University of New York, 2003.
555. Maturana, H. Autopoiesis and cognition: the organization of the living / H. Maturana, F. Varela. – Boston: Reidel, 1973. – 171 p.
556. Mayer, J. D. The Ability Model of Emotional Intelligence: Principles and Updates / J. D. Mayer, D. R. Caruso, P. Salovey // *Emotion Review*, 2016. – № 8 (4). – P. 290–300.
557. Meaney, K. S. Sex-role stereotyping for selected sport and physical activities across age groups / K. S. Meaney, L. A. Dornier, M. S. Owens // *Perceptual and Motor Skills*, 2002. – 94 (3). – P.743–749. DOI:10.2466/pms.2002.94.3.743

558. Mertens, W. Entwicklung der Psychosexualität und der Geschlechtsidentität / Wolfgang Mertens. – Stuttgart; Berlin; Köln: Kohlhammer (Psychoanalytische Entwicklungspsychologie) Bd. 1. Geburt bis 4. Lebensjahr. 2., überarb. Aufl., 1994. – 181 p.
559. Morgan, M. Television and adolescents' sex-role stereotypes: A longitudinal study / M. Morgan // Journal of Personality and Social Psychology, 1982. – № 43. – P. 947–955. DOI: 10.1037/0022-3514.43.5.947
560. Mukhametzyanova, F. G. Subject Characteristics of Teachers' Personality and Work Efficiency / F. G. Mukhametzyanova, E. Y. Korjova, E. K. Veselova – (European Proceedings of Social and Behavioural Sciences) // IFTE 2017: III International Forum On Teacher Education «Teacher Education For Changing World», Kazan, May 23-25, 2017. – Kazan, 2017. – V. 29. – P. 563–567. DOI: 10.15405/epsbs.2017.08.02.65.
561. McCulloch, W.S. Embodiments of Mind / W.S. McCulloch. – Cambridge: MIT Press, 1965. – 440 p.
562. Niemeck, M. Revisiting the Argument for Non-Conceptual Self-Consciousness Based on the Meaning of “I” / M. Niemeck // Review of Philosophy and Psychology, 2023. – Vol. 14. – P.1505–1523. DOI: 10.1007/s13164-022-00655-9
563. Nussbaum, M. C. Objectification // Philosophy and public affairs, 1995. – Vol. 24 – P. 249–291.
564. Oliver, M. B. The Impact of Sex and Gender Role Self-Perception on Affective Reactions to Different Types of Film / M. B. Oliver, S. L. Sargent // Sex Roles, 1998. – № 38. – P. 45–62.
565. O'Reilly, M. Adolescent perspectives on gendered ideologies in physical activity within schools: Reflections on a female-focused intervention / M. O'Reilly, A. Talbot, D. Harrington // Feminism & Psychology, 2023. – 33 (2) – P. 175–196. DOI: 10.1177/09593535221109040
566. Oyserman, D. Rethinking individualism and collectivism: Evaluation of theoretical assumptions and meta-analyses / D. Oyserman, M. C. Heather,

- K. Markus // *Psychological Bulletin*, 2002. – № 128. – P. 3–72. DOI: 10.1037/0033-2909.128.1.3
567. Pawlik, K., Oekologische psychologie: Entwicklung, perspektive und aufbaueines forschungsprogramms / K. Pawlik, K. Stapf // *Umwelt und Verhalten*, 1992. – P. 9–24.
568. Perls, F. *Gestalt Therapy: Excitement and growth in the human personality* / F. Perls, R. Hefferline, P. Goodman / London: Souvenir Press Ltd. 1972. – 514 p.
569. Petrenko, V. F. Psychosemantic approach to studying gender role attitudes / V. F. Petrenko, O. V. Mitina. // *Psychology in Russia: State of the Art*, 2010. – № 3. – P. 350–411.
570. Plaza, M. Sport = male... But not all sports: Investigating the gender stereotypes of sport activities at the explicit and implicit levels / M. Plaza (et al.) // *Sex Roles*, 2017. – № 76 (3). – P.202–217. DOI: 10.1007/s11199-016-0650-x
571. Pollay, R. W. The distorted mirror: Reflections on the unintended consequences of advertising / R. W. Pollay // *Journal of Marketing*, 1986. – № 50. – P.18–36.
572. *Psychological agency: theory, practice, and culture* / ed. by Roger Frie. — Massachusetts: A Bradford Book. The MIT Press. Cambridge, 2008. – 273 p.
573. Rankin, J. L. Adolescent self-consciousness: Longitudinal age changes and gender differences in two cohorts / J.L. Rankin (et al.) // *Journal of research in adolescence*, 2004. – № 14 (1). – P. 1–21. DOI: 10.1111/j.1532-7795.2004.01401001.x
574. Rasmussen, K. Gender marginalization in sports participation through advertising: The case of Nike / K. Rasmussen (et al.) // *International journal of environmental research and public health*, 2021. – № 18(15). – P. 7759. DOI: 10.3390/ijerph18157759
575. Ratliffe, K. T. Equine-assisted Therapies: Complementary Medicine or Not? / K. T. Ratliffe, C. Sanekane // *Australian Journal of Outdoor Education*, 2009. – № 13 (2) – P. 33–43.
576. Reis, H. T. Daily well-being: The role of autonomy, competence, and relatedness / H. T. Reis (et al.) // *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000. – № 26. – P. 419–435.

577. Reis, H. T. The role of intimacy and social support in health outcomes: Two processes or one? / H. T. Reis, P. Franks // *Parental Relationships*, 1994. – № 2. – P. 185–197.
578. Retelsdorf, J. “Michael can’t read!” Teachers’ gender stereotypes and boys’ reading self-concept / J. Retelsdorf, K. Schwartz, F. Asbrock // *Journal of Educational Psychology*, 2015. – № 107(1). – P.186–194. DOI: 10.1037/a0037107
579. Richter, T. Stories can influence the self-concept / T. Richter, M. Appel, F. Calio // *Social Influence*, 2014. – № 9 (3), – P. 172–188. DOI: 10.1080/15534510.2013.799099
580. Piccinini, G. Information processing, computation, and cognition / G. Piccinini, A. Scarantino // *Journal of biological physics*, 2011. – Vol. 37. – P. 1–38.
581. Riley, Sh. *Group Process Made Visible: The Use of Art in Group Therapy* / Sh. Riley. – Publisher: Routledge, 2001. – 296 p.
582. Riemer, B. A. Gender typing of sports: an investigation of Metheny's classification / B. A. Riemer, M. E. Visio // *Research quarterly for exercise and sport*, 2003. – № 74 (2). – P.193 – 204. DOI: 10.1080/02701367.2003.10609081
583. Rosenberg, G. A. *Place for Consciousness: Probing the Deep Structure of the Natural World*. – New York, US: Oxford: Oxford University Press, 2004. – 344 p.
584. Rubl, D. N. Stalking the elusive schema: Insights from developmental and social-psychological analyses of gender schemes / D. N. Rubl, C. Stangor // *Social Cognition*, 1986. – № 4. – P. 227–261.
585. Ryan, R. M. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being / R. M. Ryan, E. L. Deci // *American Psychology*, 2000. – № 55. – P. 68–78.
586. Ryff, C. D. The structure of psychological well-being revisited / C. D. Ryff, C. L. M. Keyes // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1995. – Vol. 69. – P. 719–727.
587. Ryff, C. D. Psychological well-being in adult life / C. D. Ryff // *Current Direction in Psychological Science*, 1995. – № 4. – P. 99–104.
588. Sadovnikova, N. O. The conflict of professional self-determination and professional identity crisis as a psychological barrier professional development /

- N. O. Sadovnikova // *Modern Research of Social Problems*, 2016. – № 10. – P. 115–125.
589. Seager, W. Consciousness, information and panpsychism / W. Seager // *Journal of Consciousness Studies*, 1995. – Vol. 2. №. 3. – P. 272–288.
590. Searle, J. Can information theory explain consciousness? / J. Searle // *New York Review of Books*, 2013. – Vol. 60. – P. 30–41.
591. Sestir, M. You are who you watch: Identification and transportation effects on temporary self-concept / M. Sestir, M. C. Green // *Social Influence*, 2010. – № 5. – P. 272–288. DOI: 10.1080/15534510.2010.490672
592. Sheets-Johnstone, M. *The Primacy of Movement* / M. Sheets-Johnstone. – Philadelphia: John Benjamins. 1999. – 583 p.
593. Shukla, A. Self-construals in social psychology: Finding the self in society / A. Shukla (online). 2020. URL: <https://cognitiontoday.com/self-construal-theory-social-psychology-finding-the-self-in-society/> (accessed July 20, 2020).
594. Shulga, G. The influence of professional motivation on occurrence of intrapersonal conflict among students of the first year of study / G. Shulga, L. Kolomiets // *Psychological journal*, 2017. – № 10 (6). – P.186–199. <http://www.apsijournal.com/index.php/psyjournal/article/view/179>
595. Signal, T. Whispering to Horses: Childhood Sexual Abuse, Depression and the Efficacy of Equine Facilitated Therapy / T. Signal (et al.) // *Sexual Abuse in Australia and New Zealand*, 2013. – № 5(1). – P. 24–32.
596. Signorella, M. L. Recall and reconstruction of gender-related pictures: Effects of attitude, task difficulty, and age / M. L. Signorella, L. S. Liben // *Child Development*, 1984. – № 55. – P. 393–405.
597. Signorielli, N. Television and conceptions about sex roles: Maintaining conventionality and the status quo / N. Signorielli // *Sex Roles*, 1989. – № 21. – P. 341–360.
598. Slater, A. Gender differences in adolescent sport participation, teasing, self-objectification and body image concerns / A. Slater, M. Tiggemann // *Journal of adolescence*, 34(3). 2011. – P. 455–463. DOI: 10.1016/j.adolescence.2010.06.007

599. Smith, J. Self-Consciousness. The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Edward N. Zalta (ed.), 2020. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/self-consciousness> (accessed 20.02.2022)
600. Sperry, R. W. Brain Bisection and Mechanisms of Consciousness. In: Brain and Conscious Experience. – Berlin; New York; Heidelberg, 1966. – P. 298–313.
601. Stern, D. The Interpersonal World of the Infant. – New York: Basic Books. 1985. – 304 p.
602. Stonequist, E. V. The Marginal Man / E. V. Stonequist. – N.Y.: Russell & Russell, 1961. – Ch. 7. – P. 159–174.
603. Sugarman J. Theorizing Relational Agency: Reactions to Comments / J. Sugarman, J. Martin // Journal of Constructivist Psychology. – 2011. – Vol. 24. – Issue 4. – P. 321–323.
604. Tajfel, H. Human groups and social categories. – Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1981. – 369 p.
605. Tononi, G. Consciousness as integrated information: a provisional manifesto / G. Tononi // The Biological Bulletin, 2008. – Vol. 215. № 3. – P. 216–242.
606. Trotter, K. S. Comparative study of the efficacy of group equine assisted counseling with at-risk children and adolescents / K. S. Trotter, C. K. Chandler, D. Goodwin-Bond, J.A. Casey // Journal of Creativity in Mental Health and Social Care in the Community, 2008. – № 3 (3). – P. 254–284.
607. Vealey, R. S. Seeing is believing: Understanding and using imagery in sport / R. S. Vealey, C. A. Greenleaf, Williams J. M. (Ed.), Applied Sport Psychology: Personal Growth to Peak Performance. New York: McGraw-Hill, 2006. – P. 306–348.
608. Vermeulen, T. Notes on metamodernism / T. Vermeulen, R. van den Akker // Journal of Aesthetics and Culture, 2010. – Vol. 2. – P. 1–14.
609. Willemsen, T. M. Gender typing of the successful manager – a stereotype reconsidered / T. M. Willemsen // Sex Roles, 2002. – Vol. 46. № 11–12. – P. 385–391.
610. Zizevskaja E. Gender schemas in perception of gender neutral images / E. Zizevskaja, M. Shchukina // Psychology in Russia: State of the Art, 2018. – № 11 (1), – P. 151-163. DOI: 10.11621/pir.2018.0112

Приложение 1. Опросник «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности»⁴

Опросник позволяет определять маскулинность и феминность личности, как независимые гендерные характеристики, гендерный тип личности (андрогинный, феминный, недифференцированный, а также самооценку мужественности и женственности (пункты 14 и 19 методики)).

Согласно исходной концепции данной методики, уровень маскулинности определяется по степени соответствия в самооценке личностных характеристик нормативным представлениям в данном обществе о типичных «мужских» качествах, уровень феминности – соответствие в самооценке личностных характеристик нормативным представлениям о типичных «женских» качествах. Маскулинность и феминность являются независимыми друг от друга параметрами, а их комбинация позволяет определить гендерный тип личности (андрогинный, маскулинный, феминный или недифференцированный). Оценивание своей личности без субъективной привязки к нормативным гендерным качествам характеризует «гендерно-нетипизированную личность»: андрогинного типа (если самооценка в целом высокая по большинству предложенных характеристик) и недифференцированного типа (если самооценка по большинству характеристик низкая). Гендерно-типизированное самосознание означает, что человек в самовосприятии ориентируется на гендерные стереотипы, реализуя объект-субъектный экопсихологический тип взаимодействия с гендерными семантическими составляющими социокультурной среды. Остальные варианты гендерных типов (андрогинный тип личности у мужчин и женщин, маскулинный тип у женщин, феминный тип у мужчин, недифференцированный гендерный тип) можно отнести к разным экопсихологическим типам субъект-субъектных взаимодействий, как

⁴ Подробнее концептуальная основа и описание представлены в статье: Лопухова О.Г. Опросник "Маскулинность, феминность и гендерный тип личности" (российский аналог Bem Sex Role Inventory) // Вопросы психологии, № 1, 2013. - С.147-154

потенциально продуктивных (субъект-совместных или субъект-порождающих), так и потенциально конфликтных или субъект-обособленных. Степень осознанности и принятия своей позиции личности по отношению к гендерным нормам определяется через соотношение выявленного уровня маскулинности и феминности личности с субъективной оценкой выраженности качеств «мужественность» и «женственность».

Как показали результаты проведенных ранее исследований, женщины, как правило, адекватно оценивают выраженность качеств мужественность и женственность соответственно показателям шкал «маскулинность» и «феминность», а мужчины адекватно оценивают только выраженность мужественности соответственно уровню своей маскулинности, в то время как при высоких показателях по шкале «феминность» проявление женственности, как качества личности, отрицается (Лопухова, 2001). Эта ситуация демонстрирует интериоризацию в индивидуальном сознании «андроцентризма» (С.Бем), – превалирования в общественном сознании значимости и ценности всего, что связано с «мужским» типом самореализации над «женским». Подверженность андроцентризму также может свидетельствовать о более низком уровне субъектности в отношениях «личность – социокультурная среда».

Инструкция: *«Ниже перечислены 27 качеств, которые характеризуют особенности поведения и личности человека. По шкале 1-5 опишите, пожалуйста, насколько каждое из этих качеств соответствует Вам. Поставьте: “1”, если это качество никогда у Вас не проявляется; “2”, если обычно это качество у Вас не проявляется; “3”, если это качество иногда, но редко проявляется у Вас; “4” — обычно проявляется; “5” — Вы всегда или почти всегда проявляете данное качество».*

Качества личности	Оценка в баллах от 1 до 5
1.Смелость	
2.Уступчивость	
3.Готовность помочь	
4.Сильная личность	

Качества личности	Оценка в баллах от 1 до 5
5.Застенчивость	
6.Добросовестность	
7.Напористость	
8.Склонность к проявлению чувств	
9.Надежность	
10.Способность руководить	
11.Нежность	
12.Правдивость	
13.Готовность рисковать	
14.Женственность	
15.Способность понять другого	
16.Доминирование	
17.Сострадательность	
18.Искренность	
19.Мужественность	
20.Мягкость в высказываниях	
21.Тактичность	
22.Склонность к лидерству	
23.Стремление утешить	
24.Порядочность	
25.Сила	
26.Дружелюбие	
27.Вежливость	

Обработка

Обработка результатов опросника состоит в подсчете по каждой диагностической шкале (маскулинности и феминности) (табл. 1) суммы баллов, приписанных себе испытуемым за каждое качество. Из этой суммы надо вычесть 27 (что соответствует сумме баллов, равных «3», т.е. «неопределенной, средней» оценке выраженности всех 9 качеств отдельной шкалы), в результате чего получаются «сырые баллы», с положительным или отрицательным знаком, которые показывают уровень маскулинности и уровень феминности личности.

Таблица 1 - Содержание диагностических шкал опросника «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности» (российского аналога BSRI)

Шкала маскулинности	Шкала феминности
1. смелость	2. уступчивость
4. сильная личность	5. застенчивость
7. напористость	8. склонность к проявлению чувств
10. способность руководить	11. нежность
13. готовность рисковать	14. женственность
16. доминирование	17. сострадательность
19. мужественность	20. мягкость в высказываниях
22. склонность к лидерству	23. стремление утешить
25. сила	26. дружелюбие

Сопоставление этих уровней (таблица 2) позволяет сделать заключение о гендерном типе личности. Окончательное заключение о гендерной недифференцированности выносится, если по буферной шкале, при подсчете баллов, аналогичном двум диагностическим шкалам, получается положительный результат.

Таблица 2 - Ключ определения гендерного типа личности

Результат по шкале феминности	Результат по шкале маскулинности	Гендерный тип личности
Ниже нуля	Выше нуля	Маскулинный
Выше нуля	Ниже нуля	Феминный
Выше нуля	Выше нуля	Андрогинный
Ниже нуля	Ниже нуля	Недифференцированный

Нормы выраженности характеристик «маскулинность» и «феминность»

Таблица 3 - Меры центральной тенденции и разброса показателей по шкалам маскулинности и феминности на мужской (n=100) и женской (n=100) выборках

Шкалы	Выборка	Статистические показатели				
		М	Мо	σ	Min	Max
Маскулинность	Женщины	4,2	0	4,9	-5	16
	Мужчины	6,6	9	4,7	-8	17
Феминность	Женщины	8,8	8	3,6	0	16
	Мужчины	2,8	3	4,3	-8	14

Приложение 2. Опросник «Жизненные приоритеты»

Основу данного перечня составила методика «Жизненные цели» (Мдивани, 1999), состоящая из 10 целей, пять из которых реализуют маскулинный тип жизненной стратегии, а пять – феминный, расширен нами за счет пяти фемининных и пяти маскулинных целей, которые в соответствии с опытом проведенных ранее этнопсихологических исследований (Лопухова, Гулова, 2001; Лопухова 2004, 2004а; 2005 и др.), значимы в современных представлениях при реализации мужской или женской роли.

Инструкция. *Что из предложенных целей и ценностей вам важнее всего в жизни? Оцените значимость каждого пункта в баллах по той же шкале (от 5 – «самое важное» до 1 – «не имеет значения»), но один и тот же балл можно присваивать только четырем пунктам*

Цели и ценности жизни	Оценка
Приобрести хорошую профессию	
Быть полезным (ой) близким	
Встретить любимого человека	
Стать профессионалом (мастером своего дела)	
Жениться / выйти замуж	
Нравиться окружающим (привлекать их внимание своей внешностью)	
Зарабатывать много денег	
Сохранять крепкую, дружную семью	
Дать детям хорошее воспитание и образование	
Иметь детей	
Иметь высокий социальный статус	
Хорошо (весело, интересно) проводить время с друзьями	
Обеспечивать материальное благополучие семьи	
Заботиться о родителях	
Чувствовать по отношению к себе любовь и заботу	
Иметь много свободного времени	
Психологически участвовать в жизни своих детей, проводить с ними много времени	
Быть полезным (ой) людям	
Быть независимым (ой)	
Приобрести известность	

Приложение 3. Методика «Устойчивость профессиональной направленности личности»

Методика включает вопросы закрытого и открытого типа, при этом респондент получает на руки регистрационный бланк и заполняет его, следуя инструкциям экспериментатора. Сначала предлагается произвести оценку того, насколько приобретаемая профессия (в конкретном профессиональном учебном заведении), позволит удовлетворить определенные потребности. Оценка устойчивости профессиональной направленности осуществляется путем моделирования, более или менее резкого изменения жизненной ситуации. Это достигается при помощи следующего задания: *«Представьте, что по окончании данного учебного заведения Вы начали работать по приобретенной Вами профессии. Вдруг, по независящим от Вас обстоятельствам, в Вашей жизни произошли резкие изменения (изменение в социальном укладе общества, очередной экономический кризис, переезд на другое место жительства и т.п.), в результате чего Вы не можете больше работать по данной специальности. Напишите, какую профессию в этом случае Вы бы выбрали?»*

После ответа на этот открытый вопрос респондент должен произвести повторную оценку того же перечня потребностей, но уже с позиций «вновь выбранной» (при моделировании ситуации изменения жизненного пути) профессии. В результате двукратного оценивания одного и того же списка потребностей, мы получаем две структуры оценок: для приобретаемой и для желаемой профессий. Предполагается, что различия в структурах этих оценок для каждой потребности позволят оценить устойчивость внутреннего содержания иерархической структуры мотивов профессиональной деятельности. Все ответы на вопросы методики испытуемые заносят в регистрационный бланк, пример которого приведен ниже.

Принцип обработки данных

Результаты, полученные при проведении данной методики, позволяют выявить устойчивость профессиональной направленности личности по двум

независимым параметрам: устойчивость направленности на объект профессионализации (вид профессиональной деятельности или профессиональную специальность) и устойчивость внутреннего содержания иерархической структуры мотивов профессиональной деятельности.

Устойчивость внутреннего содержания иерархической структуры мотивов профессиональной деятельности выявляется как степень отклонения повторно оцениваемых возможностей профессиональной деятельности в удовлетворении потребностей разного уровня от оценки возможностей приобретаемой профессии в удовлетворении тех же потребностей. Соответственно, чем больше данное отклонение, тем ниже устойчивость профессиональной направленности.

При статистической обработке данных и обобщении их по группам обследуемых студентов, степеням удовлетворения потребностей, представленным в методике, приписываются следующие числовые значения: «очень высокая» - 5, «высокая» - 4, «средняя» - 3, «низкая» - 2, «очень низкая» - 1.

Для оценки устойчивости отдельных мотивов профессиональной деятельности в группах учащихся, можно применять вычисление индекса устойчивости мотивов **I** по формуле:

$$I = \frac{\sum(a_{(ж)_i} - a_{(п)_i})}{N} ;$$

где $a_{(ж)_i}$ – балл, приписанный каждым испытуемым степени удовлетворения потребности i за счет желаемой специальности;

$a_{(п)_i}$ – балл, приписанный каждым испытуемым степени удовлетворения потребности i за счет реально приобретаемой специальности;

N – объем выборки.

При этом $-5 \leq I \leq 5$. Значение I при приближении к 0 говорит об устойчивости мотивов профессиональной деятельности, а при приближении к границам значений +5 или –5 указывает на их неустойчивость. Чем больше

значение I для данной потребности, тем более эта потребность ценна (в среднем) для данной группы респондентов. Вычисление индекса устойчивости мотивов профессиональной деятельности возможно и для каждого отдельного испытуемого, для чего достаточно вычислить разницу между баллами, приписанными желаемой и приобретаемой профессии.

Устойчивость профессиональной направленности на объект профессионализации (конкретную профессию или поле профессиональной деятельности) позволяет выявить качественный анализ ответов учащегося на вопрос «Какую профессию Вы бы выбрали в случае изменения жизненных обстоятельств?». Для этого особенности реально приобретаемой учащимся профессии в профессионально-учебном заведении и «вновь выбираемой» профессии сравниваются по параметрам соответствия типа профессии (например, по типологии Е.А. Климова) и соответствия общих требований к знаниям, умениям, навыкам «вновь выбираемой» профессии по сравнению со спецификой знаний, умений, навыков, приобретаемых в данном учебном заведении (соблюдение преемственности ЗУН).

При анализе ответов на вопросы «Кем Вы желаете работать после окончания учебы?» «Где Вы планируете работать после окончания учебы?» «Кем Вы хотите себя видеть на вершине своей карьеры?» выявляются характеристики целенаправленности профессионального самоопределения. Качественный анализ ответов на эти вопросы показывает, насколько девушка или юноша, обучающийся в конкретном профессиональном учебном заведении, далеко во времени планирует свой жизненный и профессиональный путь, а также то, насколько профессиональные и жизненные планы реальны, продуманны и в какой степени они соответствуют выбранному профилю учебно-профессионального заведения. По независимым параметрам – устойчивость/неустойчивость профессиональной направленности на *объект профессионализации* и устойчивость-неустойчивость внутреннего содержания иерархической *структуры мотивов профессиональной деятельности*, – можно условно выделить следующие

четыре типа проявлений устойчивости профессиональной направленности.

- потенциальная неустойчивость внутреннего содержания направленности — основных мотивов профессиональной деятельности и высокая устойчивость направленности личности на объект профессионализации (приобретаемую специальность). Ситуацию резкого изменения жизненного пути испытуемые, относящиеся к этой группе, воспринимают как блокирование возможностей профессиональной самоактуализации в целом. В иерархии мотивов ведущую роль начинают играть мотивы обеспечения своей социальной защищенности в профессиональной деятельности;
- неустойчивость по объекту профессиональной направленности и высокая устойчивость иерархической структуры мотивов профессиональной деятельности. Ситуация изменения жизненного пути воспринимается испытуемыми данной группы как потенциально благоприятная ситуация для профессиональной и личностной самоактуализации;
- неустойчивость направленности и по объекту профессионализации и по ее внутреннему содержанию — иерархии основных мотивов профессиональной деятельности. В изменении иерархической структуры мотивационной сферы особенно ярко прослеживается взаимное противоречие основных мотивов профессиональной деятельности.
- устойчивость профессиональной направленности как по объекту направленности, так и по иерархии основных мотивов профессиональной деятельности.

Регистрационный бланк

Оцените, в какой степени Ваша будущая профессия (которую Вы сейчас приобретаете) даст Вам возможность удовлетворить следующие потребности:

Потребность	в очень высокой	в высокой	в средней	в низкой	в очень низкой
Научиться делать свою работу так хорошо, как никто другой.					
Быть материально обеспеченным.					
Приносить пользу обществу.					
Стать самостоятельным, занимать хорошее положение.					
Иметь гарантированное спокойное будущее.					
Чувствовать себя частицей коллектива.					
Продвигаться по работе на руководящие должности.					
Пользоваться уважением, признанием среди коллег.					
Работать творчески, создавать новое.					
Постоянно повышать квалификацию, приобретать новые знания.					

Представьте, что по окончании данного учебного заведения Вы начали работать по приобретенной Вами профессии. Вдруг, по независящим от Вас обстоятельствам, в Вашей жизни произошли резкие изменения (изменение в социальном укладе общества, очередной экономический кризис, переезд на другое место жительства и т.п.), в результате чего Вы не можете больше работать по данной специальности. Напишите, какую профессию в этом случае Вы бы выбрали? (напишите на обороте)

Другая профессия: _____

Как Вы считаете, в какой степени эта профессия дает возможность для удовлетворения тех же потребностей?

Потребность	в очень высокой	в высокой	в средней	в низкой	в очень низкой
Научиться делать свою работу так хорошо, как никто другой.					
Быть материально обеспеченным.					
Приносить пользу обществу.					
Стать самостоятельным, занимать хорошее положение.					
Иметь гарантированное спокойное будущее.					
Чувствовать себя частицей коллектива.					
Продвигаться по работе на руководящие должности.					
Пользоваться уважением, признанием среди коллег.					
Работать творчески, создавать новое.					
Постоянно повышать квалификацию, приобретать новые знания.					

Кем Вы желаете работать после окончания учебы? _____

Кем Вы хотите видеть себя на вершине своей карьеры? _____

Где Вы планируете работать после окончания учебы?

Приложение 4. Опросник отношения к группам этнических признаков (эмоционального компонента этнической идентичности)

Опросник отношения к группам этнических признаков (эмоционального компонента этнической идентичности) является модификацией методики А.В. Сухарева «Выраженность эмоционального отношения к группам этнических признаков» (Сухарев, 1999). На основе проективного (аддитивного) опросника, был сконструирован формализованный бланковый опросник, позволяющий проводить групповые формы опроса. Модификация (при согласовании с автором) состояла в изменении проективного типа методики на анкетный полуоткрытый тип и объединении нескольких пунктов шкал в более крупные категории. В результате из проективного опросника, содержащего 21 пункт, получен формализованный бланковый опросник, содержащий 8 пунктов (два из которых выявляют эмоциональное отношение к группе ландшафтно-климатических признаков, четыре – к группе антропоморфологических (биологических) признаков, два – к группе социокультурных признаков) позволяющий проводить групповые формы опроса и получать данные в интервальных шкалах. Максимальное количество сырых баллов (40 баллов), показывает полную согласованность эмоционального отношения к группам этнических признаков. Более низкие значения набранных респондентом сырых баллов (менее 24) говорят о рассогласовании в психике субъекта отношения к группам этнических признаков, и соответственно, нарушении этнической идентификации на эмоциональном уровне.

Бланк опросника

Инструкция: Отметьте в таблице, к какой национальности (народу) Вы себя относите и опишите свое отношение к составляющим этой принадлежности по следующим утверждениям по шкале: Да, полностью согласен – 5 баллов / Скорее всего, это так – 4 балла / Отчасти согласен – 3 балла / Не знаю, не задумывался(лась) об этом – 2 балла / Нет, мне больше нравится...(напишите, что именно) – 1 балл

Я отношу себя к _____ народу, и ...

- 1) ...мне нравится **климат, в котором мы живем**. В каждом времени года мне нравятся его особенности, своеобразная красота и радость.
- 2) **...природа и ландшафт** моей родины мне кажутся очень красивыми. Я люблю виды и уголки природы моего края.
- 3) **... блюда национальной кухни** моего народа мне очень нравятся. На праздниках я предпочитаю есть блюда своей национальной кухни.
- 4) **... моя внешность (лицо, фигура)** имеют национальное своеобразие, и мне это нравится.
- 5) ... про некоторые **особенности моего характера** можно сказать, что они «национальные», и я не стремлюсь от них избавиться.
- 6) ...мне не нравится **внешность людей других национальностей** (рас), если она очень сильно отличается от типичной внешности людей моего народа.
- 7) ... я интересуюсь **национальными традициями и верованиями моего народа**, и, по - возможности, стараюсь их соблюдать.
- 8) ... мне очень нравится, когда на праздниках, гуляниях и во время застолий звучат **песни, музыка и танцы моего народа**.

Приложение 5. Опросник «Субъектификация лошади в самосознании»

Опросник «Субъектификация лошади в самосознании» разработана на основе опросника «Субъектификации природных объектов», С.Д. Дерябо и В.А. Ясвина (Дерябо С., 1999, с. 263–284). Структура методики и количество пунктов сохранены. В основе опросника лежит представление, что любой природный объект может открыться личности как субъект, если он осуществит три специфически субъектные функции:

- 1) обеспечит переживания личности ее динамики на основе установления параллелизма характеристик природного объекта со своими собственными (перцептивно-эмоциональный, когнитивный, практический каналы);
- 2) выступит в качестве фактора, опосредствующего построение личностью ее отношений к миру (эмоциональная, когнитивная практическая сферы);
- 3) откроется в качестве субъекта (партнера) совместной деятельности и общения.

Соответственно, данный опросник состоит из трех шкал, измеряющих:

- способность человека испытывать параллелизм переживаний с лошадью («Эффект параллелизма»);
- способность видеть в лошади референтное лицо, выступающее средством самооценки и саморегуляции эмоциональной сферы, познавательной сферы и практической — мотивов взаимодействия («Референтность»);
- открытие для себя лошади в качестве субъекта совместной деятельности и общения по трем позициям: (1) открывается ли лошадь личности как субъект своей собственной «деятельности», 2) открывается ли лошадь личности как субъект совместной с деятельностью, как полноправный партнер деятельности, 3) возникает ли новый субъект деятельности — группа (личность плюс лошадь), у которой есть «общая» система ценностей, «единство» мотивации и т.д. (в кавычках, так как субъектность, в действительности, приписывается лошади самой личностью).

Бланк опросника

Инструкция: Ниже приведены 18 парных противоположных утверждений (А и Б), касающихся возможного отношения человека к лошади. Оцените, к какому варианту ближе ваша позиция: 0 – уверенно А; 1 – скорее А, чем Б, 2 – затрудняюсь сказать, к чему ближе, 3 – скорее Б, чем А; 4 – уверенно Б.

1	А. Глядя на лошадей, я могу чувствовать себя умным или глупым, сильным или слабым, добрым или злым и т.д.	0	1	2	3	4	Б. Они не способны вызывать у меня подобных ощущений.
2	А. Я думаю, мне может стать легче на душе, если я поделюсь с лошадью своими личными проблемами.	0	1	2	3	4	Б. Это бессмысленно, лошадь ведь не может посочувствовать, оказать поддержку.
3	А. Меня беспокоит, насколько правильно обеспечиваются лошади условия по возможности заниматься тем, чем ей хочется.	0	1	2	3	4	Б. Вряд ли, ведь по-настоящему беспокоиться о лошади нужно тогда, когда ей что-то угрожает (заболела, может получить травму и т.д.).
4	А. Я могу испытывать к лошадям жалость, совсем как к людям.	0	1	2	3	4	Б. Возможно, мне и было бы их жалко, если бы лошадь действительно могла по-настоящему страдать.
5	А. Мне кажется, что, когда вокруг никого меня не понимает, рядом с лошадью можно перестать чувствовать себя одиноким.	0	1	2	3	4	Б. Мое ощущение одиночества навряд ли может исчезнуть от присутствия лошади.
6	А. Я убежден, что у лошади есть свои собственные интересы, цели и т.д.	0	1	2	3	4	Б. Скорее всего у лошади такого быть не может.
7	А. Узнавая о том, как лошади умны и преданны людям, я могу порой даже испытывать недовольство самим собой.	0	1	2	3	4	Б. Такого, наверное, происходить все-таки не может.
8	А. Благодаря лошади может измениться мое отношение к вещам, животным и даже людям.	0	1	2	3	4	Б. Мое отношение к чему-либо от лошади никак не может зависеть.
9	А. Я чувствую, что лошадь может быть хорошим товарищем, партнером в некоторых моих делах.	0	1	2	3	4	Б. Лошадь может быть в этих делах только помощником, выполнять мои указания.

10	А. Чем больше я узнаю о лошадях, тем больше замечаю, как они похожи на человека.	0	1	2	3	4	Б. Каждая новая информация убеждает меня в том, что даже нечего сравнивать: человек неизмеримо выше.
11	А. Мне кажется совершенно естественным испытывать желание в чем-то с лошадью посоветоваться.	0	1	2	3	4	Б. Нет, это просто бессмысленно.
12	А. Я готов делать все от меня зависящее, чтобы создать лошади полноценную, интересную жизнь, возможность испытать удовольствие.	0	1	2	3	4	Б. Это ни к чему, главное, чтобы у лошади было все необходимое для нормального существования.
13	А. Ее реакция на какие-то мои поступки может вызвать у меня неловкость, раскаяние.	0	1	2	3	4	Б. Конечно, нет, ведь нам может быть стыдно лишь перед другими людьми.
14	А. Лошадь может заставить меня захотеть в чем-то преодолевать себя.	0	1	2	3	4	Б. Лошадь не способна влиять на меня таким образом.
15	А. Проблемы, трудности, успехи лошади я могу ощущать, как наши общие.	0	1	2	3	4	Б. Проблемы лошади, на самом деле, несравнимы с моими.
16	А. Я думаю, что лошадь может обижаться на мои поступки, если они задевают ее достоинство.	0	1	2	3	4	Б. Лошади недоступны такие человеческие чувства.
17	А. Мои действия и поступки могут изменяться под влиянием лошади.	0	1	2	3	4	Б. В этом плане для меня лошадь не может играть какой-либо роли.
18	А. Мне кажется, что и для меня, и для лошади наше общение — одна из главных радостей.	0	1	2	3	4	Б. Я не думаю, что мы можем настолько понимать друг друга.

Ключ

Шкалы	Номера пунктов						Обработка: сумма по шкале X
«Эффект параллелизма»	1	4	7	10	13	16	Балл = 24 – X ₁
«Референтность»	2	5	8	11	14	17	Балл = 24 – X ₂
«Субъект совместной деятельности»	3	6	9	12	15	18	Балл = 24 – X ₃

Приложение 6. Семантическая репрезентация гендерных образов в самосознании при разной этнической самоидентификации

Таблица 1 - Матрица показателей семантической близости гендерных образов в самосознании девушек с этнической гиподентичностью
(Прим: татарки (n=28) / русские (n=31), одинаковые показатели приведены одним значением)

Образы гендерных ролевых моделей	1. Образ Я	2. Образ СМ	3. Образ СЖ	4. Образ отца	5. Образ матери	6. Образ ТМ	7. Образ ТЖ	8. Образ РМ	9. Образ РЖ	10. Образ АМ	11. Образ АЖ	12. Образ МЧ
2. Образ «Современный мужчина» (СМ)	-0											
3. Образ «Современная женщина» (СЖ)	0,4 / 0,6	0,5 / 0,3										
4. Образ отца	0,3 / 0,1	0,8 / 0,7	0,3 / 0,1									
5. Образ матери	0,8 / 0,7	0,1 / 0,2	0,5 / 0,8	0,4								
6. Образ Традиционный татарский мужчина» (ТМ)	0,1 / -0	0,9 / 0,2	0,3 / 0,2	0,9 / 0,8	0,3							
7. Образ «Традиционная татарская женщина» (ТЖ)	0,7 / 0,4	-0,2 / -0,3	0,4 / 0,3	0,1 / 0	0,8 / 0,6	-0						
8. Образ «Традиционный русский мужчина» (РМ)	0,1 / -0	0,9 / 0,2	0,4 / 0,2	0,9 / 0,3	0,2 / 0,3	0,9	-0,1					
9. Образ «Традиционная русская женщина» (РЖ)	0,7 / 0,5	0,2 / 0	0,8 / 0,5	0,3 / 0,3	0,7 / 0,8	0,2	0,8	0,3 / 0,2				
10. Образ «Типичный американский мужчина» (АМ)	-0	0,9	0,4 / 0,3	0,7	0,1 / 0,2	0,8 / 0,9	-0,2	0,9 / 0,8	0,2 / 0			
11. Образ «Типичная американская женщина» (АЖ)	0,3 / 0,2	0,6 / 0,7	0,8 / 0,7	0,4	0,5 / 0,5	0,5 / 0,7	0,3 / 0	0,5 / 0,6	0,7 / 0,3	0,7 / 0,8		
12. Образ «Мужественный человек» (МЧ)	0,2 / 0	0,9	0,4 / 0,4	0,9	0,3 / 0,4	0,9	-0,1	0,9	0,3 / 0,2	0,9	0,6 / 0,7	
13. Образ «Женственный человек»	0,7	-0,3 / -0,4	0,4 / 0,5	-0,1	0,7 / 0,6	-0	0,8 / 0,7	-0,2 / -0,3	0,7 / 0,6	-0	0,2 / 0	-0,2

Таблица 2 - Матрица показателей семантической близости гендерных образов в самосознании юношей с этнической гиподентичностью
(Прим: татары (n=12) / русские (n=12), одинаковые показатели приведены одним значением)

Образы гендерных ролевых моделей	1. Образ Я	2. Образ СМ	3. Образ СЖ	4. Образ отца	5. Образ матери	6. Образ ТМ	7. Образ ТЖ	8. Образ РМ	9. Образ РЖ	10. Образ АМ	11. Образ АЖ	12. Образ М
2. Образ «Современный мужчина» (СМ)	0,9 / 0,6											
3. Образ «Современная женщина» (СЖ)	-0,2 / 0											
4. Образ отца	0,9 / 0,8	-0,2 / 0,8										
5. Образ матери	0,2 / 0,3	0 / 0,3	0 / 0,7	0 / 0,3								
6. Образ Традиционный татарский мужчина» (ТМ)	0,8 / 0,6	0,9 / 0,7	-0,2 / -0	0,9 / 0,8	0,2							
7. Образ «Традиционная татарская женщина» (ТЖ)	-0,4 / 0	0,7 / -0,1	-0,2 / 0,6	0,8	-0							
8. Образ «Традиционный русский мужчина» (РМ)	0,9 / 0,8	-0,2 / 0,7	0,9 / 0,1	-0 / 0,8	0,8 / 0,2	-0,3 / 0,6						
9. Образ «Традиционная русская женщина» (РЖ)	-0 / 0,2	-0,3 / 0	0,8 / 0,7	-0,3 / 0,1	0,7 / 0,8	0,8 / -0	-0,3 / 0,7					
10. Образ «Типичный американский мужчина» (АМ)	0,5 / 0,1	0,6 / 0,8	-0,2 / 0,2	0,7 / 0,6	0 / 0,3	0,6 / 0,7	-0,2 / -0,1	0,5 / 0,6	-0,3 / 0			
11. Образ «Типичная американская женщина» (АЖ)	-0 / 0,3	-0,2 / 0,3	0,4 / 0,6	-0,2 / 0,2	0,4 / 0,7	-0 / 0,3	0,3 / 0,6	-0,2 / 0,1	0,3 / 0,6	0,3 / 0,5		
12. Образ «Мужественный человек» (МЧ)	0,8 / 0,7	-0,3 / 0,9	0 / 0,1	0,1 / 0,8	0,9 / 0,4	-0,3 / 0,8	0,8 / 0	-0,4 / 0,7	0,6 / 0,2	-0,1 / 0,8	0,4	
13. Образ «Женственный человек»	-0 / 0,1	-0,3 / -0,1	0,8 / 0,6	-0,2 / -0	0,8 / 0,7	0,9 / -0	-0,3 / 0,7	0,8 / -0,1	0,8 / 0,6	0,4 / -0	-0,3 / 0,6	-0

Таблица 3 - Матрица семантической близости гендерных образов
в самосознании девушек с позитивной этнической идентичностью
(Прим: татарки (n=38) / русские (n=32), одинаковые показатели приведены
одним значением)

Образы гендерных ролевых моделей	1. Образ Я	2. Образ СМ	3. Образ СЖ	4. Образ отца	5. Образ матери	6. Образ ТМ	7. Образ ТЖ	8. Образ РМ	9. Образ РЖ	10. Образ АМ	11. Образ АЖ	12. Образ М
2. Образ «Современный мужчина» (СМ)	-0											
3. Образ «Современная женщина» (СЖ)	0,6 / 0,5	0,3 / 0,5										
4. Образ отца	0 / 0,2	0,9 / 0,8	0,2 / 0,4									
5. Образ матери	0,7 / 0,8	0,2 / 0,1	0,8 / 0,6	0,3 / 0,4								
6. Образ Традиционный татарский мужчина» (ТМ)	-0	0,9	0,2 / 0,4	1 / 0,8	0,3 / 0,2							
7. Образ «Традиционная татарская женщина» (ТЖ)	0,7 / 0,6	-0	0,6 / 0,4	-0,1 / 0,1	0,8 / 0,7	-0,1 / 0						
8. Образ «Традиционный русский мужчина» (РМ)	0	0,9	0,2 / 0,5	0,9	0,2	0,9	-0,3 / -0,1					
9. Образ «Традиционная русская женщина» (РЖ)	0,7	-0	0,7 / 0,5	-0,1 / 0,2	0,8 / 0,9	-0,1 / 0	0,8	-0 / 0,1				
10. Образ «Типичный американский мужчина» (АМ)	-0	0,9	0,3 / 0,5	0,8 / 0,7	0,1	0,9	-0,4 / -0,2	0,8	-0,2 / -0,1			
11. Образ «Типичная американская женщина» (АЖ)	0 / 0,3	0,6	0,7 / 0,9	0,4	0,4 / 0,5	0,5 / 0,6	0 / 0,2	0,4 / 0,5	0,3	0,7		
12. Образ «Мужественный человек» (МЧ)	-0 / 0,1	0,9	0,2 / 0,4	0,9	0,2	0,9	-0,3 / -0,1	0,9	-0,1 / 0	0,9	0,6	
13. Образ «Женственный человек»	0,8	-0	0,7 / 0,4	-0,2 / 0	0,7 / 0,8	-0,3 / -0,2	0,8 / 0,7	-0	0,8	-0	0,2 / 0,3	-0,3 / -0,1

Таблица 4 - Матрица показателей семантической близости гендерных образов в самосознании юношей с позитивной этнической идентичностью (Прим: татары (n=31) / русские (n=22), одинаковые показатели приведены одним значением)

Образы гендерных ролевых моделей	1. Образ Я	2. Образ СМ	3. Образ СЖ	4. Образ отца	5. Образ матери	6. Образ ТМ	7. Образ ТЖ	8. Образ РМ	9. Образ РЖ	10. Образ АМ	11. Образ АЖ	12. Образ М
2. Образ «Современный мужчина» (СМ)	0,8											
3. Образ «Современная женщина» (СЖ)	0,1 / 0,3	0,2										
4. Образ отца	0,9	0,9	0,1 / 0,3									
5. Образ матери	0,4 / 0,5	0,3 / 0,4	0,7 / 0,8	0,4 / 0,5								
6. Образ Традиционный татарский мужчина» (ТМ)	0,8	0,8 / 0,9	0,2	0,9	0,4							
7. Образ «Традиционная татарская женщина» (ТЖ)	0,3 / 0	0,1	0,6	0,3 / 0,1	0,7 / 0,6	0,3 / 0,2						
8. Образ «Традиционный русский мужчина» (РМ)	0,8	0,8 / 0,9	0 / 0,2	0,8 / 0,9	0,2 / 0,4	0,8 / 0,9	-0,1 / 0,1					
9. Образ «Традиционная русская женщина» (РЖ)	0,4 / 0,3	0,4 / 0,3		0,3 / 0,4			0,4 / 0,7	0,5 / 0,4				
10. Образ «Типичный американский мужчина» (АМ)	0,5	0,7	0,2	0,6 / 0,7	0,1 / 0,3	0,6 / 0,7	-0 / 0,2	0,6 / 0,7	0,3 / 0,4			
11. Образ «Типичная американская женщина» (АЖ)	0,2 / 0,1	0,4 / 0,3	0,6 / 0,4				0,3 / 0,5		0,5 / 0,4	0,6		
12. Образ «Мужественный человек» (МЧ)	0,7 / 0,8		0 / 0,2	0,8 / 0,9	0,3 / 0,5	0,8 / 0,9	-0 / 0,2		0,3 / 0,4	0,6 / 0,7	0,3 / 0,4	
13. Образ «Женственный человек»	0,1	0 / -0	0,6 / 0,7						0,5 / 0,7		0,4 / 0,3	-0 / 0,1

Таблица 5 - Матрица семантической близости гендерных образов
в самосознании девушек с типом с этнической гиперидентичностью
(Прим: татарки (n=8) / русские (n=8), одинаковые показатели приведены
одним значением)

Образы гендерных ролевых моделей	1. Образ Я	2. Образ СМ	3. Образ СЖ	4. Образ отца	5. Образ матери	6. Образ ТМ	7. Образ ТЖ	8. Образ РМ	9. Образ РЖ	10. Образ АМ	11. Образ АЖ	12. Образ М
2. Образ «Современный мужчина» (СМ)	-0,1 / 0,03											
3. Образ «Современная женщина» (СЖ)	0,3 / 0,5	0,6 / 0,4										
4. Образ отца	-0 / 0,3	0,8 / 0,6	0,4 / 0,2									
5. Образ матери	0,5 / 0,8	0,4 / 0,2										
6. Образ Традиционный татарский мужчина» (ТМ)	0,02 / 0		0,5 / 0,2	0,9 / 0,5	0,6 / 0,1							
7. Образ «Традиционная татарская женщина» (ТЖ)	0,6 / 0,5	0,1 / -0,4	0,5 / 0,2	0,3 / -0	0,8 / 0,6	0,4 / -0,3						
8. Образ «Традиционный русский мужчина» (РМ)	-0,1 / 0,2	0,9 / 0,7	0,5 / 0,2		0,4 / 0,2		0,2 / -0,2					
9. Образ «Традиционная русская женщина» (РЖ)	0,3 / 0,6	0,4 / -0,4	0,8 / 0,3	0,4 / 0,1	0,8 / 0,6	0,6 / -0,3	0,7 / 0,9	0,6 / 0,2				
10. Образ «Типичный американский мужчина» (АМ)	-0,2 / -0,1	0,9 / 0,7	0,7 / 0,4	0,7 / 0,5	0,4 / 0,1	0,8 / 0,7	0,1 / -0,4	0,8 / 0,6	0,5 / -0,4			
11. Образ «Типичная американская женщина» (АЖ)		0,5 / 0,2	0,8 / 0,7	0,4 / 0,1	0,8 / 0,3	0,5 / 0,4	0,4 / -0,1	0,5 / 0,3	0,8 / -0,1			
12. Образ «Мужественный человек» (МЧ)	-0,1 / 0,1	0,9 / 0,8	0,5 / 0,2		0,4 / 0,2		0,2 / -0,4	0,7 / 0,8	0,4 / -0,3	0,9 / 0,7	0,6 / 0,3	
13. Образ «Женственный человек»	0,6 / 0,5	0,1 / -0,2	0,6 / 0,5	0,1 / -0,1	0,8 / 0,6	0,3 / -0,4	0,8 / 0,5	0,1 / -0,4	0,7 / 0,5	0,1 / -0,2	0,5 / 0,1	0,1 / -0,3

Таблица 6 - Матрица показателей семантической близости гендерных образов в самосознании юношей с типом «гиперидентичность»
(Прим: татары (n=7) / русские (n=10), одинаковые показатели приведены одним значением)

Образы гендерных ролевых моделей	1. Образ Я	2. Образ СМ	3. Образ СЖ	4. Образ отца	5. Образ матери	6. Образ ТМ	7. Образ ТЖ	8. Образ РМ	9. Образ РЖ	10. Образ АМ	11. Образ АЖ	12. Образ М
2. Образ «Современный мужчина» (СМ)	0,1 / 0,8											
3. Образ «Современная женщина» (СЖ)	0,1 / 0	0,2 / -0,1										
4. Образ отца	0,3 / 0,6	0,6 / 0,7	0 / -0,1									
5. Образ матери	0,3 / -0,1	-0,4 / -0,1	0,2 / 0,3	-0 / 0,2								
6. Образ Традиционный татарский мужчина» (ТМ)	0,3	0,6 / 0,4	0,01 / -0	0,8 / 0,5	-0,1 / -0							
7. Образ «Традиционная татарская женщина» (ТЖ)	0,1 / 0	-0,6 / 0,1	0,3 / 0,2	-0,2 / 0,2	0,7 / 0,2	-0,2 / 0,5						
8. Образ «Традиционный русский мужчина» (РМ)	0 / 0,6	0,6 / 0,8	-0,1 / -0,2	0,6 / 0,5		0,7 / 0,2	-0,2 / -0,1					
9. Образ «Традиционная русская женщина» (РЖ)	-0 / 0,3	-0,6 / 0,2		-0,3 / 0,4	0,6 / 0,3	-0,3 / 0,3	0,9 / 0,3	-0,2 / 0,2				
10. Образ «Типичный американский мужчина» (АМ)	0,05 / 0,4	0,7 / 0,5	0,13 / -0,3	0,6 / 0,5			-0,5 / 0,1	0,4 / 0,5	-0,5 / 0,4			
11. Образ «Типичная американская женщина» (АЖ)	0,02 / -0,1	0,2 / 0,1		0,2 / 0,01	0,2 / -0	0,1 / 0,0	0,1 / 0,2	-0 / 0,2	0,2 / 0,5	0,5 / 0,2		
12. Образ «Мужественный человек» (МЧ)	0,07 / 0,7		-0 / -0,1		-0,3 / 0,1	0,7 / 0,4	-0,5 / 0,3		-0,5 / 0,4	0,6 / 0,5	0,2 / -0	
13. Образ «Женственный человек»	0,07 / -0,2	-0,7 / 0,0	0,2 / 0,1	-0,4 / 0,1	0,6 / 0,3	-0,4 / -0	0,7 / 0,1	-0,5 / 0,1	0,7 / 0,4	-0,5 / -0,1	0,1 / 0,4	-0,6 / -0,1

Приложение 7. Показатели семантической близости образов, задающих категории «Мужское – Женское», «Свое (Близкое) – Чужое (Далекое)», «Традиционное – Современное» в самосознании

Таблица 1 - Показатели семантической близости образов в самосознании обобщенные по выборке женщин русской национальности

Оценка по личностным качествам		Я	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
2	Типичный современный мужчина	0,2											
3	Типичная современная женщина	0,6	0,4										
4	Мой отец	0,2	0,7	0,3									
5	Моя мать	0,8	0,2	0,8	0,4								
6	Традиционный татарский мужчина	-0	0,8	0,4	0,7	0,3							
7	Традиционная татарская женщина	0,3	-0,4	0,3	-0	0,6	-0,1						
8	Традиционный русский мужчина	0,1	0,8	0,3	0,8	0,3	0,8	-0,1					
9	Традиционная русская женщина	0,6	0,2	0,8	0,2	0,8	0,2	0,6	0,4				
10	Типичный американец	-0,1	0,8	0,3	0,6	0,1	0,9	-0,4	0,7	0			
11	Типичная американка	0,2	0,7	0,6	0,4	0,4	0,7	-0,2	0,5	0,3	0,9		
12	Очень мужественный человек	0,2	0,9	0,3	0,9	0,3	0,8	-0,2	0,9	0,2	0,8	0,6	
13	Очень женственный человек	0,7	-0,1	0,6	0	0,8	-0,2	0,5	-0,1	0,7	-0,3	0,1	-0,1
Оценка по типу поведения		Я	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
2	Типичный современный мужчина	0,6											
3	Типичная современная женщина	0,8	0,8										
4	Мой отец	0,7	0,8	0,7									
5	Моя мать	0,8	0,6	0,7	0,8								
6	Традиционный татарский мужчина	0,2	0,6	0,4	0,5	0,5							
7	Традиционная татарская женщина	-0,1	0,2	-0,1	0,2	0,4	0,7						
8	Традиционный русский мужчина	0,8	0,8	0,9	0,8	0,6	0,3	-0,2					
9	Традиционная русская женщина	0,8	0,7	0,9	0,7	0,7	0,3	-0,1	0,9				
10	Типичный американец	0,7	0,9	0,9	0,5	0,6	0,3	0,2	0,8	0,6			
11	Типичная американка	0,6	0,9	0,9	0,6	0,6	0,6	0,3	0,8	0,7	0,9		
12	Очень мужественный человек	0,7	0,9	0,9	0,8	0,7	0,3	0,3	0,7	0,8	0,8	0,8	
13	Очень женственный человек	0,8	0,7	0,6	0,9	0,9	0,3	0,1	0,8	0,8	0,5	0,5	0,6
Оценка по жизненным приоритетам		Я	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
2	Типичный современный мужчина	0,5											
3	Типичная современная женщина	0,8	0,6										
4	Мой отец	0,6	0,6	0,4									
5	Моя мать	0,7	0,3	0,4	0,8								
6	Традиционный татарский мужчина	0,6	0,8	0,7	0,6	0,4							
7	Традиционная татарская женщина	0,6	0,1	0,5	0,4	0,6	0,5						
8	Традиционный русский мужчина	0,5	0,8	0,6	0,6	0,4	0,9	0,4					
9	Традиционная русская женщина	0,8	0,3	0,7	0,5	0,6	0,6	0,9	0,5				
10	Типичный американец	0,1	0,8	0,4	0,4	0,1	0,6	-0,1	0,6	-0			
11	Типичная американка	0,4	0,8	0,6	0,3	0,2	0,7	0,1	0,7	0,2	0,9		
12	Очень мужественный человек	0,5	0,8	0,5	0,6	0,5	0,7	0,3	0,8	0,4	0,7	0,8	
13	Очень женственный человек	0,8	0,1	0,7	0,3	0,5	0,4	0,8	0,3	0,9	-0,1	0,1	0,2

**Таблица 2 - Показатели семантической близости образов в самосознании
обобщенные по выборке женщин, татаркой национальности**

	Оценка по личностным качествам	Я	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
2	Типичный современный мужчина	-0,1											
3	Типичная современная женщина	0,5	0,4										
4	Мой отец	-0	0,8	0,2									
5	Моя мать	0,7	0,2	0,8	0,3								
6	Традиционный татарский мужчина	-0,1	0,9	0,4	0,9	0,3							
7	Традиционная татарская женщина	0,7	-0,2	0,6	0,0	0,8	-0						
8	Традиционный русский мужчина	-0,1	0,9	0,2	0,9	0,2	0,9	-0,2					
9	Традиционная русская женщина	0,7	-0,1	0,7	0,0	0,8	0,0	0,8	-0				
10	Типичный американец	-0,3	0,9	0,4	0,7	0,1	0,8	-0,3	0,8	-0,2			
11	Типичная американка	-0	0,7	0,8	0,4	0,4	0,6	0,1	0,5	0,2	0,7		
12	Очень мужественный человек	-0,2	0,9	0,3	0,8	0,2	0,9	-0,2	0,9	-0,1	0,9	0,6	
13	Очень женственный человек	0,7	-0,1	0,7	-0,1	0,8	-0,1	0,7	-0,1	0,74	-0,2	0,4	-0,1
	Оценка по стилю поведения	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
2	Типичный современный мужчина	0,6											
3	Типичная современная женщина	0,7	0,9										
4	Мой отец	0,5	0,9	0,8									
5	Моя мать	0,8	0,8	0,9	0,6								
6	Традиционный татарский мужчина	0,7	0,9	0,9	0,8	0,9							
7	Традиционная татарская женщина	0,8	0,7	0,8	0,5	0,9	0,8						
8	Традиционный русский мужчина	0,8	0,7	0,9	0,8	0,9	0,9	0,9					
9	Традиционная русская женщина	0,6	0,5	0,6	0,3	0,7	0,7	0,8	0,7				
10	Типичный американец	0,6	0,9	0,9	0,7	0,8	0,7	0,7	0,8	0,7			
11	Типичная американка	0,2	0,7	0,7	0,5	0,5	0,8	0,4	0,6	0,6	0,8		
12	Очень мужественный человек	0,5	0,9	0,9	0,8	0,8	0,7	0,7	0,9	0,6	0,8	0,8	
13	Очень женственный человек	0,8	0,8	0,9	0,7	0,9	0,9	0,9	0,9	0,8	0,8	0,8	0,9
	Оценка по жизненным приоритетам	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
2	Типичный современный мужчина	0,7											
3	Типичная современная женщина	0,8	0,7										
4	Мой отец	0,7	0,6	0,6									
5	Моя мать	0,8	0,3	0,5	0,8								
6	Традиционный татарский мужчина	0,9	0,6	0,7	0,8	0,8							
7	Традиционная татарская женщина	0,8	0,2	0,5	0,6	0,9	0,83						
8	Традиционный русский мужчина	0,9	0,7	0,8	0,8	0,8	0,94	0,8					
9	Традиционная русская женщина	0,8	0,3	0,7	0,6	0,8	0,81	0,9	0,8				
10	Типичный американец	0,6	0,9	0,7	0,5	0,3	0,6	0,2	0,7	0,3			
11	Типичная американка	0,7	0,9	0,9	0,5	0,3	0,6	0,4	0,8	0,5	0,9		
12	Очень мужественный человек	0,7	0,8	0,6	0,7	0,6	0,8	0,6	0,9	0,6	0,8	0,7	
13	Очень женственный человек	0,8	0,2	0,6	0,5	0,8	0,7	0,9	0,7	0,9	0,2	0,4	0,5

**Таблица 3 - Показатели семантической близости образов в самосознании
обобщенные по выборке женщин, марийской национальности**

Оценка по личностным качествам		Я	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
2	Типичный современный мужчина	0,2											
3	Типичная современная женщина	0,6	0,5										
4	Мой отец	0,2	0,9	0,3									
5	Моя мать	0,7	0,3	0,6	0,4								
6	Традиционный марийский мужчина	0,3	0,9	0,4	0,9	0,4							
7	Традиционная марийская женщина	0,7	0,1	0,6	0,2	0,8	0,3						
8	Традиционный русский мужчина	0,1	0,9	0,5	0,8	0,3	0,8	0,1					
9	Традиционная русская женщина	0,7	0,1	0,7	0	0,7	0,1	0,8	0,1				
10	Типичный американец	0,1	0,9	0,5	0,7	0,2	0,7	-0	0,8	0,1			
11	Типичная американка	0,5	0,3	0,7	0,2	0,6	0,2	0,5	0,3	0,7	0,4		
12	Очень мужественный человек	0,2	0,9	0,5	0,9	0,4	0,9	0,2	0,9	0,1	0,9	0,3	
13	Очень женственный человек	0,8	0,2	0,8	0,2	0,8	0,2	0,8	0,2	0,9	0,1	0,7	0,2
Оценка по типу поведения		Я	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
2	Типичный современный мужчина	0,8											
3	Типичная современная женщина	0,8	0,8										
4	Мой отец	0,7	0,7	0,6									
5	Моя мать	0,8	0,6	0,6	0,5								
6	Традиционный марийский мужчина	0,6	0,5	0,4	0,8	0,6							
7	Традиционная марийская женщина	0,5	0,5	0,6	0,6	0,6	0,4						
8	Традиционный русский мужчина	0,5	0,7	0,8	0,7	0,6	0,6	0,7					
9	Традиционная русская женщина	0,6	0,5	0,7	0,3	0,7	0,3	0,7	0,6				
10	Типичный американец	0,8	0,7	0,9	0,7	0,5	0,3	0,7	0,8	0,7			
11	Типичная американка	0,7	0,6	0,8	0,5	0,6	0,4	0,7	0,7	0,8	0,8		
12	Очень мужественный человек	0,8	0,7	0,9	0,7	0,7	0,6	0,6	0,7	0,6	0,8	0,8	
13	Очень женственный человек	0,7	0,7	0,9	0,6	0,7	0,4	0,7	0,8	0,8	0,8	0,8	0,9
Оценка по жизненным приоритетам		Я	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
2	Типичный современный мужчина	0,3											
3	Типичная современная женщина	0,6	0,5										
4	Мой отец	0,7	0,2	0,2									
5	Моя мать	0,7	0,1	0,3	0,9								
6	Традиционный марийский мужчина	0,7	0,4	0,4	0,8	0,7							
7	Традиционная марийская женщина	0,7	-0,1	0,5	0,7	0,8	0,6						
8	Традиционный русский мужчина	0,8	0,6	0,6	0,7	0,6	0,9	0,6					
9	Традиционная русская женщина	0,6	-0,1	0,8	0,4	0,6	0,4	0,9	0,5				
10	Типичный американец	0,5	0,9	0,7	0,3	0,2	0,5	0,1	0,7	0,2			
11	Типичная американка	0,5	0,6	0,9	0,2	0,3	0,4	0,4	0,6	0,6	0,8		
12	Очень мужественный человек	0,6	0,7	0,6	0,6	0,5	0,8	0,4	0,9	0,4	0,8	0,6	
13	Очень женственный человек	0,5	-0,3	0,5	0,4	0,6	0,3	0,9	0,3	0,8	0	0,3	0,2

**Таблица 4 - Показатели семантической близости образов в самосознании
обобщенные по выборке мужчин русской национальности**

Оценка по личностным качествам		Я	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
2	Типичный современный мужчина	0,5											
3	Типичная современная женщина	0	0										
4	Мой отец	0,5	0,9	-0,1									
5	Моя мать	0,4	0,2	0,6	0,1								
6	Традиционный татарский мужчина	0,4	0,7	-0	0,8	0,2							
7	Традиционная татарская женщина	0,1	-0,1	0,5	-0,2	0,7	0,1						
8	Традиционный русский мужчина	0,5	0,8	-0,1	0,8	0,1	0,7	-0,2					
9	Традиционная русская женщина	0,3	0	0,6	-0	0,7	0	0,7	0				
10	Типичный американец	0,2	0,7	0,2	0,6	0,2	0,6	0	0,4	-0			
11	Типичная американка	0	0,3	0,5	0,1	0,3	0,3	0,3	0,1	0,2	0,7		
12	Очень мужественный человек	0,6	0,9	0	0,8	0,3	0,8	0	0,8	0,1	0,7	0,3	
13	Очень женственный человек	0,1	-0,2	0,7	-0,3	0,7	-0,2	0,7	-0,3	0,7	-0	0,3	-0,1
Оценка по типу поведения		Я	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
2	Типичный современный мужчина	0,4											
3	Типичная современная женщина	0,5	0,9										
4	Мой отец	0,6	0,9	0,8									
5	Моя мать	0,7	0,7	0,8	0,7								
6	Традиционный татарский мужчина	0,3	0,9	0,8	0,9	0,7							
7	Традиционная татарская женщина	0,2	0,6	0,6	0,6	0,7	0,7						
8	Традиционный русский мужчина	0,4	0,5	0,7	0,7	0,5	0,7	0,5					
9	Традиционная русская женщина	0,3	0,5	0,6	0,6	0,7	0,7	1	0,5				
10	Типичный американец	0,6	0,8	0,8	0,9	0,9	0,7	0,8	0,7	0,8			
11	Типичная американка	0,6	0,8	0,9	0,8	0,9	0,8	0,8	0,7	0,8	1		
12	Очень мужественный человек	0,5	0,9	0,9	0,9	0,9	0,7	0,7	0,6	0,7	0,9	0,9	
13	Очень женственный человек	0,4	0,7	0,7	0,7	0,8	0,8	0,9	0,5	0,8	0,9	0,9	0,8
Оценка по жизненным приоритетам		Я	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
2	Типичный современный мужчина	0,7											
3	Типичная современная женщина	0,5	0,4										
4	Мой отец	0,7	0,6	0,3									
5	Моя мать	0,6	0,4	0,4	0,5								
6	Традиционный татарский мужчина	0,8	0,6	0,5	0,6	0,8							
7	Традиционная татарская женщина	0,5	0,3	0,8	0,4	0,7	0,7						
8	Традиционный русский мужчина	0,8	0,8	0,6	0,7	0,6	0,8	0,6					
9	Традиционная русская женщина	0,6	0,4	0,8	0,4	0,7	0,7	0,9	0,7				
10	Типичный американец	0,8	0,8	0,3	0,5	0,4	0,6	0,2	0,8	0,3			
11	Типичная американка	0,8	0,7	0,5	0,4	0,4	0,5	0,4	0,8	0,5	0,9		
12	Очень мужественный человек	0,8	0,8	0,5	0,6	0,6	0,7	0,5	0,8	0,5	0,8	0,8	
13	Очень женственный человек	0,6	0,4	0,9	0,3	0,6	0,6	0,9	0,6	0,9	0,4	0,6	0,6

**Таблица 5 - Показатели семантической близости образов в самосознании
обобщенные по выборке мужчины, татарской национальности**

Оценка по личностным качествам		Я	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
2	Типичный современный мужчина	0,7											
3	Типичная современная женщина	0,0	-0										
4	Мой отец	0,8	0,8	-0,1									
5	Моя мать	0,3	0,1	0,8	0,2								
6	Традиционный татарский мужчина	0,8	0,8	-0,1	0,9	0,2							
7	Традиционная татарская женщина	0,1	-0,3	0,6	-0,1	0,7	-0,1						
8	Традиционный русский мужчина	0,7	0,9	-0,1	0,8	0,0	0,8	-0,3					
9	Традиционная русская женщина	0,1	-0	0,8	0	0,8	-0	0,6	0,1				
10	Типичный американец	0,4	0,6	0,1	0,5	0,2	0,6	-0,2	0,4	-0,1			
11	Типичная американка	-0	0,2	0,5	0,0	0,5	0,1	0,2	-0	0,4	0,6		
12	Очень мужественный человек	0,7	0,9	-0,1	0,8	0,2	0,9	-0,2	0,8	-0,1	0,6	0,2	
13	Очень женственный человек	-0,2	-0,5	0,7	-0,3	0,6	-0,4	0,8	-0,4	0,7	-0,2	0,3	-0,5
Оценка по типу поведения		Я	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
2	Типичный современный мужчина	0,8											
3	Типичная современная женщина	0,7	0,3										
4	Мой отец	0,9	0,8	0,6									
5	Моя мать	0,3	0,3	0,3	0,5								
6	Традиционный татарский мужчина	0,7	0,8	0,3	0,9	0,6							
7	Традиционная татарская женщина	-0	-0,1	-0,1	0,3	0,6	0,3						
8	Традиционный русский мужчина	0,6	0,7	0,5	0,6	0,2	0,5	-0,3					
9	Традиционная русская женщина	0,1	0,1	0,5	0,2	0,6	0,1	0,0	0,4				
10	Типичный американец	0,8	0,9	0,3	0,8	0,4	0,1	0,1	0,4	-0,2			
11	Типичная американка	0,7	0,8	0,2	0,9	0,7	0,9	0,3	0,4	0,2	0,9		
12	Очень мужественный человек	0,9	0,9	0,4	0,9	0,5	0,1	0,1	0,6	0,1	0,9	0,9	
13	Очень женственный человек	0,5	0,4	0,4	0,7	0,4	0,6	0,1	0,0	0,1	0,7	0,7	0,6
Оценка по жизненным приоритетам		Я	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
2	Типичный современный мужчина	0,7											
3	Типичная современная женщина	0,6	0,5										
4	Мой отец	0,8	0,6	0,3									
5	Моя мать	0,6	0,2	0,3	0,7								
6	Традиционный татарский мужчина	0,9	0,6	0,5	0,7	0,6							
7	Традиционная татарская женщина	0,6	0,2	0,6	0,5	0,7	0,7						
8	Традиционный русский мужчина	0,9	0,7	0,5	0,7	0,5	0,8	0,5					
9	Традиционная русская женщина	0,5	0,0	0,7	0,3	0,6	0,5	0,9	0,4				
10	Типичный американец	0,6	0,8	0,3	0,5	0,2	0,5	0,1	0,7	0,0			
11	Типичная американка	0,7	0,6	0,6	0,6	0,5	0,6	0,4	0,7	0,4	0,7		
12	Очень мужественный человек	0,6	0,6	0,4	0,5	0,3	0,5	0,4	0,6	0,3	0,7	0,6	
13	Очень женственный человек	-0,1	-0,4	0,3	-0,2	0,0	-0,1	0,3	-0,3	0,4	-0,4	-0,1	-0

**Таблица 6 - Показатели семантической близости образов в самосознании
обобщенные по выборке мужчин марийской национальности**

Оценка по личностным качествам		Я	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
2	Типичный современный мужчина	0,9											
3	Типичная современная женщина	-0,1	-0,2										
4	Мой отец	0,9	0,9	-0,1									
5	Моя мать	0,1	0,1	0,8	0,2								
6	Традиционный марийский мужчина	0,9	0,8	-0,2	0,9	0							
7	Традиционная марийская женщина	-0	-0,2	0,8	-0	0,7	-0,1						
8	Традиционный русский мужчина	0,7	0,8	-0,4	0,8	-0,1	0,8	-0,3					
9	Традиционная русская женщина	0,1	0	0,7	0,1	0,6	-0	0,6	0				
10	Типичный американец	0,5	0,7	-0,3	0,5	-0,1	0,6	-0,3	0,6	0			
11	Типичная американка	-0,2	-0,2	0,3	-0,1	0,3	-0,2	0,3	-0	0,4	0,1		
12	Очень мужественный человек	0,8	0,8	-0,2	0,9	0,1	0,8	-0,1	0,8	0,1	0,8	-0	
13	Очень женственный человек	-0,1	-0,3	0,8	-0,2	0,6	-0,2	0,8	-0,4	0,4	-0,4	0,1	-0,3
Оценка по типу поведения		Я	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
2	Типичный современный мужчина	0,9											
3	Типичная современная женщина	0,9	0,9										
4	Мой отец	0,9	0,9	0,9									
5	Моя мать	0,6	0,7	0,6	0,7								
6	Традиционный марийский мужчина	0,7	0,9	0,8	0,8	0,8							
7	Традиционная марийская женщина	0,7	0,8	0,8	0,7	0,6	0,8						
8	Традиционный русский мужчина	0,5	0,7	0,8	0,7	0,6	0,7	0,7					
9	Традиционная русская женщина	0,6	0,8	0,8	0,8	0,4	0,7	0,7	0,8				
10	Типичный американец	0,5	0,6	0,7	0,4	0,4	0,7	0,6	0,6	0,4			
11	Типичная американка	0,6	0,6	0,8	0,6	0,4	0,5	0,4	0,7	0,5	0,7		
12	Очень мужественный человек	0,8	0,9	0,8	0,8	0,7	0,6	0,6	0,5	0,6	0,8	0,8	
13	Очень женственный человек	0,5	0,3	0,4	0,2	-0,1	0,4	0,5	0,2	0,3	0,1	0,1	0,2
Оценка по жизненным приоритетам		Я	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
2	Типичный современный мужчина	0,8											
3	Типичная современная женщина	0,6	0,6										
4	Мой отец	0,9	0,7	0,6									
5	Моя мать	0,7	0,5	0,6	0,9								
6	Традиционный марийский мужчина	0,8	0,8	0,7	0,8	0,7							
7	Традиционная марийская женщина	0,7	0,7	0,8	0,8	0,8	0,9						
8	Традиционный русский мужчина	0,8	0,8	0,8	0,8	0,7	0,9	0,9					
9	Традиционная русская женщина	0,7	0,7	0,9	0,7	0,7	0,8	0,9	0,9				
10	Типичный американец	0,7	0,9	0,5	0,6	0,4	0,7	0,6	0,7	0,6			
11	Типичная американка	0,7	0,8	0,6	0,6	0,5	0,7	0,7	0,8	0,7	0,8		
12	Очень мужественный человек	0,9	0,8	0,7	0,9	0,7	0,9	0,8	0,9	0,8	0,8	0,7	
13	Очень женственный человек	0,7	0,6	0,9	0,7	0,7	0,8	0,9	0,9	0,9	0,5	0,6	0,8

Приложение 8. Кластеризация образов, задающих семантические категории «Мужское – Женское», «Свое (Близкое) – Чужое (Далекое)», «Традиционное – Современное» в самосознании

Приложение 8.1. Кластеризация образов в самосознании мужчин татарской национальности (обобщенные данные по выборке)

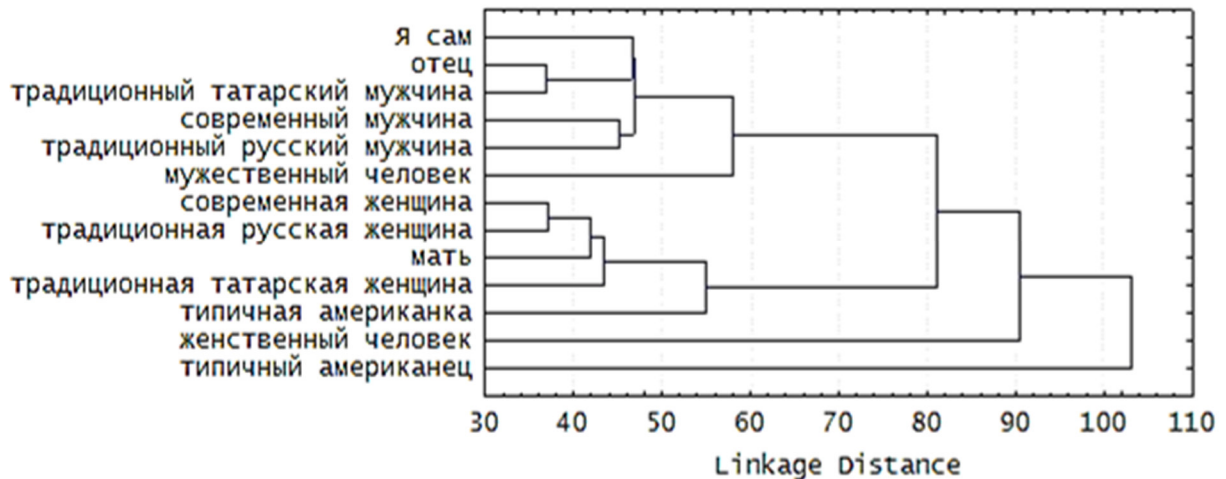

Рис. 1. Кластерная структура образов, оцененных по качествам личности

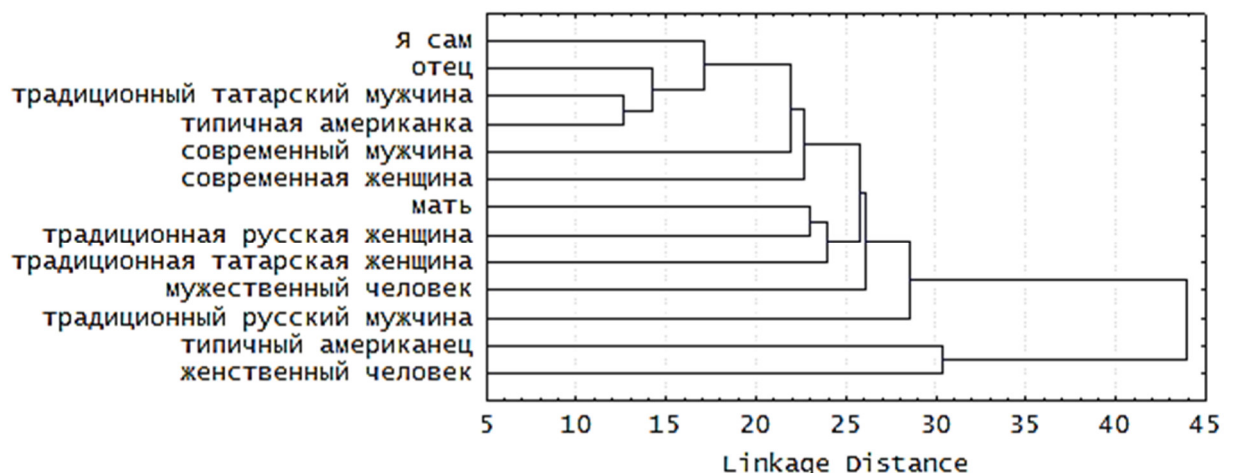

Рис. 2. Кластерная структура образов, оцененных по стилистике поведения

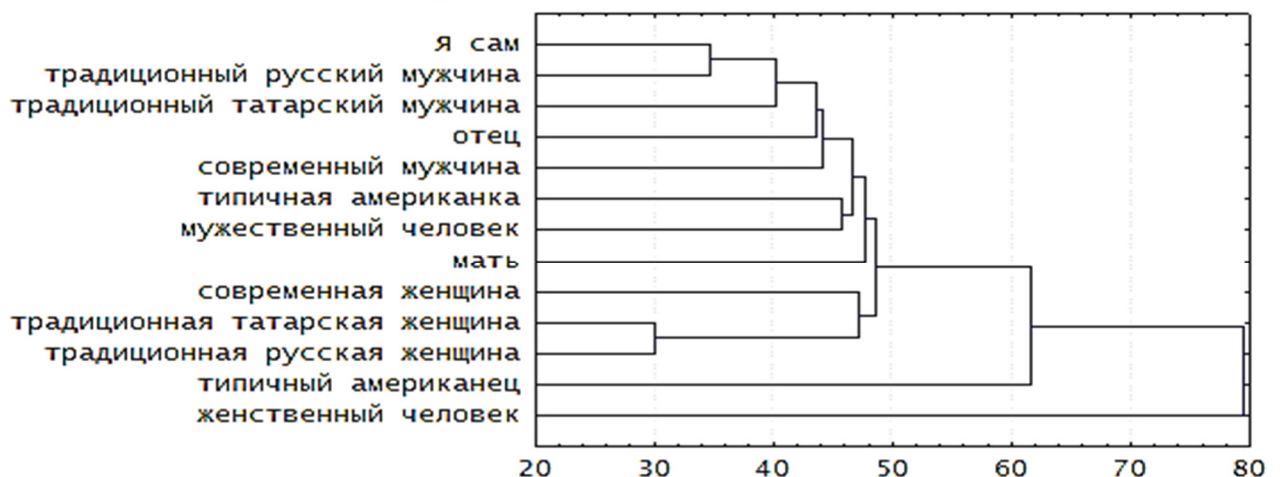

Рис. 3. Кластерная структура образов, оцененных по жизненным приоритетам

Приложение 8.2. Кластеризация образов, задающих семантические категории «Мужское – Женское», «Свое (Близкое) – Чужое (Далекое)», «Традиционное – Современное» в самосознании женщин татарской национальности (обобщенные данные по выборке)

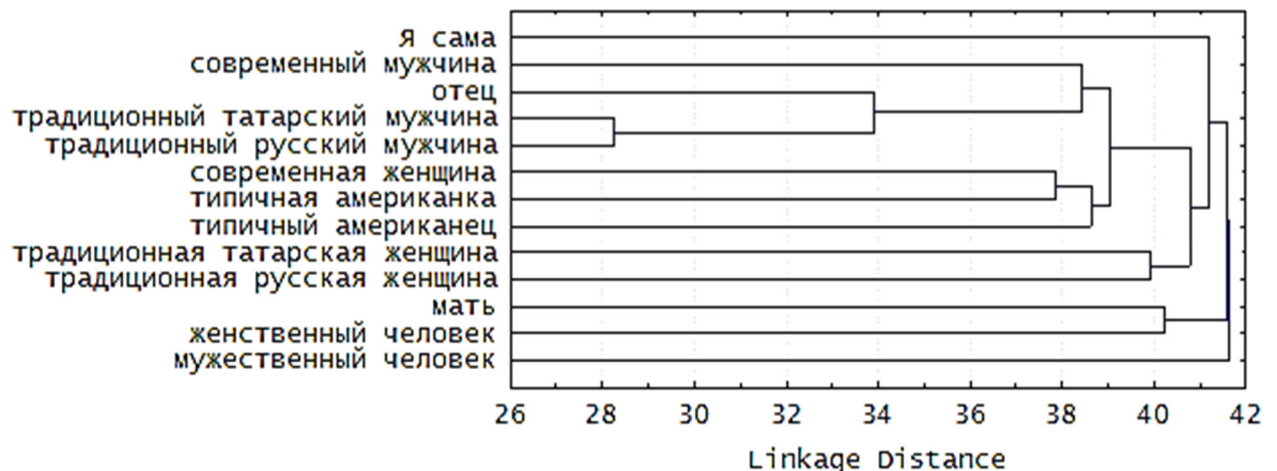

Рис. 1. Кластерная структура образов, оцененных по качествам личности

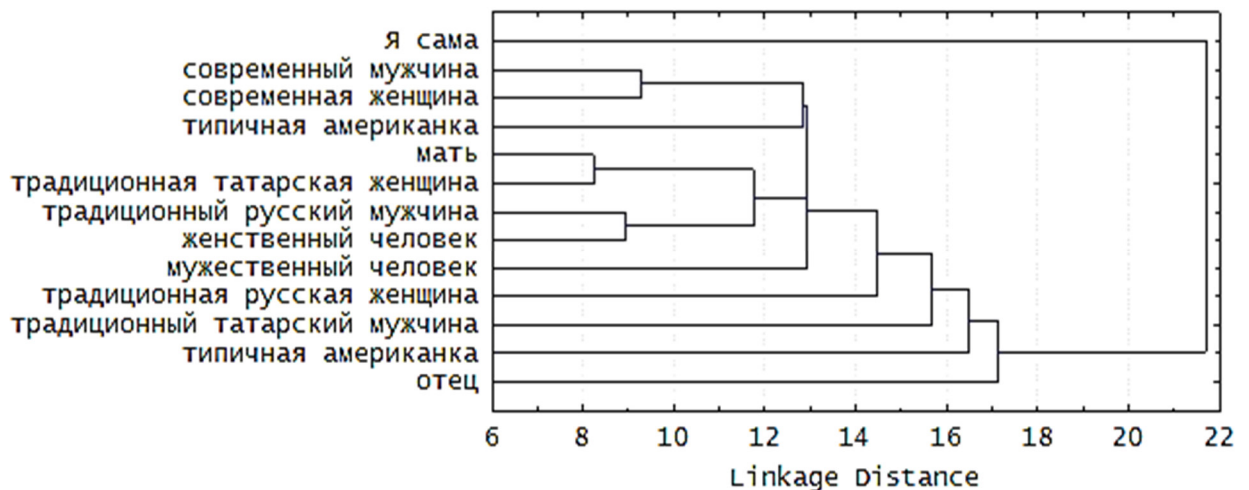

Рис. 2. Кластерная структура образов, оцененных по стилистике поведения

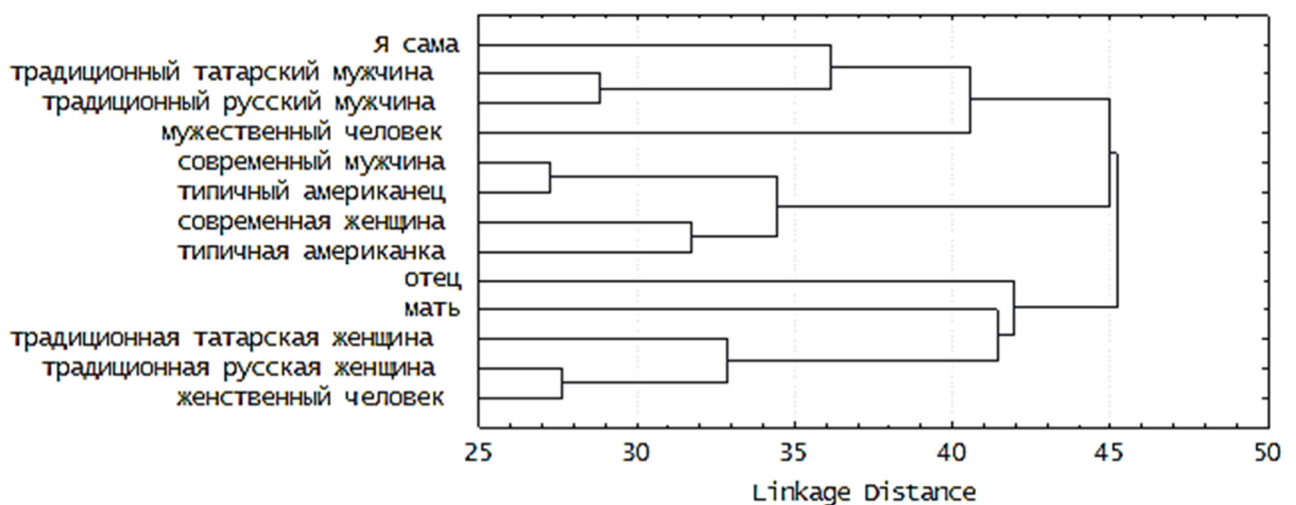

Рис. 3. Кластерная структура образов, оцененных по жизненным приоритетам

Приложение 8.3. Кластеризация образов, задающих семантические категории «Мужское – Женское», «Свое (Близкое) – Чужое (Далекое)», «Традиционное – Современное» в самосознании мужчин русской национальности (обобщенные данные по выборке)

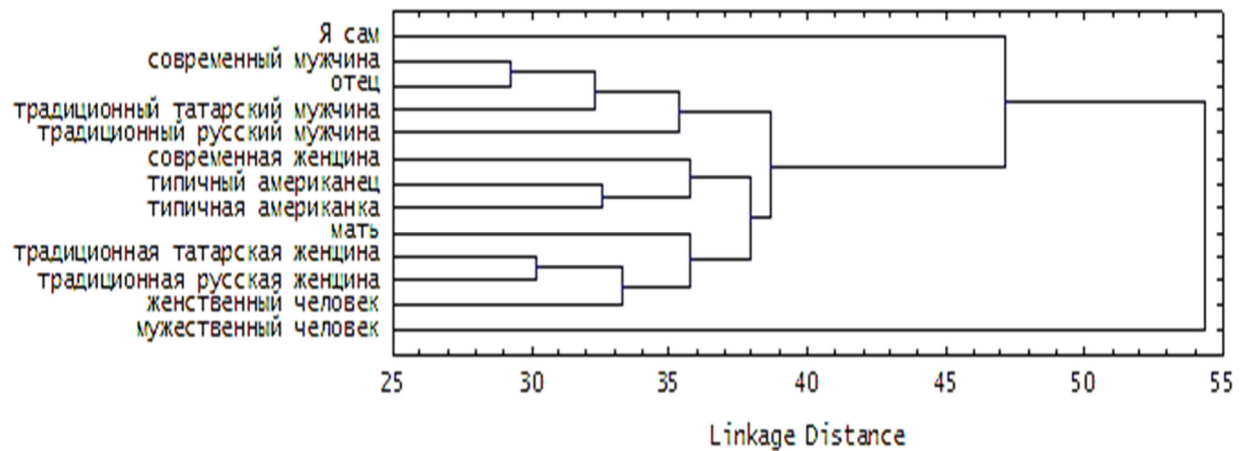

Рис. 1. Кластерная структура образов, оцененных по качествам личности

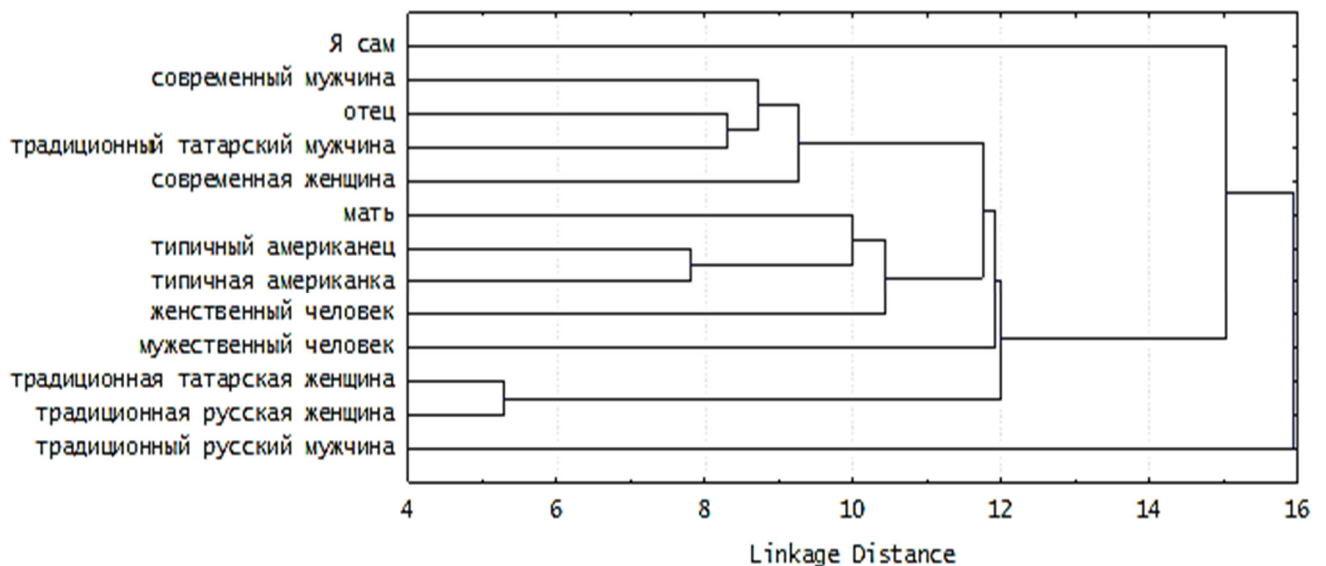

Рис. 2. Кластерная структура образов, оцененных по стилистике поведения

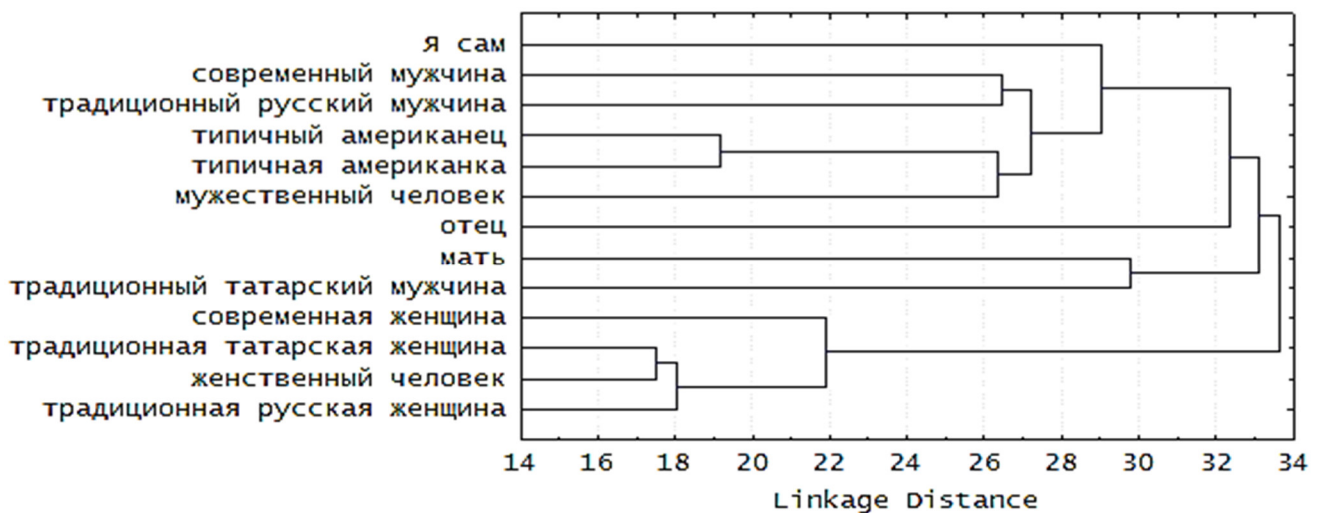

Рис. 3. Кластерная структура образов, оцененных по жизненным приоритетам

Приложение 8.4. Кластеризация образов, задающих семантические категории
«Мужское – Женское», «Свое (Близкое) – Чужое (Далекое)», «Традиционное
– Современное» в самосознании женщин русской национальности
(обобщенные данные по выборке)

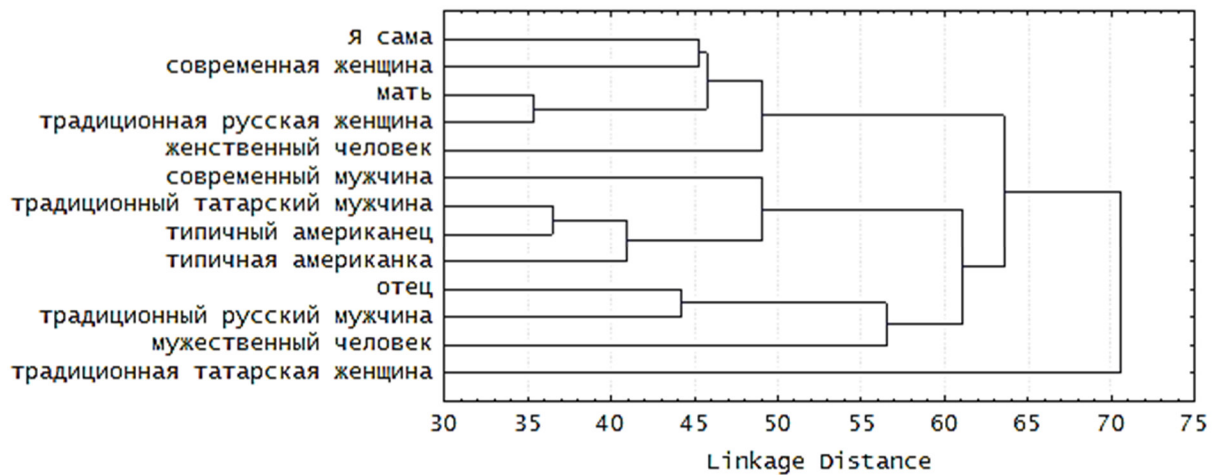

Рис. 1. Кластерная структура образов, оцененных по качествам личности

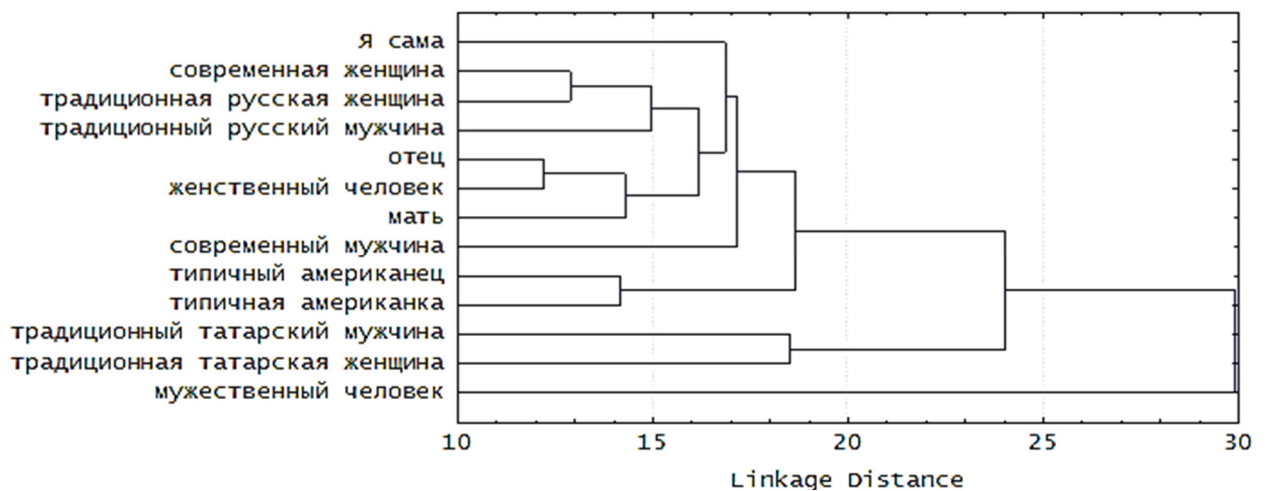

Рис. 2. Кластерная структура образов, оцененных по стилистике поведения

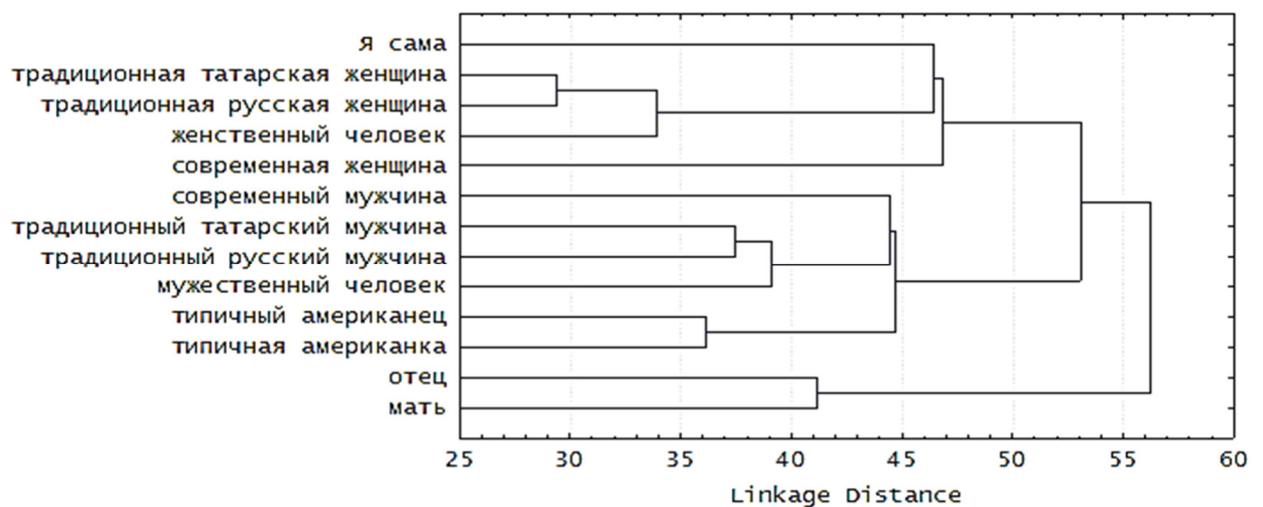

Рис. 3. Кластерная структура образов, оцененных по жизненным приоритетам

Приложение 8.5. Кластеризация образов, задающих семантические категории «Мужское – Женское», «Свое (Близкое) – Чужое (Далекое)», «Традиционное – Современное» в самосознании мужчин марийской национальности (обобщенные данные по выборке)

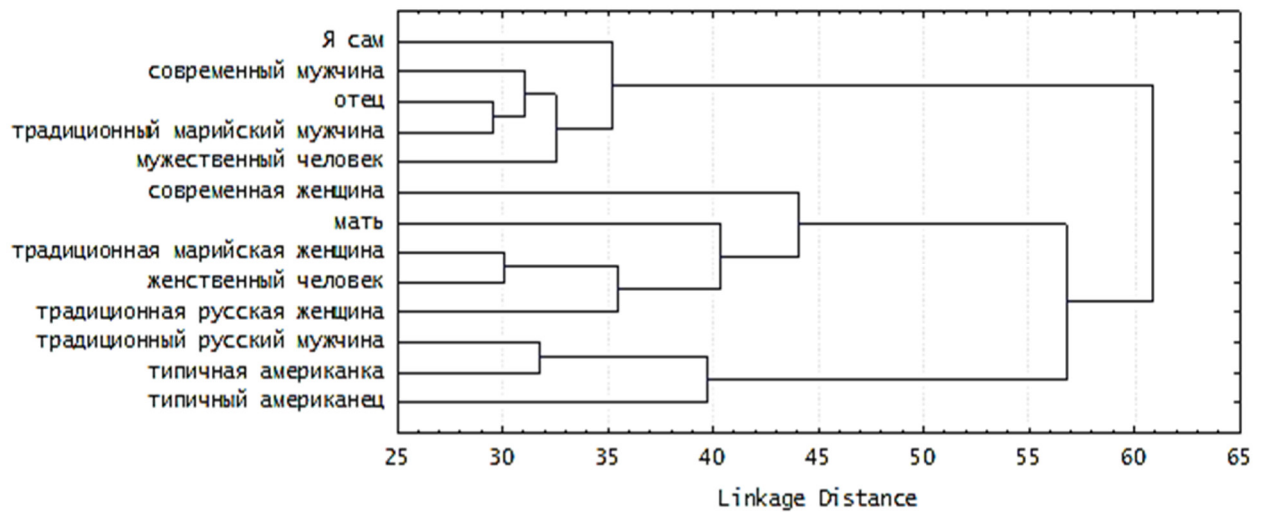

Рис. 1. Кластерная структура образов, оцененных по качествам личности

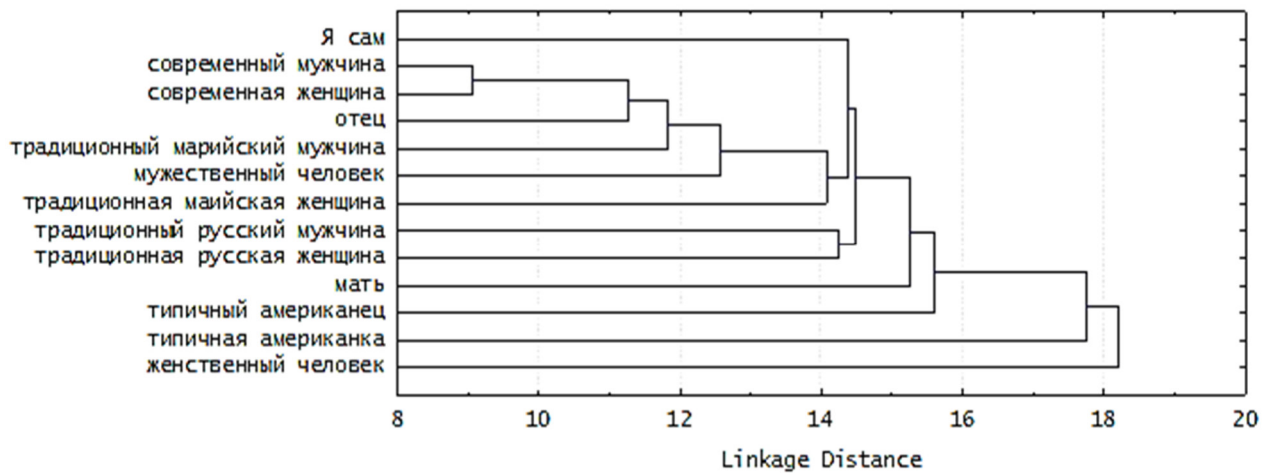

Рис. 2. Кластерная структура образов, оцененных по стилистике поведения

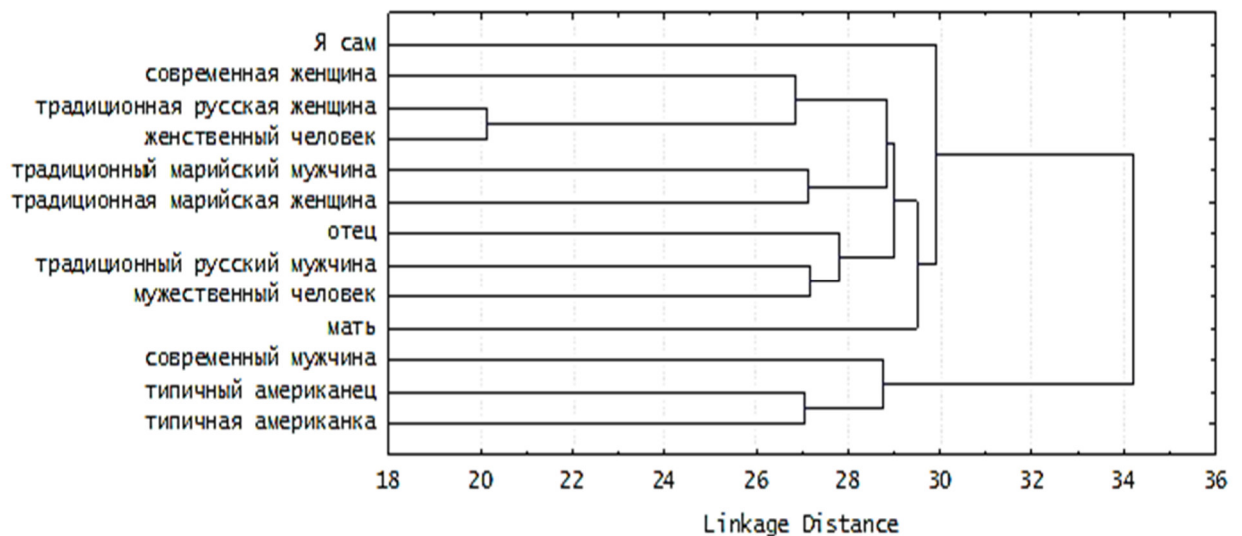

Рис. 3. Кластерная структура образов, оцененных по жизненным приоритетам

Приложение 8.6. Кластеризация образов, задающих семантические категории «Мужское – Женское», «Свое (Близкое) – Чужое (Далекое)», «Традиционное – Современное» в самосознании женщин марийской национальности (обобщенные данные по выборке)

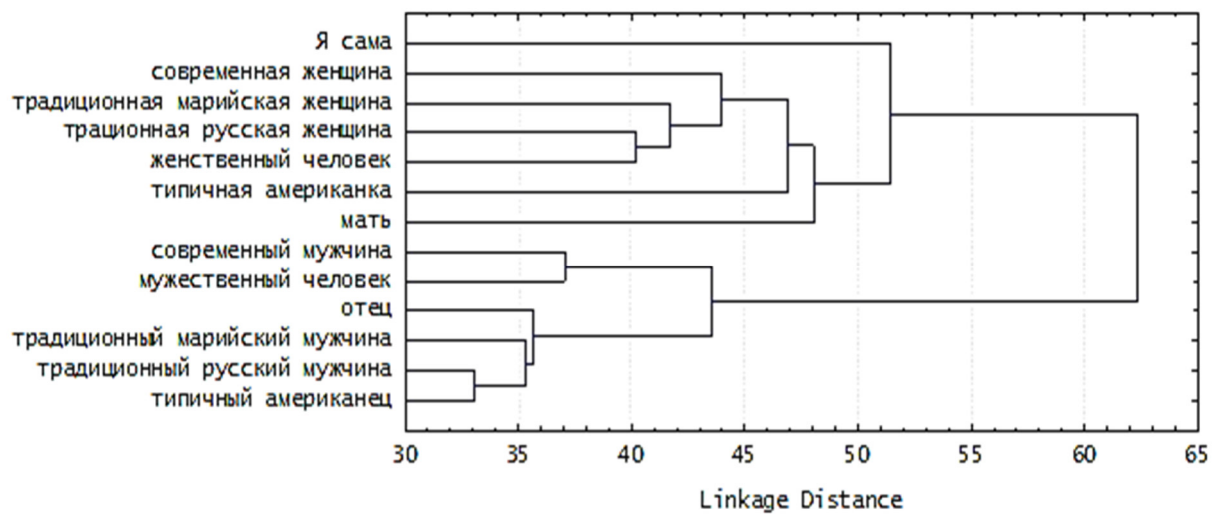

Рис. 1. Кластерная структура образов, оцененных по качествам личности

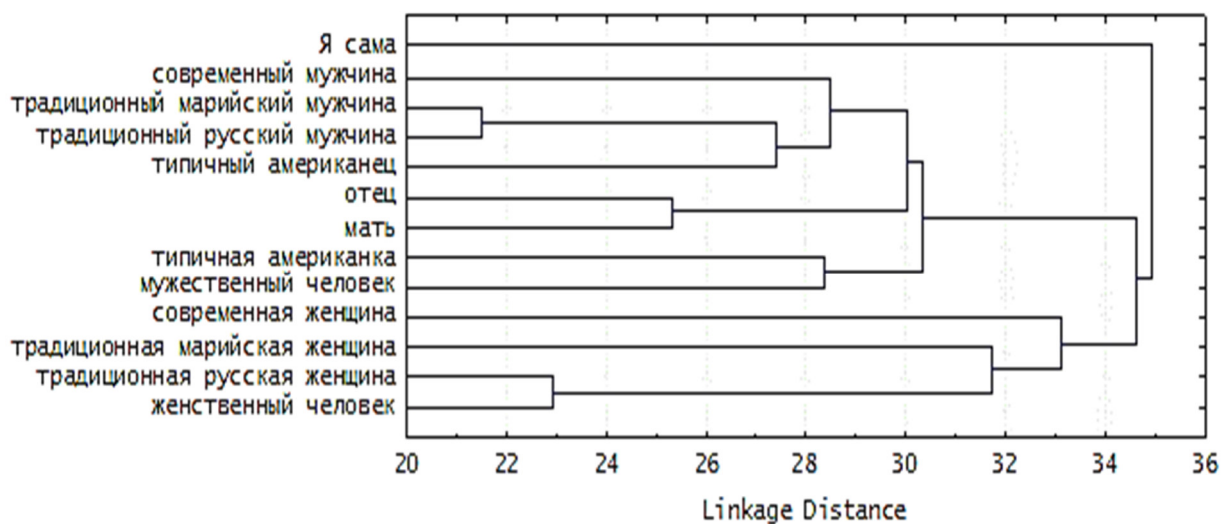

Рис. 2. Кластерная структура образов, оцененных по стилистике поведения

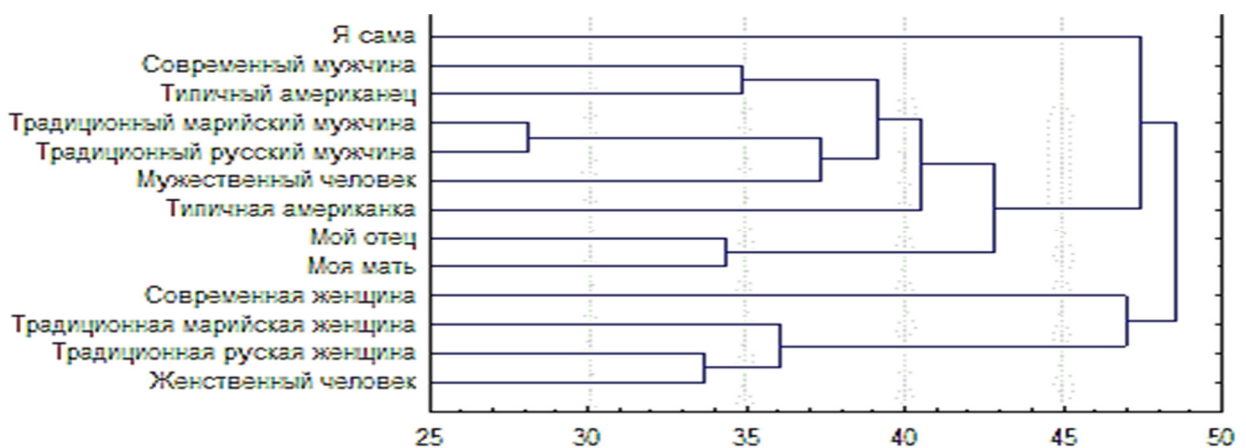

Рис. 3. Кластерная структура образов, оцененных по жизненным приоритетам

Приложение 9. Воздействие образов рекламы на динамику семантических конфигураций образов «Я – Другие»

Таблица 1 - Показатели семантической близости образов в самосознании девочек, выбравших рекламный видеоролик «Милка», до (вверху) и после просмотра рекламы (внизу); обобщенные по группе значения

Образы		Я	Отец	Мать	ИМ	ИЖ	СМ	СЖ	ТЖ	ТМ	ЯБ
Вербальное оценивание	Отец	-0,1									
		-0,01									
	Мать	0,68	-0,05								
		0,62	0,04								
	Идеал мужчины (ИМ)	0,16	0,74	0,16							
		0,26	0,81	0,19							
	Идеал женщины (ИЖ)	0,70	-0,20	0,86	0,10						
		0,62	-0,28	0,79	0,00						
	Типичный соврем. мужчина (СМ)	0,23	0,73	-0,10	0,58	-0,13					
		0,30	0,59	0,10	0,52	-0,12					
	Типичная соврем. женщина (СЖ)	0,35	0,25	0,36	0,34	0,26	0,36				
		0,54	0,19	0,39	0,18	0,27	0,54				
	Традиционная женщина (ТЖ)	0,52	-0,12	0,81	0,21	0,72	-0,28	0,31			
		0,52	-0,10	0,67	0,18	0,72	-0,20	0,28			
	Традиционный мужчина (ТМ)	0,08	0,68	0,00	0,82	-0,19	0,56	0,33	0,06		
		0,22	0,67	0,34	0,62	0,09	0,45	0,42	0,24		
	Я в будущем (ЯБ)	0,69	0,18	0,84	0,24	0,78	0,14	0,36	0,52	0,03	
		0,69	-0,03	0,79	0,05	0,77	0,13	0,57	0,71	0,43	
	Образ из рекламы	0,57	-0,25	0,61	-0,04	0,84	0,00	0,45	0,63	0,18	0,74
Оценивание через цветовые ассоциации	Отец	0,76									
		0,38									
	Мать	0,29	0,42								
		0,86	0,49								
	Идеал мужчины (ИМ)	0,35	0,56	0,58							
		0,83	0,56	0,86							
	Идеал женщины (ИЖ)	0,18	0,33	0,61	0,52						
		0,91	0,30	0,84	0,65						
	Типичный соврем. мужчина (СМ)	0,47	0,52	0,26	0,68	-0,02					
		0,07	-0,04	0,25	0,41	0,10					
	Типичная соврем. женщина (СЖ)	0,13	0,51	0,07	0,45	0,41	0,15				
		0,72	0,52	0,91	0,79	0,79	0,49				
	Традиционная женщина (ТЖ)	0,70	0,60	0,38	0,43	0,42	0,50	0,52			
		0,83	0,56	0,92	0,89	0,77	0,20	0,82			
	Традиционный мужчина (ТМ)	-0,09	-0,12	-0,03	0,02	0,00	0,46	-0,44	-0,06		
		-0,16	0,22	0,12	0,22	-0,23	0,34	0,03	0,14		
	Я в будущем (ЯБ)	0,84	0,81	0,62	0,78	0,51	0,64	0,27	0,69	0,01	
		0,84	0,24	0,96	0,80	0,84	0,34	0,88	0,82	0,01	
	Образ из рекламы	0,88	0,26	0,91	0,75	0,85	0,18	0,74	0,75	0,11	0,93

Таблица 2 - Показатели семантической близости образов в самосознании девочек, выбравших рекламный видеоролик «Сникерс», до (вверху) и после просмотра рекламы (внизу); обобщенные по группе значения

Образы		Я	Отец	Мать	ИМ	ИЖ	СМ	СЖ	ТЖ	ТМ	Я Б
Вербальное оценивание	Отец	0,26									
		0,43									
	Мать	0,82	0,37								
		0,79	0,36								
	Идеал мужчины (ИМ)	0,22	0,88	0,32							
		0,20	0,88	0,28							
	Идеал женщины (ИЖ)	0,85	0,11	0,83	0,03						
		0,68	0,10	0,88	0,05						
	Типичный соврем. мужчина (СМ)	0,03	0,53	0,04	0,68	-0,08					
		0,28	0,73	0,24	0,79	0,05					
	Типичная соврем. женщина (СЖ)	0,46	-0,02	0,45	-0,15	0,57	0,03				
		0,61	0,12	0,81	0,13	0,82	0,30				
	Традиционная женщина (ТЖ)	0,71	-0,01	0,68	-0,10	0,85	-0,17	0,71			
		0,61	0,12	0,81	0,08	0,82	0,26	0,85			
	Традиционный мужчина (ТМ)	-0,14	0,58	-0,03	0,69	-0,14	0,86	-0,04	-0,22		
		0,27	0,82	0,20	0,85	0,05	0,82	0,14	0,11		
	Я в будущем (ЯБ)	0,84	0,43	0,85	0,43	0,82	0,10	0,41	0,71	0,01	
		0,82	0,44	0,82	0,28	0,78	0,42	0,69	0,75	0,38	
	Образ из рекламы	0,42	0,67	0,37	0,65	0,13	0,74	0,22	0,26	0,79	0,51
Оценивание через цветовые ассоциации	Отец	0,76									
		0,37									
	Мать	0,29	0,42								
		0,61	0,28								
	Идеал мужчины (ИМ)	0,35	0,56	0,58							
		0,29	0,71	0,54							
	Идеал женщины (ИЖ)	0,18	0,33	0,61	0,52						
		0,69	0,00	0,87	0,42						
	Типичный соврем. мужчина (СМ)	0,47	0,52	0,26	0,68	-0,02					
		0,37	0,72	0,37	0,68	0,19					
	Типичная соврем. женщина (СЖ)	0,13	0,51	0,07	0,45	0,41	0,15				
		0,57	0,07	0,87	0,49	0,85	0,40				
	Традиционная женщина (ТЖ)	0,70	0,60	0,38	0,43	0,42	0,50	0,52			
		0,26	0,05	0,73	0,70	0,80	0,29	0,82			
	Традиционный мужчина (ТМ)	-0,09	-0,12	-0,03	0,02	0,00	0,46	-0,44	-0,06		
		0,41	0,51	0,69	0,93	0,66	0,48	0,68	0,85		
	Я в будущем (ЯБ)	0,84	0,81	0,62	0,78	0,51	0,64	0,27	0,69	0,01	
		0,70	-0,08	0,72	0,39	0,92	0,13	0,84	0,77	0,63	
	Образ из рекламы	0,50	0,43	0,92	0,80	0,79	0,51	0,87	0,86	0,90	0,69

Таблица 3 - Показатели семантической близости образов в самосознании девочек, выбравших рекламный видеоролик «Альпен гольд - танго», до (вверху) и после просмотра рекламы (внизу); обобщенные по группе значения

Образы		Я	Отец	Мать	ИМ	ИЖ	СМ	СЖ	ТЖ	ТМ	ЯБ
Вербальное оценивание	Отец	-0,01									
		0,05									
	Мать	0,47	0,52								
		0,67	0,45								
	Идеал мужчины (ИМ)	0,22	0,80	0,43							
		0,17	0,78	0,39							
	Идеал женщины (ИЖ)	0,57	-0,08	0,35	0,23						
		0,40	-0,23	0,14	-0,14						
	Типичный соврем. мужчина (СМ)	-0,20	0,44	0,16	0,29	-0,58					
		0,04	0,53	0,25	0,48	-0,41					
	Типичная соврем. женщина (СЖ)	0,20	-0,09	0,24	0,10	0,04	0,22				
		0,33	0,01	0,27	0,10	0,32	0,18				
	Традиционная женщина (ТЖ)	0,58	-0,37	0,20	-0,10	0,76	-0,54	0,20			
		0,29	-0,10	0,08	-0,01	0,44	-0,10	0,77			
	Традиционный мужчина (ТМ)	-0,08	0,80	0,32	0,76	-0,17	0,53	0,12	-0,30		
		0,09	0,45	0,18	0,53	-0,54	0,78	0,20	0,05		
	Я в будущем (ЯБ)	0,65	0,01	0,56	0,28	0,73	-0,17	0,20	0,57	0,0	
		0,88	0,00	0,63	0,20	0,32	-0,08	0,18	0,12	0,01	
	Образ из рекламы	0,19	0,67	0,49	0,78	-0,16	0,47	0,23	-0,01	0,47	0,16
Оценивание через цветовые ассоциации	Отец	-0,60									
		-0,88									
	Мать	0,80	-0,18								
		0,88	-0,81								
	Идеал мужчины (ИМ)	-0,78	0,89	-0,47							
		-0,94	0,87	-0,71							
	Идеал женщины (ИЖ)	0,74	-0,42	0,61	-0,52						
		0,86	-0,92	0,93	-0,74						
	Типичный соврем. мужчина (СМ)	-0,81	0,82	-0,53	0,93	-0,62					
		-0,94	0,94	-0,87	0,92	-0,90					
	Типичная соврем. женщина (СЖ)	0,90	-0,33	0,83	-0,60	0,82	-0,65				
		0,90	-0,89	0,92	-0,77	0,97	-0,90				
	Традиционная женщина (ТЖ)	0,95	-0,68	0,61	-0,78	0,75	-0,81	0,87			
		0,90	-0,89	0,92	-0,77	0,97	-0,90	0,87			
	Традиционный мужчина (ТМ)	-0,81	0,72	-0,65	0,90	-0,64	0,81	-0,68	-0,71		
		-0,96	0,93	-0,87	0,89	-0,92	0,93	-0,97	-0,97		
	Я в будущем (ЯБ)	0,93	-0,53	0,77	-0,73	0,70	-0,81	0,91	0,92	-0,66	
		0,94	-0,89	0,78	-0,93	0,86	-0,91	0,87	0,87	-0,95	
	Образ из рекламы	-0,95	0,82	-0,94	0,83	-0,88	0,90	-0,91	-0,91	0,90	-0,83

Таблица 4 - Показатели семантической близости образов в самосознании девочек, выбравших рекламный видеоролик «Коркунов», до (вверху) и после просмотра рекламы (внизу); обобщенные по группе значения

Образы		Я	Отец	Мать	ИМ	ИЖ	СМ	СЖ	ТЖ	ТМ	Я Б
Вербальное оценивание	Отец	0,10									
		-0,33									
	Мать	0,68	0,25								
		0,63	0,15								
	Идеал мужчины (ИМ)	-0,07	0,85	0,12							
		-0,43	0,76	-0,03							
	Идеал женщины (ИЖ)	0,74	-0,07	0,64	-0,19						
		0,85	-0,04	0,68	-0,17						
	Типичный соврем. мужчина (СМ)	-0,41	0,66	-0,11	0,79	-0,35					
		-0,50	0,46	-0,30	0,60	-0,37					
	Типичная соврем. женщина (СЖ)	0,29	-0,07	0,38	0,02	0,44	0,01				
		0,51	0,18	0,59	0,10	0,62	0,12				
	Традиционная женщина (ТЖ)	0,82	-0,22	0,62	-0,37	0,85	-0,53	0,45			
		0,86	-0,05	0,69	-0,19	0,96	-0,42	0,52			
	Традиционный мужчина (ТМ)	-0,17	0,86	-0,02	0,89	-0,28	0,79	-0,05	-0,44		
		-0,45	0,80	0,03	0,88	-0,18	0,67	0,07	-0,16		
Оценивание через цветовые ассоциации	Я в будущем (ЯБ)	0,76	0,26	0,70	0,10	0,86	-0,10	0,38	0,69	0,02	
		0,76	-0,04	0,67	-0,08	0,87	-0,28	0,71	0,83	-0,13	
	Образ из рекламы	-0,41	0,62	-0,08	0,71	-0,21	0,57	0,17	-0,22	0,75	-0,04
	Отец	0,03									
		0,55									
	Мать	0,57	-0,35								
		0,60	-0,10								
	Идеал мужчины (ИМ)	-0,37	0,34	-0,63							
		0,51	0,52	0,20							
	Идеал женщины (ИЖ)	0,04	-0,60	0,69	-0,47						
		0,63	-0,06	0,84	-0,08						
	Типичный соврем. мужчина (СМ)	0,10	0,42	0,18	0,54	0,08					
		-0,44	-0,30	0,15	-0,38	0,03					
	Типичная соврем. женщина (СЖ)	0,33	-0,76	0,81	-0,67	0,74	-0,28				
		0,57	-0,10	0,78	0,07	0,76	0,25				
	Традиционная женщина (ТЖ)	0,12	-0,10	0,80	-0,33	0,55	0,43	0,56			
		0,54	0,36	0,61	0,41	0,36	-0,25	0,24			
	Традиционный мужчина (ТМ)	-0,75	0,22	-0,82	0,50	-0,45	-0,27	-0,49	-0,49		
		0,22	-0,37	0,19	0,29	-0,03	-0,40	0,28	0,05		
	Я в будущем (ЯБ)	0,68	-0,39	0,81	-0,74	0,38	-0,15	0,71	0,50	-0,84	
		0,84	0,52	0,77	0,52	0,71	-0,03	0,63	0,63	-0,13	
	Образ из рекламы	0,75	0,38	0,28	0,55	0,44	-0,43	0,40	-0,03	0,23	0,59

Таблица 5 - Показатели семантической близости образов в самосознании девочек, выбравших рекламный видеоролик «Альпен гольд – темный шоколад», до (вверху) и после просмотра рекламы (внизу); обобщенные по группе значения

Образы		Я	Отец	Мать	ИМ	ИЖ	СМ	СЖ	ТЖ	ТМ	Я Б
Вербальное оценивание	Отец	0,02									
		-0,15									
	Мать	0,80	-0,03								
		0,75	0,04								
	Идеал мужчины (ИМ)	-0,13	0,83	-0,16							
		-0,15	0,84	-0,07							
	Идеал женщины (ИЖ)	0,72	-0,07	0,58	-0,02						
		0,83	-0,21	0,73	-0,11						
	Типичный соврем. мужчина (СМ)	-0,17	0,47	-0,22	0,62	-0,17					
		-0,28	0,70	-0,27	0,86	-0,27					
	Типичная соврем. женщина (СЖ)	0,61	-0,47	0,66	-0,48	0,61	-0,15				
		0,69	-0,20	0,68	-0,22	0,62	-0,45				
	Традиционная женщина (ТЖ)	0,25	-0,01	-0,05	0,06	0,25	0,45	0,15			
		0,83	-0,11	0,79	-0,05	0,84	-0,27	0,68			
	Традиционный мужчина (ТМ)	0,54	0,45	0,45	0,40	0,45	0,25	0,26	0,14		
		-0,19	0,79	-0,11	0,90	-0,13	0,82	-0,18	-0,13		
	Я в будущем (ЯБ)	1,00	0,02	0,80	-0,13	0,72	-0,17	0,61	0,25	0,54	
		0,81	0,02	0,89	-0,02	0,81	-0,28	0,74	0,87	-0,08	
	Образ из рекламы	0,67	-0,01	0,79	-0,05	0,67	-0,27	0,74	0,78	-0,13	0,87
Оценивание через цветовые ассоциации	Отец	0,43									
		0,43									
	Мать	0,81	-0,14								
		-0,07	0,64								
	Идеал мужчины (ИМ)	-0,36	-0,60	0,02							
		-0,26	0,00	0,21							
	Идеал женщины (ИЖ)	-0,36	-0,60	0,02	1,00						
		0,48	0,02	0,05	-0,21						
	Типичный соврем. мужчина (СМ)	-0,36	-0,02	-0,17	0,24	0,24					
		0,90	0,38	0,00	-0,14	0,60					
	Типичная соврем. женщина (СЖ)	-0,10	0,19	-0,19	-0,05	-0,05	0,21				
		-0,12	0,07	0,48	-0,50	0,43	0,07				
	Традиционная женщина (ТЖ)	-0,10	0,19	-0,19	-0,05	-0,05	0,21	1,00			
		0,10	0,43	0,50	-0,05	0,71	0,24	0,52			
	Традиционный мужчина (ТМ)	-0,36	-0,02	-0,17	0,24	0,24	1,00	0,21	0,21		
		-0,17	0,36	0,38	-0,24	-0,64	-0,26	0,19	-0,38		
	Я в будущем (ЯБ)	1,00	0,43	0,81	-0,36	-0,36	-0,36	-0,10	-0,10	-0,36	
		0,62	0,88	0,52	-0,31	0,43	0,60	0,33	0,62	0,17	
	Образ из рекламы	-0,38	-0,29	0,26	0,79	-0,31	-0,24	-0,19	-0,29	-0,05	-0,55

Таблица 6 - Показатели семантической близости образов в самосознании мальчиков, выбравших рекламный видеоролик «Сникерс», до (вверху) и после просмотра рекламы (внизу); обобщенные по группе значения

Образы		Я	Отец	Мать	ИМ	ИЖ	СМ	СЖ	ТЖ	ТМ	Я Б
Вербальное оценивание	Отец	0,83									
		0,69									
	Мать	0,14	0,08								
		-0,13	-0,16								
	Идеал мужчины (ИМ)	0,86	0,95	0,12							
		0,73	0,84	-0,10							
	Идеал женщины (ИЖ)	-0,14	-0,47	0,70	-0,36						
		-0,30	-0,37	0,53	-0,18						
	Типичный соврем. мужчина (СМ)	0,64	0,84	-0,14	0,80	-0,62					
		0,64	0,65	-0,08	0,74	-0,14					
	Типичная соврем. женщина (СЖ)	0,01	-0,15	0,66	-0,14	0,61	-0,19				
		-0,20	-0,23	0,38	-0,03	0,49	-0,21				
	Традиционная женщина (ТЖ)	-0,05	-0,32	0,75	-0,23	0,92	-0,47	0,64			
		-0,24	-0,37	0,32	-0,36	0,61	-0,46	0,52			
	Традиционный мужчина (ТМ)	0,84	0,96	0,02	0,93	-0,45	0,83	-0,14	-0,29		
		0,51	0,76	-0,39	0,70	-0,51	0,50	-0,36	-0,53		
Оценивание через цветовые ассоциации	Я в будущем (ЯБ)	0,89	0,94	0,21	0,92	-0,29	0,76	-0,05	-0,14	0,93	
		0,61	0,79	-0,13	0,78	-0,33	0,60	-0,18	-0,48	0,66	
	Образ из рекламы	0,39	0,70	-0,26	0,53	-0,38	0,59	-0,46	-0,39	0,72	0,60
	Отец	0,59									
		0,43									
	Мать	0,51	0,63								
		0,14	0,80								
	Идеал мужчины (ИМ)	0,61	0,79	0,17							
		0,54	0,56	0,78							
	Идеал женщины (ИЖ)	0,59	0,79	0,97	0,36						
		0,43	0,83	0,94	0,88						
	Типичный соврем. мужчина (СМ)	0,50	0,70	0,26	0,56	0,43					
		0,16	0,18	0,52	0,68	0,43					
	Типичная соврем. женщина (СЖ)	0,78	0,52	0,57	0,25	0,60	0,47				
		0,32	0,57	0,69	0,66	0,79	0,15				
	Традиционная женщина (ТЖ)	0,24	0,78	0,48	0,58	0,65	0,52	0,09			
		0,09	0,60	0,93	0,80	0,91	0,42	0,77			
	Традиционный мужчина (ТМ)	0,49	0,76	0,15	0,65	0,35	0,84	0,58	0,50		
		0,89	0,25	-0,18	0,23	0,08	0,04	-0,09	-0,29		
	Я в будущем (ЯБ)	0,89	0,71	0,66	0,55	0,76	0,47	0,75	0,50	0,55	
		0,54	0,91	0,78	0,61	0,83	0,24	0,58	0,63	0,28	
	Образ из рекламы	0,42	0,49	0,70	0,91	0,74	0,86	0,44	0,62	0,23	0,48

Таблица 7 - Показатели семантической близости образов в самосознании мальчика, выбравшего рекламный видеоролик «Альпен гольд - танго», до (вверху) и после просмотра рекламы (внизу)

Образы		Я	Отец	Мать	ИМ	ИЖ	СМ	СЖ	ТЖ	ТМ	Я Б
Вербальное оценивание	Отец	0,48									
		0,50									
	Мать	-0,14	0,01								
		0,20	0,12								
	Идеал мужчины (ИМ)	0,38	0,05	0,07							
		0,59	0,31	0,25							
	Идеал женщины (ИЖ)	-0,06	-0,11	0,50	0,47						
		0,22	0,20	0,41	0,34						
	Типичный соврем. мужчина (СМ)	-0,18	-0,46	0,40	0,37	0,48					
		0,51	0,59	0,16	0,23	0,24					
	Типичная соврем. женщина (СЖ)	-0,21	-0,48	0,47	0,28	0,45	0,95				
		0,41	0,59	0,43	0,27	0,62	0,65				
	Традиционная женщина (ТЖ)	-0,08	-0,41	0,32	0,38	0,48	0,82	0,81			
		0,36	0,17	0,62	0,48	0,38	-0,05	0,31			
	Традиционный мужчина (ТМ)	-0,10	-0,43	0,34	0,40	0,47	0,82	0,80	0,97		
		0,42	0,24	0,41	0,64	0,17	0,02	0,10	0,80		
	Я в будущем (ЯБ)	0,05	-0,27	0,29	0,73	0,39	0,60	0,59	0,54	0,55	
		0,62	0,52	0,27	0,58	0,29	0,54	0,62	0,24	0,33	
	Образ из рекламы	-0,24	-0,10	0,16	-0,08	-0,16	-0,01	0,02	0,26	0,19	-0,09
Оценивание через цветовые ассоциации	Отец	-0,55									
		0,67									
	Мать	0,48	-0,07								
		0,90	0,60								
	Идеал мужчины (ИМ)	-0,24	0,90	0,05							
		0,71	0,88	0,57							
	Идеал женщины (ИЖ)	0,00 7	0,62	0,33	0,79						
		0,74	0,55	0,90	0,48						
	Типичный соврем. мужчина (СМ)	-0,29	0,88	0,19	0,90	0,57					
		0,12	-0,17	-0,02	-0,33	-0,12					
	Типичная соврем. женщина (СЖ)	0,21	0,43	0,12	0,60	0,90	0,29				
		0,81	0,62	0,81	0,62	0,88	-0,02				
	Традиционная женщина (ТЖ)	-0,48	0,93	-0,33	0,90	0,57	0,81	0,48			
		0,67	0,93	0,52	0,86	0,40	0,05	0,48			
	Традиционный мужчина (ТМ)	-0,17	0,83	-0,05	0,93	0,62	0,90	0,48	0,90		
		0,93	0,60	0,76	0,69	0,55	0,05	0,74	0,55		
	Я в будущем (ЯБ)	-0,17	0,81	-0,02	0,95	0,74	0,83	0,60	0,88	0,95	
		0,88	0,76	0,88	0,69	0,74	-0,10	0,79	0,62	0,88	
	Образ из рекламы	0,55	0,26	0,67	0,33	0,71	0,17	0,60	0,36	0,26	0,31

Таблица 8 - Показатели семантической близости образов в самосознании мальчика, выбравшего рекламный видеоролик «Милка», до (вверху) и после просмотра рекламы (внизу)

Образы		Я	Отец	Мать	ИМ	ИЖ	СМ	СЖ	ТЖ	ТМ	Я Б
Вербальное оценивание	Отец	0,21									
		0,42									
	Мать	0,37	0,34								
		-0,18	-0,15								
	Идеал мужчины (ИМ)	0,21	0,70	0,25							
		0,68	0,76	-0,21							
	Идеал женщины (ИЖ)	0,60	0,10	0,36	0,04						
		-0,27	-0,20	0,80	-0,27						
	Типичный соврем. мужчина (СМ)	0,00	0,60	0,35	0,68	0,08					
		-0,07	-0,29	-0,16	-0,26	-0,10					
	Типичная соврем. женщина (СЖ)	0,32	-0,30	0,16	-0,03	0,49	0,04				
		-0,16	-0,15	0,00	0,05	-0,05	0,02				
	Традиционная женщина (ТЖ)	0,58	-0,04	0,10	-0,05	0,42	-0,11	0,65			
		-0,05	-0,12	0,08	-0,01	0,35	-0,12	-0,32			
	Традиционный мужчина (ТМ)	0,00	0,77	0,09	0,68	-0,07	0,68	-0,18	-0,12		
		0,22	0,05	-0,20	-0,11	-0,36	0,23	-0,06	-0,21		
	Я в будущем (ЯБ)	0,69	0,27	0,47	0,21	0,78	0,16	0,46	0,49	0,02	
		0,55	0,61	-0,17	0,80	-0,21	-0,15	-0,19	0,03	-0,02	
	Образ из рекламы	0,06	0,07	0,03	-0,02	0,15	-0,17	-0,39	0,28	0,21	0,13
Оценивание через цветовые ассоциации	Отец	0,38									
		-0,33									
	Мать	0,76	0,05								
		-0,21	-0,48								
	Идеал мужчины (ИМ)	0,17	-0,51	0,13							
		0,14	0,67	-0,07							
	Идеал женщины (ИЖ)	0,00	-0,40	0,07	0,88						
		-0,10	-0,50	0,02	-0,60						
	Типичный соврем. мужчина (СМ)	0,45	0,21	0,86	-0,17	-0,05					
		-0,38	-0,36	0,69	-0,31	0,43					
	Типичная соврем. женщина (СЖ)	-0,57	-0,33	-0,50	0,54	0,67	-0,40				
		0,24	0,55	-0,90	0,26	0,12	-0,52				
	Традиционная женщина (ТЖ)	0,05	0,14	0,29	0,01	0,00	0,45	0,17			
		0,24	-0,93	0,36	-0,74	0,43	0,24	-0,52			
	Традиционный мужчина (ТМ)	-0,43	-0,40	-0,74	0,38	0,19	-0,93	0,50	-0,19		
		0,33	-0,64	0,02	-0,69	0,33	0,05	-0,17	0,81		
	Я в будущем (ЯБ)	0,62	0,10	0,67	0,31	0,43	0,48	-0,02	0,10	-0,43	
		0,62	-0,09	0,03	0,57	-0,39	-0,44	-0,03	0,08	-0,07	
	Образ из рекламы	-0,43	-0,55	0,31	-0,88	0,52	0,38	-0,45	0,67	0,62	-0,59